

Элизабет Вон

Военный трофей

Могли ли бы вы пожертвовать собой ради блага своего народа? Именно перед таким выбором оказалась принцесса Ксилара, дочь рода Кси. После смерти её отца королевство разоряют таинственные иноземцы-завоеватели — люди Огненной земли. Ксилару не интересуют политика или интриги, и все своё время она посвятила врачебному ремеслу. Она не может отобрать трон у сводного брата или заключить мирный договор, но умеет исцелять раненых. Но на поле битвы умирают не только её соотечественники, но и враги. Совесть Ксилары не позволяет дать умереть чужеземным воинам, когда она может спасти их. Она учит их язык и обычаи, и пытается облегчить жизнь пленных. Но она никак не ожидала, что эти чужеземцы потребуют её в обмен на прекращение войны.

Элизабет Вон

Военный трофей

Дорогой читатель,

Мама привила мне любовь к чтению в раннем возрасте, но именно отец открыл мир фэнтези. Когда я читаю о какой-либо книге, помещаю меч в руку воина, намекаю на волшебство и эпическое приключение, то не могу дождаться заполучить эту историю.

Вот вы держите в руках эту книгу, читаете в этот момент данные строки, а я уже готова наложить магическое заклинание. Никаких отвратительных компонентов, лягушек, глаз тритона, тайных комнат в глубине темнице или высоко на шпигеле. Никаких сверкающих платьев, волшебных палочек и магических зеркал. Нет, единственный источник моей силы — страницы, которые вы держите в руках, и слова, написанные вслед за этим. Пока вы читаете их, я надеюсь, волшебство моих слов и вашего воображения начинает работать. Если я соткала заклинание с толикой искусства и умения, то вы потеряетесь в королевстве Кси, придёте в восторг от выбора Ксилары и последующих событий.

Ещё больше рассказов будет рассказано, ещё больше заклинаний сплетено, а приключений пережито. Но все истории должны «начинаться с начала», и эта не исключение.

Поэтому, прошу, позвольте поведать вам одну историю...

Элизабет

Моим родителям, Паку и Патриции Вон

Выражение признательности

Я должна поблагодарить очень многих — тех, кто делился своей дружбой, любовью и поддерживал меня во время создания данной книги. Из всех даров творчества, ваше присутствие в моей жизни — самый большой подарок из всех.

Спенсеру Ластеру, который сказал мне «выкладывай или молчи». Моей писательской команде, в которую входит Спенсер, Хелен Курс, Роберт Вэнцлафф, Марк Тессин и Кит Флик. Кэтлин Кроу, не позволившей моей мечте умереть. Кэндис Клумпер, за тихие слова поддержки и хорошую встряску при необходимости. Лайзе Блэк, которая всегда хотела большего. Патриции Меррит, партнёру по несчастью. Джо-Анн Томпсон, которая верит в меня, даже когда я теряю в себя веру. Мэри Фрай, Роберту Ледесму и Дэвиду Бродеру, которые охотно читали и комментировали мои ранние проекты. Филу Фрайю, Кэти Хансен и Дебу Спыхальскому, за то, что терпели меня в течение последних двух лет. Джейн Лэки, за долгие страдания и усидчивость. Линде Бейкер, Дону Бинглу и Джанет Дивер Пэк за то, что показали мне, что это возможно. Аннетт Легетт, «пробегающей по лесу с острыми предметами». Главе писательской организации «Долина Моми», встретившей меня с распростёртыми объятьями. Тому Реддингу, отбывшему каторжные работы. Меррили Хейфец, Анне Геноезе и Фиорелле Делиме, благодаря их упорному труду и вкладу в эту книгу я выгляжу чертовски хорошим писателем.

Но больше всего я должна поблагодарить Джин Рэйб, столкнувшую меня в омут, и Мэй Дэвис, нашедшую меня там.

Как только я вытащила осколок из раны, кровь забила струёй.

— Богиня, нет!

Выронив нож, я прижала руки к животу пациента, из которого хлестала кровь, и всем весом надавила на рану. Прикусив губу, я надавила ещё сильнее, отчаянно пытаюсь остановить кровотечение.

— Парни, держите его!

Бледные и с широкими от испуга глазами, ученики сгрудились вокруг стола и крепко схватили раненого за руки и за ноги, пытаясь не дать двинуться. Деревянный стол, на котором лежал мой уже немолодой пациент, жалобно заскрипел под лишним весом. По комнате разнеслось эхо шаркающей обуви и безумной одышки моего пациента.

Окинув взглядом огромную кухню, я поняла, что поблизости нет ни одного целителя. Все они были в главном зале: ухаживали за другими больными. Здесь же находились одни ученики. Между моими пальцами пузырилась тёплая густая кровь. Во рту чувствовался сильный металлический привкус. С этим привкусом было что-то не так, но я слишком занята, чтобы думать об этом. Один из парней яростно замахал свежими бинтами перед моими глазами. Схватив их, я перетянула рану и яростно надавила. Я должна остановить кровотечение. На моих глазах бинты окрасились в алое.

Мужчина под моими руками стонал и метался, пытаясь убежать от боли. Одного из учеников, самого маленького, отбросило в сторону. Освобождённая рука резко рванула вверх и ударила меня по щеке. Голову тут же откинуло назад, и на драгоценную секунду перед моими глазами всё поплыло. На лицо упали волосы; один длинный каштановый локон попал прямо в кровь, окружавшую мои руки. Подрубленный мальчик поднялся на ноги и бросился в битву, схватив молотящую руку и потянув её вниз.

— Прости, Лара, — сказал ученик.

— Держи его! — рявкнула я. Я была слишком резка с парнями, хотя они старались изо всех сил. В их лицах не было и кровинки. Я услышала, как стоящий рядом со мной паренёк судорожно проглотил ком в горле.

Богиня, молю, пусть его не вырвет на рану.

Я напрягла плечи, пытаюсь увеличить давление, чтобы остановить красный поток.

— Мне нужна помощь! — завопила я во всё горло, пытаюсь докричаться до главного зала, в котором находились раненые и остальные целители.

— Лара? Что случилось? — прозвучал тихий и спокойный голос за моей спиной.

Слава Богине, это Эльн.

Воин вновь начал неистово метаться, и стол жалобно заскрипел. Мы стояли рядом с пациентом, пытались удержать его, старались давить на рану. Внезапно мужчина закричал и, лишившись сил, осел назад. Я сделала быстрый вздох и ответила:

— Осколок вышел чисто, но он истекает кровью.

Без всякого предупреждения рядом с моей головой появилась ещё одна: с грацией серого озёрного журавля Эльн вытянул худую шею, чтобы всё разглядеть. Наставник издал нечленораздельный звук и втянул воздух через нос. Я сжала зубы. Уже долгие годы он был моим учителем, и иногда он считает, что мне нужно преподать урок прямо во время спасения жизни, даже притом, что я поддерживаю своё мастерство долгие годы. Голова

Эльна исчезла, но я чувствовала, что он стоит за моей спиной.

— Не мой пациент, не мне советовать, — тихо произнёс Эльн, но его голос был слышен сквозь стоны воина. — Однако что произойдёт после того, как ты остановишь кровотечение?

Я резко хлопнула ресницами. Мой пациент вновь задёргался, и мы машинально двинулись с ним.

— Упрямое дитя... — прошептал Эльн, но я услышала его. — Ты, может, и стала мастером, но научилась ли чему-нибудь?

Я не хотела признавать мудрость этих слов, не хотела смотреть в лицо тому факту, что в крови воина ощущался запах выделений — запах, который до этой самой секунды я не смогла распознать. Но опыт — суровый учитель, более безжалостный, чем Эльн. Я кивнула (из горла вырвался странный всхлип) и перестала давить на рану. Ученики замерли, не понимая, что происходит.

— Ну, мальчики, — спокойно произнёс Эльн. — Пойдёмте со мной.

Я отвернулась, пока они выходили один за другим. Один из мальчиков остановился и посмотрел на меня.

— Почему вы остановились?

Став на колени, чтобы вымыть руки в стоящем на полу ведре, я подняла голову и заглянула в большие юные глаза паренька.

— Эльн объяснит тебе, дитя. А теперь ступай.

Эльн не упустит шанса преподать урок, шанса неторопливо рассказать о мучительной смерти от раны в животе, вонявшей смертью. Рассказать, что хороший целитель знает, когда надо позволить пациенту уйти, что смерть не всегда враг целителя. Рассказать, что хороший врач не может упрямо отказываться признавать предел своих возможностей. Я желала, чтобы им лучше удалось это осознать, поскольку этот урок я никогда не выучу. Трусиха.

Целую минуту я смывала с туники и штанов самые яркие пятна крови. Когда я вернусь во дворец, это может спасти меня от ругани Анны. Она утверждала, что у меня не осталось и клочка одежды, на которую никогда не попадала кровь.

Прохладная влажная ткань облепила мою горячую вспотевшую кожу. Я взяла ещё одну лохань воды и обмыла одеяние и лицо мужчины. Кровь теперь текла очень медленно. Осталось недолго. Мужчина вздохнул и успокоился. Его мышцы расслабились от моего прикосновения.

Да, Эльн предложил бы урок, но я предложила бы умирающему успокоение.

Казалось, вода облегчила его муки, и на секунду я опустила ткань, чтобы перевести дух. Я заставила себя снова ополоснуть руки, ногтями соскребая кровь с ладоней. Ещё минуту я отмывала выбившийся локон и убрала его назад. Мои волосы представляли собой постоянный источник раздражения: локоны никогда не хотели аккуратно лежать на макушке.

Кухня вновь сияла чистотой. В старых казармах не нашлось лучшей комнаты для тяжелобольных. Просторные столы служили хорошую службу, а все стойки и шкаф были заполнены флягами и мисками с мазями и лекарствами. Я посмотрела на их яркие цвета и ложное обещание вылечить все болезни. Там нет ничего, что могло бы спасти этого мужчину.

Звук снизу привлёк моё внимание. Пациент открыл глаза. Я ещё раз взяла воду и ткань. Пока я работала, его взгляд сфокусировался на мне. В глазах воина читался немой вопрос. Я улыбнулась.

— Вы в доме целителей, воин. Вы ранены. Теперь отдыхайте.

Он облизал губы и сощурил глаза.

— Копьё... наконечник сломался... живот.

Я кивнула. Нет нужды говорить. Он знал.

Воин закрыл глаза, затем снова открыл их и впервые, казалось, действительно посмотрел на меня.

— Я сражался вместе с вашим отцом, леди.

Он с трудом дышал. Усилие говорить стоило ему всех сил. Его голос звучал нежно и одновременно мужественно.

Я остановилась. Немного осталось тех, кто мог утверждать, что знал моего отца.

— Я, простите... я вас не знаю.

Казалось, воин не услышал меня. Уголок его рта изогнулся вверх.

— У тебя его глаза, дитя. Такие же необычно синие и мудрые.

Он с трудом приподнял дрожащую ладонь. Я схватила её и сжала. В его глазах сиял странный свет. Возможно, это был отблеск прожитых лет.

— Каким королём был ваш отец! Каким воином!

Он смотрел через моё плечо, вглядываясь в туманы памяти.

— Я скучаю по нему, — спокойно произнесла я.

Судорога боли перекосила лицо умирающего.

— Да, леди, — прозвучал почти беззвучный ответ. — Как и все мы.

Каким-то необычайным образом он собрал весь остаток сил, сжал мою руку и сделал небольшой рывок. Я поднесла ладонь к его губам.

— Ладонь в ладонь. Благословляю тебя, Ксилара, дочь дома Кси, дочь Ксирона, короля воинов, — с резким вдохом произнёс воин и прижал пересохшие губы к моей ладони.

Последний раз я слышала эти слова очень давно. Я поцеловала его в лоб.

— Ладонь в ладонь. И я благословляю тебя, воин дома Кси.

Он улыбнулся, и его рука выпала из моей ладони.

— Ты проявляешь слишком много заботы.

Это снова был Эльн.

Его голос отразился эхом от каменных ванночек, установленных для чистки инструментов. Я проигнорировала слова Эльна и сконцентрировалась на мытье инструментов, готовясь к следующей волне раненых. Опыт научил меня, что затишье в сражении нужно использовать, а не тратить впустую.

— Хороший целитель беспристрастен, непредвзят.

Тело воина унесли для похорон. Он был последним из тяжелораненых.

Маленькая группа несчастных учеников отправились на улицу кипятить бинты и ткань. Не самая приятная работа, но жизненно необходимая.

Эльн поставил варить на огонь ещё больше корней орхидеи. Их сладкий аромат успокаивал нервы. Остальные целители ушли следить за большими котлами с лекарствами от лихорадки. Все, несмотря на скопившуюся усталость, работали и ждали — звуков разгорающегося сражения, ещё больше раненых. Я закрыла глаза, поддаваясь изнеможению, и помолилась об окончании войны, которая велась за пределами городских стен. Помолилась, чтобы воины Огненной земли прекратили использовать свои копья. Помолилась, чтобы мне хватило опыта, и большая часть моих пациентов выжила.

Эльн громыхал флягами и бутылками и, открыв глаза, я начала наблюдать за ним. Мой

пожилой учитель! Его длинные руки вытянулись вперёд, пытаясь придать рядам склянок некое подобие порядка. Медленно и непреклонно он аккуратно передвигался на длинных ногах, вымеряя каждый шаг. Прямые седые волосы текли вниз по спине. Всё это лишь усиливало сходство с серым озёрным журавлём. Учитель бросил на меня косой взгляд и покачал головой.

— Как может быть такая хрупкая девушка настолько упрямой?

— Эльн, как долго я была твоей ученицей?

Он многозначительно посмотрел на мою ушибленную щёку.

— Достаточно долго, чтобы всему научиться.

Учитель окинул меня долгим и серьёзным взглядом.

— А как долго я была мастером?

Я промыла ещё несколько инструментов и оставила их сохнуть на ткани.

Он скривил губы и сделал вид, что изучает одну из фляг.

— Достаточно долго, чтобы научиться дерзить.

Я фыркнула.

— Сколько раз ты говорил мне об этом?

— Больше чем могу сосчитать, но это не превращает мои слова в ложь.

Он начал собирать вещи: мы должны проверить раненых и присмотреть за ними.

— Если ты настолько мудра, Лара, тогда почему я вижу вину в твоих глазах?

Я выглянула в кухонное окно. Полуденные тени стали длиннее.

— Я не должна была пытаться достать осколок. Надо было оставить его в покое. Если бы у меня...

— Если бы... — Эльн подошёл ко мне. — Если бы ты оставила осколок внутри, то избавила ли война от смерти? Ты попробовала. Это все, что ты могла сделать. Все, что мог сделать любой из нас, когда нас переполняют эмоции.

Я вытерла руки и сморгнула слезы, для которых у меня не осталось времени.

— Лучше идём работать.

В переполненном зале, на соломенных тюфяках и койках дремали больные. Мы двигались быстро и уверенно — проверяли повязки, раздавали лекарства и порошки. Ученики носились взад и вперёд, разнося воду и ткань, припасы и инструменты. Как всегда наши лекарства принимали, жалуясь на вкус. Мы игнорировали эти жалобы и шли дальше, осматривая каждого пациента. На втором этаже их лежало ещё больше.

Метательные копья, используемые врагом, очень сильно затрудняли нашу работу. Четыре фута ^Шдлиной, покрытые острыми металлическими зубцами, они с лёгкостью застревали в ране. Брошенное со спины лошади, копьё рвало плоть и мышцы, без труда калеча человека и затрудняя лечение. Наши воины никогда прежде не сталкивались ни с чем подобным. При этом они никогда не имели дело с армией, которая сражалась только верхом. За умение пускать стрелу за стрелой на скаку со смертельной точностью этих мужчин и женщин прозвали наездниками дьявола. До нас доходили слухи, что воины Огненной земли едят своих мертвецов и вырывают сердца своим жертвам. А также то, что они чёрных, жёлтых и синих окрасов, а глаза у них пылают безумием.

Я пропустила эту болтовню мимо ушей и сконцентрировалась на своей работе. Раненые были благодарны за заботу, а мне же разрывало сердце, как всего лишь доброе слово и прохладная ткань поднимает их дух. Некоторые звали меня Дочерью Крови, но чаще всего меня приветствовали как целителя, кем я и являлась. Кроме всего. В последнее время я не

особенно горжусь своим королевским наследием.

Мы шли вдоль больных, моя и проверяя раны. Завтра утром придёт небольшая группа помощников (добровольцы из жителей города, да несколько дворцовых слуг) и совершит общее омовение, поменяет постельные принадлежности и горшки с нечистотами. Даже такая помощь нам сильно нужна. Целители и ученики не успевают со всем уследить.

К тому времени, как я опустила на колени у последнего пациента, на улице уже стемнело.

— Всё в порядке? — проскрежетал мужчина, всматриваясь в глубокую рану на голени, пока я меняла повязку.

— В полном.

— Выглядит не очень хорошо.

Он вытянул палец и коснулся раны. Я схватила его за руку, и он остановился точно испуганный ребёнок.

— Она и не будет выглядеть хорошо, если вы продолжите тыкать в неё пальцем.

Я бросила на пациента сердитый взгляд и перевязала рану.

— Не трогайте.

— Да, леди.

Он смущённо кивнул мне и улыбнулся беззубой улыбкой.

Я встала с пола, и мышцы спины сразу же заныли от боли. Мои двадцать пять лет всей своей тяжестью давили на плечи. Собрав вещи, я спустилась по лестнице, стараясь держать спину как можно ровнее. Эльн был на кухне, мыл руки. Он скривил лицо, когда я взяла немного мыла и ткани.

— Закончила?

Я кивнула.

— Мне некого дать тебе в сопровождение.

Я пожала плечами.

— Не в первый раз я возвращаюсь в замок одна.

— Так не пойдёт.

Секундное молчание.

— Как я понимаю, теперь ты отправишься в те палатки? — покорно произнёс он.

Избегая ответа, я погрузила руки в одно из вёдер. Знакомые ароматы трав и смесей действовали успокаивающе, и я вдохнула их полной грудью. С улицы пахло горькими лекарствами от лихорадки.

— Лара, король приказал тебе не ходить туда. Я думал, что возможно...

Его голос стал тише, в глазах читалось сомнение.

— Король? Король — моя забота, Эльн.

Я собрала волосы и попыталась заплести их в косу.

— От ран умирают не только ксиане. Я не могу остановить войну, провозгласить мир, но я не пройду мимо раненого. Мы же поклялись. Забыл?

Эльн вздохнул и протянул мне флягу.

— Вот ещё лекарство от лихорадки. Возьми, а то испортится.

Лекарство от лихорадки испортится лишь через несколько месяцев. Это же фляга из партии с прошлой недели. Скрыв улыбку, я подошла к корзине, стоящей в углу, и осторожно поставила лекарство к другим флягам.

— Благодарю.

— Мне жаль, но я не могу сделать большего.

Эльн тоже начал собираться

Я подняла корзину и, прежде чем раствориться в ночи,хватила кувшин с мазью.

— Эльн, я и не думала, что ты пойдёшь со мной.

— Я дал те же клятвы. — Он склонил голову. — Ксилара...

— Тебе не сойдёт с рук неповиновение королю. — Я одарила его улыбкой. — Он не твой единокровный брат.

Учитель рассмеялся от сожаления.

— С этим не поспоришь.

Я улыбнулась и прежде чем выйти на улицу, остановилась в дверях, чтобы дать глазам привыкнуть к тусклому свету сумерек. На дворе всё ещё стояло лето, но уже не такое тёплое. По вечерам ощущался лёгкий холодок — первый признак приближающихся снегопадов. Поправив корзину на руке и удобнее обхватив кувшин, я пожалела, что не подумала захватить плащ. Ведь когда я закончу работать в палатках, станет совсем темно.

Палатки пленных находились в глубине дворцового сада, а казармы растянулись вдоль южной стены города. Путь предстоит неблизкий.

Я вышла на улицу и сразу же посмотрела наверх.

Я любовалась этим зрелищем почти каждый день, с самого детства, но Замок Водопадов — огромная башня, построенная древними мастерами прямо в склоне горы — всегда поражал моё воображение. Даже в свете звёзд серый гранит стен контрастировал с окружающей зеленью. Множество водопадов, давших название городу и дворцу, с рёвом неслись вниз по утёсам, создавая поразительную по красоте картину. Десять поколений дома Кси трудились над строительством, расширением и декорированием этого дворца, превратив его в сердце всей долины и города. Я прикусила губу, пытаясь вспомнить, какой предок дал имя этому месту. Ксизон? Или всё-таки Ксиред?

Я пересекла внутренний двор и, пройдя через маленькие ворота, очутилась на главной улице. На посту всё ещё стояла прежняя стража, и когда я прошла мимо них, мужчины подняли руки в знак приветствия. Я кивнула им в ответ и растворилась в давке и суматохе улицы. Стоял поздний час — все возвращались домой. Вместо того чтобы повернуть на север к основной дороге, я пошла на юг. Этот путь короче, хоть мне и придётся пройти мимо крестьянского рынка. Надеюсь, все совершили покупки днём, и толпа уже рассосалась. Я шагала так быстро, как только могла, внимательно смотря под ноги. Несмотря на указы о запрете сорить, никогда нельзя быть уверенным, что в любой момент мусор не полетит тебе на голову. Конечно, за это штрафовали, но у охраны слишком мало времени, чтобы разбираться с данной проблемой. У них и так более чем достаточно других неотложных дел.

Лето выдалось на редкость неудачным. Весна принесла, как мы поначалу думали, обычные пограничные набеги тех, кого мы прозвали людьми Огненной земли. Но на этот раз воинов возглавлял военачальник по прозвищу Кошка. Его армия пересекла южные границы и опустошила близлежащие города и селения. Обычно Огненные мародёрствовали лишь на границе, чтобы успеть исчезнуть в раздольных полях без следа. Однако у этого военачальника были другие планы. Он захватывал города и удерживал их, вынуждая жителей клясться ему в верности. Если же против него посмеют восстать, то он убьёт всех мужчин, замучает женщин и детей, и сожжёт город дотла. Всё лето он прокладывал себе путь через долину, оставляя за спиной захваченные земли.

Город Водопадов переполнили беженцы. Король Ксиманд уверил совет и лордов, что

этот выскочка будет сокрушён мощью армии Кси. Но за прошедшие месяцы наша армия была оттиснута громоподобными лошадьми военачальника и летящими стрелами неприятеля. В храм целителей стекались раненые и обездоленные. Жители открыли двери своих домов для пострадавших. Город превратился в перенаселённое несчастливое место. Эльн говорил, что приток людей принесёт больше болезней, и я боялась, что он окажется прав.

На сельском рынке не было слышно привычного гула и криков продавцов, расхваливающих свой товар. Покупатели просто не пришли — повсюду витал страх. Тем не менее, у лавки торговца живностью как всегда было шумно. Привязанные к прилавку всеми возможными способами гуси кричали, гагатали и били крыльями. Цыплята и утки, едва переставляя связанные лапки, гуляли вокруг, создавая какофонию своим квохтаньем. Всюду валялись перья, а в воздухе ощущался запах высохшей крови.

Даже, несмотря на то, что армия неприятеля почти стоит у стен города, верховный правитель Ксиманд проявил ещё больше милосердия к своим противникам. От имени своего народа он издал указ, согласно которому раненых пленных отводили в специально отгороженное место и заботились о них как о собственных людях. Но лицемерие моего брата проявилось в том, что тех немногих схваченных пленных изолировали в самой дальней части садов, за дворцовыми стенами. Их постоянно охраняли и не давали даже самого необходимого. Прошло уже немало дней и стало ясно, что Ксиманд сожалеет о своей общественной позиции. Эти мужчины всё ещё живы лишь потому, что Ксиманду нужно поддерживать образ благородного монарха.

Конечно, никакой другой целитель не осмелился пойти к той палатке. Казалось, король считал, что забота об этих мужчинах — измена высшего порядка. Я упорно боролась за то, чтобы стать ученицей Эльна, и ещё больше старалась получить статус подмастерья, а затем бросила вызов своему отцу, потребовав признать меня мастером. Ксиманд мог запугивать всю гильдию, но я дала клятвы не отказывать нуждающемуся в своих услугах, хотя выбираться к палатке приходилось без всякой поддержки и при большом сопротивлении. Я игнорировала каждого, не позволяя никому сказать мне «нет», но в глубине души я не знала, забочусь ли я о ранах из высоких побуждений или просто, чтобы позлить старшего единокровного брата.

В свою очередь мой брат намекал, просил, требовал, приказывал и запрещал мне эти визиты. Я игнорировала его. Он ругался, разорялся по этому поводу и кричал, но всё попусту. Он продолжал давить каждый день, ссорясь из-за того, что я оказываю помощь этим людям. Давление становилось всё сильнее, и я уже подошла к тому пределу, когда не раз и не два колебалась в правильности своего поступка. Но каждый раз как раненого приносили в палатки и кидали на пол, я снова бросала брату вызов. Я не могла отвернуться, ведь в моей власти лечить и снимать боль.

Однако Ксиманд дал мне ясно понять одну вещь — ни один из заключённых не должен узнать, что я дочь крови. Если кто-нибудь об этом прознает, то, по его словам, он посадит меня на цепь до окончания войны.

Даже я видела смысл в его словах.

Я шла через город, уворачиваясь от животных и людей, телег и фургонов. Их на улице было немало. Люди всех видов и цветов спешили по своим делам прежде, чем рынки закроются, и на улицы выйдет ночная стража. На одном из перекрёстков телега потеряла колесо, и весь её груз вывалился на землю. Повозчики кричали друг на друга, стараясь

расчистить дорогу. Я свернула в переулок, стараясь избежать давки. На этих улочках здания строились впритык друг к другу и устремлялись ввысь, блокируя свет. Я с радостью вернулась на одну из главных широких улиц и пошла привычной дорогой.

Сделав несколько шагов, я почувствовала непривычную атмосферу. Казалось, страх сгустился в воздухе. Люди сбились в углах в небольшие группки и что-то обсуждали вполголоса. Торговля располагала к беседе. Интересно, есть ли хоть какие-нибудь вести о Кошке. Я сделала ещё один своего рода обход: прошла через узкую улочку, вышла на рынок специй... и остановилась прежде, чем попала в людской поток. Всмотревшись в красочные флаги на шестах, я нашла телегу Калисы, занимающую место у входа в другой переулок.

Наполовину клонясь к земле от старости, со сгорбленной спиной и скрюченными, раздутыми пальцами, Калиса — одна из тех немногих, кто ниже меня ростом. А ещё у неё самая яркая улыбка и лучший сыр в городе. Но сегодня она мне не улыбнулась.

— Лара. — Как бы то ни было, глаза и ум у неё всё ещё остры. — Ты одна? Это опасно, дитя.

Она слегка наклонила голову и посмотрела на меня.

— Калиса, у меня никогда не возникало проблем...

— Да, были такие времена, соглашусь. Но не сейчас.

Она бросила на меня сердитый взгляд, хотя уже вытаскивала маленький кружок твёрдого сыра.

— Прошёл слух, что наш король нанял наёмников для охраны своей туши. Эти чужеземные вавары ходят по улицам и пристают к женщинам.

Я поставила кувшин и корзину между ног.

— Ещё один слух как тот, что люди Огненной земли имеют синюю, красную и чёрную расцветки и изрыгают огонь изо рта?

Калиса вручила мне кусочек своего самого острого сыра и тонкое печенье, которое я взяла с большим нетерпением. Во рту потекли слюнки, и я поняла, как сильно проголодалась. Завтракала я очень давно, а вкус сыра был просто восхитителен. Калиса наклонила голову, чтобы заглянуть в мои глаза.

— Ты не слышала?

Я никогда до этого не видела такого серьёзного выражения на её лице.

— Что именно?

— Армия отступила к городским стенам. Приказ короля. Разве ты не слышала горны?

Она отрезала ещё кусочек сыра.

— Говорят, у лорда-маршала были судороги.

Печенье и сыр внезапно потеряли вкус.

— Отступили? Но...

Её белая голова тряслась, когда она вручила мне ещё кусочек сыра.

— Дитя, время от времени нужно отдыхать от работы.

— В последний раз я слышала, что всё в порядке. — Я проглотила ком в горле. — К самым воротам?

— Все с ума сходят. Видишь, моя телега почти пуста — их работа. И сегодня ночью стража удвоена. Тебе лучше вернуться домой. — Калиса толкнула меня уйти. — Да и взгляни туда.

Я посмотрела по направлению её скрюченного пальца, за телеги, в самую гущу толпы, и увидела лорда Дерста на коне в сопровождении сына и наследника Дегнана. На их лицах

было написана привычная заносчивая угрюмость. Нет нужды опасаться, что они узнают меня в толчее, и мои странные маршруты станут «секретом, известным всем». Обычно знать являлась во дворец лишь по распоряжению Ксиманда. Что они здесь делали?

У Калисы не осталось сомнений по этому поводу.

— Трусы бежали со своих земель. Я слышала, что они всех бросили.

Я сердито посмотрела на неё.

— За такие слова тебя могут и избить, бабушка.

Она фыркнула.

— Все говорят, что Ксиманд не такой воин как ваш отец, и это правда. А если верен слух, что он баста...

Я сердито посмотрела на неё, и она замолкла на полуслове.

— Не важно. У меня достаточно сыра, чтобы наполнить телегу на завтра, но дальше мне торговать нечем.

Она покачала головой, увидев вопрос в моих глазах.

— Ансер и Майя бежали со стадами, и у меня не осталось молока для работы. Урожай будет плохим, и еды на всех не хватит. Говорят, что некоторые торговцы уже поднимают цены.

Я сунула остаток сыра в рот и потянулась за мешочком.

Калиса остановила меня жестом.

— И не думай, дитя. Это моя благодарность за ту мазь для суставов. Действует превосходно.

Она подняла и согнула руки.

Я улыбнулась, радуясь тому, что её пальцам вернулась гибкость.

— Я принесу ещё одну баночку, Калиса. Обещаю.

— Лучше не выходи из замка, не подвергай себя лишнему риску. А теперь ступай. Скоро придёт мой внук и отвезёт меня домой.

Она начала собирать вещи, а я продолжила путь, полностью погрузившись в раздумья.

Лорд-маршал Уоррен казался очень самоуверенным в своей способности загнать в угол армию военачальника. Я совершенно не разбиралась в тактике и передвижении войск, но отец считал Уоррена превосходным генералом и верил в него. Что-то, должно быть, пошло не так как надо. Это объяснило настроение города, ведь враг стоит у самых ворот. Я ускорила темп.

Оглянуться я не успела, как оказалась перед стенами дворца — утешительными символами силы. Охранники у ворот поприветствовали меня, привыкнув к моему распорядку дня. Пройдя через ворота, я свернула на дорожку, ведущую в заросли.

Мать Ксиманда очень любила цветы и растения. Ни один час она провела, отдавая садовникам распоряжения с целью создать тщательно продуманные сады удовольствия. Наверное, отсюда и пошли слухи, что Ксиманд бастард, плод любовной интрижки его матери. К тому же, она приехала из отдалённого королевства, чтобы выйти замуж за нашего отца, а мои люди питают глубокую неприязнь ко всему иностранному. Отец думал, что потенциальный союз стоит столкновения с нетерпимостью народа, но я не раз слышала, что ему и королеве пришлось нелегко.

Конечно, мой отец отрицал все слухи, признал Ксиманда как собственного сына и наследника и поклялся, что он точная копия своего дедушки, но слухи так и не умерли. Старики-ксианцы не помедлили указать, что Ксиманд совершенно не похож на отца. Этот

факт ранил брата точно нож. Даже после того как его признали наследником, даже после восхождения на престол, это пятно, казалось, ему будет никогда не смыть.

Мать Ксиманда умерла, а у моей матери, младшей дочери лорда ксиан, не было ни малейшего интереса к работе, необходимой для сохранения садов удовольствия. Огороды поддерживали в должном порядке — это разумно, ведь они имеют практическую ценность. Однако мама не видела никакого смысла в пустом времяпрепровождении. Это то немногое, что я знаю о своей матери, поскольку она умерла, рожая меня.

Дорожка вела через деревья, кустарники и бесконтрольно разросшиеся тернии. Часть шиповника уже давно пора срезать. Сегодня заросли меня не остановили, хотя я взяла на заметку, что позднее нужно обязательно разобраться с этой проблемой.

Из-за гущи растений дорожка стала тёмной и узкой. В конце концов, я выбралась на расчищенный участок, на котором стояла большая парусиновая палатка. Именно здесь держали раненых врагов.

Первый часовой даже не окликнул меня, просто махнул рукой — «мол, проходи». Он облокотился на своё копьё, словно стараясь хоть немного поспать. Немного пыхтя, я пошла вперёд. Я устала. Кажется, мои визиты всегда занимали больше времени, чем я планировала. Сегодня вечером во дворце собрался высший двор, но моё отсутствие не будет замечено. Или отмечено. Я редко его посещала.

Второй часовой стоял прямо у входа в палатки. Обрадовавшись, что сегодня дежурит Хит, я ускорила шаг.

Он не был рад меня видеть. Одна его рука сжимала копьё, другая решительно лежала на бедре. Круглое лицо, обрамлённое локонами того же цвета, что и мои, стало мрачнее тучи.

— Лара, — поморщился он. — Тебя здесь быть не должно.

Он дёрнул голову в направлении палатки.

— Не думаю, что они ценят твою помощь.

Не отпуская своей ноши, я остановилась рядом с Хитом и посмотрела прямо ему в глаза. Сначала я бросила на него грозный взгляд, а затем улыбка медленно расползлась на моём лице. Я стояла перед своим другом детства, все тучи сбежали с его лица, и он улыбнулся мне в ответ. Я опустила глаза и попыталась не рассмеяться, подошла к нему, и он положил ладонь на мой загривок и потянул к себе, пока наши лбы не соприкоснулись. Мы делали так с самого детства — это стало нашим особым приветствием. Конечно, теперь Хит намного выше меня, и ему приходится опускать голову и наклоняться, чтобы достать до моего лба.

Анна говорила, что я то, что надо — не слишком высокая, но и не слишком низенькая. Но иногда мне хотелось вырасти ещё на один дюйм или два.

Я отстранилась от Хита и улыбнулась.

Хит внимательно посмотрел на небо, словно ища знака, а затем обратил своё внимание на меня.

— Если кто-либо спросит, ты приказала, чтобы я отошёл в сторону.

Я улыбнулась ещё шире.

— Большое спасибо, Хит.

— Я никогда не мог тебе отказать, пташка. — Хит со вздохом откинул край палатки. — Я уже приказал нагреть чайники. — Взгляд стал серьёзным. — Моя смена заканчивается через три часа. Следующим дежурит Арнит, так что к тому моменту тебя здесь быть не должно.

Я сморщила нос, и Хит скорчил рожицу мне в ответ. В Арните есть что-то такое, отчего

кожа начинает чесаться. Совсем недавно Ксиманд назначил его главой дворцовой стражи, несмотря на наличие более подходящих кандидатур. Я избегала этого человека, как только могла.

— Я успею.

Хит закатил глаза.

— Ты не первый раз мне это говоришь. Будь осторожнее, пташка.

Он пропустил меня внутрь.

Я вошла в палатку.

Первым в нос ударил запах. Запах травы, крови и смерти. Мужчины лежали вплотную друг к другу, большинство на тюфяках, а не койках. Здесь не было учеников или помощников, которые могли бы расчистить место, помыть бельё или обмыть раненых. Мне приходилось обходиться тем, что есть, хотя этого явно не хватало.

Когда я впервые пришла к ним, никто не разрешал мне к себе прикасаться и не желал со мной разговаривать. У этих людей плавная быстрая речь, и я с трудом понимала, о чём они говорят. Я проявила настойчивость и ослиное упрямство, и, в конце концов, некоторые разрешили о себе позаботиться. Все мужчины очень сильно отличались внешне: от светлой кожи до сильного загара, почти к жёлтому — но одно у них было общее. Все истекали красной кровью и жаловались на мои лекарства. Слава Богине, некоторые весьма сносно говорили на торговом языке и стали мне переводить.

Я подождала, пока глаза привыкнут к полумраку, поприветствовала двух охранников, стоящих внутри, и прошла вглубь палатки. Как только я вошла, наступила полная тишина. В воздухе чувствовалось напряжение. Как только мужчины увидели, что это я, они расслабились — почти незаметно, но только почти. Моё появление — это сигнал, что им разрешат искупаться, постирать одежду и сменить постельные принадлежности, насколько возможно. В отличие от моих пациентов ксиан, эти мужчины предпочитали быть чистыми. Они даже бормотали своего рода молитву, когда проливали воду.

— Лара.

Я повернулась и увидела, что ко мне подошёл Рэйф, невысокий худой мужчина со светлой кожей, глубокими тёмными волосами и карими глазами. Его лицо всегда освещала улыбка. Один из самых молодых, он первым позволил мне осмотреть себя и помог выучить язык. И хотя в моих знаниях всё ещё оставались пробелы, я часто пропускала слова или использовала их неправильно, большую часть времени я понимала о чём мне говорят. Казалось, эти мужчины не верят, что я смогу позаботиться о них. Конечно, я не могу помочь им со странными головными болями, от которых они страдают, но могу исправить иной вред.

— Рэйф, надеюсь, тебе лучше, — медленно проговорила я, пытаюсь вырвать правильные звуки из своего горла. Я внимательно осмотрела рану, красовавшуюся на лице воина. Вроде бы хорошо заживает.

Рэйф скривил рот.

— Ты всё ещё говоришь как дети на уроках.

Мы вместе прошли к столу, стоящему в центре палатки. Я разложила свои припасы, порылась в корзине и, достав флягу, протянула её Рэйфу.

— Намажь этим рану, Рэйф. Шрам будет меньше.

Он взял флягу, но нахмурился.

— Зачем? Это шрам чести.

— Плоским и жёстким он шрамом чести быть не перестанет.

У этих мужчин очень странные представления о ранениях. Рэйф нахмурился, но флягу не отдал.

Мужчины в палатке уже развили бурную деятельность, но Рэйф переминался с ноги на ногу, словно и не собирался идти купаться. Тень омрачала его лицо.

— Что-то не так? — спросила я.

Он заколебался и тихонько ответил:

— У нас новенький. — И указал подбородком вглубь палатки. Я заметила несколько мужчин, сгрудившихся вокруг одной из кроватей. — Не могла ли ты...

Я взяла корзину и подошла к кровати. Лучше сначала узнать, с чем придётся иметь дело, а уж потом идти проверять остальных.

Когда я приблизилась, некоторые из мужчин отошли на солидное расстояние. Но двое громил остались стоять у койки. Не отрывая глаз от пациента, я поставила корзину на землю и встала на колени, чтобы всё рассмотреть.

Это был огромный темнокожий мужчина, занявший собой всю койку. Чёрный, как ночь, как сварочное железо. Слухи верны. Я отдышалась, и на секунду задумалась, изрыгнёт ли он на меня пламя. Но здравый смысл взял верх, и я принялась за осмотр. Завёрнутый в плащ и одеяла, больной лежал с открытыми глазами, но невидящим взором. Пот стекал с его лба и коротко подстриженных тёмных волос, подобно которым я никогда не видела прежде. Несмотря на необычный цвет кожи, он страдал от боли, как и всё остальные.

Грубая повязка пересекала корпус чуть выше паха, и у меня пересохло во рту. Пожалуйста, Богиня, только не ещё одна рана живота. Я вытянула руку, и один из мужчин схватил меня за запястье.

— Что ты творишь?! — Его голос звучал грубо и резко, но я смогла понять его. Тёмные, чёрные глаза сверлили меня, ладонь сильнее сжала запястье. Широкое, круглое лицо смуглого цвета, и пусть не столь чёрное как у раненого на койке, он был темнее большинства. В голове промелькнуло: «может, я и синего увижу?» прежде, чем мужчина вновь вывернул мне руку.

— Я целитель.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты брэгнект, — процедил он сквозь зубы.

Я не знала этого слова, но подозревала, что такому детей не учат.

Я осторожно отстранилась, стараясь не вызвать новую вспышку гнева.

— Я могу ему помочь. — Я продолжила смотреть громиле в глаза. — Я помогу ему.

Он сделал паузу, изучая меня.

Из темноты раздался голос:

— Пожалуйста, Жоден. Она целительница, — спокойно и серьёзно произнёс Рэйф, подойдя к нам. — Мы сторонились её поначалу, но она может помочь.

Жоден упёрся в него взглядом.

— Эта? Жрица-воин?!

Рэйф покачал головой.

— Ещё лучше — целительница. — Он использовал слово моего языка, а не своего. — Когда она впервые пришла, она показалась нам безумной, и мы попытались прогнать её, но она продолжала упорствовать. — Он повернул лицо, чтобы показать свой шрам. — Видишь? Она многим помогла, Жоден. Я могу поклясться бескрайним небом, если пожелаешь.

Жоден перевёл взгляд с меня на раненого и пренебрежительно оттолкнул моё запястье.

— Если навредишь Симусу, я убью тебя.

Я объяснила, что мне нужно на языке жестов.

— Перенесите его с койки на тюфяк.

Жоден начал разворачивать одеяла.

— Разверните его и протрите влажной тканью лицо, руки и грудь. Мы должны сбить температуру. С раной и повязкой я разберусь сама.

Один из молодых воинов — с кожей светлее, чем у Жодена, и длинными тёмными волосами, заплетёнными в косы — вышел вперёд, чтобы помочь.

— Рэйф? — Я села на корточки. — Я понятия не имею, можно ли его лечить, как всех остальных? Мои лекарства точно ему помогут?

Он выглядел озадаченным, как и все мужчины вокруг.

Я откашлялась.

— Я никогда не лечила таких, как он.

— Нет никакого различия... — начал Рэйф. Я положила руку на лоб больного, и Рэйф проследил за моим жестом. — Ты имеешь в виду его кожу?

Я кивнула и убрала руку, быстро посмотрев, не перешёл ли чёрный цвет на мои пальцы.

Рэйф фыркнул:

— Мы разные только внешне. — Он хитро посмотрел на Жодена. — Хотя некоторые утверждают, что Симус это не сплошное ходячее обаяние.

Жоден проворчал, но я заметила небольшую улыбку. Порывшись в корзине, я достала небольшую флягу с корнем орхидеи и вручила её юноше с косами.

— Ты?..

— Прест.

— Попробуй заставить его сделать два глотка этого снадобья. Но только два, не больше. Это облегчит его страдания, пока мы будем чистить рану.

Прест кивнул.

— Я вернусь, как только осмотрю остальных. — Я встала. — Сверните края палатки. — И крикнула: — Попробуем проветрить это место.

Мы уже поступали так раньше, пуская в палатку немного чистого и свежего воздуха. Стражу это не радовало, но они позволяли делать то, что я находила нужным. Как только тент подняли, я увидела охранников, окружавших палатку с внешней стороны. Ксиманд не любил рисковать.

Как только мужчины зашевелились, я встала и осмотрела других своих пациентов, проверяя раны, используя бальзамы и микстуры при необходимости. Первоначально меня отталкивали и всячески грубо со мной обращались, как только я пыталась помочь. Но со временем я заслужила терпение большинства и доброе отношение единиц. Но теперь все по-другому. Хотя мужчины хорошо ко мне относились, я могла сказать, что их внимание целиком было приковано к новому пациенту. Некоторые из тех, кто раньше никогда со мной не разговаривал, даже пытались расспросить меня о состоянии этого человека.

Кем бы ни он был, я подозревала, что это важная птица.

Принесли чайники с горячей водой, и началось купание. Я раздобыла тайком немного старого мыла, давным-давно забытого в дворцовой кладовой. От него слабо пахло цветами, но оно было мягким и хорошо очищало кожу. Я никогда не упоминала в замке о купаниях. Представьте только общественную реакцию, когда придворные узнают, что дочь крови

разгуливает в палатке с голыми мужчинами. По каким-то причинам никому не приходило в голову, что целителю приходится иметь дело с обнажённой плотью.

Я собрала старые туники и штаны, чтобы у Огненных была запасная одежда. Каждый стирал свою одежду, а страже приходилось выносить мокрое бельё на просушку. Когда чужеземцы разделись для купания, я впервые увидела татуировки, которые каждый воин носил на обеих руках — разнообразнейшие картины, в которых я не видела ни малейшего смысла. Я попыталась расспросить о значении этих рисунков, но мне нагубили в ответ.

Прежде, чем вернуться к своему новому пациенту, я подошла к охранникам у входа. Старший указал подбородком вглубь палатки.

— Он плох, леди?

— Да. Мне придётся чистить рану. Будут крики.

Стражник поморщился.

— Да, тут без криков не обойдёшься. Я предупрежу остальных.

— Спасибо. — Я подняла голову. — И нам бы не помешало принести ещё немного воды.

Он вздохнул.

— Вы же знаете приказы короля... — Стражник замолк, как только я посмотрела на него. — Да. Больше воды, хорошо.

Он выкрикнул приказ через полог палатки, а я повернулась вернуться к своему новому пациенту.

Мужчину раздели и положили на тюфяк. Сбоку от него стоял Прест и тщательно сворачивал одежду в аккуратную грудку. Встав на колени, я увидела, что больной выглядит лучше. Бисеринки пота исчезли, глаза закрылись. Дыхание тоже стало легче. Вместо татуировок на тёмной коже красовались шрамы, но казалось, что и они образуют единый рисунок.

— Два глотка, — сообщил Прест. Я кивнула, но мой взгляд уже был поглощён раной. Я махнула мужчинам уйти со света и наклонилась рассмотреть её.

Рану укрывал плащ больного. Ткань пропиталась кровью, и та засохла, образуя корку. Я взяла свежую воду и промочила материю, отдирая её от струпьев. Очевидно, что ему оказали первую помощь на поле боя, но с тех пор раной пренебрегали. Я посмотрела на Жодена.

— Ты это сделал?

Жоден заворчал.

— Это всё, что я успел сделать прежде, чем нас схватили.

Я скривила лицо, давая знать, что всё поняла, и продолжила работать в тишине. Отодрав плащ, я отбросила его в сторону и впервые хорошо осмотрела ногу.

Выглядела она плохо. Рана шла с самого паха, углубляясь по длине бедра. Края раны опухли, внутри скапливался белый гной. В плоть попали трава, грязь и мелкие камни. Я аккуратно прикоснулась к краям и ощутила жар, исходящий от тела. Я прикусила губу.

— Он потеряет ногу? — Надо мной возвышался Жоден.

Я подняла голову и впервые заметила, что на Жодене нет никаких повреждений. Но мои глаза снова метнулись к зияющей ране. Я пожевала губу и произнесла:

— Не знаю.

Мужчины вокруг нас недовольно забормотали, но у меня не было времени нянчиться с ними.

— Сначала прочистим рану. — Я повернулась к своим флягам и взяла нужную бутылку и

ткани. — Это болезненная процедура. Я предупредила охранников. Но мне нужна ваша помощь, нельзя дать ему двинуться.

Жоден упал на колени рядом со мной, но не сделал ни единого движения помочь.

— Я ждал гласа, и элементарно внемли мне, — произнёс он скорбным тоном. — Надо было даровать ему милосердие и покончить с этим.

Люди вокруг меня отшатнулись в испуге.

— Ты не смог даровать ему милосердие? — тихо спросил Рэйф с широкими от ужаса глазами.

Я подняла голову. Лицо Жодена было измучено и выглядело серым на свету. Мне рассказывали об этом обычае: люди военачальника убивали собственных товарищей на поле боя — но я не поверила этим рассказам. Я поднялась с колен, впившись взглядом в них всех, а затем ткнула пальцем в грудь Жодена, привлекая его внимание.

— Ты этого не сделаешь. Зайти так далеко, только чтобы твой то... — Я не смогла закончить слово. — Нет. Я не позволю.

Он посмотрел на меня, и мне показалось, что позади боли в его глазах промелькнул смех.

— Возомнила, что сможешь спасти его? Вместе с ногой?

— Я хочу попробовать. — Я впилась взглядом в Жодена. — Думаю, у нас есть надежда.

Он снова успокоился, смотря на мой пальчик посередине его широкой груди, и медленно кивнул.

— Мы попробуем, целитель. — Незнакомое слово завоевало популярность в его языке. — Будем надеяться.

Я снова присела на корточки. Жоден жестами раздал указания остальным.

— Я не смогу удержать его в одиночку. Он сильный, не ошибитесь.

К нам подошли ещё трое мужчин. Каждый, вместе с Рэйфом, Престоми и Жоденом, сели на землю и схватили раненого. Я приблизилась и рванула повязку.

Мужчины напряглись. Жоден нахмурился, глядя на меня, и пробормотал что-то о песнопении.

Рэйф фыркнул.

— Она не использует заклинаний, Жоден. Не призывает к стихиям.

— Нет?

Он выглядел немного разочарованным.

Я проигнорировала все комментарии и приступила к работе. Мы прекрасно справлялись приблизительно три вдоха. Я даже убедилась, что корень орхидеи усыпил пациента на всю процедуру. Но как только я расширила рану, он начал извиваться под нашими руками.

— Нет! Нет! — грохотал его сильный голос, и он затрясся, пытаясь отбросить нас в сторону. Слава Богине, на этот раз в помощниках у меня крепкие мужчины. Ученики в мгновения ока полетели бы в воздух.

— Ещё народу. Ну! — Тихой команде Жодена повиновались, и к нам подошло ещё больше мужчин. Жоден переместился к голове больного и положил свои большие ладони на широкие плечи друга.

— Симус, ты ранен. Мы должны обработать рану. Лежи спокойно.

Симус не внимал его просьбе.

— Воины! Ко мне!

Я была рада, что предупредила охранников, поскольку этот мужчина обладал

громогласным голосом. Я работала так быстро, как только могла, боясь причинить вред от излишней спешки. Рану нужно очистить, и лучше сделать это с первого раза.

— Жоден! — крикнул Симус, корчась под нами.

— Я здесь. — Жоден наклонил голову набок. — Я здесь. Держись, друг. — Он впился в меня взглядом. — Быстрее.

Я проигнорировала его слова.

Прест обеими руками, всем весом, давил на предплечье.

— Мы можем прижечь её.

— Замолчи! — зарычала я.

Симус выл и выгибал спину. Я присела на корточки, когда мужчины повалили его на тюфяк. Краем глаза я заметила, что остальные смотрят на нас полными ужаса глазами.

— Почему её нельзя прижигать? — спросил Жоден. Он успокаивающе проводил руками по голове Симуса, поглаживая большими пальцами виски друга. Здоровяк успокоился, и я удвоила свои усилия.

— Если я прижгу рану, то останется глубокий рубец. — Я старалась подобрать правильные слова. — Он не сможет ходить. Возможно, даже ездить верхом.

Жоден понимающе заворчал.

Наконец я очистила рану. Я обвязала ногу так туго, как только могла, используя свежие бинты, отстранилась и посмотрела на свою работу. Моя публика тоже смотрела.

Жоден нахмурился.

— Ты не зашила её.

— Нет. — Я посмотрела на него. — Рана должна заживать открытой. Если я её закрою, зашью, то... — Я с грустью покачала головой. — Гной. Станет плохим.

— Загноится, — повторил Рэйф, подойдя ко мне.

Это самый плохой вариант, но я согласилась с переводом.

Казалось, Жоден всё понял и с грустью посмотрел на Симуса. Теперь, когда мы закончили, раненый погрузился в беспокойный сон. Я вытянула ладони к воде, дабы умыться, и увидела, что у меня дрожат руки.

— Нет. — Жоден поднялся, встал рядом со мной и протянул мне руку. — Мы позаботимся о нём.

Я кивнула и взяла его за руку, разрешая поднять себя на ноги. Мои ноги онемели, и я нетвёрдой походкой подошла к столу, на котором оставила корзину. Солнце зашло, пока мы работали, и палатка погрузилась во тьму. Купание окончилось, и я видела, что люди чувствуют себя намного лучше.

Конечно, запах тоже стал лучше.

Я нашла флягу от лихорадки и снова опустилась на колени около Жодена. Кажется, Симусу стало легче: дышал он немного медленнее и глубже.

— Моя благодарность, — прогрохотал Жоден.

Я улыбнулась.

— Вам нужен уход?

Казалось, он закрыл свои эмоции от меня.

— Нет. Я не ранен.

И тут прозвучал рог, возвещающий смену караула. Я опоздала.

— Жоден, возьми это. — Я положила флягу в его ладонь. Жоден посмотрел на густое коричневое содержимое.

— Намажь мазь на кончик пальца. — Я опустила палец и показала ему. — И положи палец ему в рот. Делай это каждый час.

Я открыла рот Симуса и, засунув палец, растёрла лекарство по нёбу.

— Это поможет сбить температуру.

Он слушал и смотрел, поглощая сведения.

— Ты вернёшься?

— Да. Завтра. — Я снова встала и вытерла руки о штаны. — У Преста есть корень орхидеи. Используйте его, если он станет сильно ворочаться. Но только два глотка за ночь. Если понадобится, то после восхода солнца можете дать новую дозу.

Пришло время для смены караула. Новые стражники закричали, чтобы мы немедленно опустили тент, и я услышала собственное имя. Кажется, явился Арнит. Надеюсь, что нет.

Мой пациент вздохнул и, казалось, немного расслабился. Прест продолжил омывать его лицо и руки. Я взяла окровавленный плащ и использованную при очистке ткань и связала всё в один узел. Их можно прокипятить и использовать ещё раз. И тут я нащупала что-то холодное и гладкое. Я поднесла находку к глазам, пытаюсь рассмотреть вещь в тусклом свете.

Это была брошка из оникса с изображением большой хищной кошки по центру. Жёлтые глаза зверя дерзко и ярко мерцали. Казалось, свет исходил откуда-то изнутри. Особенно у глаз. Мои собственные глаза расширились, как только усталый разум осознал, что именно я нашла. Я знала, что означала эта брошь. Мой пациент — генерал, лидер армии военачальника. Богиня! Ксиманд убьёт его.

Мои глаза метнулись к Жодену. Осознав, что я всё поняла, Жоден с испугом посмотрел на меня и сузил глаза. Он сжал руку, словно ища рукоять кинжала на поясе. Если бы оружие оказалось у него под рукой, не уверена, что я покинула бы палатку живой. Воин открыл рот, желая что-то сказать, но тут появилась охрана.

Я не задумываясь подняла брошь с окровавленной ткани и зажала её в ладони.

— Лара. — Это явился Арнит, капитан дворцовой стражи. Его мне не провести. — Ты должна уйти. Сейчас же.

— Да, я знаю.

Арниту доставляло удовольствие не пускать меня к пленным. Он показал свою неприязнь ещё давно, когда я, дочь крови, изучала врачебное ремесло. Я отвернулась поставить оставшиеся фляги в корзину и, загораживая обзор собственным телом, незаметно сунула брошь внутрь.

— Я готова, — сказала я, выпрямившись с корзиной в руке и узелком ткани под мышкой.

Позади меня стоял Арнит и не верил своим глазам. Думаю, он ждал, что я начну спорить.

Я посмотрела на Жодена и произнесла на его языке:

— Я приду завтра. Не позволяйте ему пытаться встать или идти.

Я не обращала внимания на капитана стражи, который переминался с ноги на ногу, возвышаясь надо мной.

Лицо и тон Жодена не изменились. Он остался стоять на коленях рядом с Симусом, тёмные глаза блестели в сумеречном свете.

— Не предавай его, или я сломаю тебя об колено.

Я не ответила. Я просто отвернулась и прошла мимо Арнита. Рэйф кивнул мне на прощание, держась подальше от входа. Ему рано пришлось узнать, что Арнит не терпит неповиновения и рука у него тяжёлая.

Арнит пошёл меня проводить.

— Что он тебе сказал? — спросил он, подозрительно косясь на меня.

— Независимо от целителя, лекарства всегда ужасны на вкус.

Один из охранников разразился хохотом. Даже Арнит усмехнулся, придерживая для меня край тента.

Мы вышли в сумрак. Прохладный ночной воздух приятно охлаждал кожу после душной палатки. В вышине мерцали звезды.

Выйдя наружу, я поняла, что Хит уже ушёл. Наверное, отсиживается сейчас в дворцовой кухне.

Радость Арнита исчезла, как только он занял свою позицию.

— Не понимаю, почему ты напрасно тратишь на них своё время. Они всего лишь звери, — произнёс он мне вслед резким и льстивым тоном. — Или ты думаешь, что, помогая собакам, заведёшь друзей во вражеском лагере, в случае, если все плохо сложится.

Я остановилась и замерла. Охранники засмеялись, но как-то фальшиво, прекрасно понимая, что слова Арнита — это наглая ложь. Я повернулась и сумела сдержать гнев в голосе:

— Это приказ короля, Арнит. Кроме того, я мастер-целитель. Я позабочусь о любом, кто нуждается в моей помощи. — Я наклонила голову и улыбнулась. — Мазь, которую ты просил, убрала воспаление между ягодицами?

Стража залилась смехом, и Арнит покраснел. Наслушавшись смеха и колкостей,

направленных теперь на него, я повернулась и пошла через заросли. Скрывшись от чужих глаз, я понурила голову. Я не должна была этого делать. Отец бы покачал головой, придя в отчаяние от моей вспышки гнева и грубости. Хуже всего, что Арнит теперь может сорвать свою обиду на заключённых. Я с яростью посмотрела на злополучную тропку под ногами. Однако он это заслужил. Как он смеет говорить, что я, дочь рода Кси, могу...

Я вспомнила о броши в корзине и залилась краской.

Теперь тени стали ещё глубже. Я выбросила лишние мысли из головы и сконцентрировалась на тропинке, немного дрожа под ночным ветерком. Идя, я мысленно составляла опись своих запасов. Завтра утром нужно сходить на рынок и купить недостающих отваров. Ксиманд чётко дал понять, что ни одно из его лекарств не должно пойти на лечение пленных. Я закатила глаза. Как будто брат сам собирает травы для кладовой.

От волнения я начала жевать нижнюю губу. Легче думать о травах, чем о броши в корзине. Значит, крупный темнокожий мужчина — лидер этих людей. Уверена, из наших ещё никто об этом не догадался. Если бы отец был жив, то я без всяких колебаний рассказала бы ему о находке. Он использовал бы ситуацию в своих интересах, но не убил бы человека без зазрения совести. Я могу сказать Хиту, но у него не останется выбора, кроме как пойти к своему начальнику, то есть Арниту. Я замедлила шаг и задумалась о своём выборе. Арнит убьёт этого мужчину, в этом я не сомневалась. Если бы Хит напрямую доложил Ксиманду, то поставил бы себя между двух огней в нашем споре, а я так с другом не поступлю. И с сенешалем Озаром. Есть ещё лорд-маршал Уоррен, которому я могу доверять. Сам отец назначил его на данный пост и верил в него. Он противостоял Ксиманду как никто другой. Я сделала глубокий вдох. Так было только до его болезни. Я должна рассказать о находке Уоррену и позволить ему решать, как поступить с данными сведениями.

Проходя мимо кустов шиповника, я вспомнила о его целебных ягодах и решила попытаться собрать их на полный горшок сиропа. Стоял сумрак, но я видела достаточно хорошо и на ощупь могла определить созревшие ягоды. Пооставив узелок и корзину на землю, я прошла через кустарник, продирая себе путь. Аромат сохранившихся роз окружил меня и заполнил лёгкие. Навевал воспоминания. Аромат роз у смертного ложа Ксайрона.

Отец умирал медленно, постепенно. Как золотой оттенок, покрывающий деревья в конце лета. Знаки были, но я не заметила их, как и все остальные. Когда болезнь стала очевидна, она была уже запущена, и не одно из опробованных средств не могло его остановить. Отец медленно чах, слабея с каждым прожитым днём. Ничего не помогало.

Ксиманд постепенно забирал бразды правления, пытаясь облегчить ношу нашего отца, но всё шло не так гладко. Сначала Ксайрон с радостью переложил на Ксиманда свои церемониальные обязанности, чтобы сохранить силы для решения управленческих вопросов. Но силы отца таяли, и Ксиманд попытался заполнить пробел. Я положила на него: мой единокровный брат никогда не пытался отнять власть, пока не увидел, что отец больше не может выполнять свои обязанности или сосредоточиться на решении текущей проблемы. Но пока Ксиманд обвыкался к новой роли, он не смог справиться с парой проблем, и поэтому члены совета и гильдий обращались непосредственно к Ксайрону, ставя больного отца против неоперившегося короля.

Проходя обучение и выполняя свои профессиональные обязанности, я выпала из активной жизни двора. И ещё больше изолировала себя, когда отец заболел, поскольку всё моё внимание было приковано только к нему. Ксайрон был воином, преданный телом,

которое до этого служило ему долго и верно, и чем сильнее подводила его плоть, тем хуже становился характер. Он моментально выходил из себя и ещё быстрее находил к чему бы придраться. Его отношения с Ксимандом стали только сложнее. Почти никто из слуг не хотел находиться возле его кровати. Таким образом, я взяла на себя роль целителя, дочери и миротворца. Я редко не соглашалась с отцом и ещё реже покидала его палаты. В последние часы жизни Ксайрона мы использовали цветы и розовое масло как освежитель воздуха. Наверное, аромат роз теперь всегда будет напоминать мне о тех долгих часах.

Я продолжила собирать ягоды, бросая их в корзину поверх бутыли и фляг. Приходилось продвигаться очень медленно, чтобы не наколоться на шипы. Лучше собрать ягоды, пока сюда не пришла повариха Анна, чтобы срезать шиповник для собственных нужд. Её желе на поджаренном ломтике хлеба с мёдом — прекрасное лакомство в зимние месяца. Я вытянула руку и к своему несчастью заработала несколько здоровущих царапин. Возможно, в конце концов, сбор ягод в темноте — не самая хорошая идея.

Внезапно я замерла. Волосы на моей шее встали дыбом, привлекая внимание к неестественной тишине.

В кустах что-то было.

Я задержала дыхание. Все привычные звуки сада исчезли. Чирикание крошечных птичек, прячущихся в заросли на ночь, тихие звуки кроликов и других зверей — всё стихло, как будто по близости разгуливал крупный хищник. Сначала я подумала, что это одна из охотничьих собак. Хотя мой брат редко охотился, он все ещё держал несколько собак на псарне. Но те псы все время виляют хвостом, стремясь, чтобы их погладили по голове и почесали за ушком. Они не будут стоять неподвижно целую минуту.

Я медленно убрала руку за спину и попятилась от шиповника. Набрала в грудь воздух и задержала дыхание, стараясь услышать хоть что-нибудь помимо стука собственного сердца. Ничто не шлохнулось, и я не слышала звуков. Тихо и неподвижно я простояла минуту или две, смотря во все стороны, как будто мои глаза могли проникнуть в глубины ночи.

Тогда мой живот заурчал и напомнил мне, что завтракала я давно, и кроме сыра Калисы и крошки в рот не брала. Я нервно рассмеялась. Это простое переутомление. Я бросила оставшиеся ягоды шиповника в корзину и сладко потянулась. В результате волосы снова выпали из пучка. Снова! Я выругалась и завозилась с волосами, стараясь убрать их на макушку. В кармане у меня лежал шнурок, и я достала его, чтобы обуздать вьющуюся массу. Когда я подняла свою корзину и пошла дальше, ночь все ещё была тиха.

Очевидно, я единственный крупный хищник, бродивший по саду в этом часу.

Я пересекла королевские огороды и подошла к чёрному ходу. Из окон замка лился тёплый свет. Должно быть, высший двор сегодня в прекрасном настроении. С учётом настоящей войны, это выглядит довольно странно и неуместно. Но лорды и подхалимы, составляющие большую часть двора, не находили в этом ничего зазорного.

В дни своей славы Кси был центром торговли. Согласно историческим книгам, долина и горные перевалы стали точкой пересечения для всех караванов. Торговля процветала, плодородная земля не скупилась на дары, и на вырученные деньги Кси содержало постоянную армию. Но во времена моего прадеда торговые маршруты пришли в упадок. А в годы правления моего дедушки, потливая горячка ^[2] опустошила земли, тем самым лишь усугубив ситуацию. Дедушка запечатал большие торговые ворота, закрыв горные перевалы и ещё сильнее изолируя Кси. Постоянная армия была распущена, сохранилась только дворцовая и городская стража, и то небольшая. Поместное дворянство осталось

обрабатывать долину, и Кси выжило, маленькое и одинокое, являя собой лишь тень былого могущества.

Ксиманд всем сердцем желал вернуть прежнюю славу и пытался содержать двор, собирая «лордов и леди» и их детей, чтобы те заискивали перед ним. Так как мой отец принял в совет ремесленников и духовенство, то во дворец собиралась целая толпа, готовая задаром откушать за столом и поиграть в игры знати.

Как только военачальник начал свой победоносный марш по долине, многие из лордов бежали в город с угодий и замков, приводя бойцов под своим командованием. Деревни и селения, находящиеся под защитой лорда, остались на милость военачальника, что позволяло врагу стремительно пройти по долине к самым нашим воротам.

Я проскользнула за старую деревянную дверь и минуту постояла на пороге. Несмотря на размер комнаты и огромные очаги, кухня всегда казалась горячей, переполненной и загромождённой. Здесь в полном своём величии царила повариха Анна. Она стояла посередине комнаты, отдавая приказы слугам, поварам и лакеям как опытный генерал, которым она, по сути, и была. Эта крупная упитанная женщина с заляпанным передником никого и ничего не терпела. Я с завистью заметила, как её прямые тёмные волосы никогда не выпадают из пучка. Орудую деревянной ложкой, она являла собой силу, с которой приходилось считаться. Ничто не могло укрыться от её взора, ... включая меня.

Она бросила на меня один взгляд и раздражённо фыркнула, от чего затряслись все её многочисленные подбородки.

— Девочка моя, ты только посмотри на себя, — прогремел её голос через всю комнату. Некоторые слуги подняли головы и с сочувствием посмотрели на меня, но сразу же вернулись к работе. Анна прошла ко мне через всю кухню, хмуря брови; ключи от шкафчика со специями грохотали на поясе при каждом её шаге.

— Ты похожа на оборванного паломника. — Она ткнула в меня своей ложкой. — Снова ничего не ела, я права. — Её голос с лёгкостью перекрывал шум и беспорядок в зале.

— Анна, ты читаешь меня как открытую книгу.

— Как будто я буду тратить время на книги. — Она выкрикнула что-то и прежде, чем я поняла что именно, нас уже усадили в углу большого деревянного стола среди блюд, и мы ели свежеспечённый хлеб с особым медовым маслом, щедро размазанным по всей булке. Мой узелок бросили к грязной груде тряпок, а корзину поставили на стол. Пока мы ели, Анна не спускала строгих глаз со штата и иногда раздражалась замечаниями, когда что-то делалось не по её стандартам.

Она вздохнула:

— Ты опять работала весь день?

Я наполнила рот хлебом и энергично задвигала бровями. Анна откинулась на спинку стула и так громко засмеялась, что все её тело затряслось от хохота. Анна, пусть Богиня дарует ей свою любовь, знала, как надо смеяться. Она отдышалась, положила пухлые ладони на стол и проницательно посмотрела на меня.

— Сегодня Его Величество велело армии отступить за городские стены против желания Уоррена. Люди военачальника стоят у самых наших ворот.

— Я слышала об этом на рынке. Так это правда? — Не то, чтобы я сомневалась. Казалось, Анна всегда узнает все вести первой.

— Да. — Она наклонилась вперёд и взяла последний ломоть хлеба. Отвернула голову и заорала на человека, стоящего у очага. Затем она посмотрела на меня. — Говорят, Уоррен

обмолвился, что Его Величество в панике. — Она фыркнула. — Кровь сказывается.

— Анна!.. — воскликнула я. Она испытывала неприязнь к иностранной королеве и никогда не любила Ксиманда. Но Анна — это нечто неизменное, а Ксиманд жить не может без уюта и вкусных обедов. Таким образом, между ними было заключено своего рода перемирие. Ксиманд никогда не заходил в её владения, и она позволяла ему править королевством с полным животом.

Анна покачала головой, тряся подбородками.

— Поговаривают, что король отправил гонца просить о заключении мира.

Мои глаза распахнулись от удивления. Я думала, что на поле боя всё в порядке, да и гордость Ксиманда не позволит ему признать ничего, кроме полной победы. Чтобы Ксиманд согласился говорить с человеком, который побил его столь умело, столь недавно... это плохой знак.

На стол поставили тарелку, на сей раз с ломтиками пожаренного хлеба с сыром и жареным луком. Я жадно начала есть, забрав первый ломтик быстрее, чем Анна успела протянуть руку. Сыр был всё ещё горяч и пузырился на вершине, и я дула на него, предвкушая вкус.

Анна отправила свой кусочек в рот, не чувствуя, жара. Она вытянула толстый палец и коснулась моей корзины.

— Он знает, что сегодня ты снова была там?

Я пожалала плечами с набитым ртом.

— Как я понимаю, чаровница, ты прошла в палатку, уболтав моего сынка.

Я пожалала плечами.

Она постучала пальцем по столу, что вызвало рябь, прошедшую по мясистой руке.

— Следи за собой, дитя. Ксиманд — это не Хит, которого можно обвести вокруг пальца. Ты заноза в его боку, и у тебя есть только один путь — впиваться ещё глубже.

— Уж кто бы говорил.

Анна серьёзно на меня посмотрела, но больше ничего не произнесла.

Двери в главную столовую распахнулись, и в комнату вошёл крупный бочкообразный мужчина. Это был Озар, королевский сенешаль и муж Анны. Раздвигая локтями слуг, он шёл прямо к нам.

Кожа Озара блестела от пота, каштановые волосы прилипли к черепу. Сенешаль выглядел очень усталым и одновременно счастливым.

— Моя любимая Анна. — Он положил руку на её плечо и крепко поцеловал. — Как всегда, ты проделала великолепную работу.

— Да уберёжёт меня Богиня от высших дворов, — проворчала она, но я видела, что похвала пришлась ей по душе.

Озар взял стул и, с тяжёлым вздохом опустившись на него, забрал последний кусочек хлеба с сыром.

— И вас, молодая особа. — Он откусил от хлеба и прожевал. — Он ищет вас. И очень сердится.

Мне не было нужды спрашивать кто это "он". Я вздохнула и вытерла рот тыльной стороной ладони. Анна повернула голову, проревела приказ, и передо мной тут же поставили миску горячей воды и ткань.

— Дитя, ты вся в грязи. Умой хоть лицо и руки. Что это у тебя на камзоле? — Анна отодвинулась от стола. — Нет, я не хочу знать. Посмотрим, можно ли это оттереть.

Я не сопротивлялась. После смерти моей матери Анна растила меня вместо неё. И хоть мои улыбки не имели на неё никакого воздействия, на кухне меня всегда ждал тёплый очаг и любящее сердце. Я знала, что не нужно и пытаться отказаться от её заботы.

Пока меня оттирали, Озар благоразумно молчал, обняв кружку пива. Он всегда был тихим человеком, но когда говорил, его стоило послушать. Анна цокала и шикала, рассматривая состояние моей туники, и бросила влажную ткань в груды с самым грязным бельём. Теперь, когда блюда были поданы, и началась уборка, слуги бегали не так исступлённо. Пройдя проверку, я обняла Анну на прощание и, схватив корзину со стола, пошла вслед за Озаром.

Мы придерживались дальних комнат, изредка встречая отдельных слуг. После оживлённой кухни прохладные и тихие залы действовали успокаивающе. Я стала трепать нижнюю губу зубами. Может стоит рассказать Озару о броши. Но обстоятельства остались прежними. Я шла, а мой лоб пересекали морщины. Я не могу довериться ни одной живой душе, мне не к кому обратиться за советом. Может, по крайней мере, Озар скажет как...

— Лара.

Я остановилась и подняла голову.

— Я должен вернуться к оставшимся гостям. Ты слышала о сегодняшних событиях? — спросил он, положив руку мне на плечо.

Я кивнула.

— Он в кабинете. — Озар сжал ладонь. — Постарайся не злить его.

Это всё равно, что просить огонь не гореть.

Я поморщилась, но кивнула. Озар с сомнением посмотрел на меня и поспешил к гостевой башне. Я продолжила свой путь, поднимаясь по спиральной лестнице в башню короля и качая головой на каждой ступеньке.

Вскоре после смерти матери Ксиманда король женился на моей матери, и родилась я. К тому времени Ксиманд был признан законным сыном и наследником, но я уверена, его обида родилась с первого ласкового слова, сорвавшегося с губ отца в мой адрес, и лишь усиливалась с каждой последующей похвалой.

Я до сих пор не могла понять его чувств. Он был законным наследником, и помазан на трон уже три года со смерти отца. Но ревность не исчезла, даже когда я дала понять, что не буду учиться на высшую должность, а останусь на пути целителя. Я улыбнулась, вспомнив гневную реакцию отца на моё решение. Все же он признал мой выбор и в конце был рад моим навыкам, даже притом, что я не смогла отогнать тень смерти от его ложа.

Но даже когда Ксиманда признали королём, помазали на царствование и короновали, зависть и неприязнь никуда не делись. Я не понимала. У него есть власть, богатство и женщины, которые припадали к его стопам в желании стать следующей королевой. Но некоторая разновидность счастья ускользала от него. Уверена, он винил в этом именно меня. Скоро для двора стало очевидно, что «другу Лары» благосклонности короля не добиться.

Хоть я и попыталась вернуться к светской жизни после смерти отца, но только в лишний раз убедилась, что больше не могу терпеть все это великолепие и бессмыслицу. Беседы — глупы, обеды — длинные и утомительны. У меня мало общего с утончёнными леди, а лорды, все как один, смотрят на меня словно на статную племенную кобылу.

Это дало мне лишь больше времени для обучения и оттачивания навыков.

Отец оставил мне в наследство земли, приносящие небольшой доход. Ксиманд забрал их под «опеку», сказав, что целитель мало что смыслит в управлении. Я попыталась покинуть

замок, чтобы попробовать переобустроить усадьбу и открыть дом целительства, а возможно даже и школу. Но когда я подняла эту тему, Ксиманд отказал мне, сославшись на то, что моя ценность потенциальной жены в брачном союзе превышает ценность какой-то школы. Хотя число кандидатов в соседних королевствах было ограничено, особенно учитывая мой возраст, брат всегда отклонял любое предложение моей руки и сердца.

Казалось, он получал удовольствие в отрицании моей мечты.

Я пожала плечами и встряхнулась. Мы с Озаром и Анной поговорили на эту тему и сошлись на том, что как только Ксиманд женится и обзаведётся собственным наследником, он позволит мне жить, как я захочу. Всё шло к тому, что свадьбу могли сыграть уже в этом году. Переговоры велись, по крайней мере, по двум предполагаемым союзам. Так было... до нападения военачальника.

Это напомнило мне о том человеке в палатке. Я остановилась и начала жевать губу.

Да простит меня Богиня, я не собиралась передавать раненого и больного в руки Ксиманда, чтобы он уничтожил всю мою работу. Некоторые могут подумать, что это предательство короля, но я считала это проявлением милосердия Богини. На всякий случай я нырнула в один из альковов около зала и спрятала брошь в ботинок. Я протолкнула её достаточно глубоко и убедилась, что она случайно не выпадет. Ботинки были достаточно большими. Никто не догадается, что там что-то лежит. Я подожду, а завтра переговорю с лордом Уорреном. Он обязательно примет правильное решение.

Через минуту я уже стояла перед охранниками у двери в кабинет короля. Я кивнула им и прислонила корзину к стене. Из комнаты доносились громкие голоса. Спор был жарким. Я обернулась на охранника, но тот лишь пожал плечами и постучал в дверь. Мгновенная тишина, и затем голос Ксиманда приказал войти. Стража открыла дверь. Я потупила взор, сделала пять шагов и опустилась на колени.

Ксиманд любил всё обставлять с помпой и требовал соблюдение формальностей. Отец пнул бы его в пятую точку за такое поведение. Озар считал, что это показывает нехватку Ксиманда уверенности в себе, и я полностью разделяла его мнение.

Охрана позади меня откашлялась.

— Ксилара, дочь дома Кси. — Я повернула голову и бросила косой взгляд на охранника. Тот понял мой намёк. — И мастер-целитель.

Спор не прекратился, когда я вошла: мужчины увязли в полемике. Меня же воспринимали как мебель. Я рискнула бросить взгляд на брата. Он не был высок, но выглядел внушительным в официальном одеянии для приёмов, в темно-синей тунике и штанах с серебряной отделкой. Узнав, что корона со всеми драгоценностями имеет раздражающую тенденцию спадать, если двигать головой слишком быстро, брат вместо неё носил простой венец. Каптановые волосы белели на висках, кожу испещрили морщинки от беспокойства, которых ещё не было несколько месяцев назад, хотя сейчас их не разглядеть из-за красных пятен, покрывших всё лицо. Стул, стоящий позади старинного стола отца, скрипел под каждым движением своего нового владельца. За последние несколько месяцев брат набрал лишний вес.

Второй взгляд я бросила на лорда-маршала Уоррена, стоящего у камина. Бодрый и подтянутый, казалось, он всегда находился в движении. Никаких гневных пятен на лице, кожа белая, натянутая и бледная.

— Пожалуйста, Ваше Величество. Мы сможем отогнать их от стен, если вы позволите...

— Ты подвергаешь сомнению мою компетентность, Уоррен?

Небольшая пауза не изменило дело. Ксиманд сжал губы, но Уоррен ответил быстрее:

— Сир, мы никогда прежде не имели дело с конными лучниками. Мы не привыкли к их тактике...

— Проклятые кони, — зарычал Ксиманд. — Ненавижу этих лошадиников.

— Конные лучники разрушительны против пеших, Ваше величество. Но у них нет оборудования для осады, а снега придут прежде, чем они смогут построить достаточно...

— ДОВОЛЬНО! — рявкнул Ксиманд, и Уоррен закрыл рот.

Я опустила взгляд на ковёр, не желая подниматься с коленей и привлекать к себе внимание. Ксиманд дышал шумно, резко и учащённо. Потребовалась несколько минут, прежде чем его дыхание выровнялось.

— Поднимись, Ксилара. Ты не была на званом обеде. — Уоррен стоял у камина и смотрел на тлеющие угли. Ксиманд продолжал разглагольствовать: — Ты должна стараться не пропускать наши собрания.

— Да, Ваше Величество.

Слово «брат» больше не звучало с самой смерти отца.

Ксиманд посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты опять туда ходила, ведь так?

— Да, Ваше Величество.

Его лицо застыло.

— Почему ты с такой настойчивостью помогаешь моему врагу?

Всё тот же старый аргумент. Я начала с привычного опровержения:

— Сир, сначала я забочусь о ваших раненых и лишь затем...

Ксиманд поднял руку, и я покорно замолкла. Выказывать неповиновение стоит лишь только по серьёзным основаниям.

— Прошу, давай без этого. — Он скользнул по мне разочарованным взглядом. — Так или иначе, ты меня не слушаешь. — Ксиманд сделал паузу. — Сколько заключённых в палатке?

Вопрос застал меня врасплох, и я задумалась на мгновение.

— Я не вела фактический подсчёт, сир. По-моему, около двадцати. Точно не знаю.

Он выглядел недовольным.

— Ну, точное число не так уж важно. — Ксиманд смерил меня, как он считал, пугающим взглядом. — Ты не используешь мои лекарства на тех животных?

Я покачала головой.

— Я следую вашим распоряжениям, сир.

— Вероятно, кто-нибудь из них умрёт в ближайший день или два?

Станный вопрос.

— Вряд ли, сир. У меня есть один тяжелораненый, но все остальные идут на поправку.

— Очень хорошо. Ты свободна.

Казалось, его мысли занимало нечто иное, и было это иное совсем не счастливым.

Я посмотрела на лорда Уоррена, но он не отводил взора от Ксиманда. Я чувствовала, что сейчас не время просить о личной беседе. Вместо этого я поклонилась королю и попятилась из комнаты. Мне удалось выйти, не врезавшись в дверь.

Следующим утром меня разбудили лучи солнца на лице. Я недовольно перевернулась и зарылась головой в одеяла и подушки, ища остатки сна. Мышцы были тёплыми и расслабленными, а кровать — такой удобной. Я начала дремать. Но что-то не давало мне окончательно заснуть. Я лежала, пытаюсь вспомнить, что за срочное дело меня ждёт. И тут услышала горны.

Я сбросила одеяла, кинулась к окну и распахнула ставни. Из моего небольшого окна открывался вид на расположенный за стенами город и простирающуюся далеко внизу долину. Там находилась армия военачальника — крошечные белые палатки покрыли собой все поля. Это было впечатляющее зрелище. Я постояла так мгновение и забежала по своей небольшой спальне, ища разбросанную вчера вечером одежду.

Тяжело вздохнув, я решила сегодня надеть новое. Достала простое серое платье из сундука и быстро оделась, спрятав брошь обратно в ботинок. Так будет безопаснее.

Нужно быстренько проведать того здоровяка, проверить его рану, сходить на рынок и купить нужные травы, совершить обход с Эльном, затем вернуться в палатку, провести несколько часов за травничеством в кладовой и, если мне повезёт, лечь спать до рассвета. Я вырыла свой мешочек с деньгами из-под груды бумаги и замерла.

Я и не знала, что у меня так мало осталось. Мой единственный доход состоял в продаже придворным дамам смесей и лосьонов. Обычно этого хватало на удовлетворение личных нужд, а с тех пор как я живу при дворе, мне не приходилось много тратиться. Но теперь я покупала травы и другие лекарства, и деньги утекли быстрее, чем я ожидала. Я с нахмуренными бровями подсчитала оставшиеся монеты и стала осматривать комнату. Здесь нет особо ценных вещей, а у меня не осталось времени делать лосьоны. Я сняла мешочек с пояса и подвинула кипу бумаги. Та не преминула упасть на пол, обнажая моему взору потенциальный источник финансов.

Это была старинная книга, первая купленная для личных нужд. Список трав и описание их свойств. Взгляд вцепился в кожаную обложку. Я почти вызубрила эту проклятую книгу наизусть, так долго она у меня находилась.

Я не стала думать дважды, потому что это причинило бы слишком много боли, схватила книгу, взяла сумку и засунула том внутрь. Перекинув ляжку через плечо, я спустилась в сад.

Сад выглядел тихим и умиротворённым этим утром, сияя своей красотой в солнечном свете. Мне пришлось остановиться, прежде чем войти в палатку, и дать глазам привыкнуть к полумраку. Все спали, так что я спокойно прошла к койке здоровека. К счастью, мне удалось не задеть ни людей, ни вещи.

Больной выглядел хорошо и, кажется, спал. Я не решилась будить его, но любопытство взяло вверх. Аккуратно распутав одеяла, я раскрыла ногу и, сняв повязку, затаила дыхание, боясь увидеть неизбежное.

Воздух со свистом сорвался с моих губ.

Всё выглядело замечательно. Жар спал, краснота уменьшилась. Гной все ещё скапливался, и его необходимо убрать, но я уже видела признаки исцеления. Кожа приняла здоровый оттенок. И все же шрам останется. Хотя я слышала, что смесь...

Нежный звук отвлек моё внимание от размышлений.

Жоден проснулся и лежал на койке с другой стороны от моего пациента. Я изучила его глаза и с наслаждением улыбнулась. Он уставился на меня на мгновение, и улыбка медленно расплзлась и по его лицу.

— С Симусом все в порядке? — тихонько произнёс он на собственном наречии.

Мои губы чуть не лопнули, так широко я улыбнулась.

— Он очень хорош. Очень, очень хорош.

Я не знала их эквивалентов для «фантастического» или «замечательного», но я абсолютно уверена, что ликование в моем голосе восполнило скудность словарного запаса. Я аккуратно завязала бинт и тщательно заправила одеяло. Воин так и не пошевелился.

— Он просыпался?

— Да. Он узнал меня, но спал большую часть времени.

— У вас осталось то лекарство, что я дала вчера?

Жоден кивнул.

— Хорошо. Продолжайте давать его. Я принесу ещё сегодня вечером.

Я откинулась на пятки, ликуя в тишине. Я не потеряла его. Поднявшись на ноги, я улыбнулась Жодену на прощание.

— У вас есть все что нужно? Еда?

Жоден сел, протирая глаза, и пожал плечами.

— Еда-то есть. — Он нежно улыбнулся. — Но без каваджа вкус у неё, как у сырой птицы.

Я подняла голову.

— Я не понимаю слова «кавадж».

Жоден усмехнулся.

— Напиток. Очень крепкий. — Он указал на спящего. — Ему...

Конец фразы я так и не поняла.

— Ему нужен кавадж? В качестве лекарства?

Жоден озадаченно посмотрел на меня. Очевидно, что мы с трудом понимаем друг друга. Я просто пожала плечами и повторила слово, желая удостовериться, что правильно его выговариваю. Жоден кивнул. Я подняла сумку и прошла через палатку. На выходе я задержалась на секунду и улыбнулась стражнику как сумасшедшая; у меня даже закружилась голова от облегчения. Стражник удивлённо заморгал, но улыбнулся в ответ.

Я почти не помню, как прошла к замку и вышла за ворота. Рана того воина заживала очень хорошо, в чем вчера вечером я не была уверена. О, все ещё сохранялась опасность лихорадки и заражения крови, но я оптимистично настроена. Я продвигалась по рынку лёгким шагом и с ещё более лёгким сердцем.

Ещё достаточно рано, и на рынке не было толчеи. Большинство торговцев, должно быть, раскладывают товары. Но сейчас здесь царилла какая-то жуткая тишина, непривычное безмолвие. Я дошла до магазинчика Ремна и увидела закрытые дверь и ставни. Я постучала, и лавочник (мужчина ниже меня ростом и в два раза круглее) с обеспокоенным лицом впустил меня внутрь. Он поприветствовал меня с улыбкой, но в его глазах таилась печаль.

— Ксилара. Что ты здесь делаешь утром?

— Доброе утро и хорошей торговли, мастер Ремн.

Я проскользнула внутрь, и Ремн закрыл за мной дверь.

— Торговли... — Он вздохнул и указал на полки. — Лара, в военное время книги не покупают. Мы спокойно сидим, пьём, и едим пироги моей жены в гулкой тишине магазина.

Торговец покачал головой от отчаяния.

Я достала книгу из сумки. Ремн улыбнулся, увидев обложку.

— Ах, помню, когда ты её купила. Твоя первая, да? — Он перевернул том и провёл большим пальцем по коже переплёта. — Нужна починка?

— Нет. Я хотела спросить, сколько ты дашь за неё.

Ремн посмотрел на меня с немым вопросом в тёмных глазах.

— На рынке поговаривают, что ты покупаешь лекарства для заключённых.

Я пожалала плечами.

Он поджал губы и задумался на секунду, постукивая по книге длинным пальцем.

— Жди здесь.

Он резко исчез в глубине лавки и вернулся с маленьким мешочком. Вручил его мне, и тот со звоном упал в мою ладонь.

— Сын моего брата пропал на войне. Мы не получили никаких вестей, но я делаю это от его имени. Я молю богов, чтобы на той стороне оказался человек с таким же великим сердцем как у тебя.

Я открыла мешочек и посмотрела внутрь.

— Ремн, это слишком много...

Он поднял руку.

— Я возьму твою книгу в качестве залога, леди. Я знаю, ты вернёшь деньги. — Он указал на меня пальцем. — И не вздумай, не возвратить долг.

Я рассмеялась и обняла его. Ремн не принял мою благодарность и стал убеждать вернуться домой. Я мягко отказала.

Ремн насупил брови.

— Ну ладно. Возьми одного из моих учеников с собой. У вас должен быть эскорт, молодая особа.

— Я только заскочу к Эстовалу. Со мной все будет в порядке.

Лавочник заворчал, но открыл дверь, и я махнула, что ухожу.

Я ненадолго задержалась у телеги Калисы. Она была занята с клиентами, которые почти были готовы скупить все её запасы, так что я сунула флягу с мазью для суставов в её скрюченную руку и ушла. Она крикнула спасибо мне вслед.

Следующим на очереди был Эстовал. Его лавка располагалась дальше по улице, и теперь уже утренние покупатели начали выходить на рынок. Но торговцы не спешили открывать окна, чтобы продемонстрировать разнообразие своих изделий. Вместо этого они спрятались за закрытыми дверями и ставнями. Да и от покупателей исходила аура отчаяния. Я подгоняла ноги идти быстрее и сосредоточилась на попытке вспомнить ещё одну смесь, которая, как предполагалось, помогала от порезов. Я вспомнила, что нужно прокипятить молоко козы до гущи, но остальная часть рецепта ускользала из памяти. А, ладно. Возможно, Эстовал подскажет. Кроме того, мне нужно огромное количество ингредиентов на лосьоны. Не хочу ещё раз продавать книгу!

Пока я пробиралась через толпу, по затылку поползло странное ощущение. Как будто кто-то наблюдал за мной. Я остановилась и порылась в сумке, словно ища что-то. Я посмотрела через волосы, пытаюсь разглядеть, следят ли за мной или преследуют, но никого не увидела. Я пожалала плечами. Наверное, сказывается усталость.

— Ксилара! — спокойно поприветствовал меня Эстовал, окружённый своим остропахнувшим товаром. — Чем могу помочь?

Я выпалила на одном дыхании свой список, и Эстовал указал ученикам нести товары. Я переходила от полки к полке, выбирая ингредиенты, которые лучше всего подойдут для моих лосьонов.

— Эстовал, ты не помнишь рецепт мази от порезов? Там ещё нужно прокипятить козьё

молоко?

Ещё более спокойным тоном он поведал мне рецепт. Я добавила нужные товары к растущей груди. Эстовал стоял рядом, нервно сортируя часть запаса около меня.

— Мне интересно, слышали ли вы что-нибудь, леди? О войне? — льстиво спросил он, но я уловила скрываемый страх.

Я ответила спокойным тоном и в общих деталях. Эстовал кивнул, тщательно выслушивая меня. Уверена, через несколько минут после моего ухода мои слова облетят весь рынок. Я преподнесла ответ просто и в оптимистичном ключе, не упоминая правды. Пусть Ксиманд делает объявления для народа, а не я.

Наконец я получила то, что хотела, и прошла к прилавку, за которым ученики раскладывали другие товары. Я пронзила ребят колючим взглядом, так как было очевидно, что они принесли вещи из более старого запаса — увядшие, сморщившиеся и несколько не подходящие для моих целей. Я метнула на Эстовала ещё более колючий взгляд, когда он назвал свою цену.

Он отвёл взгляд.

— Когда поставки ограничены, цены растут.

— Поставки ещё не ограничены, Эстовал. И я бы это козе не скормила, не то чтобы людей лечить.

Торговец вздёрнул подбородок.

— Вы лечите тех варваров. Лучший запас зарезервирован для ксиан, а не для отвратительных...

Я перебила его:

— По приказу короля, Эстовал. — Я вытянула спину и пригвоздила его своим лучшим взглядом аристократки. — Поскольку я дочь Кси и выполняю приказ короля, ты продашь мне лучший товар из своих запасов и по нормальным ценам. Или ответишь перед Ксимандом и его советом.

Эстовал съёжился от страха. После повелительного жеста его ученики принесли новые товары, и я заплатила за них справедливую цену, в тишине обменяв травы на монеты. Я была благодарна, что Эстовал пошёл на попятную, так как никакой поддержки со стороны Ксиманда мне ждать не приходилось. В этом я не сомневалась.

Как только я упаковала последнюю вещь, привычная любезность Эстовала к клиенту взяла вверх:

— Нужно ли вам ещё что-нибудь, Ксилара?

— Нет, думаю, на сегодня у меня все есть, Эстовал. — Я заколебалась на минуту, задумавшись. — Ты когда-нибудь слышал о кавадже?

Эстовал сморщил нос.

— Это трава?

— Нет. — Я покачала головой. — Это своего рода напиток. Я понятия не имею, что он из себя представляет. Думаю, один из моих пациентов насладился бы его вкусом, но сомневаюсь, что он у кого-нибудь есть.

— Один из заключённых? — фыркнул Эстовал, но инстинкты торговца все же победили. — Можете подойти к телеге ремесленника, это три лавки вниз. Если он, конечно, на месте. Кажется, он выбирался за город и торговал с людьми военачальника. Упомяни моё имя, дочь Кси.

Я кивнула с королевской грацией и отправилась в указанном направлении.

Украшенная горшками, кастрюлями и лентами, колыхающимися на ветру, телега ремесленника нашлась без труда. Мне пришлось подождать, пока торговец обслуживал другого клиента — высокого широкоплечего мужчину в латах. Я заняла себя осмотром товара. Ремесленник продавал мелкие вещицы и изделия из металла, мерцающие в солнечном свете. Через несколько минут он обратил на меня своё внимание.

— Чем я могу вам помочь? — Его глаза сверкали в ожидании.

Я улыбнулась.

— Я не спешу

Ремесленник моргнул.

— Этот господин никак не может сделать выбор. Пока он думает, я успею вас обслужить. Чем я могу быть любезен?

— Эстовал сказал, что вы могли бы мне помочь. Я ищу некий кавадж.

Торговец сморщил нос.

— Тьфу. Что вы желаете делать с этой грязной смесью?

— Я ухаживаю за заключёнными. Один из них упомянул, что это приятный напиток. — Я вздрогнула, задумавшись. — Это разновидность алкоголя?

Я представила, как буду пытаться объяснить палатку, полную пьяных заключённых. Ксиманд убьёт меня.

— Нет, — раздался низкий голос со слабым акцентом. Я повернулась и увидела, что на меня смотрит второй клиент. Я разглядела короткие тёмные волосы и темно-коричневую кожу незнакомца, загоревшую на солнце, но поразили меня его ярко-голубые глаза. Высокий и с широкими плечами, он возвышался надо мной и ремесленником, почти закрывая солнце. Я решила, что это один из наёмников, которых богатые лорды нанимают для охраны жизни.

Ремесленник согласно рассмеялся.

— Земля возьми меня, нет. Это действительно грязная жидкость, которую они получают, выдавливая сок из семян.

Он начал рыться в телеге, исчезнув по голову и плечи в одном из её отделений. Его приглушённый голос плыл обратно ко мне.

— По правде говоря, я уже пытался продать его, но как только попробовал!.. — Он выбрался с немаленьким мешочком в руках и странным металлическим орудием. — Чуяло моё сердце, я никогда не смогу продать его здесь. Народ объявит бы меня отравителем, и здравствуй виселица. — Его глаза замерцали. — Я продам его вам, прекрасная леди, но я не виноват, если жидкость прожжёт ваши внутренности.

— Договорились, — ответила я с улыбкой. — Тогда такой товар не должен много стоить.

Ремесленник попытался сделать обиженный взгляд, но прыснул со смеха.

— Ах, леди, перевес на вашей стороне.

Мы немного поторговались, только ради проформы, но быстро достигли согласия. Я заплатила, всецело довольная своей покупкой. Ремесленник оказался настолько любезен, что дал мне мешок для семян и горшка. Когда я заковыляла прочь со своей ношей, я услышала, что ремесленник крикнул мне вслед:

— Приходите ещё, леди, купить моих товаров. — Если бы руки не были заняты, я бы помахала на прощание.

— Его пьют с молоком. — Человек с яркими голубыми глазами шёл рядом со мной, не отставая ни на шаг. Очевидно, он потерял интерес к покупке. — Вам помочь?

Рынок наполнился покупателями. С такими большими узлами я обязательно кого-нибудь задену. Незнакомец перехватил у меня мешок и сумку, и я почувствовала, как моё лицо немного вспыхнуло. У воина был спокойный и очень дезорганизирующий взгляд. Редко какой человек может так обратить на себя моё внимание. Я приказала себе не глупить.

— Я Лара.

Мужчина улыбнулся.

— Я Кир.

Мы пошли вместе по улице.

— Этот напиток пьют с молоком и мёдом.

Предложение вышло неизящным, да и слабый акцент имелся. Я не могла от него избавиться.

Я кивнула и задумалась. У меня ещё оставались деньги, а мед и молоко стоят недорого. Я улыбнулась Киру.

— Тогда я куплю их. Побалую своих пациентов. — Я посмотрела на него. — Вы узнали это на войне?

Незнакомец пристально посмотрел на меня.

— Всегда нужно знать своего врага. — Кир поменял руки. — Вы заботитесь о пленных?

Я кивнула.

— Вы ухаживали за воином по имени Симус?

Мои ноги замедлились, сообразив быстрее, чем голова. Уму потребовалась ещё минута, чтобы понять смысл сказанного. И прежде, чем я успела отреагировать, меня оттащили в проулок, прижали к стене и заткнули рот ладонью. Брошенные узлы валялись у наших ног.

Меня же об этом предупреждали, ах, да, Анна, Эльн, Ремн и все остальные. Я повела себя беспечно, и на меня, одинокую и беспомощную, напали на рынке. Я никогда не верила чужим словам и всегда думала, что смогу закричать, ударить или убежать от любого глупца, посмеявшегося на меня напасть. Но прижатое ко мне тело было сильно и твёрдо и удерживало меня так легко, пока я боролась, пыталась пнуть нападавшего, изо всех сил пытаюсь освободить руки, да что угодно, лишь бы заполучить шанс на освобождение.

— Не дёргайтесь. Я не причиню вам вреда, — прогрохотал незнакомец, и его тёплое дыхание рядом с моим ухом заставило меня задрожать. Я расслабилась и впилась взглядом в этого мужчину, хотя мои грозные очи не могли принести ни малейшего вреда. Я не шевелилась, пока незнакомец не был готов меня отпустить.

Учитывая наше местонахождение и его действия, нет никакой причины верить его словам и оснований полагать, что он не причинит мне боль. И все же...

Я верила ему. Я не боялась. Фактически, я никогда не чувствовала себя более живой. Казалось, тело заново себя открыло. Кожа словно ожила. Незнакомец прижимался ко мне, придавливая в стену, его рот находился в крохотном дюйме от моего уха. Сильное тело согревало меня даже через одежду. Словно...

Его голос положил конец постыдным мыслям, глаза сфокусировались на мне.

— Я лишь хочу получить сведения. Как Симус?

Он немного сдвинул ладонь, достаточно, чтобы я смогла говорить. Я все ещё ощущала тепло его руки на лице.

— С ним все в порядке.

Я бросила взгляд по сторонам, но в переулке мы были одни.

— Когда он сможет путешествовать?

Я понимала, куда он клонит.

— Через несколько дней. И даже тогда его придётся нести.

Похититель на секунду впился в меня глазами. Взгляд стал довольным: незнакомец поверил, что я говорю правду.

— Ты передашь ему сообщение.

— Нет.

Он резко посмотрел на меня.

— Ты лечишь вражеских...

Я прервала его:

— Нет. Я не знаю, кто вы и что собираетесь сделать, но я не буду помогать вам.

Его голубые глаза засверкали. Рука опустилась к моему горлу и слегка сжала его.

— Тогда я могу убить тебя.

Я сглотнула и закрыла глаза.

— Кто тогда отнесёт кавадж Симусу?

Смешок в ответ. Рука отпустила моё горло, и я почувствовала, как жар его тела сместился. Я открыла глаза и увидела пустую дорожку.

Я немного постояла, просто дыша, давая себя время успокоиться. Но я все ещё ощущала вес прижатого ко мне тела и тёплое дыхание на щеке. На улице затихало и убыстрялось движение, и привычные звуки помогли взять над собой контроль. Вещи лежали у моих ног, и я подняла их, надеясь, что ни одна из бутылей и фляг не разбилась. У меня ещё много дел, и время пропадает впустую. Я сделала глубокий вдох и пошла.

Я сглушила. Мои щёки покраснели от смущения. Невежда. Я переговорю с лордом Уорреном, как только он будет свободен.

После работы в кладовой и помощи Эльну я добралась до палатки пленных уже к позднему часу. Я зевала, идя последнюю часть тропы к посту Хита. Дойдя до друга, я остановилась, поставила на землю сумку, мешок и кувшины, и сладко-сладко потянулась, зевая во весь рот.

Хит улыбнулся:

— Устала?

Я усмехнулась и кивнула.

— После этого я лягу спать... никаких остановок по пути.

Хит указал подбородком на замок.

— Я слышал, что горны объявили о прибытии военачальника. Ты что-нибудь слышала о переговорах?

Я фыркнула.

— Хит, мне все расскажут в последнюю очередь. Я знаю, что Уоррен присутствует на переговорах, но это всё, что я знаю.

Я вздохнула и подняла свою ношу. Я устала, а проклятая брошка натёрла волдырь на лодыжке. Также я была расстроена, что не попыталась поговорить с лордом Уорреном, но это оказалось невозможно.

— Надеюсь, они смогут договориться. Хватит с меня раненых.

— Да. — В глазах Хита появились смешинки. — Будешь больше готовить придворным дамам лосьоны да микстуры.

Я закатила глаза, и Хит захихикал, откидывая для меня край палатки.

Войдя, я стала выискивать глазами Рэйфа и нашла его около койки Симуса. Проходя

через палатку, я заметила, что большинство мужчин на ногах и пытаются идти. Хотя некоторых из них шатало, и передвигались они только с чужой помощью, но старались двигаться.

— Рэйф. — Я поздоровалась. Он, Жоден и ещё один мужчина, мммм... Прест, окружили кровать Симуса. Я поставила свои вещи и встала на колени, чтобы осмотреть пациента.

— Он просыпался?

Жоден пожал плечами.

— Весь день то просыпался, то засыпал.

Прест посмотрел на меня.

— С ним все будет хорошо?

— Давайте посмотрим.

Прест и Жоден начали разворачивать одеяла. Я посмотрела на Рэйфа и улыбнулась.

— Я нашла это на рынке. Возможно, ты сможешь использовать.

Он выглядел озадаченным, но взял мешочек и открыл. Глаза Рэйфа стали очень большими и взволнованными.

— Кавадж! Это кавадж! — Он посмотрел на меня, пока до остальных доходил смысл этих слов. — Где ты его?..

— У одного торговца на рынке. Он не смог продать его. Всё думал, что это яд.

Палатка рассмеялась, но Рэйф потерял ко мне интерес. Он и несколько других стали проверять содержимое и обсуждать семена. Мужчины выглядели одержимыми. Я прикусила губу и начала волноваться, что совершила ошибку.

Жоден заметил мой взгляд и улыбнулся.

— Не бойся, целитель. Это напиток, как и любой другой. Но это вкус дома, и займёт их на какое-то время, пока они не найдут способ размолоть семена.

Я улыбнулась с облегчением и повернулась к больному.

Рана выглядела очень хорошо. Я внимательно осмотрела пациента, как и ранее, и осталась довольна прогрессом. Мы прочистили и перевязали рану, на этот раз обработав её мазью с противовоспалительными ингредиентами и лапками феи.

Удовлетворённая, я позволила Жодену и Престу завернуть пациента в одеяла. Я начала обход, усталая, но счастливая. Каждый мужчина был вне опасности и выздоравливал. Работая, я слушала, как Рэйф и его группа взволнованно обсуждают различные способы размолоть бобы, которые я принесла. Я остановилась посмотреть, как один мужчина попытался размолоть их каблуком о кусок дерева.

— А вкус это не испортит?

Он кивнул, не поднимая головы.

— Да. Это добавит аромат.

В конце концов, шум улётся, я обернулась и увидела, как мужчины в лютот отуплении созерцают металлический горшок, который дал мне ремесленник, нависнув над одной из жаровен с горячими углями. Я просто покачала головой и продолжила свою работу. Вскоре палатку заполнил странный аромат. Станный, но приятный.

Наконец, я завершила осмотр и подошла к Жодену, сидящего у Симуса, и опустилась рядом с ним. Я подтащила сумку и начала заново упаковывать вещи. Я почти покончила с этим занятием, как Жоден легонько толкнул меня. Я подняла глаза и увидела, что надо мной стоит Рэйф с кружкой чего-то горячего в руке.

— Мы хотим, чтобы первой попробовала ты. — Рэйф гордо посмотрел на меня, передавая кружку. Остальная часть палатки наблюдала за мной во все глаза. Я приняла напиток.

— Вы не пытаетесь отравить невинного молодого целителя?

Я с подозрением глянула на Рэйфа, который смотрел на меня столь же невинно, как ягнёнок.

— Нет. — Рэйф выглядел очень серьёзным. — Не по моей чести. — Зубы блеснули в улыбки. — Я бы не стал тратить кавадж на это.

Все в палатке начали смеяться, некоторые постучали Рэйфа по спине в ответ на шутку.

Глубоко вздохнув, я поднесла напиток к губам и сделала крохотный глоток

Моё лицо скривилось в отвращении, и палатка снова взорвалась от хохота. Мне удалось сделать глоток, но с большим трудом. Жидкость оказалась горячей, густой и горькой.

Жоден похлопал меня по спине, и остальные мужчины стали делить напиток и думать, не поставить ли на огонь им ещё один горшок.

— Большинство предпочитает смешивать кавадж с молоком и мёдом, чтобы убрать горечь.

— Да! Верно. — Я стала искать глазами продукты. — Кир предупредил мне, и я принесла их с собой.

Наступила тишина, плотная и неестественная. Я замерла под сверлящими взглядами. С ближайшей койки раздался голос, тонкий и слабый:

— Кир? Вы говорили с Киром? — Симус изо всех сил пытался сесть.

Жоден и Прест не дали ему подняться. Я передала молоко и мед Рэйфу, который безмолвно забрал вещи, и повернулась к Симусу.

— Я встретила человека на рынке этим утром, который сказал мне, что кавадж нужно смешивать с молоком или мёдом.

В тот момент я возблагодарила богиню, что в палатке со мной стояли двое охранников. Два охранника, которые выглядели очень взволнованными. Один заметил мой взгляд, и я улыбнулась в ответ. Они немного расслабились.

Жоден сделал жест, и все разбрелись поболтать и насладиться каваджем. Жоден помог Симусу сесть, Рэйф подошёл помочь. Он принёс с собой кружку, и из одеял появилась слабая дрожащая рука Симуса и схватила кружку, как утопающий хватает соломинку.

Жоден не отрывал от меня взгляда.

— Человек с глазами как синее пламя?

Я кивнула.

— Он передал какое-либо сообщение?

Я посмотрела прямо в глаза Жодена.

— Он хотел. Я отказалась.

Жоден прищурил глаза. Симус наблюдал за мной из-за края кружки, пока Рэйф помогал ему выпить.

Я не отвела глаз.

— Я лечу любого, кто нуждается в моих услугах. Но я не... — Я не могла думать о слове «предательница». — Я не клятвопреступница. Я давала присягу целителя, но я также верна своему королю. Я не буду помогать Киру организовывать побег.

В ту секунду как я замолкла, меня забила дрожь. Жоден, Рэйф и Симус расслабились: я почувствовала, что напряжение покинуло их, когда они слышали мои слова. Вероятно, каким-

то образом я передала сообщение, которое Кир хотел им доставить. Я снова покраснела.

Симус тяжело вздохнул.

— Этот кавадж ужасен. Кто его приготовил?

Рэйф откашлялся.

— Надо было догадаться. — Он посмотрел на Жодена. — Сколько?

— Два дня, — ответил Жоден. — Ты был тяжело ранен. Тебя мучила лихорадка.

Симус поднял бровь и пристально посмотрел на Жодена. Тот отвёл взгляд, словно устыдившись чего-то, но продолжил говорить:

— Лара осмотрела тебя, и теперь рана хорошо заживает. Не думаю, что ты потеряешь ногу.

Симус расслабился, услышав хорошие новости, и сделал ещё один глоток из чашки.

— Вести?

Жоден покачал головой.

— Ни одной.

Симус посмотрел на меня и поднял обе брови. Почему бы и не сказать?

— Я знаю лишь, что военачальник прибудет к полудню с целью обсудить заключение мирного договора.

Симус обдумал моё известие.

— Ты неправ, маленький целитель. Военачальник будет обсуждать условия сдачи.

Возвращаясь в тот вечер во дворец вдоль садовой дорожки, я чувствовала себя странно воодушевлённой. Испытанная ранее усталость исчезла в мгновение ока. Прежде, чем покинуть палатки, я выпила кружку каваджа, добавив в напиток молока и мёда. Странная трава. Интересно, есть ли у неё целебные свойства.

С тающим шансом уснуть в ближайшее время, я пошла в дворцовую кладовую. Помахала Анне, войдя в кухню, захватила тарелку тушёного мяса с парой ломтиков хлеба и скрылась в тёмной нише. Я умирала с голоду и не могла вспомнить обедала я сегодня или нет.

Усевшись на табурет, я съела всё блюдо в один присест. Комната с рядами полок и рабочих столов была прохладна и тиха. Свеча освещала лишь небольшую площадь вокруг меня. Остальные свечи я зажгу, когда приступлю к работе. Ароматпряного мяса наполнил мои чувства, уравнивая запах лекарств и смесей. Молниеносно сметя еду, я осмотрелась, строя планы. Я решила сосредоточиться на лекарственных рецептах. Если сражения возобновятся, то мне нужно всё что есть под рукой, и даже больше. Лосьоны и духи могут подождать.

Несколько часов спустя жаровни ярко горели, а микстуры варились. В одном чайнике кипели вода и кора ивы — из них я приготовлю лекарство от лихорадки. В другом горшочке готовились компоненты для смеси от шрамов; единственное пришлось украсть козье молоко из кладовой. Помешивая смесь из корня орхидеи, я услышала дуновение горнов. Я остановилась, прислушалась, но все смолкло. Должно быть, военачальник проехал через главные ворота. Если это действительно так, то переговоры пройдут очень долго. Я тихо помолилась Богине, чтобы всё прошло хорошо. Гордость Ксиманда толкала его совершать глупости в прошлом. Но лорд-маршал Уоррен хороший человек. Надеюсь, ему хватило мудрости заключить мир.

Булькающие горшки и родные запахи расслабляли как ничто иное. Мне нравится заботиться о людях, но и в продаже сваренных эликсиров, ослабляющих боль и восстанавливающих здоровье, я нахожу маленькое удовольствие. Безусловно, это похоже на магию. Оно даёт мне истинный смысл того, что значит быть необходимой, и настоящее чувство выполненной работы.

К тому времени как корень орхидеи уже можно было распределять по заранее подготовленным маленьким бутылочкам, я зевала во весь рот. Тщательно выверенными движениями я наполнила каждую флягу до горлышка и закупорила с большим зазором. Пробки уплотнятся, как только охладится стекло. Осталось только лекарство от лихорадки. Пасту нужно зачерпать ложечкой в маленькую флягу и запечатать воском. Я растопила воск и начала работать. Казалось, я никогда не освобожусь, но, в конце концов, я вылила сургуч в последнюю из фляг.

В дверь постучали, и вошёл Озар. Он тоже выглядел усталым: под глазами красовались мешки. Я улыбнулась ему, запечатав последнюю флягу воском. Озар стоял на месте, вытирая лицо обеими руками, и вздыхал.

— Тяжёлая выдалась ночь? — Я сдула пламя и собрала несколько фляг, чтобы расставить их по полкам за своей спиной.

Озар кивнул.

— Король единолично беседовал с военачальником несколько часов, а потом уединился

с советом. Обсуждение идёт очень энергично. Меня послали за вами.

Я поставила последнюю флягу и развернулась.

— За мной? — Точно сова заморгала я от удивления. — Зачем?

Озар пожал плечами. В глазах читалась горечь.

— Не знаю. Но он хочет немедленно вас видеть.

Мой отец разрешал Озару присутствовать на всех советах и часто спрашивал его мнения. Взойдя на трон, Ксиманд забрал эту привилегию. Ещё одна причина для Анны не любить моего брата.

Я быстро очистила столешницу и задула лампы и свечи. Озар встал у двери и придержал её для меня. Я проскользнула мимо него, на ходу разглаживая свой камзол. Весь в каплях воска и других пятнах, не говоря уже о запахе, но совету придётся смириться с моей рабочей одеждой, если он хочет в этот же час получить доклад о положении дел у заключённых. Я вывихнула челюсть при зевке, пока следовала за Озаром по боковым коридорам.

Мы достигли дверей и услышали диалог на повышенных тонах. Мы с Озаром обменялись взглядом, но промолчали. Мне одной кажется, что Ксиманд больше спорит с советом, чем его выслушивает.

Стража кивнула и открыла дверь, чтобы впустить меня. Как только дверь распахнулась, разговор резко оборвался.

И снова я стала на колени перед своим братом. Но когда мне разрешили встать, Ксиманд смотрел в окно. Он был в официальном одеянии, стоял уверенно и прямо перед огромным окном, сжимая руки за спиной. Я оглянулась. Казалось, в комнате собрался весь совет. Лорд-маршал Уоррен наряду с архиепископом Дризенем. Дризен сидел в церковном облачении около очага рядом с дьяконом Брудусом. Все выглядели усталыми и измотанными. Краем глаза я заметила, что совет обменивается обеспокоенными взглядами. В комнате ощущалась напряжённость, словно все избегали смотреть на меня. Что-то пошло не так, совсем не так.

— Ксилара, военачальник огласил свои условия, — объявил Ксиманд, даже не обернувшись. Его взгляд был прикован только к окну. Ладони сжимали друг друга. Я бросила взгляд на генерала Уоррена, но тот поморщился и уставился в пол.

— Я рада это слышать, Ваше Величество. — Я сглотнула, предвещая беду. — Приемлемы ли эти условия?

Ксиманд так и не обернулся.

— Я и мои дворяне должны поклясться ему в верности. Королевство останется под моим управлением, размер потребованной дани и десятины в пределах разумного. Все заключённые и раненые, если они будут, подлежат обмену. — В его тоне звучала горечь. Возможно, потому что у противной стороны больше заключённых. Ксиманд продолжил: — Но он потребовал дар.

Взгляд моего брата был прикован к горизонту.

Мой страх возрос. Если военачальник потребовал у Ксиманда чего-то личного, то гордость брата не даст ему принять условия мира.

— Что он потребовал?

Я сделала шаг в сторону Ксиманда. Однако он не обернулся. Я посмотрела по сторонам, но все отвели глаза.

Наконец, генерал Уоррен сделал глубокий вдох:

— Вас. — Он откашлялся. — Он требует вас в качестве подарка.

— Меня? — пропищала я. Казалось, голос раздался с далёкого расстояния.

Ксиманд не обернулся.

— В качестве рабыни.

Я уставилась на его широкую спину, уверенная, что неправильно его расслышала.

— Меня? Но...

Уоррен кивнул и посмотрел на выпрямленную спину Ксиманда, но когда ответа не последовало, продолжил сам:

— Военачальник пообещал настоящий мир. Без разбоя и грабежа. — Уоррен сглотнул. — Он предлагает истинный мир в обмен на вас, дочь Кси.

Архиепископ вышел из себя:

— Он берет дочь крови, точно уличную девку. Его Величество, такого нельзя допустить.

Церковники были в ужасе.

Да ну их эти правила этикета. Я опустилась на ближайший стул, мои тело и ум оцепенели.

— Вы неправильно поняли. Он не может хотеть...

Ксиманд нервно теребил пальцы, переминаясь с ноги на ногу. Он двинулся, и луч солнца отразился от золотой парчи его туники. Мой брат, всегда такой величественный.

— Ты станешь его собственностью, рабой его желаний. Он не объяснил, какой будет твоя окончательная судьба. Он просто повторил, что требует тебя, что ты должна быть обещана ему. — Брат немного двинул головой, но не повернулся. — Я предлагал ему земли, золото и скот. Он лишь качал головой. «Ради истинного мира», — сказал он. — «Она станет моей».

Я безучастно уставилась на брата. С детства меня учили нести ответственность, как дочь дома Кси. Я знала, что меня ждёт брак по расчёту. Но годы шли, я стала мастером, и брак казался тусклой перспективой. Все же я выполняла свой долг, долг моего рождения и моего дома, но в форме, сильно отличающейся от чужих ожиданий.

Я облизала пересохшие губы и попыталась вспомнить, что значит дышать.

Моим ногам удалось поднять меня со стула и донести до Ксиманда у окна. Отец выбрал эту комнату из-за панарамы: из окна просматривалась вся долина. Река, озеро, фермы и дома. Теперь я видела то, что видел Ксиманд. Сотни походных костров, рассеянных по долине. Люди военачальника. Я прислонила голову к прохладному камню, и мой взгляд переполнился отчаянием.

Ксиманд дёрнулся и повернулся. На мгновение я увидела в его глазах... Глубоко внутри, скрытое от всех мужчин в этой комнате, абсолютное полное ликование.

— Ты уже пообещал меня ему, — прошептала я.

Ксиманд склонил голову набок.

Ярость переполнила меня в одно мгновение. Я хотела ударить его со всей силы и причинить боль. Из Уоррена выйдет лучший правитель! Из Озара выйдет лучший правитель!!!

Ярость иссякла также быстро, как появилась, оставляя лишь одну дрожь. Отблеск тех походных костров напомнил мне, с кем мы имеем дело.

— Ксилара. — Уоррен встал позади нас. — Никто не может просить вас об этом.

Я повернулась к нему. Он не смотрел на короля.

— Мы не знаем намерений этого человека, нет никаких гарантий вашей безопасности или... — Он сделал паузу. — Статуса. Мои люди и я будем бороться...

— И, если вы будет бороться, Уоррен? Есть ли надежда? — спросила я.

Уоррен покачал головой.

— Не могу сказать. Мы плохо подготовлены к осаде. Воды нам хватит, но вот еды... —

Его голос затих.

— В горах есть туннели, — сказал крупный пожилой мужчина. Я не смогла вспомнить его имя, но знала, что он один из мастеров гильдии на совете. — Через них мы сможем её провезти.

Уоррен покачал головой.

— Туннели обветшали и редко используются. Они достаточно широки, если идти гуськом, но не для гружёных лошадей. Мы не сможем ввезти еду или иные поставки достаточно быстро, чтобы накормить весь город. — Он глубоко вздохнул. — Людям военачальника нужно построить осадочное снаряжение. Зима близко. Есть хороший шанс, что мы сможем протянуть, пока погода не отгонит его обратно к равнинам.

Я попятилась к стулу и опустилась на него. Мозг ничего не чувствовал. Раздались голоса, споры возобновились, но я не могла разобрать ни слова. Я уставилась на спину Ксиманда, но он не поворачивался. Он смотрел только на долину.

Я снова облизала пересохшие губы.

— Уоррен? — Мой голос звучал не громче шёпота. Он казался странным для моих ушей.

Когда Уоррен стал на колени перед моим стулом, споры все ещё не стихали. Я изучила его глаза. Я видела его страх.

Страх, что я не соглашусь.

— Это будет истинный мир?

Уоррен кивнул, наклонив голову почти до меня.

— Да. Военачальник всегда сдерживал данное слово. Он принимал ответные меры лишь после предательства. Когда его предают или бросают вызов, он безжалостен. — Уоррен склонил голову.

— Мне нужно... — Я прочистила пересохшее горло и посмотрела вниз на сжатые руки. Суставы были белыми. Не важно, что мне нужно. Я подняла голову и позволила своему голосу разнестись по комнате, прерывая бесполезные дебаты. — Когда это должно произойти?

Ксиманд обернулся.

— На закате. Церемония будет проведена на закате. — Он указал на окно, за которым уже маячил рассвет. — Сегодня.

Я кивнула. Мне потребовалась каждая частичка моей силы, но я смогла встать.

— Род Кси всегда учитывает интересы своего народа. — Я глубоко вздохнула. — К закату я буду готова.

Все в комнате, кроме короля, упали на колени, сняли шлемы и обнажили головы. Я смотрела лишь на Ксиманда, а он угрюмо смотрел на меня.

Я повернулась и пошла к двери на оцепеневших ногах. Я шла по коридору, в действительности ничего не видя. Не знаю как, но я оказалась в своей комнате. Я замерла на мгновение, окинула взглядом разбросанные вещи, бодро горящий огонь, книги, бумаги и... упала на колени и сумела добраться до ночного горшка прежде, чем мой ужин оказался бы на полу.

Я мучилась в спазмах и учащённо дышала над горшком целую вечность. Специя от

тушёного мяса обожгла мои губы. Я поняла, что ещё долго мой желудок не сможет переваривать вкус тушёного мяса Анны. Затем я поняла, что это не будет проблемой. От этой мысли живот снова сжался.

Глаза закрылись, и я попыталась сконцентрироваться на дыхании, а не на мерзких судорогах пищеварительного тракта. Рабыня. И снова спазмы, хотя желудку уже было нечего очищать.

Звук у двери. Чьи-то руки убрали мои волосы назад, а шеи коснулась прохладная ткань. Моё дыхание начало выравниваться, и к губам прижали чашу воды. Я сделала глоток, ополоснула рот и сплюнула. Заботливые руки тянули меня вверх и в сторону. Это была Анна. Она прижала меня к своей пышной груди, нежно воркуя и потирая мою спину. Я зарылась лицом в её шею и вцепилась, как больной ребёнок. Она пахла хлебом, жиром... и домом. Её большие тёплые руки гладили мою спину, и, опустившись на колени, она стала меня убаюкивать. Анна обнимала меня и укачивала, мои рыдания ослабли.

— Ты не можешь этого сделать... — прошептала она на ухо. — ...Не можешь.

Слухи летят быстрее ветра.

— Я должна, — прошептала я ответ. — Ксиманд уже пообещал.

Я подняла голову и захлюпала носом, вытирая глаза руками. Озар уже сидел на моей кровати с покрасневшими глазами, свесив руки между ног.

Он фыркнул.

— Он не имел на это никакого права. — Он глубоко вздохнул и сжал губы в тонкую белую полоску.

— Он ублюдок. Ублюдок по крови и по сути, — прошипела Анна. — Прекрасно, тогда пусть держит ответ перед военачальником. Мы заберём тебя и спрячем, пока всё не уляжется.

Я уронила голову на её плечо и позволила себя утешить на мгновение.

— У нас есть друзья по ту сторону гор. Ты сможешь пожить у них, Лара, — мягко произнёс Озар.

Я подняла голову и изучила его взволнованные глаза.

— Но ведь ответ будет держать не только Ксиманд? С последствиями придётся иметь дело всему городу.

Озар потупил взор и ничего не ответил.

Я отстранилась от Анны и села.

— Ведь так?

Озар посмотрел на огонь.

— Говорят, военачальник безжалостен к предателям и клятвапреступникам.

Анна взмолилась:

— Дитя, ты не ответственна за...

Я посмотрела на её залитое слезами лицо.

— Как поступил бы мой отец?

Озар выпрямил спину.

— Если бы ваш отец был жив, то отхлестал бы вашего брата по всем коридорам до самой конюшни. Он никогда бы не пообещал вас, прежде не посоветовавшись.

Анна согласно кивнула, качая подбородками. Она подняла влажную ткань и вытерла моё лицо.

— Дитя, пожалуйста. Не совершай напрасную жертву.

— А какой у меня выбор? Сбежать из города? От этих людей? От вас? И какая судьба будет вас ожидать, Анна?

Я встала. Озар тоже встал, и мы помогли Анне подняться. Как только она оказалась на ногах, Озар судорожно меня обнял.

— Это ещё не все, Лара. Мы должны поговорить, пока...

Хлопок дверью оборвал конец фразы.

Это пришёл Ксиманд.

Он стоял в дверном проёме с маленьким сундучком в руках.

Анна накрыла ночной горшок влажной тканью и подняла. Кивнув Ксиманду, она покинула комнату. На секунду я затаила дыхание, испугавшись, что содержимое горшка полетит брату в лицо. Но Анна молча прошла мимо своего короля. Озар поклонился и вышел вслед за женой. Закрывая дверь, он бросил на меня взгляд напоследок, давая знать, что наш разговор ещё не окончен.

Ксиманд положил сундучок на столик возле двери.

— Это принесли люди военачальника. В инструкции сказано, что ты должна помыться, намазаться маслами и надушиться духами. Волосы должны быть распущены. Наденешь принесённое платье и ничего более. Когда вызовут в тронный зал, сразу подойдёшь к трону, встанешь на колени перед военачальником и вытянешь запястья для цепей.

Я промолчала: не дам Ксиманду лишнего повода для радости.

— У меня для тебя ещё кое-что есть. — Он протянул маленький пузырёк с тёмной жидкостью. Я взяла его и посмотрела на брата с немым вопросом в глазах. — Это аконит.

Один из самых смертоносных из известных ядов. Убивает в считанные секунды.

Голос едва вырвался из моего горла:

— Что я должна с этим делать?

— То, что нужно. — Ксиманд убрал руки за спину. — У меня не было выбора, Ксилара. Мои генералы говорят мне, что мы не могли ему противостоять. Делая это, я сохраняю государство.

— И трон.

Внезапно на меня накатила усталость, смертельнейшая усталость. Я села на стул и рассмотрела пузырёк. Такой маленький и такой опасный.

— Я предоставляю тебе спасение, даю время принять решение.

Пусть почувствует мою горечь.

— Я тебе безмерно благодарна, не сомневайся.

Он напрягся.

— Наилучшее время — после церемонии, но прежде, чем он сможет... — Его голос умолк, и я закрыла глаза. — Я знаю, ты сделаешь то, что лучше для наших людей.

Теперь в его тоне звучали горечь и что-то ещё более тёмное. Я смотрела на него, а на кончике языка так и вертелся вопрос, за что он меня ненавидит.

Сомневаюсь, что я получу честный ответ.

Он выдержал мой взгляд лишь одну секунду, а затем повернулся и покинул комнату, прикрыв за собой дверь.

Я вертела пузырёк в руке, и коричневая жидкость текла вниз и вверх. Я смотрела на него и крутила, крутила, крутила...

Всю свою жизнь я хотела лишь исцелять. Снимать причинённую людям боль. Собственную школу, место, чтобы учиться, изучать, преподавать... и исцелять. Теперь же...

Я сглотнула, так как к горлу снова подкатила желчь. Я встала и начала мерить шагами свою небольшую комнату. Я снова и снова вспоминала сцену в кабинете Ксиманда, пытаюсь найти иной путь, альтернатива тому, что он пообещал нашему врагу. Слова Ксиманда продолжали звучать в моей голове. «Я и мои дворяне должны поклясться ему в верности. Королевство останется под моим управлением, размер потребованной дани и десятины в пределах разумного. Все заключённые и раненые, если они будут, подлежат обмену. Но он потребовал дар».

«...потребовал дар...»

«...потребовал дар...»

Я что-то упускаю...

«Все заключённые и раненные, если они будут, подлежат обмену».

Всемогущая Богиня, «если они будут»!

Я вскочила, бросив пузырьёк на кровать. Ксиманд не намерен обмениваться пленными. Он повинуетя букве договора, но не духу. Я с трудом сглотнула и посмотрела в окно на восходящее солнце. Может быть, уже слишком поздно.

Я вскочила и побежала без всякой мысли. Вылетела из комнаты, добежала до винтовой чёрной лестницы и бросилась вниз с такой скоростью, что мои ноги едва касались ступеней. Пролетела через кухонную дверь и, слава Богине, Озар с Анной оказались на месте. Они подняли головы и уставились на меня, как будто на полоумную.

Я объясняла чрезвычайно спеша и торопясь, почти что скороговоркой.

— Успокойся, Лара, успокойся. — Озар нахмурился. — Ксиманд так бы не поступил. Он слишком боится того демона...

Анна вытерла лицо и, преисполненная мрачности, произнесла:

— Возьмёт и поступит. Потешит своё самолюбие. Что мы можем сделать?

— Думаю, я смогу безопасно провести их к воротам замка, но дальше?..

Я задрожала от мысли о бойне и как это отразится на заключении мира.

Озар потёр подбородок.

— Позволь мне позаботиться об этом. Иди к палаткам, Лара. Возможно, мы неправы, но в любом случае проверь.

Я кивнула и, забежав в кладовую, схватила сумку. Без дальнейшего размышления вылетела из кухни и бросилась к садовой дорожке, бежав что есть мочи, молясь, чтобы я оказалась не права.

Я остановилась у зарослей шиповника, скрывших меня от первого стражника, и попыталась отдышаться. Нет смысла себя выдавать. Сбросила сумку с плеча, наклонилась вперёд, держа руки на коленях, и сконцентрировалась на дыхании.

Взяв себя в руки, я подняла сумку и начала спускаться к тропе в обычном темпе. Я должна успеть, должна...

Первый часовой выглядел невозмутимым и приветливо помахал, когда я прошла мимо. Я помахала в ответ и пошла вперёд. Один медленный шаг за другим. Показался второй часовой. Я махнула рукой и не прибавила шагу.

Охранник был мне знаком, но я не смогла вспомнить его имя.

— Вы сегодня рано, — кивнул он мне.

Я кивнула в ответ и улыбнулась, не доверяя своему голосу. Стражник отодвинул откидную створку. Я вздохнула и вошла внутрь. Всё было по-прежнему. Я медленно выдохнула и зашаталась от охватившего меня облегчения. Большинство заключённых все ещё

спало. Тем не менее, судя по запаху каваджа и парой горящих жаровен, кто-то уже развил бурную деятельность. Возможно, я ошиблась. Возможно.

Я нашла глазами Симуса и Жодена и направилась к ним. Свет не доходил до той части палатки, где они лежали, и там сгустились тени.

Жоден первым поднял глаза, и казалось, был удивлён видеть меня. Он встал с коленей и вытянул руку, словно отгоняя. Я прошла мимо него и опустилась у постели Симуса, который вскрикнул столь резко, что я сразу же рванула с него одеяла. Я в испуге посмотрела по сторонам и проследовала за пристальным взглядом Симуса к стене палатки. В самой глубине темноты я обнаружила нечто важное.

В тени скрывался мужчина.

Я замерла. Жоден встал за моей спиной, загораживая обзор охране. Симус изо всех сил пытался сесть, и я помогла ему почти бессознательно: мой взгляд никак не мог оторваться от тех голубых глаз, мерцающих в тени за нами.

Кир.

Жоден говорил тихо, и мне потребовалась минута, чтобы понять его речь.

— ...пожалуйста. Не выдавай его, Лара. Прошу.

— Не буду, — шёпотом ответила я. Я посмотрела в те голубые глаза, такие яркие в темноте. — Это безрассудный план спасения?

Белые зубы сверкали в тенях.

Я оторвала от них взгляд и сконцентрировалась на ноге Симуса. Руки дрожали, пока я разворачивала повязку, чтобы осмотреть рану. Сначала Ксиманд угрожает заключению мира, теперь этот дурак. На меня накатила волна гнева, и я от ярости сжала губы. Меня единственную заботит мир?

Симус снова лёг.

— Что-то случилось. — Он перевёл взгляд с меня на молчащего мужчину в тенях.

— Должен быть заключён мир и состоится обмен пленными. — Я работала быстро, пытаюсь разглядеть рану в оставшемся свете.

Симус распахнул глаза.

— Мир? — Он бросил взгляд на Кира. — На каких условиях?

Я не смотрела на него.

— Верность феодалу, дань, земля. Обмен заключёнными. Подношение. — Дрожь в голосе удивила даже меня саму.

— Подношение? — раздался голос Жодена за моим плечом.

Я не знала их эквивалента этому понятию, поэтому использовала слово из своего языка.

— Рабыня. — Я зарылась в сумке, скрывая лицо. — Я. Меня отдадут на закате.

— Рабыня, — озадаченно повторил Жоден. — Я не знаю такого слова.

Нежный голос Кира, почти шёпот, долетел до нас.

— Ты можешь сбежать.

— Да, — кивнула я. — Есть люди, которые скроют меня и помогут уйти. — Я перестала рыться в сумке. — Но, если военачальник так безжалостен, как ходит молва то, что он сделает с моими людьми, если я не доведу церемонию до конца? — Я закрыла глаза и впервые представила эту судьбу. — Если военачальник сдержит своё слово, и это — истинный мир, тогда любая жертва стоит того, чтобы спасти свой народ. — Я вздёрнула голову и бросила взгляд на Симуса. — Я могу доверять его слову?

Симус кивнул.

— Да. Если он поставил условия, то их не нарушит.

Я посмотрела в сумку на флягу, которую сжимала дрожащей рукой.

— Мой отец. — Голос дрожал, но я продолжила: — Отец всегда говорил, что ответственность — цена привилегии.

Произнеся это, я поняла, что не ошиблась. Ксиманд может поступать неблагородно. Я не могу управлять им. Но я могу поступить с честью. Я сделала глубокий вздох и вернулась к работе. Пока я работала, я все время бросала взгляд на скрывающегося в тених Кира.

— Ксиманд дал мне пузырьёк с ядом.

Лицо Кира напряглось. Жоден забормотал что-то за моей спиной. Симус приподнялся на локтях.

— Препарат дарует тебе освобождение, — выплыл из темноты мрачный и тяжёлый голос Кира. — Твои люди ответят за последствия. Если ты умрёшь, военачальник сотрёт этот город с лица земли и убьёт всех твоих людей.

Я всмотрелась в темноту палатки. Глаза Кира блестели в тених.

Истеричный смех пузырился в моем горле.

— Ты наслушался баллад. Скорее всего, целитель ему нужен, чтобы ослабить боль в воспалённых мышцах или вскрыть нарыв. Я...

Кир вскинул голову и посмотрел на вход в палатку. Я остановилась и прислушалась. Стражники, множество стражников, идущих в нашем направлении.

Дражайшая Богиня. Я оказалась права.

Во рту моментально пересохло. Я тут же завернула Симуса в одеяла и вскочила, таща сумку за собой. Кир затих, обернувшись в плащ. Он смотрел на вход палатки пристальным взглядом.

— Что это? Обмен должен состояться на закате.

Я не ответила. Я завозила в сумке и вложила маленький нож в руку Жодена.

— Вот. Подержи его для меня. — Я повернулась и пошла к выходу, и только успела встать пред ним, как в палатку вошёл капитан стражи. Арнит был удивлён, увидев меня. Он бросил на меня косой взгляд и открыл рот, чтобы что-то сказать. Я не дала ему шанса:

— Арнит. Как я рада, что тебя назначили ответственным за обмен. Мы ещё не готовы к отправлению.

Арнит закрыл рот и пронзил меня взглядом.

— Мои люди помогут им приготовиться. Почему бы вам не подождать снаружи?

Нет-нет. Ему не удастся от меня избавиться. Я разумно осталась стоять на расстоянии вытянутой руки.

— Мне в радость помочь им, так как это означает скорейшее возвращение наших солдат. — Я улыбнулась и пожала плечами. — Им не терпится на свободу. Это не займёт много времени. — Я повернулась и крикнула на их языке: — Обмен заключённых произойдёт прямо сейчас. Всем приготовиться.

Нетерпеливые лица повернулись ко мне, и мужчины начали собираться. Я чувствовала, что Арнит двинулся позади меня и отступил к месту, где стоял Жоден. Хоть я и была уверена, что стража не понимает чужеземный язык, я не могла рисковать:

— Никто не уходит в одиночку. Каждый должен помочь своим товарищам.

Я начала продвигаться обратно к Жодену, игнорируя протесты Арнита.

— Некоторым придётся нести койки с ранеными.

Я дошла до Жодена.

— Симуса придётся нести на носилках. Кир, ты и Прест его понесёте.

Жоден повернулся подойти к Симусу, но я преградила ему путь.

— Нет, Жоден. Останься рядом со мной. — Он озадаченно посмотрел на меня. Я наклонилась и прошептала ему на ухо: — Возможно, вам понадобится заложник.

Его глаза расширились и ожесточились.

Мужчины засобирались, и я стала ждать, что Арнит прикажет вывести меня из палатки. Его люди вооружены. Уверена, ему приказали провести операцию тихо и без посторонних глаз. Трудно исполнить такой приказ рядом с женщиной, которую через несколько часов отдадут в рабство перед всем двором.

Окружённые охранниками, мы двинулись в путь. Я шла около Жодена, почти вплотную. Арнит ничего не говорил, но внимательно за мной наблюдал. Если он собирается что-нибудь предпринять, то сделает это подальше от замка, в глубине сада, где можно с лёгкостью закопать тела. Дорожка узкая, людям придётся вытянуться в шеренгу. Если Арнит должен действовать, то он нанесёт удар именно там. Впереди показались заросли шиповника. Я вдохнула аромат роз и взмолилась Богине. Эти мужчины двигались так медленно, даже помогая друг другу. Мы дошли до шиповника и узкой тропинки. Я прикусила губу, отчаянно желая оглянуться, и все же не смея этого сделать. В конце концов, я не удержалась и обернулась.

Последний пленный прошёл мимо шиповника, сопровождаемый последним из стражников Арнита. Я задыхалась немного спокойнее. Кир нёс носилки Симуса. Он смешался с группой так хорошо, как будто всегда там находился. С единственной разницей, что он время от времени бросал в моем направлении странные взгляды.

Мы дошли до ворот замка, и один из охранников подошёл ко мне.

— Ксилара, король приказал вам не покидать территорию замка.

Ах, Ксиманд. Достаточно храбрый, чтобы приказать убить невооружённых мужчин, но трусящий предстать перед военачальником без небольшого подарка под своим контролем.

Всем своим видом Арнит говорил, что он проиграл сражение, но выиграл войну. В городе полно переулков и тёмных местечек. Он все ещё мог исполнить задание.

Больше я ничего не могла сделать. Я кивнула Арниту, как только ворота начали открываться, и повернулась к группе заключённых.

Жоден сжал моё плечо и пошёл забрать носилки у Кира. Кир отстранился, продолжая не сводить с меня глаз. Я избежала его пристального взгляда, подошла к носилкам и положила руку на плечо Симуса. Он накрыл мою ладонь своей.

— Спасибо. Пусть у тебя все будет хорошо, маленький целитель.

Я кивнула и отошла в сторону.

Ворота распахнулись. Арнит вышел вперёд, чтобы возглавить процессию... и упёрся в огромную группу горожан.

Ремень и главный священник из храма Богини сделали шаг вперёд.

— Мы пришли, чтобы предложить помощь этим людям. Мы надеемся, что их люди в свою очередь помогут нашим.

Я улыбнулась и смотрела, как две группы сливаются в одну и уходят вниз по улице. Анна и Озар сдержали слово. Арнит, казалось, проглотил нечто горькое. Теперь он никак не сможет выполнить приказ.

Я смотрела на удаляющуюся процессию, пока закрывались ворота. За несколько секунд до того как створки захлопнулись, мне показалось, что я увидела вспышку голубых глаз —

Кир оглянулся посмотреть на меня.

Приняла желаемое за действительное. Ничего более.

* * *

Остаток дня я провела в кладовой с Анной. Мы осмотрели запасы, и я прошлась в памяти по всем рецептам, обновляя отчёты и делая примечания. Эльн пошлёт за ними учеников, и, в конечном счёте, другой мастер займёт моё место. Мне казалось, что я грежу наяву, завернувшись в одеяло с головой, приглушая мысли. Я сосредоточилась на ближайшей работе и не думала ни о чем ином. В какой-то момент Анна поставила передо мной еду, но я не могла есть. Пусть мои мысли запутались, но живот прекрасно все помнил и не принял предложенное угощение. Последним делом я собрала свои драгоценные книги и журналы и связала их бечёвкой. Эльн проследит, чтобы их отправили нужным людям, и знание не будет утеряно. Я смотрела на небольшую связку, стоящую в центре убранного стола. Она выглядела такой несчастной и потерянной. Из всех моих вещей с этими расставаться тяжелее всего.

Анна обняла меня за плечи и, проводив в кухню, усадила на скамью. Передо мной нарисовалась огромная кружка чая, в которую Анна добавила мед. Она нежно поднесла ко мне напиток.

— Пей. Я принесу немного хлеба и холодного мяса

— Нет, Анна. Я не голодна.

Мой живот едва был готов принять чай.

В кухне воцарилась тишина, все разошлись, и только мы вдвоём сидели на скамейке. Анна потягивала свой чай, я же смотрела на свою кружку. Мы сидели в неудобной тишине. Ещё несколько последующих часов.

— Лара. Дитя. — Я подняла голову и увидела, что Анна уставилась на самое дно чашки и заливается такой яркой краской, которой я в жизни не видела. Её грубый голос спал до шёпота:

— Если бы твоя мать — да благословит её Богиня — была здесь, то она хотела бы, чтобы ты знала, что тебя ожидает.

— Анна. — Я коснулась её красной руки, лежащей на сухих досках стола, стараясь не рассмеяться. — Анна, я могу быть не в курсе деталей, но я знаю, что происходит между мужчиной и женщиной. Всё будет в порядке.

Анна подняла глаза, по её лицу текли слезы.

— Как скажешь, дитя.

Ни одна из нас этому не верила.

Я отвела взгляд и встала на ноги.

— Лучше я пойду и приготовлюсь.

Анна вытерла лицо передником.

— Я прикажу принести горячую воду в твою комнату и тут же приду помочь.

— Анна, ты не должна...

Жёсткий взгляд оборвал конец фразы.

— Я скоро буду. Ступай.

Она отвела взгляд, поскольку из глаз Анны хлынули новые слезы.

Я прошла через комнату и встала в центре, осматривая личные вещи. Одежду я рассортировала для горничных — Анна проследит, чтобы её раздали нужным людям. У меня осталось немного драгоценностей, но несколько колец и ожерелье принадлежали ещё моей матери. Ничего особо вычурного, простой золотой медальон на цепочке. Для Анны. Несколько оставшихся монет я пожертвую Богине. У меня остались духи и мыло, которые я сделала для личного потребления, их я отложила для Калисы. Она раскудахтается, получив подарок, и будет щедро их использовать. Больше всего мне нравилось мыло ароматизированное ванильным маслом. Оно было очень дорогое, и я использовала его экономно, придерживая для особого случая или поднятия настроения. Я посмотрела на любимые брусочки, и мне стало жаль, что я не использовала их каждый день.

Снаружи раздались звуки, и я быстро вытерла глаза. Слуги внесли ванну и воду, наряду с полотенцами. Обычно купание в моей комнате у огня — это роскошь, которую я редко себе позволяю, так как прислуге приходится доставлять горячую воду вверх по лестнице. Я прикусила губу и взяла себя в руки, пока слуги выливали ведро за ведром горячей воды. Как только они закончили, я разделась, бросая одежду в угол. Опустилась в ванну и начала мыться, щедро используя своё ванильное мыло.

Анна пришла как раз вовремя, чтобы помочь мне ополоснуть волосы. Обёрнувшись в полотенце, я села у огня и выжала воду из волос. Анна села на табурет рядом со мной и посмотрела на сундучок, который принесли в замок люди военачальника. Маленький пузырёк в коробке и какой-то наряд. Анна откупорила флягу, и мы в испуге отдёргнули головы, поскольку воздух наполнил приторный аромат цветов. Мы не успели заткнуть пробку, посмотрели друг на друга и рассмеялись как больные дурочки.

Затем Анна достала наряд, и мы обе уставились друг на друга.

— В сундучке случаем больше ничего не лежит? — спросила я, уставившись на грудь.

— Нет. — Анна нахмурилась. — Да ты простудишься насмерть.

Анна взяла гребни, указала сесть к ней спиной и начала разбирать мои спутавшиеся волосы. Я взяла одну из своих бутылей и вручила ей.

Она уставилась на меня.

— В инструкциях говорится...

— Лучше пахнуть ванилью.

Она вздохнула, но открыла флягу и начала втирать дорогое масло в мои волосы. Я начала растирать тело душистыми кремами. Нас окружил аромат ванили, нежный, но не бьющий по носу. Закончив, я спокойно села смотреть на огонь, пока Анна расчёсывает мои высохшие волосы.

Как только Анна управилась с волосами, я решила на ещё один маленький акт неподчинения и зачесала их наверх, словно надела корону, и натёрла ещё больше духов в шею. Анна кудахтала как курица, но я почувствовала себя лучше... пока не надела наряд. Он представлял собой немного больше чем сшитую из изысканной сверкающей белой ткани сорочку без рукавов. Ткань упала ниже моих колен и так чётко обрисовала тело, что на моих щёках вспыхнул румянец. К счастью, вырез оказался высоким и обнажил только ключицу, словно материю отрезали прямо вдоль неё. Анна отстранилась, и мы посмотрели друг на друга. Очевидно, что военачальник хочет осмотреть товар прежде, чем заявит на него свои

права.

С глубоким вздохом я подошла к огню и осмотрела комнату. Анна подняла мои домашние туфли, но я покачала головой.

— Я должна надеть только то, что лежит в сундучке.

Анна посмотрела на меня и уронила туфли на пол. Я прошлось по комнате, рассказав, что хочу сделать со своими вещами, а затем положила мамино ожерелье в ладонь Анны и крепко её обняла. Её тело затряслось от тихих рыданий.

— Ты сохранишь его?

Не в силах говорить, Анна кивнула.

Горны объявили о прибытии делегации военачальника. Наши головы одновременно дёрнулись, и мы выглянули в окно. Близился закат. Я просмотрела на Анну. Она стояла не в силах пошевелиться, и все её лицо исказилось от невыносимых страданий.

Я в последний раз осмотрела свою комнату, записи, книги... Ксиманд сказал, что мне запретили что-либо брать с собой. Рабы не владеют вещами. Они сами вещь.

Я встала в центре комнаты, закрыла глаза и сделала ещё один глубокий вздох. Это не помогло. Сердце начало бешено колотиться, пытаюсь выпрыгнуть из груди. Я не могу этого сделать. Я не могу подчиниться. Я открыла глаза и увидела пузырьёк, до сих пор стоящий на каминной полке. Один быстрый глоток...

Анна уже двинулась к выходу. Она открыла дверь и медленно встала коленями на голый камень, морщась от боли. Придя в себя, я подошла к ней и остановилась нежно погладить Анну по голове. Она взяла мою ладонь и прижала к губам, а затем посмотрела на меня блестящими от слез глазами.

— Спасибо, дочь Кси.

Я кивнула и заставила себя улыбнуться прежде, чем выйти в коридор. И встала как вкопанная.

Коридор был полон людей. Они выстроились с обеих сторон, жмясь к углам и стенам. Я не двигалась целую минуту и смотрела. Ближайшие ко мне люди опустили на колени, и я услышала их тихое:

— Спасибо, Дочь Кси.

Я сделала несколько шагов, и ещё больше людей опустилось на колени.

Я шла на церемонию, и каждый встреченный мной человек вставал на колени и шептал:

— Спасибо, дочь Кси.

Через главные залы, вниз по лестнице. Слуги, горожане, знакомые целители, пациенты. Люди, которые не могут придти в тронный зал.

Я делаю это ради них.

Они были со мной, на всем пути к двери комнаты для ожидания. Их благодарность, их лица останутся со мной навсегда.

Я справлюсь.

Стража, стоящая с обеих сторон перед залом ожидания, открыла дверь, и я вошла внутрь.

Мои глаза замутнились, и я замерла на секунду, пытаюсь сморгнуть слезы. Один из пажей подошёл ко мне, встал на колени и протянул платок. Я вытерла глаза и вернула его. Передо мной стоял Озар.

— Дочь Кси, — сказал он. — Церемония верности уже началась. Когда придёт время, герольд объявит о вашем прибытии.

Я кивнула и позволила обнять себя. Озар прошептал «Спасибо, любимая дочь Кси» мне на ухо и быстро покинул зал.

Я подошла к камину и ощутила тепло камня под ногами. Огонь бодро потрескивал в очаге, но не мог согреть меня. Я попыталась растереть гусиную кожу.

Я напряглась, как только зазвучал голос герольда:

— Ксилара, дочь Кси, вас вызывают ко двору.

Стража открыла двери, и я вышла вперёд.

В следующий момент у меня перехватило дыхание.

Белый мрамор тронного зала мерцал в свете заката. Лорды двора стояли вдоль стен, как и многочисленные люди военачальника. Я не смогла разглядеть фигуру на троне, но я знала, что это военачальник. На время церемонии он будет сидеть там. Ксиманд же стоял в стороне, вместе с членами совета.

Комната затихла, как только я сделала первый шаг. Холодный мрамор отнял тепло у моих ног. Я опустила глаза в пол и пошла к трону. Тишина нервировала. Казалось, чтобы пересечь зал потребуется целая вечность, один медленный шаг за другим. Я не спускала глаз с мерцающего мрамора, надеясь, что иду в правильном направлении.

В мире словно не осталось ни шума, ни кашля, ни шарканья в толпе. Только стук моего сердца о ребра и обосновавшийся в груди холод. Казалось, прошли годы, прежде чем я увидела ступеньку, ведущую к трону. Перед тронном лежала синяя подушка, которую я никогда не видела прежде. Я была рада, что кто-то догадался её здесь положить. Я остановилась перед тронном и медленно опустилась на подушку. С обеих сторон я видела два чёрных широко расставленных сапога и закутанные в чёрную ткань ноги. Я старалась не поднимать глаз.

Я глубоко вздохнула и медленно подняла руки ладонями вверх, покорно готовясь к неизбежному.

Казалось, комната прекратила дышать. Я ощутила, как рука прикоснулась к основанию моей шеи и нежно распутала волосы. Сильные пальцы пробежали по локонам, освобождая их и позволяя свободно упасть. Я задрожала и от прикосновения, и от осознания того, что неповиновение не будет допущено.

Холодный металл окружил мои запястья. Раздался щелчок, и наручники встали на своё место. К удивлению, это оказались тяжёлые серебряные браслеты, а не цепи. Разве это не должны быть цепи?

Глубокий мужской голос над головой произнёс на моем языке:

— Таким образом, я требую свой военный трофей.

Я знала этот голос.

Мои глаза распахнулись, поскольку комната задрожала от одобрительного возгласа и топота людей военачальника.

Голубоглазый воин с рынка смотрел на меня с самодовольнейшей улыбкой на лице.

Так Кир и есть военачальник? Но как он всё провернул? Как он узнал о моей истинной личности?

Прежде чем я успела подумать или сказать хоть слово, он взял меня за руки и встал, увлекая за собой, поднял чёрный плащ с трона и обернул его вокруг меня, скрывая от всех глаз, окружая меня тьмой. Ткань оказалась тёплой и струилась вокруг точно ночь. Она пахла кольчугой, маслом и какими-то специями.

Меня подняли и перебросили через плечо. Движение заставило меня пронзительно

закричать, но сомневаюсь, чтобы мой крик можно было расслышать в шуме толпы. Кир начал двигаться. Через мягкую ткань я слышала, как его люди воспевают его имя. Я заёрзала, но плащ сдавил меня со всех сторон, не давая освободить руки или увидеть хоть что-нибудь.

Тогда я закорчилась по иной причине. Рука воина лежала на моих ягодицах, её тепло ощущалась даже через плащ. В прикосновении чувствовалась нежность, и затем шлепок: предупреждение вести себя тихо.

Я прекратила извиваться.

Рука осталась на прежнем месте.

Мой поработитель не терял времени впустую. Его сапоги зашаркали по мрамору, и мы покинули тронный зал. Толчок, и я поняла, что военачальник спускается по лестнице к главным дверям. Я ощущала его дыхание при ходьбе и слышала бречание кольчуги.

Как только мы вышли за главные двери, под тёплый плащ ворвался холодный воздух. В просторном внутреннем дворе слышались многочисленные шаги и стук лошадиных копыт.

Мы остановились, и военачальник взял меня на руки точно младенца. Он обратился к своему народу, но говорил так быстро, что я ничего не разобрала. Вместо того чтобы поставить меня на ноги он передал меня кому-то ещё. Мне не понравилась это перемена, и я забрыкалась, пытаясь поднять руки и освободиться от тёмной материи.

Сквозь ткань донёсся дружеский шёпот:

— Это Жоден, Лара. Всё в порядке.

Я прекратила извиваться, успокоенная знакомым голосом и одновременно обеспокоенная его словами. Прежде, чем я успела ответить, меня подняли на спину лошади и снова обняли.

— Я возвращаю ваш военный трофей, военачальник, — торжественно произнёс Жоден.

Грудь позади меня загрохотала:

— Моя благодарность, Жоден.

Лошадь под нами двинулась, и у меня сжался желудок. Чёрная ткань прижалась к моему лицу, не давая дышать. Казалось, я вот-вот задохнусь. Военачальник прокричал что-то, и вокруг нас раздался одобрителный рёв. Затем мы помчались галопом. Воины военачальника ехали вслед за нами, выкрикивая боевой клич и прославляя своего командира. Грохот лошадей утрашал.

Мы покинули внутренний двор и пересекли деревянный мост. Моё дыхание участилось. Я с трудом сглотнула и подавила волну тошноты. Я все ещё не могла пошевелить руками. Я боялась упасть с такой высоты, поэтому вжалась в держащего меня мужчину и замерла. Голоса стихли, и тишину теперь нарушали лишь стук копыт да звон упряжи. Мы пересекли город, вниз по дороге, через главные ворота.

Плащ предоставлял некоторую защиту, но за городскими стенами ветер нещадно закусал мою кожу. Я задрожала от холода. Пролетело мгновение, и мы уже пересекли реку, отделявшую город от лагеря военачальника, и поскакали в гору. Никаких окликов, приветствий, только лошади замедлили свой бег. Я хотела спросить, что происходит, но прикусила язык. Я не знала, разрешают ли рабам говорить, а уж тем более задавать вопросы. Вместо этого я судорожно сжала ткань и попыталась перевести дыхание.

Лошадь остановилась. На этот раз военачальник поднялся с седла и спустился на землю. Меня замутило от потери точки опоры. Должно быть, я невольно вскрикнула, так как военачальник крепко прижал меня к себе.

— Ещё одна церемония, и всё, — раздался шёпот у моего уха. Звуки изменились: теперь его сапоги зашагали по древесине. Меня поставили на ноги, но плащ не сняли. Мои босые ступни коснулись холодного грубого дерева, и военачальник придержал меня, чтобы я не потеряла равновесие. Я немного закачалась, но устояла, и меня отпустили.

— Воины! — гордо крикнул военачальник. — Узрите военный трофей. — И с этими словами он сбросил с меня плащ.

Я стояла на платформе в свете факелов, а холодный воздух пробирался под ткань моего одеяния. В темноте я смогла различить силуэты уставившихся на меня людей, армию военачальника, целых десять тысяч здоровых и сильный воинов. По крайней мере, так говорят. Я с лёгкостью поверила в такое число, как только одобрителный рёв толпы вознёсся в ночное небо.

Я в шоке попятилась и врезалась в военачальника, который не дал мне упасть. Он обнял меня за талию, и я положила ладонь поверх его ладоней. Жар его руки просочился сквозь одежду прямо к моему животу.

Военачальник поднял кулак в воздух, и люди повторили громогласное ура. Казалось, барабаны и голоса взорвали ночь, больше напоминая какофонию звука, чем музыку.

Слишком много впечатлений за один день. Перед глазами всё поплыло, и моя ладонь выскользнула из ладони военачальника.

Очнулась я в крепких объятиях этого мужчины. Меня куда-то несли. Возгласы и музыка не утихли, но звучали отчего-то приглушено и неясно. Кажется, все уступали нам дорогу. Я поплыла на краю сознания и на какое-то время упустила нить событий. Пришла в себя я уже в палатке, лёжа на чем-то мягком. Раздался голос, и чья-то рука нежным прикосновением убрала локоны с моего лица.

— Трофей, ты ела или пила что-нибудь в замке? Перед церемонией? — голос звучал приглушённо, словно раздавался с дальнего расстояния. Это был голос военачальника, нетерпеливый, требующий срочного ответа. Другой голос, более старый и резкий, рокотал на заднем фоне. Военачальник ответил на вопрос незнакомца, но я разобрала лишь обрывки разговора. *Ублюдок. Яд.* Меня накрыли мягким одеялом. Нежные руки ощупали мои руки и ноги.

— Она замёрзла, очень сильно.

Странно. Кажется, военачальника по-настоящему взволновали мои замёрзшие лодыжки. Его руки растёрли мою кожу, и ногам стало тепло. Затем и рукам. Тепло просачивалось в меня, медленно, но уверенно, и я почувствовала, как тело расслабилось, погружаясь в мягкость, тяжёлую как камень.

Кто-то поднял меня и поднёс чашу к губам, убеждая выпить, но голос звучал далеко и отдалено. Я сделала глоток, и тепло затопило моё горло и живот. Станный вкус, сильный и острый.

Как только чаша опустела, меня опустили на кровать и закутали в одеяла. Голоса продолжали спокойно говорить, а жар просачивался в мои кости.

Голоса стихли. Я лежала неподвижно, не открывая глаз. Кровать закрипела, одеяло сдвинулось, и я замерла, едва осмеливаясь дышать.

Что-то мягкое коснулось моих губ.

Меня охватил страх. В этот момент, как бы я не верила, что справлюсь, я была напугана. Я заставила себя открыть глаза, пытаюсь придти в себя, и уставилась в испуганные голубые глаза. Я должна соблюдать свою часть договора.

Видимо, у военачальника были другие планы, так как он покачал головой.

— Нет, трофей. Не бойся.

Он стал нежно меня убаюкивать. Я закрыла глаза и ощутила лёгкое прикосновение к векам. У меня не осталось сил поднять их снова.

Военачальник приложил руку к моей груди. Его тепло успокаивало. Он мягко надавил, как будто прося сердце биться спокойнее. Я удобно устроилась на кровати, позволяя теплу и

уюту взять над собой вверх.

— Спи, — нежно и тихо произнёс военачальник. Мне удалось открыть глаза, чтобы увидеть его, лежащего рядом со мной, на своей стороне постели, поверх одеял, положив голову на руки. Он был обнажён, но только выше пояса, и я смогла отчётливо разглядеть татуировки на его руке. Я смотрела на него в тусклом свете палатки и не понимала, что происходит. Его глаза были закрыты, грудь подрагивала в такт равномерному дыханию, но я не верила, что он спал. Я немного повернула голову и осмотрела шатёр. Ну, в общем, вид меня немного разочаровал.

Ломая голову над своей судьбой, я постепенно заснула.

Что-то коснулось моих волос.

Я пошевелилась, наполовину проснувшись от скрипа кровати.

— Тсс, спи.

Я судорожно вздохнула и дёрнулась. Глаза резко открылись, и я осмотрелась. Палатка утопала в тенях, единственный свет исходил от жаровен, отбрасывающих мрачные блики. В воздухе витал сильный запах лошади и чего-то острого и чистого, вот только я не знала чего именно. Палатка оказалось просторной, и была заставлена столом и табуретами, брёвнами и скамьями. С улицы доносились мужские голоса и топот лошадей.

Кто-то стоял спиной ко мне, быстро одеваясь и разбирая лежащую на скамье одежду. Полуодетый мужчина, чьи мышцы спины перекатывались под кожей в тусклом свете.

Я так редко вижу здоровых мужчин.

Как же на нем много шрамов, старых шрамов. Свет играл по коже, танцуя тенями при каждом движении тела.

Кир повернулся и посмотрел в мою сторону. В глазах вспыхнули огоньки. Он подошёл ко мне, и я без страха посмотрела на него в ответ. Его руки украшали татуировки, а торс — шрамы, и хотя их было почти невозможно разглядеть из-за волос на груди, всех их объединяла одна история. История пережитых сражений. И все же, как их много...

Он стоял, смотря на меня, а я на него, и хмурил брови, а затем бросил одежду на край кровати и натянул тунику через голову. Я зачарованно любовалась им, не вставая с ложа, опасаясь того, что должно сейчас произойти. Он пристегнул меч, кинжал и маленький мешочек, и зафиксировал их на поясе. Не отрывая от меня взгляда, Кир наклонился и вытянул руку, словно желая меня коснуться.

Я отпрянула.

Он замер и выпрямился с мрачным видом. С улицы раздался голос. Стражник объявил, что лошадь готова. Кир скрипнул зубами, повернулся и покинул палатку. Через несколько секунд мужчины ускакали на лошадях. Опустилась странная тишина, нарушаемая лишь кашлем одного из стражников.

Постепенно мне удалось расслабиться, и я отдалась во власть неги. Тепло палатки и одеял придавили меня к кровати, и с каждым вдохом я всё глубже и глубже погружалась в сон. Тяжёлые веки опустились, и я поплыла по озеру тепла и темноты.

Проснувшись, я поняла, что лежу на боку и смотрю на стену шатра. Я полежала так некоторое время, не думая ни о чем. Или возможно, очень стараясь не думать ни о чем. Через несколько минут у меня заурчал живот. Вскоре и другие части моего тела начали требовать к себе внимания. Я потянулась и села.

Только тут я поняла, что лежала под всеми этими одеялами и мехами совершенно голой.

Я сжала их и вспомнила где я. Кто я.

Палатка выглядела просторной и, казалось, была сделана из шкур. Пол покрывали сотканые циновки чёрных и коричневых оттенков. Из мебели были деревянный стол из грубо обтёсанных досок и толстые низенькие пни, заменяющие стулья. Три жаровни, от которых исходило тепло. Огромная кровать, на которой я возлежала, с многочисленными подушками и большим одеялом из тёмного меха, покрывающим всю постель. Ни одного признака сорочки. Или любой другой одежды. А, может, здесь рабов заставляют ходить голыми? Я задрожала от этой мысли.

Тент колыхнулся, и я увидела, что кто-то заглядывает в шатёр. Внутрь зашёл низенький человек с совершенно лысой головой, гладкой как яичная скорлупка. Я в открытую вытаращилась на него. Мужчина впился в меня правым глазом. На месте левого зияла пустая глазница, да и вся половина лица была испещрена страшными шрамами. Уха нет, левый уголок рта неподвижен. С запозданием, но я вспомнила о манерах. Не отрывая взгляда от здоровой половины лица, я пробормотала приветствие на его языке.

— Доброе утро.

Взгляд незнакомца не стал теплее.

— Я Маркус, символоносец и помощник военачальника, — гордо произнёс он.

Он вышел и вернулся в палатку с узелком в руках.

— Вашество оставил наказ накормить вас, когда вы проснётесь. Вашество примерно описал ваши размеры. — Маркус нахмурил брови и критично меня осмотрел. — Посмотрим, насколько он угадал.

Он положил узелок на край кровати и скрылся за стеной палатки с другой стороны.

Я подтянула к себе одеяло и откашлялась.

— Где военачальник?

Маркус откинул полог и показал скрываемую за ней небольшую комнату. Очевидно, эта палатка больше, чем я себе представляла. Маркус двинулся, и я заметила шрамы на его левой руке. У кожи была какая-то странная структура, и, как я могла судить, на ней не было и волоска. Я не могла отвести глаз.

— Вашество разбирается с нападениями на табуны. — Он повернулся. — Сначала помоемся, затем поедите. — Его кривой рот смотрелся зловеще.

Я провела рукой по волосам.

— Помоюсь?

— Да. — Он указал подбородком на небольшую комнату. — Я принесу воду.

Он ушёл. Я встала с кровати, таща одеяло за собой. Взяла узелок и прошла, как видимо, в уборную. Пол был застлан кожами, за исключением небольшой деревянной платформы в центре. Вдоль стен стояли скамьи, везде валялись бревна, а грубо обтёсанные доски формировали своего рода стол. Как я поняла, под скамьями находились ночные горшки.

Маркус торопливо внёс дымящееся ведро, поставил его с ворчливым вздохом и вышел. Я вымыла лицо и руки и оделась. В узелке оказались штаны из коричневого хлопка и красно-коричневая туника, как та сорочка, но тяжелее. Всё прекрасно сидело по фигуре. Толстые носки и пара коричневых ботинок, которые оказались немного великоваты. Одеваясь, я слышала, как вдоль палатки ходят воины, очевидно, охраняя меня. Их шум раздражал, и я поторопилась одеться.

К тому моменту как я вышла из уборной, умытая и проснувшаяся, еда уже ждала меня на столе. Маркус стоял рядом, с маленьким кувшином и тазиком в руках. Он сделал жест, и я

села на один из пней и окинула взглядом ломящийся от угощения стол.

— Вы разделите со мной трапезу?

— Нет. — Маркус строго посмотрел на меня. — Протяните руки.

Озадаченная, я выполнила приказ. Маркус поставил тазик под мои ладони и вылил на них воду, бормоча слова, которые мне не удалось расслышать. Он кивнул на кусок ткани, лежащий на столе, и я вытерла руки. Маркус выглядел довольным.

— Вашество говорит, что вы должны поесть. Приступайте.

Все выглядело незнакомым. Мясо было нарублено на маленькие части. Хлеб плоский, но мягкий. Ни ножа, ни вилки. Я подняла кусочек хлеба и опустила его в мясо. Надкусила и, к моему удивлению, вкус оказался приятным. Я сделала второй укус, и Маркус одобритительно кивнул. Хлеб был зерновой, и оказалось, что я съела больше, чем предполагала.

Маркус налил для меня кружку каваджа и поставил небольшую миску с белыми шариками.

— У нас нет подсластителя.

Так или иначе, я взяла кружку и отважилась на глоток. Напиток вышел лучше, чем у Рэйфа и остальных. Я посмотрела на белые шарики и взяла один. На ощупь мягкий, словно кусочек высушенной сыворотки. Я бросила его в рот и надкусила.

Шарик оказался ужасно горек на вкус.

Маркус не стоял на месте, перемещаясь по всей палатке, пока я ела. Как только он проходил рядом, я выпрямляла спину, точно нашкодившая ученица. Не то, чтобы я нашкодила — спальня была очень опрятна и проста в обстановке. Слишком опрятна. Здесь просто нет места, куда можно выплюнуть эту дрянь. Я зажмурилась, набрала полный рот каваджа и сглотнула. Полный рот-неполный, вкус от этого остаётся прежним — мерзопакостным.

Наконец, я дошла до такого состояния, что еда в меня больше не влезала. Маркус заворчал и начал собирать тарелки.

— Теперь, говорит Вашество, отдыхайте и спите. Он вернётся к ужину.

Я кивнула, но на самом деле мне совсем не хотелось возвращаться в постель.

— Маркус, вы знаете Симуса? Он был одним из раненых...

Мне не пришлось заканчивать предложение. Маркус кивнул, стараясь удержать все тарелки.

— Ах, да, этого рычащего медведя я знаю. Недоволен всем и вся. — Он нахмурился. — Откуда вы знаете Симуса?

— Я ухаживала за ним в городе.

— Ухаживали? — Глаз Маркуса пронзил меня насквозь. — Вы лечили его рану?

Я кивнула.

Он фыркнул.

— Вы себя жрицей-воительницей возомнили?

Я напряглась.

— Я — целитель, и хотела бы повидать его.

— Целитель, ась?

Он закатил свой глаз.

— Хорошо... — Он пожал плечами. — Только не путайтесь под ногами.

Глаз сфокусировался до предела.

— Вы понимаете, что не должны ничего принимать, кроме как из рук военачальника?

Ни единой мелочи, вы поняли?

Я кивнула, но как-то неуверенно, и Маркус поставил тарелки обратно на стол.

— Идёмте.

Маркус вывел меня на улицу. Только тогда я поняла, насколько огромна палатка. Она было разделена на отсеки: спальню и остальные комнаты. Откинув полог, мы вышли в просторный зал, напоминающий комнату для совещаний. Здесь также стояли пенки, заваленные подушками деревянные скамьи и платформа в дальнем углу.

Маркус провёл меня через комнату и придержал полог палатки. У входа стояли два охранника, и они поприветствовали Маркуса почтительным поклоном. Я вышла на улицу и впервые оглядела лагерь. Маркус остался стоять на месте.

Мы находились на небольшом холме внизу долины, за городом Водопадов. Я сглотнула, увидев родные стены вдалеке. С возвышенности лагерь просматривается как на ладони. Повсюду одни палатки, отличающиеся только по размеру и местоположению, да костры. И лошади: небольшие группы, топчущиеся у навесов, и табуны, бродящие по раздольным лугам вокруг лагеря. Учитывая размер, я без труда поверила, что лагерь размещает десять тысяч человек. Он был огромен, и, казалось, заполнял все пространство вокруг нас.

Отчего-то всё было тихо.

— Где все?

Маркус проворчал из палатки, и двое охранников обменялись усмешками.

— Высыпаются после вчерашнего праздника.

— Вот палатка Симуса, — сказал Маркус, указывая путь.

Он снова впился в меня взглядом, и я попятилась.

— И никуда не сворачиваете, поняли?

Я проглотила ком в горле и кивнула. Маркус снова заворчал и сложил руки на груди, давая знать, что глаз с меня не спустит.

Я пошла по избитой колдобинами дороге. Меня немного удивило, когда Маркус сказал, что я могу пойти в гости, но теперь, узрев истинный размер лагеря, я все поняла. Сбежать невозможно, даже если бы это было в моих намерениях.

Широкая дорога между палатками была побита копытами многочисленных лошадей, но в выданной мне обуви я без труда пошла по жёсткой траве. Солнце то выходило, то пряталось за облаками. На шестах, установленных перед палатками, развевались вымпелы, столь яркие, что я даже остановилась и залюбовалась ими. Как мастера получали такие цвета? Интересно, а флаги декоративные или имеют особое значение. Перед палаткой Симуса тоже висело несколько вымпелов разных цветов и формы. Оборачиваясь, я каждый раз убеждалась, что Маркус все ещё следит за мной. Я остановилась перед закрытым входом в палатку. Внезапно меня охватило сомнение. Симус мог быть приветлив с целителем, но будет ли он рад рабыне?

Прежде чем у меня появилось бы время принять решение, полог колыхнулся, и показался Жоден. Он узнал меня, и его лицо осветилось радостью.

— Так и думал, что шаги мне не послышались. Проходи, проходи. Ты без охраны? — Он отошёл в сторону, приглашая меня войти. — Симус, к тебе новая жертва. Пусть выслушивает твои жалобы вместо меня.

Я нырнула под полог и остановилась, привыкая к свету.

Палатка оказалась меньше той, что я недавно покинула. Я оказалась в дальней комнате, но часть неё была обустроена в гостиную с деревянными скамьями, подушками и большой

жаровней в центре, которая едва теплилась. Откинувшись на подушки и укутавшись в одеяло, на платформе лежал Симус. Он впился в меня взглядом, пока я проходила внутрь, но его лицо просветлело, как только он меня узнал.

— Маленький целитель! — рассмеялся он, и его белые зубы резко выделялись на тёмной коже. — Добро пожаловать!

Я расслабилась и улыбнулась в ответ.

— Рада тебя видеть, Симус. Как жизнь?

Симус указал на Жодена.

— Прекрасно, но этот упрямый вол говорит, что мне нельзя вставать с кровати. — Он впился взглядом в Жодена, и тот сделал тоже самое в ответ. — Ну, осмотри раны и скажи, что думаешь.

Я встала на колени. Жоден раскрыл одеяла и развязал бинты. Я осмотрела рану с большим удовлетворением. Заживает хорошо, никаких признаков проблем.

— Хорошо выглядит. — Я хотела уже забинтовать рану, но Жоден меня остановил.

— Позволь мне принести чистые, трофей. — Он двинулся в дальнюю часть палатки и исчез позади откидной створки.

С улицы раздался кашель.

— Проходите! — крикнул Симус.

В палатку вошёл крупный белокурый человек с жиденкой бородкой.

— Приветствую, Симус.

— Приветствую, Ифтен, — дружелюбно произнёс Симус, но его лицо было безразлично. Я осталась стоять на коленях, отваживаясь бросить взгляд на гостя. Не столь высокий как Симус, он был широк и силён, с большими грубыми руками. Он уставился на меня, а затем скользнул глазами к ноге Симуса.

— Тяжёлая рана, Симус. Он сможет снова ходить?

— Если будет осторожен, — ответила я. — И последует моему совету.

Ифтен напрягся, но не ответил. Я чувствовала его взгляд на затылке, и взгляд этот не был дружелюбным. Я не двигалась, храня молчание из опасения, что рабам, как предполагалось, не позволено говорить. Я не спускала глаз с ноги Симуса. Ифтен продолжил беседу, игнорируя моё присутствие.

— Мне жаль слов, Симус. Этот мирный договор — безумие.

— Безумие? Кир одержал победу и достиг большего, чем мы смели надеяться. — Симус указал на меня левой рукой. Правую он зарыл в одеяла и, кажется, сжал, что есть силы. — Ты поклялся Киру, прекрасно зная о его планах, и теперь нарушишь данное слово? Или возможно ты завидуешь такому военному трофею, а?

Ифтен зарычал за моей спиной.

— Она не...

— Будь осторожен, Ифтен. У тебя нет символа. — Я бросила взгляд на лицо Симуса. Его глаза переполняла злоба, но она исчезла, как только он откинулся на подушки. — Небеса благоволят мне. Военный трофей спасла мою жизнь и ногу. — Симус подчеркнул последнее слово.

Ифтен фыркнул.

— Твою жизнь спас... — Он осёкся, так как в комнату вошёл Жоден со свежими бинтами в руках. Стоило ему увидеть Ифтена, как его лицо оцепенело. Он без слов вручил мне свежие бинты и отошёл в сторону. Я молча приняла их и начала работать, чувствуя

любопытную напряжённость между мужчинами.

Ифтен откашлялся, потянулся к мешочку на поясе и вытащил ленту с маленькими колокольчиками.

— Я заговорю об этом, Симус. Сам.

Симус продолжил улыбаться, но его взгляд изменился.

— Я говорю с военным трофеем, Ифтен. Если ты хочешь ждать...

— Я вернусь, — прорычал Ифтен.

Он прошёл мимо Жодена, убрал колокольчики и покинул палатку.

Жоден выдохнул. Я даже не знала, что он задерживал дыхание.

— Симус...

Симус вытянул правую руку из-под одеяла и повернул голову.

— Тьфу, ты слишком много волнуешься. Ифтен — моча да ветер, — сказал он, изучая друга серьёзным взглядом.

Жоден занялся сосудом с каваджем и ответил тихим взволнованным голосом:

— Он был кандидатом в военачальники и заручился поддержкой многих.

— И проиграл поединки в военачальники и символоносцы, — отрезал Симус. — Ифтен дурак, но дурак благородный. Он не бросит нечестный вызов.

Жоден не ответил, но его лицо превратилось в сплошную маску.

— Теневые игры, да. Вызов? Нет. Предоставь это мне, старый друг. — Симус смягчился. — Теперь тебе хватит материала на сотню песен, а? То-то ещё будет.

Жоден нахмурился, но Симус вытянул руку.

— Да, проблемы. Мы с ними разберёмся. Вместе. — Симус ухмыльнулся. — С твоей дружбой и поддержкой Кира, кто сможет нам противостоять?

Жоден расслабился и закатил глаза.

— Твоего зазнайства хватит на нас троих.

Симус рассмеялся.

— Уж такой я! — Он улыбнулся мне, когда я выполнила свою задачу и села на пятки.

— Что скажешь, маленький целитель?

— У вас осталось ещё лекарство от лихорадки?

Симус залился смехом.

— Ваши воины забрали его перед нашим освобождением.

Жоден усмехнулся.

— Один попытался отобрать горшочек каваджа у Рэйфа, но как только унюхал содержимое, то бросил горшок на землю, да ещё и пнул в придачу. Так Рэйф всё равно забрал его и до сих пор хранит.

Я неодобрительно нахмурилась. Опасность заражения остаётся всегда, даже на этом этапе.

— Возможно, в лагере есть целитель, у которого найдётся это лекарство.

Симус зарычал в ответ:

— Нет. Наш жрец-воин погиб в одной из схваток за несколько дней до моего пленения. — Он вздохнул. — Я не желаю никому смерти, но он доставлял больше неприятностей, чем пользы. Постоянно выступал против Кира.

— Кроме того, — добавил Жоден. — Я никогда не видел лекарств подобных твоим.

Я устроилась среди подушек. Жоден протянул мне полную кружку каваджа и заколебался, как будто не веря, что я приму напиток. Я взяла кружку и улыбнулась в знак

благодарности. Он улыбнулся в ответ большой широкой улыбкой, и улыбка Симуса вторила ему, когда Жоден налил им обоим напиток. Также Жоден насыпал миску небольших белых шариков и протянул мне.

— Гарта?

Мне удалось не сморщить нос в отвращении.

— Нет, спасибо.

Сжимая кружку в руке, Симус зарычал и пробуравил меня взглядом.

— Когда я могу встать и выйти из этой палатки?

Ах, знакомые крики выздоравливающего. С этим я смогу разобраться.

Я сделал глоток каваджа, и горькая жидкость обожгла мне горло.

— Не в течение, по крайней мере, пяти дней... возможно дольше. Если перегрузишь ногу, может открыться рана. — Я улыбнулась, пытаюсь смягчить эффект моих слов. — Ты испортил бы весь мой тяжкий труд.

Симус, хмурясь, отвёл взгляд.

— Всё в порядке.

Я знала этот взгляд. Он собирался встать и двигаться, несмотря на запрет. Ну, точь-в-точь ксианский воин. Я посмотрела на Жодена и уловила его взволнованный взгляд. Ладно, рану можно лечить и по-другому. Я откинулась на подушках.

— Уверена, ты прав. — Я нахмурила лицо. — Конечно, именно это Ланис сказал мне, порезав ногу на оленьей охоте и придя ко мне на перевязку.

Я покачала головой, внимательно изучая свою кружку.

— У Ланиса было здоровье, как у медведя. Он сказал мне, что это царапина и ничего более, и отправился на тренировку, бодро маршируя рядом со своими солдатами. — Я бросила взгляд на Жодена. — В следующий раз он уже не смог сам обратиться за помощью целителя, пришлось нести. Рана открылась и начала гнить. Я сделала всё возможное, но не смогла полностью её очистить.

Я небрежно посмотрела на Симуса. Всё его внимание было приковано к моему рассказу.

— Он плакал как ребёнок, когда мне пришлось отрезать ему ступню.

Я сделала глоток каваджа.

— Как он тогда жил? — спокойно поинтересовался Жоден.

— О, ну, ступни у него больше не было, но заражение крови распространилось на ногу. — Я стала играть с кисточкой на подушке. — Нога почернела и раздулась, чуть ли не в два раза. — Я сделала ещё один глоток. — Как раз гной потёк. Это был позор, но у нас не оставалось выбора. Несколько дней спустя я отрезала ему ногу по колено. — Я устала на угли в жаровне. — Я думала, что избавилась от дурной плоти, и Ланис пойдёт на поправку.

Симус откашлялся. Я подняла глаза и улыбнулась.

— Отрезала я ровненько и аккуратненько. До сих пор горжусь проделанной работой.

Симус откашлялся.

— Так как он жил после...

Моё лицо вытянулось.

— Заражённая кровь добралась до мозга. Мы давали ему огромные дозы лучших трав, но он умер от непереносимой агонии. — Гробовая тишина. — А можно ещё немного каваджа, пожалуйста? — Я протянула свою кружку Жодену, и тот наполнил её без всякого выражения на лице. — О, но это было ничем по сравнению с...

После второй кружки каваджа Симус посерел, Жодену стало дурно, а я же была бодрa и полна энергии.

Интересно, что же всё-таки добавляют в этот напиток.

Я не стала задерживаться дольше второй кружки.

К Симусу вернулся естественный цвет, но выглядел он усталым. Я знала, он должен отдохнуть. Поэтому я встала, попрощалась и оставила палатку. Жоден вышел вслед за мной, сказав, что ему нужно принести дров для очага. Как только мы оказались на улице, он положил руку мне на плечо:

— Моя благодарность. Симус тебя послушает.

Я подняла глаза.

— Надеюсь. Я не выдумала эти истории.

Жоден дрогнул.

— Жоден, где палатки целителей? — нахмурилась я. — Уверена, что у них должно быть ещё лекарство от лихорадки или нечто подобное.

— Жрец-воин не делится своими знаниями. — Жоден указал на группу палаток, расположенных далеко внизу. — Его палатка там. — Он заколебался. — И я снова благодарю тебя, военный трофей. За жизнь моего друга.

Я изучила его на мгновение.

— Раньше ты называл меня по имени, Жоден.

Он улыбнулся с сожалением.

— Теперь ты военный трофей.

Я поморщилась и повернулась уйти, так как Жоден вернулся в палатку, прошла несколько шагов к палатке Кира, но услышала «это». Звук кнута, бьющего о плоть. Я заколебалась и повернулась к источнику звука, осторожно проходя между палатками. Бросив быстрый взгляд, я поняла, что охранники почти не обращают на меня внимания, так что я прошла немного дальше и посмотрела, что происходит.

Позади палаток, привязанный к позорному столбу, стоял обнажённый по пояс мужчина с окровавленной спиной. Его окружали два воина, один из которых полосовал спину провинившегося кнутом. Я знаю, что военная дисциплина строга: отец рассказывал мне об этом. Но одно дело — говорить, и совсем другое — видеть. Плеть опускалась на плоть с регулярным ритмом, и при каждом ударе из груди бедняги вырывался резкий вздох. Я замерла от ужаса. В страхе я наблюдала, как воины остановились, развязали верёвки и посмотрели, как мужчина беззвучно падает на землю. Другие воины взяли его за руки, дотащили до палатки жреца-воина и бросили прямо за пологом. Они ушли, словно это перестало быть их заботой.

Я ожидала гневного окрика, ответа из палатки, но ничего не произошло. У костров спало множество воинов, но никто даже не пошевелился. Я все ещё видела ногу того бедняги у самого входа. Никто ему не помогал.

Лагерь вокруг нас зашевелился немного сильнее. Я видела, как люди бегут с оружием и лошадьми по разным заданиям. В конце концов, его заметят. А, если он очнётся и перевернётся в грязь... я сделала осторожной шагок вперёд, затем второй. Никто не преградил мне путь, ни крикнул: «рабыня сбегает!». Я бросилась на помощь. Нога мужчины даже не дёрнулась, когда я осторожно подняла полог главного входа и вошла внутрь.

В первую очередь меня поразило ужасное зловоние. Задыхаясь, я закрыла нос рубашкой и осмотрелась. Что во имя Богини...

Это была большая палатка с несколькими койками из замка. На них лежали больные; кто-то стонал. Зловоние шло от переполненных ночных горшков, стоящих под каждой койкой.

Мужчина у моих ног был без сознания, но дышал. По одному виду я поняла, что ни за одним из этих людей не ухаживали. Их никто не обмывал. Об этих людях вообще не заботились.

Я отпрянула и вышла на свет и воздух, вытирая лицо от слез, и в ярости посмотрела по сторонам. Да как так можно! Оказалось, у кострища рядом с палаткой спит целая дюжина воинов. По стоящим рядом огромным котлам я поняла, что здесь занимаются стиркой. Я прошла к воинам, заплетая косу на ходу. Конечно же, эти люди выглядели здоровыми и высыпались после пирушки.

Я замахнулась и пнула ближайшего человека по голени.

Он завопил, выпрыгивая из одеяла. Я прошла дальше, пиная одного за другим. Их брань заполнила воздух. Меня это не впечатлило.

— Вы ухаживаете за людьми в той палатке?! — закричала я столь яростно, что с губ слетела слюна — Да как вы смеете спать, когда эти люди страдают?!

Стоящий передо мной воин протёр лицо и посмотрел на меня пьяными глазами. Кто-то схватил меня за плечо и развернул к себе.

— Какое тебе до этого дела, собака? А?!

Надо мной возвышалась крупная белокурая женщина. Без всяких сомнений на её долю выпало много долгих сражений и нелёгкая жизнь. Но не успела я удивиться, как меня затрясли что есть силы, и её пальцы до боли впились в кожу. Я попытался освободиться, но безрезультатно. Тогда я испепелила соперницу взглядом.

— Тем людям в палатке нужна помощь, а вы прохлаждаетесь у огня.

Женщина затрясла меня ещё сильнее, и мои волосы рассыпались по плечам. Я упёрлась ногами в землю, пытаюсь освободить руку. Это лишь разъярило её. Я заметила, как она подняла ладонь, чтобы ударить меня.

Мужчины схватили её поднятую ладонь, убеждая остановиться. Один из них наклонился к ней и отчаянно зашептал на ухо. Воительница побледнела, бросила мою руку, словно та была ядовита, и отступила. Я потёрла место ушиба и последовала за ней шаг в шаг.

— Как вы можете бросить людей в таком состоянии и наслаждаться отдыхом?

Я остановилась и сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Лентяи начали оправдываться и объясняться, но я не желала их слушать. Я плюнула на землю перед их ногами.

— Вот сколько стоят ваши басни. — Я указала на котлы. — Разожгите костры и нагрейте воду, ведь судя по всему, только на это вы и способны.

Я потопала обратно к палатке, но обернулась прежде, чем войти.

— И не смейте входить в палатку. Вы меня поняли?

Я не стала дожидаться ответа.

С помощью воды и терпеливых уговоров, я отвела раненого на койку, где тот снова потерял сознание. Я изо всех сил пыталась поднять стены палатки, чтобы проветрить это место. Это работа не для одного человека, но будь я трижды проклята, если попрошу помощи у тех здоровых воинов. Управившись, я двинулась через палатку, быстро осматривая каждого пациента. Большинство выздоравливало после ранений, хотя некоторых явно лихорадило. Каждого мучил сильный кашель, который очень меня беспокоил. Все были

укрыты тёплыми одеялами, хотя понятно, что ни одно из них долгое время не меняли.

Я вышла из палатки и закричала на ленивых болванов.

— Принесите кавадж и еду этим людям, — крикнула я и вернулась внутрь. Я не стала ждать, чтобы увидеть повинуются ли мне. Если ослушаются, то ощутят мой гнев на своей шкуре.

В дальней части палатки лежали чистые одеяла и матрацы. Стол был уставлен флягами, ножами и другими инструментами. Большинство фляг оказались пусты, но в некоторых содержалось густое клейкое вещество. Я поднесла его к носу и тут же узнала. Варёная скунсовая капуста. Я нанесла мазь на тыльную сторону запястья и почувствовала покалывание. Сойдёт в качестве мыла.

Я сделала быстрый круг, оценивая ранения, пытаясь решить, кому помочь сначала. Таких пациентов было пять, и мне сразу же стало понятно, что с этими людьми неплохо обращались, но ими пренебрегали. Нужно сначала заняться исполосованной спиной, а там уж до остальных дойдёт очередь.

Горячая вода ждала меня у входа, и я обмыла спину бедняги, жалея, что под рукой нет корзинки с лекарствами. К счастью, мужчина не очнулся, когда я использовала скунсовую капусту, чтобы очистить раны. Я прошла к остальным и обмыла вспотевшие лица и грудь, ослабляя страдание больных и осматривая раны. Я запоминала тех, кому понадобятся лекарства и травы при дальнейшем лечении. Богиня знает, где я их раздобуду, но об этой проблеме подумаю позже.

Вскоре в палатке появился долговязый паренёк с рыжими волосами и карими глазами. Он нёс поднос с каваджем, тёплыми булочками и гартом. Казалось, он был удивлён видеть меня, но бодро согласился помочь. Он раздал каждому немного еды и каваджа, болтая без умолку, журча точно горный ручей. Его писклявый голосок выделялся на фоне грубых басов воинов и веселил каждого.

Еда и забота пробудили людей, и с чужой помощью большинству удалось обмыться. По крайней мере, эти болваны снаружи не переставая носили горячую воду. Я вынесла целую грудку грязного белья на улицу. Блондинка предложила мне помочь, но я промолчала и просто указала на грудку. Они поняли намёк.

Рыжеволосый паренёк возник передо мной, когда я чистила раненое предплечье.

— Я закончил, воин. Я оставил... э-э-э... немного булочек и каваджа, хотя они уже остыли.

— Я не воин, — рассеянно ответила я. — А целитель.

Его глаза внезапно расширились.

— Вы военный трофей.

Я залилась краской, но продолжила работать. Мой пациент, однако, вздёрнул голову и уставился на мальчика.

— Трофей?

— Лежите спокойно, — рыкнула я. Он подчинился, больше не выражая протеста.

Парень склонился над моим плечом и вытянул длинную шею.

— Что... м-м-м... вы делаете?

— Очищаю раны. Они загноились.

Это была худшая из ран, и меня волновало состояние этого человека.

Мальчик не отошёл.

— Откуда вы собственно это знаете?

— Запах.

Он втянул воздух через нос и поморщился от отвращения.

— Этот?

Я кивнула и наложила повязку.

Мальчик, казалось, задумался на минуту.

— Я должен вернуться, меня будут искать. Я приду позже, с супом и хлебом. — Он сделал шаг в сторону, а затем обернулся. Его карие глаза задумчиво уставились на меня. — Вы как бы ни похожи на жрицу-воина.

— Я целитель.

Он выглядел смущённым, но все равно улыбнулся.

— Я... м-м-м... могу задать вопрос? Вы не возражаете?

— Конечно, я отвечу на все твои вопросы. — Я изучила его нетерпеливое лицо и не сдержала улыбку. — Как тебя зовут?

— Я Гил. — Он усмехнулся. — Я вернусь с ужином.

И он ушёл, насвистывая себе под нос.

Наконец, мы закончили. О каждом позаботились: всех согрели, обмыли и накормили. Время начать последнюю тяжёлую работу. Я начала с дальнего конца палатки и пошла к выходу, осторожно беря каждый ночной горшок и выливая его содержимое в большое ведро, которое, судя по виду, служило для этой цели. Я взяла ведро за ручку и пошла из палатки, мимо бездельников, которые собрались у костров и старались выглядеть занятыми и невинными. Когда я вышла в первый раз, один из воинов подошёл ко мне, чтобы помочь, но я бросила на него гневный взгляд, и он сразу ретировался. Теперь они просто сидели и смотрели. Всякий раз как я проходила мимо, воины, казалось, всё ниже припадали к земле.

К тому моменту как я вышла из палатки с последним полным ведром, небо уже слегка окрасилось в розовые и жёлтые цвета. Я даже не крутила головой по сторонам, обращая всё своё уставшее внимание только на уборную. Небольшой шум отвлек меня, я посмотрела в сторону и увидела, что все бездельники стоят по стойке смирно, а их лица белее снега. Я услышала кашель за спиной и резко обернулась. Слишком резко, что содержимое помойного ведра выплеснулось на мои штаны.

Весь в чёрной коже и броне, Кир восседал на своём боевом коне, наклонившись вперёд и придерживаясь за переднюю луку седла. Вид у него был сердитым и мрачным.

Я заморгала.

Он поднял бровь и заговорил спокойно и ровно:

— Кто хочет мне объяснить, почему военный трофей чистит ночные горшки?

Я выпрямилась, на этот раз, стараясь не пролить ведро.

— Эти брэгнекты не достойны такого задания.

Все затаили дыхание за моей спиной. Я проигнорировала их.

Я развернулась и направилась в уборную, чтобы выполнить свою задачу.

Нужно обязательно спросить у Жодена, что означает это слово.

Закончив свою работу и ополоснув пустое ведро, я повернулась и поднялась на холм. Кир все ещё сидел у палатки, а вот воинов нигде не было видно. Он спустился на землю, передал поводья стражнику и без слов последовал за мной в палатку.

Я остановилась на секунду посмотреть на свою работу. Палатка пахла свежестью и чистотой, а люди отдыхали в комфорте. Кир прошёл мимо меня и заговорил со своими людьми, непринуждённо проходя мимо коек. Я подошла к табурету, рядом с которым стояли

имеющиеся лекарства, и начала перебирать их. По крайней мере, именно эту деятельность я симулировала, а сама наблюдала за своим хозяином. До этого мне не выпадала шанса хорошо его разглядеть. Ну, кроме утра. Моё лицо нагрелось от этой мысли. Он шёл по палатке без всяких церемоний и формальностей. Даже встал на колени, чтобы переговорить с наказанным воином.

В то время как движения других воинов выглядели вышколенными и могучими, он казался совсем другим. Здесь присутствовала плавность, изящество, которого я не замечала ранее. Как он схватил руку этого больного, как склонил голову и слушает другого. В один захватывающий дух момент он улыбнулся в ответ на реплику, и его лицо смягчилось и стало небесно прекрасным.

После этого моя роль сексуальной рабыни стала казаться ещё более дикой и абсурдной. Вокруг такие женщины: высокие, сильные... фигуристые. Когда такие воительницы расхаживают по лагерю, кому может понадобится шатенка-коротышка с... ну... не самыми хорошими формами?

Кир закончил, встал и посмотрел по сторонам. Я уставилась на различные бутылки и фляги, понятия не имея, что в них содержится. Он подошёл ко мне, и тут до меня внезапно дошло, что я ослушалась Маркуса. Кир приблизился — я встала, но не подняла головы.

— Люди, которые принесут ужин, позаботятся об этих больных.

Я быстро подняла глаза и нахмурилась.

— Другие люди, не те, что были здесь раньше. — Кир осмотрелся. — Нас ждёт ужин.

Он приподнял полог и пропустил меня вперёд. Я замерла и посмотрела на него. Он все ещё уклончиво смотрел назад. Я не увидела гнева на его лице.

Я вышла на улицу и подождала, пока Кир заберёт лошадь. Наверное, он поедет верхом, но он взял поводья и пошёл рядом со мной. Я немного отстала, но он остановился, желая идти со мной ногу в ногу. Затем он сморщил нос. Лошадь фыркнула и затрясла головой. Кир встал с наветренной стороны, и мы продолжали путь.

Я откашлялась

— Я навестила Симуса. Он уверенно идёт на поправку.

Никакого ответа. Я продолжила:

— Он хочет встать и пойти, но думаю, я убедила его поберечь ногу день-другой.

Все ещё никакого ответа. Я вздохнула и решила помолчать. Солнце почти закатилось за горизонт, цвета ночного неба утопали в темноте над нашими головами. Мы приближались к палатке Кира, и я все больше начала волноваться. Наконец, я не выдержала и прямо спросила:

— Ты меня накажешь?

Тишина.

— Одного из воинов избили и бросили лежать в палатке, — нервно рассказала я, боясь тишины. — Я не могла пройти мимо. Этим людям нужен был уход, но у них не было никого, никто им не помогал, никто не заботился о... — Я увидела лицо Кира, и мой голос сорвался и затих.

— Маркус забеспокоился, когда ты не вернулась. Он послал за мной, и я отправился на твои поиски. Нехорошо терять военный трофей в первый же день. — Голос был тих, лицо непроницаемо.

— Ты накажешь меня? — с лёгкой дрожью в голосе спросила я.

— Нет. — Кир вручил поводья одному из подошедших воинов и повернулся ко мне со

странным выражением лица. — Мне-то зачем.

Именно тогда откинулся полог палатки. Я вздрогнула, обернулась и увидела очень сердитого Маркуса. Его травмированное лицо превратилось в клубок гнева.

Я сглотнула, отступила на шаг и врезалась в Кира.

— Где вас носило?! — Голос Маркуса прорезал ночь. — Пришлось отправить Вашество на ваши поиски, что я и сделал.

Он отошёл, позволяя мне войти в палатку.

— Ах, как же должно быть тяжело найти палатку Симуса? А? А вернуться назад совсем невозможно? — Он впился в меня взглядом, уперев руки в бока. — Где вы были?

Он нахмурился и втянул воздух. Его глаз расширился, а лицо скривилось в отвращении. Кир последовал за мной в палатку, и я слышала тихое хихиканье за спиной. Маркус осмотрел мою одежду, и его зрачок стал ещё шире. Я опустила глаза и впервые за все время заметила складки и пятна. Я сглотнула и посмотрела через плечо, взглядом моля о помощи.

Никто не откликнулся. Кир только выгнул бровь.

— Я скоро вернусь.

Клянусь, он улыбался, отворачиваясь и покидая палатку.

— Ни здравого смысла, ни благословенных небом мозгов.

Маркус схватил меня за плечо и затолкал в спальню.

— Вы катались в навозной яме, а?

Он исчез на мгновение и вернулся с простыней.

— Разденьтесь и обернитесь в это.

— Маркус, я...

Единственный глаз прожёт меня яростью. Я схватила простыню и, прикрываясь ею, выскользнула из рубашки.

— Вашество говорит: «заботься о трофее, присматривай за ней»...

Маркус ушёл, забрав рубашку. Я воспользовалась возможностью снять с себя оставшуюся часть одежды и завернуться в простыню. Голос Маркуса раздался из соседней комнаты.

— Но он не говорил Маркусу, что у военного трофея нет зачатков мозгов, которые есть у гусят.

Он вернулся, забрал мою одежду, держа её на расстоянии вытянутой руки, и одарил меня ещё одним свирепым взглядом.

— Чего вы ждёте? Когда вода остынет?

Он указал на уборную.

Я прошла быстро, но с некоторым достоинством, в комнату и закрыла за собой откидную створку, но Маркус не оставил меня в покое.

— Станьте там, — сказал он, войдя в уборную.

Он указал на деревянную платформу в центре.

— Вода стекает вниз. Вы поняли? Или я должен помыть вас?

Его взгляд прожёт меня, я покачала головой и сжала простынь, закутываясь в неё ещё сильнее.

Он раздражённо вскинул руки.

— Может быть вы и трофей, но у вас нет ничего, чего бы я ни видел прежде. — С этими словами он вышел из комнаты, бросая гневные слова напоследок. — Гусёнок? Я говорил гусёнок? — рычал он. — Да у вола мозгов больше.

Я отшатнулась от двери и замерла на мгновение, возвращая контроль над своим сердцем и дыханием. Правда, Маркус ничем не отличался от Анны? Я пыталась убедить себя в этом повернувшись и найдя четыре ведра горячей воды, мыло и тряпки, ждущие меня на маленьком столе. Маркус все ещё не успокаивался и мерил палатку широкими шагами. Его голос то усиливался, то стихал. К счастью я не смогла разобрать подробностей.

Под платформой лежали камни, и я поняла, что там расположен своего рода сток. Я уронила одеяло, поднялась на платформу и аккуратно вылила часть первого ведра на свою голову и тело. Как же прекрасно ощущать кожей тёплую воду. Я взяла мыло и ткань и начала намыливать каждый дюйм своего тела и волос. Мне не хватало огромных купален замка, где можно было по шею погрузиться в тёплую воду. Но должно быть в военном лагере это роскошь. Я с наслаждением намыливала тело. Закрыла глаза и почувствовала, как сходит вся собранная за день грязь.

— Вам помочь с водой? — рыкнул Маркус из внешней комнаты. — Уверены, что после вас будет порядок?

Я замерла, опустив ногу с платформы, собравшись взять второе ведро воды. Я посмотрела на пол и решила, что застенчивость не стоит гневных возгласов.

— Да, пожалуйста, — крикнула я и продолжила намыливать волосы, стараясь не попасть пеной в глаза.

Внезапно по мне полилась вода, споласкивая пену с волос и тела. Благодарная за помощь, я быстро закончила натираться и смыла руками остатки мыла. Вода продолжала литься непрерывающимся потоком. Замечательное ощущение!

— Спасибо, Маркус. Мне намного лучше. — Я вслепую потянулась к лежащему на столе полотенцу. И тут кто-то вложил его в мою цепкую руку.

— Я рад.

Это был не Маркус.

Я инстинктивно дёрнула руки, открыла глаза (мыло сразу же начало щипаться) и увидела эти голубые глаза. Я замерла, оставляя любые попытки прикрыть наготу. В конце концов, я его собственность. Я потупила взор и сжала полотенце. Кир вырвал его из моих рук и обернул вокруг тела. Вторым полотенцем он обернул мои мокрые волосы.

Без слов он подхватил меня на руки, прошёл в спальню и усадил на край кровати. Кир отошёл и сел на пенёк. Не поднимая глаз, я аккуратно вытерла остатки влаги с волос. Придётся расчёсываться пятернёй, пока не найду расчёску.

Рядом со мной на краю кровати лежал узелок с одеждой.

— Чем ты надушила волосы прошлым вечером?

— Ванилью. — Я задрожала, так как его глаза бродили по моему телу. Он встал и начал снимать свою броню и оружие, складывая их на скамью у кровати. Я взяла узелок и осторожно попятилась к ванной комнате.

Я была уже почти у цели, как Кир произнёс:

— Мне понравилось.

Я замерла, но он больше ничего не добавил, просто продолжил развязывать ремни над нагрудником. Я сделала шаг, опустила полог, обтёрлась и быстро переоделась. Одевшись, я почувствовала себя намного лучше. Мне приготовили те же тунику и штаны, только чёрные. Я сложила высохшую одежду и вернулась в спальню.

Кир сидел на скамье и снимал сапоги. Где-то гремели тарелки. Должно быть, Маркус готовил нам ужин.

Кир поднял глаза.

Я рискнула улыбнуться.

— Кажется, Маркус успокаивается.

— Думаешь?

Его выражение не изменилось, но в голосе прозвучал смешок.

— Маркус? — крикнул он. — Военный трофей сегодня не обедала.

Грохот утих, и я услышала яростный возглас. Маркус вернулся в комнату, и я съёжилась на стуле.

— Что?! Возомнили, что проживёте на воздухе и свете?

Он впился в меня взглядом, уперев руки в бока.

— Городские, — произнёс он с отвращением и переключил своё внимание на Кира.

— Я выпила каваджа с Жоденом и Симусом, — слегка запротестовала я.

Маркус снова сосредоточился на мне. Удивительно, сколько гнева может излучать один глаз.

— Вам же говорили не брать ничего, кроме как из рук военачальника.

Я съёжилась и посмотрела на Кира, который пристально посмотрел на нас обоих с невозмутимым видом. На сей раз, я была уверен, что увидела смешинки в его глазах.

— Маркус прав. — Взгляд Кира стал серьёзным. — Симус и Жоден обладают полным моим доверием, но от других ты не должна ничего принимать.

Он встал с кровати и пошёл в уборную. Маркус шёпотом выпустил целый поток слов и ушёл, используя слова и фразы, смысл которых я не смогла разобрать. Я все ещё тихонько сидела, когда Маркус вернулся с двумя вёдрами воды. Он продолжал бормотать, излучая гнев каждым шагом. Я открыла рот, чтобы спросить, как я буду есть, если мне нельзя ни от кого ничего принимать, но быстро его захлопнула. Лучше молчать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Маркус вернулся с тяжёлым подносом и с грохотом стал расставлять блюда на стол.

— И чтобы ни крошки... — Он носил блюда прямо у меня над головой, и я забоялась за свою жизнь. — Не осталось.

Он отстранился и посмотрел на свою работу.

— Кувыркалась в выгребной яме, вот чем она занималась.

Его единственный глаз снова сосредоточился на мне.

— Садитесь.

Маркус указал на стул.

Я села.

— Руки.

Я протянула ладони, и Маркус вылил на них воду, бормоча что-то наподобие молитвы.

— Ешьте.

Он скрестил руки.

— А я не должна подождать... — В этот момент мой живот выразил свой интерес к еде. В ответ на этот звук единственный глаз Маркуса сузился до предела и просверлил во мне дырку.

— Ешьте.

Я подчинилась.

Как только я набила рот, Маркус начал объяснять, в мельчайших деталях, значение слов «еда» и «отдых» Я решила, что самый мудрый выбор состоит в том, чтобы продолжать

кивать и есть.

Наконец Кир вышел из уборной.

— Маркус.

Маркус остановился и поднял голову.

— Довольно.

Маркус закрыл рот, вылил воду на руки Кира и ушёл, бормоча себе под нос.

Казалось, я взяла в рот солому. Мне удалось её проглотить, но с большим трудом. Я не представляла, что говорить и делать. Мои мысли занимала стоящая у меня за спиной кровать. Я потеребила губу, опустила голову и сосредоточила свой взгляд на столе.

Военачальник не спешил. Он наложил себе на тарелку еды и приступил к трапезе. После нескольких минут я решила, что это странно: сидеть за столом, не прикасаясь к еде или поддерживая беседу — так что я тоже приступила к еде, стараясь откусывать маленькими кусками.

— Это моя вина.

Я сразу же прекратила жевать и с полным ртом подняла брови.

— С палатками. Я знал, что наш жрец-воин погиб в одном из сражений. Я хотел назначать кого-нибудь смотреть за ранеными, но Симус пропал без вести и в порыве чувств... я забыл. — Он опустил взгляд и стал вертеть еду в руках. — Я извинился перед теми людьми.

Я с трудом сглотнула и недоверчиво посмотрела на Кира.

Маркус выбрал этот момент, чтобы вернуться в палатку с бурдюком и двумя кубками в руках. Он разлили вино, пристально наблюдая за нами обоими.

— Трапеза принесёт много пользы, если есть сидя за столом. Ешьте. — Он поставил кубки на стол, повесил бурдюк на спинку стула Кира и дал военачальнику небольшой подзатыльник. — И вы тоже, о Великий.

Продолжая разговаривать сам с собой, Маркус вышел из комнаты. Как же он разнервничался. Я даже задержала дыхание. Кир ухмыльнулся и потянулся за мясом.

Смутившись, я продолжила есть. К счастью Кира больше заботила еда, а не я. Я сделала укус, полная решимости сидеть ниже травы и тише воды, но все же, что-то меня беспокоило. После глотка каваджа я рискнула задать вопрос.

— А что с другими целителями? — спросила я. — Почему они не выполнили свой долг?

Кир пожал плечами.

— Нет никаких других целителей.

— Что?! — Я уронила хлеб. — У тебя огромная армия, и при этом нет других целителей? Даже подмастерьев или учеников?

Кир отломил кусочек от булки.

— Все люди в этой армии — воины. У нас нет целителей. Мы получаем базовые знания во время похода. Ухаживать за ранеными — это своего рода наказание. — Он пожал плечами. — По крайней мере, так всегда было.

— Это безумие! С такой-то армией? А как же рана Симуса?

— Это летальный случай. — Его лицо потемнело. — Больной умрёт либо от раны, либо ему одарят милосердием.

Я замерла, потрясённая увидеть его лицо полное боли. Должно быть, такая судьба постигла дорогого ему человека.

Кир повернул голову.

— Маркус вернулся.

Я сразу же начала есть. Маркус вошёл в комнату и осмотрел стол хмурым взглядом. Он проворчал, без всякого сомнения, удовлетворённо, и вышел. Как только я решила, что горизонт чист, я заговорила:

— Теперь с этим покончено. — Я впилась в Кира взглядом. — Это моя работа, частичка моей души, и я хороша в этом деле.

Он посмотрел на меня.

— Ты согласна? Попросишь об этом?

Я заколебалась и опустила глаза. Немного поздно напоминать мне о моем статусе, но будь я проклята, если позволю тем людям страдать.

— Я согласна. — Я рискнула бросить на Кира взгляд, пытаясь прочесть его лицо, но безуспешно. Но надежда возросла, когда он медленно кивнул. — Ты позволишь?

Он пристально на меня посмотрел.

— Да. Это усилило бы мир после тех смертей.

— Смертей? — спросила я, и тут вспомнила. — Лошади?

— Убиты арбалетными болтами. Такое оружие используют лишь ксиане.

— Ты должен переговорить с Ксимандом. Он найдёт...

Взгляд Кира стал мрачнее тучи.

— А если нападения заказал он?

— Ксиманд не пошёл бы на такой шаг. Он присягнул тебе, дал... — Я осеклась, не желая думать об этом. — Он не сделал бы этого.

И все же из глубин моей памяти раздался голос брата. С какой ненавистью он говорил с Уорреном о лошадях людей Огненной земли!

Кир отнёсся к моим словам скептически и обратил внимание на тарелку. Казалось, на секунду он потерялся в своих мыслях. Мы поели в тишине, и я задалась вопросом, насколько далеко я смогу продвинуться. Наконец, я сделала глоток вина.

— Мне понадобятся поставки для палатки.

— Поставки? — Он отодвинул тарелку большим пальцем и просто посмотрел на меня. Я уставилась на свою тарелку и поняла, что она опустела, как и остальные подносы. В конце концов, я умирала с голоду.

Маркус захлопотал и убрал блюда, оставляя лишь мех для вина и кубки. Он встал с подносом в руке и посмотрел на меня.

— Трофей.

Я удивлённо подняла глаза.

Маркус посмотрел на меня без следа гнева на лице и спокойно произнёс:

— Я слышал, как вы поступили сегодня днём. Хорошая работа. — Он нахмурился. — Но в следующий раз, если слушаетесь моих наставлений, то узнаете, насколько остр у меня язык. Поняли?

После этого Маркус поклонился Киру и пожелал нам обоим спокойной ночи.

Я посмотрела на Кира. Он откинулся на своём стуле, пристально изучая кубок. Я сделала ещё один глоток. Вино отличало богатый фруктовый вкус.

Кир заволновался.

— Поставки? Что именно тебе нужно?

— Травы и прочее. Мне нужны лекарства, особенно кора ивы.

— Ива? Что это такое? — озадаченно спросил он.

Я открыла рот и заёрзала на месте. Мои штаны зацепились за грубое дерево, и я открыла рот от удивления, вспомнив на чем я сижу. Я встала, угрожая перевернуть стол, и опустилась на колени около табурета. Крича в восхищении, я начала сдирать кору с дерева. Пень был от ивового дерева.

— Трофей? — Кир наклонился вперёд, чтобы понять, что я делаю.

Я рассмеялась, отрывая высушенная кору с пня, повернулась и показала находку.

— Кора ивы!

Кир нахмурился, все ещё не понимая.

— Из этого можно приготовить лекарство. Лекарство, сбивающее температуру. — Я покачала головой. — Я сидела на всем этом добре столько времени и ...,

Я сложила кору на столе.

Кир рассмеялся. Я подняла глаза и заметила его оценивающий взгляд.

— Ты страстно увлечена своим ремеслом. — Он поднял голову. — Твоей... профессией?

Я кивнула.

Кир встал и неторопливо потянулся. Услада для моих глаз. Затем он склонился надо мной, и меня околдовали его ярко-голубые глаза.

— Давай узнаем, можно ли пробудить в тебе иные виды страсти.

С этими словами он отнёс меня на кровать.

Я закрыла глаза и попыталась за что-нибудь ухватиться. Этот момент, наконец, настал, а я не готова, и все же... Я знала свой долг с самого детства.

Я представляла, что когда-нибудь буду спать с мужчиной, выбранным моим отцом. Мужчиной, с которым меня связали священные клятвы, произнесённые во время свадебной церемонии в тронном зале. Я думала, что мой муж будет чтить и уважать меня, и возможно даже иногда обо мне заботится. Но Ксиманд не спешил со свадьбой, и эти мечты растаяли как дым.

Меня касались руки рабовладельца, и между нами не было никаких клятв или уз. Ни церемонии, ни священных слов, ни ясного будущего. Меня отдали по приказу моего короля, и я повиновалась, но моё сердце оплакивало все утерянные возможности. Уважение. Честь...

Любовь.

Как и в прошлую ночь Кир прижал руку к моей груди. Тепло обожгло кожу даже через рубашку, и все разумные мысли улетучились из головы. Кровать закрипела. Кир лёг рядом со мной и слегка прижался ко мне. Я сделала глубокий вдох, но ничего не произошло, и я распахнула глаза.

Кир подвинулся и приблизил ко мне своё лицо. Смущённая такой близостью, я в шоке слегка отвернулась. Он наклонился и уткнулся носом в моё ухо. Кожа коснулась кожи, и у меня перехватило дыхание от прикосновения. Без всякого промедления Кир нежно поцеловал меня в подбородок. Его тёплое дыхание зашепотало щеку. Он наклонился ещё ниже и на сей раз легонько облизал место поцелуя. Я стала вырываться. Его рука ласково меня остановила, словно приказывая лежать тихо. Мне удалось прекратить извиваться, но моё дыхание участилось. Сердце раздирали чувства, своего рода боль. Своего рода тоска.

Я хотела произнести хоть слово, но Кир грациозно двинулся точно большая кошка и навис надо мной. Его локти лежали с обеих сторон от меня, ноги давили на мои. У меня хватило времени только чтобы обратить внимание на взгляд в его глазах, прежде чем он захватил мой рот своими губами.

Меня точно смело ураганом. Эти губы мучили и дразнили, и брали то, что хотели. Кир не просто прижимал свои губы к моим, он использовал всё: рот, язык, зубы. Через несколько секунд он отступил, давая мне время отдышаться. Нет, он не остановился, просто стал целовать нежнее, осыпая крохотными поцелуями уголки губ, пока я отчаянно пыталась сделать вдох.

Кир соорудил довольную мордочку, нежно погладил моё лицо, провёл пальцами по моим волосам, рассыпая их по меху. Глаза вспыхнули синим блеском.

— Хочешь узнать главный плюс в положении военачальника? — раздался хриплый шёпот.

Я прикусила губу, озадаченная вопросом.

Рот Кира медленно расплылся в улыбке.

— Я всегда получаю то, что хочу.

Его губы набросились на мои, требуя, уговаривая, беря штурмом. Снова и снова он подводил меня к некоему краю, пока я не забыла, где кончается он, и начинаюсь я. На секунду меня это полностью обескуражило, и страх тихонько коснулся моего сердца. Отступая всякий раз, Кир успокаивал меня нежным шёпотом и прикосновениями. Позволяя

мне сделать вдох.

А затем Кир продолжал целовать меня, снова и снова.

Я хотела большего. Мои руки были придавлены, и теперь я изо всех сил пыталась поднять их, чтобы обнять его, прикоснуться. Он рассмеялся и немного подвинулся, предоставляя мне больше пространства. Моё плечо соприкоснулось с рукой Кира, и я немного зашипела при прикосновении.

Кир замер и попятился.

— Что такое? — Он нахмурился. — Я причинил тебе боль?

Я покачала головой, смутившись от его слов. Трудно думать, когда у тела, кажется, свои проблемы. Кир забеспокоился. Он расстегнул мою рубашку и опустил рукав.

— Кто это сделал? — прорычал он.

Я была поражена. В этот момент передо мной сидел незнакомец с ледяными глазами и каменным лицом. Я испуганно опустила глаза и увидела синяки на плече. Без всякого сомнения, это отпечатки пальцев большой руки. Вероятно, той женщины-воительницы, что схватила меня.

— Я убью того, кто причинил тебе боль.

Кир спрыгнул с кровати и прошагал к входу в палатку.

— Маркус!!! — заорал он и стал мерить комнату шагами.

— Я... — Я села, изо всех сил пытаюсь прикрыться рубашкой. — Это пустя...

Кир повернулся, его глаза напоминали синий лёд. Я замерла. Дражайшая Богиня, он серьёзен. Его глаза были полны гнева.

Сонный Маркус стремглав вбежал в палатку. Он бросил взгляд на Кира и опустился на колени, не смея поднять головы. Я изо всех сил пыталась прикрыться, путаясь пальцами в рубашке.

Кир едва взглянул на Маркуса.

— Кто-то ранил военный трофей. — Он подошёл ко мне и нежно развернул руку, чтобы Маркус увидел синяки. — Смотри.

Маркус поднял голову, и его глаз широко распахнулся и тут же устремился в пол. Кир опустил рубашку, прикрывая мою грудь и плечо.

— Кто это сделал? — сказал он спокойным убийственным тоном.

Я взяла пример с Маркуса, опустила на одно колено и опустила голову, позволяя волосам упасть на лицо.

Кир продолжил вышагивать по комнате, двигаясь точно заключённое в клетку животное.

— Я жду ответа.

Я сглотнула:

— Военачальник, это был несчастный случай. Я находилась в палатках целителей и заботилась о раненых. — Мой рот пересох, и я едва смела вымолвить слово.

— Тебе причинили боль. Никто не касается того, что принадлежит мне. — Кир почти ревел, разозлившись до белого каления. Я задрожала от ярости в его голосе, но не шелохнулась и не подняла головы.

— Военачальник, я лечила рану. — Я с трудом сглотнула, пытаюсь хоть как-то увлажнить рот слюной. — Воин резко дёрнулся. Это я недоглядела.

— Ты пыталась убить себя? Разрушить мир? — В его голосе звучала странная мученическая нотка.

— Нет! Я не предала бы...

— Ты назовёшь его имя. Он ответит передо мной.

— Нет.

Я закрыла глаза и задержала дыхание.

Кир встал рядом со мной. Я ощущала его прожигающий взгляд, слышала его тяжёлое дыхание.

Так или иначе, я знала, что он не причинит мне боль. Я медленно подняла голову и посмотрела ему в глаза. Его гнев не стал меньше, Кир только сдержал его. Я осторожно коснулась его руки. Мышцы под кожей дрожали от напряжения.

— Военачальник, я невредима. Синяки пройдут.

Он был неудовлетворён.

— Ты находишься под моей защитой. Кто бы это ни сделал, он заплатит за свои действия.

— А если действие было непреднамеренно? — Я медленно поднялась и положила руку на его плечо. Я двигалась осторожно, держась столь близко, сколько смела. Краем глаза я видела, что Маркус все ещё стоит на коленях перед входом. — Если воин не осознавал что делает?

— Как Симус в саду?

Я кивнула.

Казалось, он понял, но его лицо осталось мрачнее тучи.

— Ты бросаешь мне вызов. — Его голос грохотал, но уже намного нежнее.

— Только чтобы защитить человека, который не заслужил твоего гнева. — Я внимательно разглядела сердитые голубые глаза. — Разве ты не получаешь случайные ушибы во время тренировок с оружием?

— Нет. — Он фыркнул, но я ощутила, что его рука немного расслабилась. — Я хороший воин.

— Ну, а я нет, — вздрогнула я. — Прости меня.

— Маркус, оставь нас.

Маркус вышел из палатки с такой же скоростью, с какой вошёл.

В мгновение ока меня укрыли мехами, приятно согревающими тело. Кир лёг рядом и положил голову на руку. Я зевнула, пытаясь бороться со сном, не зная чего ожидать.

— Ты не умеешь обращаться с оружием. — Предложение прозвучало больше как заявление, чем вопрос.

— Ты имеешь в виду как воин?

Все же странный он задал вопрос.

— Ты не сможешь защитить себя.

Его голос тоже звучал странно.

Я снова зевнула.

— Я всегда могу убежать.

Он фыркнул. Пауза, и мои веки стали ещё тяжелее.

— Ты не тронута, — прогрохотал голос у самого моего уха.

— У меня синяки, — заспорила я.

— Нет. — Он снова сделал паузу. — Я хочу сказать, что ты не тронута. У тебя нет детей.

Я резко вздохнула и моментально проснулась.

— Я дева из рода Кси. — Я уставилась в потолок и стала трепать нижнюю губу. — Я...

Я закатила глаза, осознавая всю нелепость беседы. Трудно продолжать разговор, но Кир терпеливо ждал. Я ощущала его глаза на своём лице.

— Мне делали предложение руки и сердца. И я...м-м-м...

Слова замерли на моем языке.

— Не тронута. — Кир смотрел на меня через полужамкнутые веки, изучая меня как добычу. — Не осведомлена.

Я покраснела и насупила брови.

— Я целитель. Мастер-целитель. Я прекрасно осведомлена и всё знаю. Просто испытываю недостаток в...

— Опыте.

Он поднял руку и убрал прядь с моего лба. Я отодвинула голову от его руки и зевнула во весь рот.

Верно. Знание, но никакого опыта.

— Всё же ты лечила людей. Ты видела...

Я почувствовала, как мои щеки залились румянцем.

— Да. Я знаю, как выглядят мужчины и женщины, и знаю, что они делают. У меня просто нет...

— Это обычай твоего народа?

— Да.

Кир вздохнул и перевернулся на спину. Я увидела, что он закрыл глаза и снова вздохнул.

Сжимая веки, он произнёс:

— Спи, трофей.

Я закрыла глаза, задаваясь вопросом, услышу ли я когда-либо снова своё имя.

* * *

Что-то прогрохотало рядом с моим ухом, и я проснулась.

Кто-то тихонько вел беседу. Кир говорил с кем-то. Мне не захотелось открывать глаз. Под мехами так тепло, и у меня нет ни малейшего желания встать с кровати. Так хорошо просто лежать и ничего не делать.

Голоса стихли, послышались шаги.

Кир нежно произнёс:

— Мне нужно уйти, а ты спи, спи.

С этими словами он вышел на улицу, впуская прохладный воздух в палатку и игнорируя моё недовольное бормотание. Я сползла в теплоту, стараясь изо всех сил не проснуться. Шум воды и аромат завтрака сделали это невозможным.

Блюдо пахло пряностями. Мой живот озвучил своё мнение. Я села, позволяя мехам сползти к талии, и поправила тунику, которая перекрутилась за ночь. Я сцепила руки в замок за спиной и потянулась, выгибая спину. Косточки слегка затрещали, и я опустила руки.

Кир стоял и наблюдал за мной.

Он был обнажён по пояс. Вода все ещё блестела на его лице и шее.

И у него был самый странный взгляд на свете.

Я залилась краской и отвела глаза. Выбравшись из-под одеял, я побежала в «укромный

уголок». Кир оставил много тёплой воды, а на одной из скамей лежала сменное белье для меня. Я быстро помылась.

Когда я вышла из уборной, Кир уже ел, а Маркус стоял рядом, скрестив руки. Он указал на другой стул, и я тут же села. Маркус впился в меня глазом и не прекращал смотреть, пока я не начала есть. Он посмотрел на меня напоследок и покинул комнату.

Кир откинулся на стуле, сжимая кружку каваджа в руке.

— Ты хочешь вернуться в палатку исцеления?

Я кивнула, набив рот овсянкой. Кир выпил свой горький горячий кавадж. Я заметила, что он ничего не добавлял к нему.

— И проверить Симуса, если можно.

— Я созываю сенель в полдень и хочу, чтобы ты присутствовала.

Я кивнула и задалась вопросом, что же такое этот сенель.

Кир продолжил говорить:

— Я поручаю двум охранникам всегда находиться подле тебя.

Моя еда пошла не в то горло.

Маркус вошёл, неся ещё хлеба.

— Отлично, — пробормотал он и покинул комнату.

Кир поднял руку, пока я пыталась откашляться.

— Это не обсуждается. Я должен защитить тебя, раз ты не можешь сделать это сама.

— Я не беспомощна, — пробормотала я.

Его глаза склонились к моему плечу. Я покраснела от невысказанного намёка и открыла рот, собираясь заспорить. Он оборвал меня жестом.

— Если это не приемлемо, ты можешь остаться здесь. Спи и позволяй Маркусу кормить себя.

Я услышала удивлённый вскрик из другой комнаты.

Я с негодованием посмотрела на Кира.

Он был глух к мольбам.

— Я послал за охранниками. Они скоро придут.

Он допил остатки каваджа и встал из-за стола. Я отломилла немного хлеба и стала отщипывать кусочки, стараясь не смотреть, как Кир возится со своим оружием.

Вошёл Маркус и начал собирать тарелки.

— Так будет лучше, трофей.

Я с негодованием посмотрела на кружку каваджа.

— А ты куда?..

— Я должен обсудить с Симусом... — ответил Кир.

— Нападения на лошадей, — мрачно закончил за него Маркус и пробормотал что-то под нос.

— Да. — Кир заметил мой удивлённый взгляд. — Кто-то напал на табун и убил лошадей. Мы думаем, что это сделали твои люди.

Я открыла рот, желая все отрицать, но тут же его захлопнула. Кир внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я закончила есть в тишине, поскольку Кир прикреплял оружие к поясу, а Маркус занимался своими делами.

По звукам с улицы я поняла, что пришли мои охранники, и быстро начала отдирать кору с пня, на котором сидела. Маркус потребовал узнать, что я делаю, а Кир отправился встречать охранников. Я подняла голову и увидела Преста и Рэйфа. Оба парня улыбались во

все тридцать два зуба. Я сразу же улыбнулась в ответ. Возможно, все не так плохо, в конце концов.

Кир повёл нас вперёд, а Рэйф и Прест встали у меня по бокам.

— Не опаздывайте к сенелю. И помните, что вы должны успеть помыться! — крикнул Маркус нам вслед.

* * *

Симус был не в лучшем расположении духа.

— Кстати, — заворчал он, как только мы вошли в палатку. Рэйф и Прест остались снаружи. — Что там насчёт нападений? Без сомнения, это проклятый горо...

Кир откашлялся, так как внутрь вошла я.

— Доброе утро, военный трофей, — подмигнув, поприветствовал меня Жоден. — Предупреждаю, Симус ещё выпил мало каваджа, чтобы почувствовать себя человеком.

Симус зарычал, и я почти рассмеялась вслух. Кто бы мог подумать, что пациент в таком дурном настроении ещё и неженка?

— Я могу зайти позже, — предложила я.

— Нет! — Симус в ярости приподнялся на локтях и втянул воздух через зубы, поняв, что я только дразнюсь. Небольшая улыбка поползла по его лицу. — Доброе утро, военачальник, военный трофей.

— Доброе утро, Симус из рода Ястреба.

Кир сел на один из пней, стоящих в отдалении.

— Не могу винить тебя за такое отвратительное настроение. — Он указал на ногу. — У меня не хватило бы терпения вынести боль.

Симус впился в него взглядом.

— Мне ещё тяжелее, так как никто не говорит, что происходит...

Кир поднял руку.

— Позволь военному трофею осмотреть твою ногу.

— Мы поговорим, пока она работает. — Симус откинул одеяла и меха и выставил ногу. Жоден подошёл помочь ему, а я опустилась рядом на колени.

— Вчера ночью не было никаких нападений. Рядом с трупами лошадей найдены арбалетные болты. Мы обсудим наши действия на сенеле, который я созвал сегодня к полудню.

Симус заворчал:

— Разве мы используем арбалеты? Даже если бы мы научились стрелять из них, никто бы не посмел совершить подобного преступления.

— Я решил отправить Ифтена к королю ксиан, сообщить ему о нападениях и получить ответы.

— Ифтена? — Всё внимание Симуса теперь сосредоточилось на Кире. — Почему именно его? Почему ты не пошёл сам?

Я обернулась. Меня мучило любопытство, что же ответит Кир, но он только бросил на меня многозначительный взгляд.

— Я не покину лагерь.

— А, ладно. Возможно это лучшее решение. Позволь ему показать своё истинное...

Кир не дал ему договорить:

— Позволь военному трофею закончить свою работу и уйти. Нам ещё много чего нужно обсудить. Включая Жодена.

Я посмотрела на Жодена, но его лицо было беспристрастно, а вот Симус не стал молчать:

— Здесь нечего обсуждать.

— Нечего?

— Да. — Симус бросил взгляд на Жодена и хитро посмотрел на Кира. — Жоден не первый, кто отказал в милосердии другу. — Кир промолчал, и Симус усмехнулся. — Мы с Жоденом будем на сенале.

— Симус... — Жоден нахмурил брови.

Симус с негодованием посмотрел на друга.

— Мы придём. Вместе.

Он поднял руку, не давая Жодену заговорить. Я посмотрела на обоих мужчин. Жоден был явно недоволен, а Симус выглядел сердитым. Я не понимала, что происходит, но Жоден испытывал некое стеснение. Я откашлялась и привлекла внимание Симуса. Он перевёл взгляд и сосредоточил своё внимание на мне.

— Ну как?

— Рана достаточно хорошо выглядит. Но только несколько шагов.

— Ха! — Симус сжал ладонь в кулак. — Вот увидишь, маленький целитель. Да я выбегу из этой палатки.

Я закатила глаза.

— Не сомневаюсь. Но на всякий случай, позволь Престу и Рэйфу поддержать тебя во время первых шагов.

Симус скорчил гримасу, но был готов вынести что угодно ради шанса идти. Он с нетерпением стал звать моих охранников. Рэйф и Прест встали по бокам от него, Симус поднялся с кровати и попытался сделать несколько шагов. Очень быстро, он посерел и зашатался от усилия. Мы вернули его на кровать, и Жоден помог ему улечься. Как только мы о нем позаботились, я стала на колени и начала отдирать кору с пней.

Симус откашлялся:

— Трофей, что ты!..

Я проигнорировала его возглас.

— Это медицина. — Я продолжила собирать кору. — Я использую её, чтобы сварить лекарство от лихорадки.

Он закатил глаза.

— О, великая радость. Должен признать, кроха, та дрянь на вкус просто ужасна.

Прест и Рэйф оставили палатку с руками полными коры. Я пошла за ними, унося не меньше.

— Увидимся на сенале, маленький целитель, — крикнул Симус мне вслед.

Я повернулась, размахивая вязанкой, как будто предупреждая его. Он поднял руки, словно отражая удар.

— Я знаю, знаю. Меня донесут до палатки. — Я улыбнулась ему и, повернувшись, увидела Кира перед собой.

Он сделал шаг и поднял мой подбородок.

— Не опаздывай, — сказал он и поцеловал меня крепко и быстро.

Я усталилась на него, но Кир отошёл в сторону. С самодовольным взглядом он подтолкнул меня идти дальше.

Как только мы вышли из палатки, я тут же посмотрела на Рэйфа.

— Что такое «сенель»?

Он задумался на секунду.

— Собраться, получить совет от других... — Он обратился к Престу за помощью, но Прест просто пожал плечами. Рэйф закатил глаза.

— Кто там будет?

— Лидеры... Кировы... — Он наморщил лоб. — Представители? Мы называем их военачальниками.

На утреннем солнце блеснул металл. Я повернула голову и увидела группу воинов, собравшихся на просторном поле для практики. В центре стояла высокая женщина, а прямо на неё мчался огромный конь.

Я замерла.

— Что?..

Рэйф рассмеялся.

— Смотри, трофей.

Прест оценивающе посмотрел на женщину и заворчал. Я снова повернула голову и увидела, что конь атаковал. В секунду лошадь пронеслась мимо воительницы, и она внезапно прыгнула в седло. Воины одобрительно закричали, и женщина поскакала к ним. Она казалась довольной своим выступлением.

— Как она это сделала? — спросила я.

— Практика, — ответил Прест.

Рэйф согласно кивнул. Я с недоверием посмотрела на него, и мы продолжили идти.

— Нет, я не вру, трофей. Мы все практикуем навыки езды таким способом. Каждый должен уметь запрыгнуть на скачущую лошадь.

Я вздохнула.

— Рэйф, в городе ты называл меня по имени.

Рэйф кивнул.

— Верно. Но ты теперь военный трофей.

Прест кивнул.

В палатке исцеления всё было хорошо. Мне потребовалось немного времени, чтобы проверить раненых и позаботиться об их нуждах. Хуже всего выглядела спина избитого воина, но он все ещё спал, и поэтому я подождала. Я поставила горшок воды на жаровню и попросила одного из раненых присмотреть за ним. Я изо всех сил постаралась объяснить, что он должен добавлять воду, поскольку она будет выкипать. Я ходила вдоль коек, и единственная проблема состояла в том, что я постоянно врезалась в Преста и Рэйфа, так как они ходили за мной хвостиком. Наконец, я не выдержала и повернулась к Престу.

— Это глупо. Сядьте в углу палатки и смотрите за мной. — Рэйф нахмурился и попытался возразить. Я начала ворчать. — Возьмите ноги в руки и освободите дорогу.

Прест рассмеялся и потянул Рэйфа за собой. Они устроились в сторонке. Вскоре Рэйф стал обрабатывать меч точильным камнем. Прест, кажется, что-то вырезал из дерева. Некоторые раненые присоединились к ним. Они смеялись и спокойно беседовали, пока я работала. Но я заметила, что мои охранники не сводят с меня глаз.

Я взяла варёную скунсовую капусту и чистую ткань и пошла к лежащему воину. Его

спина хорошо заживала под повязкой; следы от удара плетью оказались не настолько глубоки, как я боялась, так что опухоль и краснота почти сошли. Я начала наносить мазь на раны, и воин пошевелился.

— Я знаю, это больно, но мазь поможет исцелиться. Лежите тихо и старайтесь не двигаться.

Воин повернул голову и посмотрел на меня затуманенными глазами.

— Вы жрица-воин?

Мои воины подошли ко мне, и Рэйф в отвращении покачал головой.

— Спал на часах, Тант? Когда ты только научишься? — Он скрестил руки на груди. — Когда у тебя караул?

Тант заморгал.

— В полдень. — Он снова посмотрел на меня. — Откуда вы, жрица-воин?

— Она — военный трофей, — ответил Прест.

Тант дёрнулся и распахнул глаза.

— Идиот, — повернулся Рэйф. — Заканчивай работу, военный трофей. Я принесу каваджа, и мы поставим его на ноги. Если он не придёт на пост, его снова исполосуют.

— Трофей? — пропищал Тант.

Наконец у меня появилось время сесть и осмотреть доступные мне лекарства. Я обследовала все столы и корзины. Запас был жалок. Немного трав и ни одного традиционного средства, которое я бы знала. Одна бутылка пахла столь мерзко, что я спросила одного из раненых, что в ней. Оказалось, что это известное лекарство от кашля, которое растирают на груди. Сделано из гусиного жира и лошадиного навоза.

Пациент предложил помочь мне собрать фляги. Я отказалась, вылила содержимое бутылки и поставила сохнуть.

Отдалённый крик застал нас всех врасплох. Рэйф и Прест вскочили на ноги и прошли к входу в палатку. Я подошла к ним и, привстав на цыпочки, увидела, что они пристально смотрят на поле для тренировок. Я разглядела, как вокруг лежащего человека собирается толпа. Стоял гул, но никто больше не кричал.

Прест посасывал нижнюю губу. Рэйф посерел.

— Думаю, перелом.

Прест кивнул. Оба мужчины были мрачнее тучи. Я выглянула на поле, но не увидела, чтобы пострадавшему оказывали помощь.

— Они принесут его сюда?

Рэйф удивлено повернулся и поднял брови.

— Зачем? Большинству предоставляют милосердие прямо на месте.

Я сердито посмотрела на него и немедленно кинулась к толпе. Прест и Рэйф выскочили вслед за мной.

— Трофей, куда ты?!

Я пропустила возглас Рэйфа мимо ушей и продолжила идти к полю для тренировок, прямо к растерянной толпе. Конечно, они были так расстроены, что мне приходилось их расталкивать всеми силами.

Я опустилась рядом со стонающим человеком. Это была женщина, блондинка, которая прыгала на коня. Она лежала на земле, закрыв руками лицо, и стонала. Я бросила беглый взгляд на ногу, но через кожу штанов не смогла ничего определить.

— Рэйф, дай мне свой нож.

На поле воцарилась гробовая тишина. Блондинка задохнулась от ужаса и опустила руки. Хотя её лицо покраснелось и распухло, я узнала её. Именно эта женщина схватила меня за руку. Её глаза наполнились страхом. Она снова закрыла лицо и завопила.

Рэйф медленно передал мне нож.

— Вы отрежете ей ногу, трофеей?

Услышав вопрос, блондинка вскинула руки, словно пытаясь защититься от меня. Её лицо исказилось от ужаса.

— Нет, Небеса, НЕТ! — завопила она. — Я проклята! — завывала она пронзительным тоном.

Я вздрогнула от звука и разрежала штаны. Стало ясно, что кость сломана, но кожа осталась невредима. Похоже чистый перелом. Я коснулась колена, и женщина снова завопила.

— Хватит! Неужели ты трусиха?

Блондинка посмотрела на меня, замерев от страха, но к счастью успокоилась.

Я сделала знак Рэйфу.

— Нам нужно одеяло, чтобы отнести её в палатку.

— Нет, нет, нет, — зарыдала блондинка. — Я молю о милосердии, только не отрезайте мне ногу. Милосердия!

Я посмотрела на неё.

— Замолкни!

Это привлекло общее внимание.

— Разве я говорила, что ты потеряешь ногу? Любовь Богини! — Я выругалась на собственном языке. — Ты предпочтёшь смерть исцелению?

Ко мне подошёл Прест.

— Исцелению?

Карие глаза блондинки уставились на меня с заплаканного лица.

Я повернула голову и посмотрела на Преста.

— Да, конечно. — По лицам окружающих я поняла, что это «конечно» было для них не очевидно. — Одеяло. Сейчас же.

Прест кивнул, и один из мужчин убежал выполнять приказ.

Я положила руку на плечо женщины.

— Ляг на спину. Попытайся расслабиться. Я знаю, это больно, но мне нужно, чтобы ты не двигалась.

Она схватила мою руку дрожащей потной ладонью.

— Я не потеряю ногу?

— Нет, если будешь делать, как я тебе говорю. — Я снова подняла голову и сосредоточилась на ближайшем человеке. — Мне нужна сыромятная кожа. Один большой кусок и полосы. Сможешь достать?

Он кивнул и убежал. Я повысила голос, чтобы меня все прекрасно слышали.

— Мне также нужны камни. Большие, размером в два кулака.

Два других воина побежали к реке.

— Хотя бы четыре штуки, — крикнула я вдогонку.

Первый мужчина вернулся с широким одеялом в руках. Мы сумели подстелить материю под раненую и подняли её, не тревожа ногу слишком сильно. Я убедила мужчин идти медленно и осторожно, и мы отнесли пациентку в палатку. Там я указала положить её на

пустую койку и стала снимать с неё штаны. Подняв голову, я поняла, что вся группа стоит на месте и наблюдает, как я работаю.

— Вон.

— Но... — возразил Рэйф.

— Рэйф, ты и Прест остаётесь. Другие уходят.

— Они хотят посмотреть, военный трофей. Пожалуйста.

Я нахмурила брови.

— Тогда сверните стены палатки, и пусть они не пугаются под ногами. — Я продолжила снимать штаны. Блондинка кусала губу, пока я работала.

— Как твоё имя? — спросила я, стараясь переключить её внимание на что-нибудь ещё.

— Атира. Трофей, я проклята, я знаю это. Я проклята. Элементали... — Она зарыдала. — Я причинила вам боль.

— Тише, Атира. Это сломанная нога, а не проклятие. Несчастный случай.

Пришли ещё люди, приблизительно с двадцатью лишними камнями и бесчисленными полосами сыромятной кожи. Откуда ни возьмись, появился Гил, и я усадила его нарезать кожу и оборачивать её вокруг камней, чтобы я смогла использовать их как весы. Я приказала Рэйфу и Престу занять места у изголовья, а сама встала на другом конце койки. Крикнула высокому рослому воину подойти ко мне и поставила его рядом. Атира — крупная женщина, и одна я не смогу вправить ей кость. Я объяснила, что мы будем делать. Тишина в палатке была полной. Я игнорировала взгляды и шепотки, но они выбивали из колеи. Все были зачарованы тем, что я делала. На мгновение в сердце закралось сомнение. Вдруг я не справлюсь? Это был чистый перелом, но я не могу обещать полного исцеления, и если пациентка меня не послушается, то все может кончиться тем, что она останется хромоногой или...

Эльн зажарил бы меня на горячем огне. Я отдёргнула себя и сосредоточилась на работе. Будущее принадлежит только одной Богине, и я должна довериться ей.

Как только я убедилась, что все поняли мой инструктаж, мы приготовились. Двое воинов встали у плеч Атиры, и она обхватила их бедра. Другой воин нежно взял её ногу и стал ждать. Я протянула ей кусок ивы, чтобы она зажала его между зубами.

— Хорошо, Атира. Десять глубоких вдохов, и мы начинаем.

Она кивнула, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Затем ещё один. На третьем я схватил её лодыжку вместе со своим помощником, и мы навалились на ногу.

Она заметалась на койке, и кора приглушила её крики. Мужчины удержали её на месте. Мой помощник поддерживал давление, пока я двигала руками по ноге. Они сохраняли напряжение постоянным, увеличивая давление, пока я не ощутила, что кость сдвинулась под кончиками пальцев и услышала знакомый щелчок. Как только кость заняла прежнее место, я наложила шину и перевязала её. Я старалась двигаться очень быстро.

Наложив шину, я кивнула, и мужчины ослабили давление. Я предельно внимательно ощупала, как кость расположилась под мышцей. Всё как надо. Помощники держали ногу поднятой, пока я оборачивала конечность слоём мягких бинтов и раскладывала влажную сыромятную кожу вдоль них. Надёжно скрепив бинты ремнями из кожи, мы наконец опустили ногу. К тому времени Атира была белее снега, и мне очень хотелось дать ей снотворное. Я подвязала камни и полосы сыромятной кожи к лодыжке и развесила их по краю койки. Давление поможет сохранить ногу выпрямленной.

Наконец я откинулась на пятки и вытерла пот со лба. Атира смотрела на меня широко-

раскрытыми глазами.

— Вы солгали!

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Правда?

— Вы сказали «десять вдохов».

Она впилась в меня взглядом.

Я удержала серьёзное выражение лица, сколько могла и ухмыльнулась. Атира расслабилась и стала бороться с усталостью.

— Моя нога, трофей?

— Это простой перелом. Мы будем осторожны, не станем торопиться, и всё будет хорошо.

На её лице читалось сомнение. Я улыбнулась.

— Сколько времени, трофей?

— На полное выздоровление уйдёт сорок дней.

— Сорок дней?! — Гил в ужасе посмотрел на меня. — Сорок дней на койке?

— Нет, не сорок дней на койке. Сорок дней на полное выздоровление. Она сможет ходить на костылях, по крайней мере, через двадцать дней. А до этого ногу нельзя нагружать.

— Я выдержу это, — с дрожью произнесла Атира. Стоящие вокруг мужчины молча обменялись взглядами.

— Ты должна лежать тихо и стараться не шевелиться. Всё заживёт, но только не сразу. Кость срастается медленно. Ты должна быть терпелива.

Один из мужчин нервно рассмеялся.

— Нелёгкую вы задали задачку. Терпения ей как раз не хватает!

Смех помог выпустить часть напряжения. Но у всех: воинов, раненых, Преста и Рэйфа — были очень странные выражения лица. Друзья передали Атире оружие, и к моему ужасу она положила его под и поверх одеяла в пределах досягаемости.

— Ты поранишься! — Мне не нравилось, что острые лезвия лежали так близко от её кожи.

Атира покачала головой.

— Без них мне не заснуть. — Она устроила вещи по своему желанию и откинулась на подушку. Я знала, что она будет спать. Я указала всем уйти, и воины спокойно покинули палатку, переговариваясь меж собой.

Гил задержался у стола с моими скудными припасами.

— Военный трофей?

Я улыбнулась, пытаясь поощрить его. Он сел на один из пней и подтянул колени до самого подбородка.

— Сорок дней?

— Да, кость срастается за сорок дней. Затем Атире придётся разминать ногу, чтобы вернуть прежнюю силу.

Гил наклонился, увлечённо выслушивая мои ответы.

— А вы не будете накладывать заклинания, чтобы исцеление пошло быстрее?

— Нет, — улыбнулась я. — Я не могу заставить тело заживать быстрее. Я только прослежу, чтобы нога осталась выпрямленной, и кости срослись. Я могу использовать несколько бальзамов, чтобы убрать синяки, сохранить кожу эластичной и ослабить часть

боли, но это всё. Об остальном позаботится время.

Гил посмотрел на меня.

— Вы можете излечить всё что угодно?

Я с сожалением покачала головой, вспомнив кровь, которая пузырилась между моими пальцами всего несколько дней назад.

— Нет, Гил. Есть вещи, которые я не могу излечить.

Мальчик пристально посмотрел на меня.

— Как вы изучали это, трофей?

— Меня зовут Лара.

Он взглянул на меня, словно на сумасшедшую.

Я тяжело вздохнула.

— Меня отдали в ученики одному целителю, который согласился передать мне своё мастерство.

Я улыбнулась, вспомнив какую вызвала суматоху. Эльн пришёл в замешательство, когда дочь крови заявила, что хочет стать целителем. Отец рассердился. Я отвела взгляд на секунду и сморгнула слезы. Три года прошло, а я всё ещё скучаю по нему.

— Кто такой «ученик»?

Я строго посмотрела на Гила.

— Разве тебя не хватятся на кухне?

Он усмехнулся.

— Я сказал, что вы нуждаетесь в помощи. И я действительно помогал. — Он принял оборонительную позицию.

— Верно, — захихикала я. — Хорошо, тогда...

Я нежно заговорила, объясняя, как проходит весь процесс. Гила переполняли разнообразнейшие вопросы, которые сыпались из него точно бобы из банки. Он был старше, чем ученики, с которыми я работала, но таким же любопытным. Мы с головой ушли в беседу, и тут Рэйф хлопнул себя по лбу.

— Сенель!

С этими словами меня потащили обратно к главному шатру. Маркус уже заждался нас и срочно провёл меня мимо Кира в уборную. Ожидая пока принесут тёплую воду, Маркус обеспокоенно осмотрел мою тунику и штаны, но удовлетворённо махнул рукой. Я проигнорировала его и быстро вымылась. Убирая волосы в узел, я расслышала, что Рэйф говорит о чём-то с Киrom.

Кир ждал, пока я вернусь в спальню. Я услышала, как главный зал палатки заполнился людьми.

Кир указал мне встать рядом с ним.

— Я узнал, что у тебя в палатке появился новый пациент.

Я кивнула.

— Одна из воительниц сломала ногу. Это был чистый перелом.

Он настороженно улыбнулся.

— Ты излечила его?

Я покачала головой.

— Я вправила кость. Исцеление займёт некоторое время.

— Она выздоровеет? Она сможет снова использовать ногу?

— Да.

Маркус прошёл и откинул для нас полог. Кир посмотрел на него и произнёс:

— Это будет интересный сенель.

Губы Маркуса искривились.

— Да-с. Готовы?

Кир кивнул.

Маркус подошёл к столу и поднял какую-то вещицу, украшенную перьями, бусинками и маленьким рядом медных колокольчиков. Он первым вышел в зал для собраний и привлёк всеобщее внимание.

— Поднимитесь и поприветствуйте Кира, военачальника племён, и его военный трофей.

Первым вышел Кир, и я последовала за ним.

Зал был полон мужчин и женщин, и все встали поприветствовать нас. Мы должны были пройти по образовавшемуся коридору к помосту, где стояли два пня. Кир остановился перед пнём, стоящим ближе к центру, окинул взором зал и указал мне сесть с правой стороны от него.

Маркус последовал за нами и положил вещицу на пустой пень в центре комнаты. Кажется, этот пень поставили туда для этой цели.

— Где Симус? — поинтересовался Кир.

Как будто по команде, откидные створки главного входа распахнулись, раздались удивлённые возгласы, и четверо мужчин внесли Симуса на койке, точно жареную свинью на празднике середины зимы. Я улыбнулась и увидела, что остальных это зрелище тоже не оставило равнодушным.

— Дорогу! — властно выкрикивал Симус, едва сдерживая смех. — Дорогу!

Возлегая на цветных подушках, он усмехался как дурак; его белые зубы сверкали на тёмном лице, которое возвышалась поверх всех. Но его радость сменилась на вопль ужаса, когда один из носильщиков споткнулся. Это вызвало взрыв хохота в толпе. Симус начал отчитывать своих помощников за их неуклюжесть.

Наконец Симуса опустили рядом с Киром, с левой стороны от него. Как только с этим было покончено, Кир посмотрел на меня, и я села. Кир тоже сел, и собравшиеся последовали нашему примеру.

Шум улегся, и Кир взял слово:

— Я созвал сенель, чтобы обсудить произошедшее, услышать ваше мнение и принять решение. Давайте поедим и всё обсудим.

Маркус и трое его помощников начали обходить толпу с кувшинами и деревянными чашами. Я заметила среди них Ги́ла, который нёс свой кувшин с особой заботой. Каждый протягивал руки и умывал их по очереди, произнося нежные слова, которые я не смогла расслышать.

Маркус обслужил Симуса и подошёл ко мне. Это удивило меня, так как я мылась несколько минут назад. Я осталась неподвижна, и Маркус насупил брови. Чувствуя себя не в своей тарелке, я немного наклонилась вперёд и прошептала:

— Я не знаю слов.

— Слов? — Маркус бросил взгляд на Кира, который в это время разговаривал с Симусом, и снова перевёл взгляд на меня.

— Вы выражаете благодарность, военный трофей. Говорите всё, что пожелаете, — произнёс он шёпотом, не привлекая к нам ни малейшего внимания.

С облегчением я протянула руки, вода заструилась по моим ладоням, и я возблагодарила Богиню. Кир последним прошёл церемонию, и как только он закончил, подали еду и питьё.

Здесь оказалось не так много людей, как я сначала подумала. Я посчитала присутствующих по головам, и вышло, что перед нами сидело десять гостей, рассаженных так, чтобы каждый мог поставить свою тарелку и кружку на соседний табурет. Пять мужчин и пять женщин, все ветераны, судя по виду.

Как только разнесли угощение, Кир начал задавать вопросы об армии, лагере и табунах. Разговор шёл непринуждённо. Все вели себя как равные друг другу, не обращая внимания на статус или ранги. Очевидно, эти люди не стеснялись говорить, выражать своё мнение, не смущаясь обсуждать в равной степени плохое и хорошее.

Я внимательно слушала, заинтересовавшись беседой, сравнивая её с советами отца. Разговор шёл свободно и легко, в отличие от двора, где казалось, каждое заявление содержало в себе множество скрытых смыслов.

Мои размышления прервал кашель. Рядом со мной стоял Маркус. Его взгляд встретился с моим, указал на нетронутую тарелку и снова переместился на моё лицо.

Я начала есть.

Слово взяла высокая и худая шатенка с короткими вьющимися волосами:

— У нас три раненых лошади и пять убитых, военачальник. Арбалетные болты, стреляли из укрытия. — Она нахмурилась. — Преступники напали в темноте и сбежали прежде, чем пастухи успели среагировать.

— Что тебе нужно, Арет? — спросил Кир.

— Больше охранников за табунами, — быстро ответила она. — Стреляли из укрытия и возможно мне понадобятся лишние глаза, чтобы проверить деревья.

— Сомневаюсь, что они используют один и тот же метод дважды, — выразил сомнение Симус.

— Не в первый раз враг совершают ошибку, — ответил мужчина с более тёмными каштановыми волосами и изогнутым носом. — Позвольте мне взять лучников. Укроемся на деревьях и подождём наступления темноты. Мы без труда увидим нападавших в свете звёзд, и всё будет кончено.

Арет кивнула.

— Мне нравится твой план, Йерс. Но тебе придётся прождать всю ночь.

— Мне? Я ждать не буду, — усмехнулся Йерс. — Я пошлю молодёжь, полную энтузиазма и энергии. Это научит их терпению.

В комнате раздались смешки.

— Этим утром я отправил Ифтена переговорить с королём ксиан по поводу нападений. Ифтен, расскажи нам, что ты узнал.

Это был блондин, с которым я столкнулась в палатке Симуса. С самодовольным лицом он встал со своего места в центре комнаты.

— Я въехал в город с эскортом и потребовал переговорить с побеждённым королём.

Симус залился смехом.

— Уверен, с таким отношением тебя встретили с распростёртыми объятиями.

Ифтен даже не посмотрел в сторону Симуса.

— Я оказал ему любезность, как велел мне военачальник. Хотя ксианин этого не заслужил.

Кир нахмурился, и Ифтен поспешил продолжить:

— Я рассказал ему о нападениях. Он ответил, что ему ничего неизвестно. Также он отрицал, что его люди повинны в этом. — Ифтен немного повернулся, как будто обращаясь к совету, а не докладывая Киру. За моей спиной тихонько забормотал Маркус.

— Я сказал этому городскому неженке, что убийство лошади равняется убийству ребёнка, и каждому, кто посмеет совершить подобное, грозит смертный приговор. Победённый король сказал, что расследует это дело, — доложил Ифтен, не скрывая своего презрения.

— Каким было его поведение? — мягко спросил Кир.

— Словно он отмахнулся от мухи, — прорычал Ифтен. — Я сказал ему доложить вам, и он ответил, что всё будет сделано.

Кир сидел тихо, и все заёрзали. Я ожидала вспышки гнева, но ничего не произошло.

— Арет, набери ещё охранников. Йерс, твоя идея хороша, но я хочу дополнительные патрули. Выбор места и времени оставляю на вас.

Арет выглядела удовлетворённой, как и Йерс. Поняв, что вопрос закрыт, Ифтен прошёл к своему месту и сел на стул с раздражённым видом.

— Ифтен! — разнёсся голос Кира по всей палатке.

— Военачальник? — Ифтен остановился и встал в полный рост.

— Не забывай, что Ксиманда победил я, и ты должен относиться к нему с уважением, иначе ответишь передо мной.

Все затихли и, казалось, уставились изучать свой родной кавадж. Ифтен поклонился и сел. Я заметила, что его раздражение стало лишь более явным.

— Сэл? — Кир повернулся к седой женщине. — Поставки?

Они начали обсуждать еду и одежду, и я была ошеломлена, узнав, что армия военачальника платит за поставки. Беседа пошла дальше, но стало ясно, что Ифтен остался недоволен. Но у меня были другие проблемы. Я должна получить лекарства и всё остальное, но я не знала своё место на этой встрече. Кажется, я больше приз, чем участник. Военачальник — темпераментный человек, это более чем ясно, он вспыхивает быстро и жарко. Я задрожала всем своим существом, вспомнив, как он разъярился, увидев несколько синяков. Насколько сильно он рассердится, если я сейчас заговорю?

Кир наконец расслабился и вручил пустую тарелку Маркусу.

— Мы обсудили текущую проблему. Прежде, чем я объявлю свои планы, есть ли что-либо ещё?

Слуги принесли ещё каваджа. Маркус наклонился взять у меня тарелку... и напрягся. Я подняла голову и увидела, как вперёд выходит мужчина и берёт вещь с табурета, стоящего в центре комнаты.

— Весрен? — удивился Кир.

Это был низенький, коренастый мужчина с густыми тёмными волосами и бородой.

— Я держу ваш символ, военачальник. Я выскажу истину.

Маркус отошёл за мою спину и переставил тарелки на другой поднос, не спуская глаза с говорящего.

— Вы говорили, что никто не должен отлынивать от регулярных обязанностей или покидать лагерь. — Весрен сделал быстрый вдох. — Но прошло время, и теперь нам тяжело исполнять этот приказ, военачальник.

Он задёргался, не находя себе места под пристальным взглядом Кира.

Кир остановился, сделал большой глоток каваджа, смотря на вопрошающего поверх края

кружки.

— Озвучишь ли ты ещё одну истину?

Весрен встал, держа символ.

— Нет, военачальник.

— Ты почувствовал необходимость взять мой символ, чтобы спросить об этом?

Весрен напрягся. Его рука дрогнула, и забренчали колокольчики.

— Вы меняете традиции, военачальник. Приходится быть осторожным.

Пристальный взгляд Кира ни на секунду не дрогнул, и Весрен снова стал переминаясь с ноги на ногу. Его глаза забегали по комнате, словно ища поддержки.

Кир положил конец его страданиям.

— Я отвечу на твои истины.

Весрен кивнул, положил символ на табурет и вернулся на место.

— Кажется, что мы победили, но, тем не менее, у меня возникли сомнения относительно этого мира.

Я дёрнулась, встревоженная его словами. Даже если Кир это заметил, то никак не среагировал.

— Этот мир призывает, чтобы их король признал меня военачальником этой земли. Он дал присягу, и всё же ночью было совершено нападение на лошадей. Пока я не получу подтверждение его покорности и нашей безопасности, мы останемся настороже, в состоянии боевой готовности, как на вражеской территории. — Кир поднял руку, жестом успокаивая присутствующих, так как решение не получило поддержки. — Кроме того, я напоминаю вам, что их традиции отличны от наших. Прежде, чем наши народы смешаются, мы должны удостовериться, что между нами царит понимание. Например, ксианка не ляжет с мужчиной, пока они не будут связаны узами брака.

Все удивились и уставились на меня. Эмоции резко различались, от жалости до изумления и радости. Я покраснела от такого внимания и опустила взгляд на туфли.

— Во избежание неприятностей все останутся в лагере. — Кир отчеканил каждое слово своего приказа.

— Может, устроим узорные танцы, военачальник? — Симус усмехнулся. — Это сбросит лишнюю энергию.

Предложение было встречено смехом и улыбками. Кир тоже рассмеялся.

— Хорошая идея. Что скажешь, Весрен?

— Мы все насладимся хорошими узорами, военачальник.

— Объявите, что танцы пройдут через два дня. Времени хватит, чтобы соткать новые узоры. — Кир встал и потянулся. — Если больше не...

— Я держу ваш символ, военачальник.

Беседа остановилась. Ифтен стоял с символом в руке. Кир сел на место, и я заметила, что Кир и Симус обменялись взглядом. Ифтен поднял ленту и тряхнул, чтобы колокольчики зазвенели.

— Я высказываю две истины. Жоден остался безнаказанным за нарушения наших традиций.

В этом заявлении слышалось волнение.

— Вторая истина? — уклончиво ответил вопросом на вопрос Кир.

— Ваши попытки спасти Симуса, в одиночку проникнув город, были опрометчивы и показали, что вам плевать на армию и долг.

Мой рот широко распахнулся. Обычно после таких заявлений Ксиманд звал палачей.

Кир же просто немного выпрямил спину.

— Будут ли озвучены другие истины?

Ифтен стоял, держа в руках символ.

— Нет.

— Я обсужу твои истины.

Ифтен кивнул, положил символ на табурет и вернулся на место.

— Прежде, чем я обсужу эти истины, я хочу сказать, что этим утром одна из наездниц упала во время тренировки и сломала ногу.

Общей реакцией был испуг. Из конца зала раздался голос:

— Её имя?

Кир ответил:

— Я не знаю. Мы спросим об этом у военного трофея: она видела, что произошло, отнесла воительницу в палатку выздоровления и излечила ногу.

Все глаза сосредоточились на мне. Я проглотила еду.

— Её имя — Атира.

В комнате загудели. Я быстро посмотрела на Кира.

— Но нога ещё не излечена. Исцеление кости требует времени.

Одна из женщин поддалась вперёд:

— Вы делали это прежде? Излечивали сломанную конечность?

Я уверено посмотрела на неё.

— Да.

Гул стал ещё громче, но Кир взял слово:

— Я признаю правду, что действия Жодена нарушили нашу традицию. Пусть Симус решает, какое наказание должен понести человек, который отказал ему в милосердии перед лицом опасности попасть в плен. Однако я выскажу ту истину, что если бы он последовал нашей традиции, у нас не было бы военного трофея. — Он с радостью посмотрел на меня. — Думаю, вы все начинаете видеть то, что вижу я.

Я заёрзала на табурете, так как не очень любила становиться объектом внимания.

Кир перевёл взгляд на совет.

— Я отвечаю на другую истину, о которой мы заговорили. — Он усмехнулся с сожалением. — Я признаю безрассудство своего действия. Но когда я действовал по-другому? — В ответ на это заявление комната наполнилась смехом. — Я признаю, что пренебрёг своими людьми и обязанностями.

Я видела, что Ифтен нахмурился, совсем не удовлетворённый. Но Кир не закончил говорить.

— Но не думайте превратить меня в толстого короля, который командует своими людьми из башни.

Ещё один взрыв смеха, и судя по косым взглядам в мою сторону, у меня сложилось такое впечатление, что они имели в виду Ксиманда.

Кир взвёл руки к небу.

— Кто может сказать, что остановило руку Жодена. Я не могу. Я ответил на эти истины, и я благодарю Ифтена за них.

Симус поднял руку.

— Военачальник, я отвечу на эту истину. Я оглашу наказание Жодена.

Кир повернулся к Симусу.

— Говори, Симус.

Голос Симуса разнёсся по всему шатру, и всё же, казалось, он не прилагал для этого ни малейшего усилия.

— Военачальник предоставил мне право определить наказание для Жодена, который нарушил нашу традицию. И вот я спрашиваю, накажите ли вы человека, который спас вам жизнь? — Симус немного сместился на подушках. — Но традиция была нарушена и должно последовать наказание. Пусть Жоден предстанет передо мной.

Жоден вошёл в палатку, словно ждал всё это время снаружи. Он выглядел обеспокоенным, но его поступь была устойчивой, и он предстал перед нами без всякого беспокойства.

— Я здесь.

Симус улыбнулся во весь рот.

— Я уже говорил об этом в личной беседе, а теперь объявляю публично. Я благодарю тебя, Жоден, за то, что ты подарил мне жизнь.

Жоден улыбнулся в ответ, его круглое лицо стало точно головка сыра.

— Теперь, насчёт наказания. Как вы все знаете, Жоден — певец. Ещё не певец племён, но певец, без сомнения. Так, услышьте теперь наказание, которое я возлагаю на него. Жоден должен петь о своём поступке на поле боя.

В зале забормотали, но я не смогла определить общую реакцию. Симус пождал несколько минут, а затем продолжил:

— Но певца нельзя принудить творить. Это традиция. Поэтому я говорю Жодену: принимаешь ли ты подобное наказание? Будешь ли ты петь, чтобы тебя слышали все Равнины?

Больше ропота, больше реакции. Как я поняла, преступление и наказание были столь необычны, что никто не знал как себя вести.

Жоден кивнул.

— Я принимаю наказание. Я воспою свой поступок.

— Быть по сему.

Симус откинулся на подушках и махнул чашей.

— Принесите мне и Жодену каваджа, Маркус. Определять наказание так изнурительно. — Гости застонали, Симус рассмеялся, а Жоден взял табурет. — Я обсудил эту истину и благодарю вас, военачальник.

Кир поднял кружку.

— Небо благоволит храбрецам.

Присутствующие поддержали тост. Как только чаши поднесли к губам, Кир заметил взгляд Ифтена.

— Я благодарю тебя за твои истины, Ифтен.

Маркус подошёл предложить ещё каваджа ему и Симусу, а остальные продолжали беседу, словно ничего не произошло. Симус воспользовался моментом и наклонился к Киру:

— Вот бесстыдник.

Кир ответил, но я не расслышала что именно. Мой взгляд был прикован к связке, символу, лежащему на табурете. Возможно, я смогу использовать его как прикрытие, дабы попросить лекарств и инструментов. Без дальнейшего размышления я соскочила со своего табурета и двинулась к знаку. Пальцы почти дотянулись до колокольчиков, но моё запястье

схватили и отдёрули. Я судорожно вздохнула и отшатнулась от Кира.
Его лицо исказилось от ярости.

Кир стальной хваткой сжал моё запястье и затащил меня обратно на помост. Перед глазами встала страшная картина: кнут полосует кожу, оставляя за собой кровавые следы. На спине выступил ледяной пот.

Лишь когда Кир выпустил запястье и усадил меня обратно на пенёк, я вернулась в реальность.

— Что ты хочешь сказать, трофей? — возвышаясь надо мной, процедил он сквозь зубы. Желая провалиться сквозь землю, я опустила взгляд и краем глаза заметила Ифтена, за спиной Кира, с самодовольной улыбкой на лице.

— Ну?

Я бросила взгляд на Симуса, и он кивнул, словно поощряя меня говорить. Подняв подбородок и сжав волю в кулак, я посмотрела в глаза Кира.

— У меня есть две истины.

— Каких? — щёлкнул зубами Кир.

— Поставки для палатки исцеления. — Я сглотнула ком в горле. — С лекарствами, травами и инструментами я могу сделать большее.

В комнате поднялся ропот, но Кир продолжил сверлить меня взглядом.

— Что ещё? — вспыхнувший гнев казалось тлел где-то в глубинах его души. — Ты будешь помогать любому, кто обратится к тебе за помощью?

— Да.

Моё запястье пульсировало от боли, но я сидела ровно и неподвижно.

Кто-то фыркнул:

— Если мы позволим воинам жаловаться на любые боли, то они станут неженками как городские.

— О, конечно. С сыпью и поносом они будут сражаться намного лучше, — огрызнулась я, не скрывая свой нрав.

Комната взорвалась смехом.

Симус откинул голову назад и заревел.

— Ах! — Он задыхался от смеха, вытирая глаза. — Она не позволит лодырям лежать без дела. Они у неё будут драить горшки с нечистотами!

Взрыв хохота. Кир не расслабился, но на строгом лице появилась слабая улыбка. Я не сводила с него глаз, стараясь не пялиться. Через секунду он вернулся на своё место и указал налить ещё каваджа.

— И твоя вторая истина, трофей?

Я повернулась, чтобы посмотреть Киру в глаза, но его взгляд был устремлён вперёд, и мне осталось лишь любоваться его профилем.

— Вы должны понять, что я целитель, а не... — Я прикусила губу, не зная правильного слова. — Не творитель чудес. Я не могу махнуть рукой, и в секунду исцелить ногу Атиры, чтобы она запрыгала, как ни в чем не бывало. — Я сделала глубокий вдох. — Я вправила кость, но исцеление займёт время.

Я опустила глаза к грубым доскам помоста.

— Я не могу излечить любую болезнь. Всё на волю Богини.

На шатёр опустилась тишина. Голос Кира был тих, но слышен:

— Но ты попытаешься помочь любому кто обратится к тебе за помощью?

Я подняла голову, не ожидая от него подобного вопроса.

— Конечно.

Кир осмотрел комнату, и я увидела, как закивали некоторые воины, хотя Ифтен и другие нахмурились. Кир было уже открыл рот, но в тот момент к нему подошёл Маркус и поклонился.

— Военачальник, к вам посланец из города. Он говорит, что у него к вам дело: вы ему задолжали. Он не будет говорить ни с кем, кроме вас.

— Позволь ему войти.

Полог палатки распахнулся, в комнату вошёл Ремн и с непреложным достоинством направился к помосту. Я сидела и улыбалась. Мы посмотрели друг на друга, и на мгновение лицо Ремна посветлело от облегчения. Он ничего не сказал. Вместо этого он перевёл взгляд на Кира и продолжил идти. За ним шествовал слуга с небольшой котомкой. Приблизительно в пяти шагах от Кира, Ремн остановился и поклонился до самой земли.

— Приветствую вас, военачальник. Я Ремн, скромный торговец книг. Благодарю вас за аудиенцию. Приношу извинения, но я не говорю на вашем языке. Есть ли среди вас переводчик?

Кир кивнул.

— Я говорю на вашем языке. Мне сказали, что вы пришли взыскать у меня долг, торговец книг. Я знаю, что ничего вам не должен.

— Благородный военачальник, в долг взял член вашего дома.

Кир поднял бровь.

— Как так?

Ремн положил ладонь на сердце.

— Благородный военачальник, один из ваших домочадцев пришёл ко мне в поисках займа. Она искала деньги для покупки трав и лекарств для ваших пленных. Взамен она обещала мне книгу как гарантию выплаты долга. Книга до сих пор не выкуплена.

Кир перевёл взгляд с меня на Ремна.

— И имя этого человека?

Ремн поклонился и опустил голову.

— Простите меня, благородный военачальник, но по приказу моего короля мне запрещено произносить её имя.

Кир нахмурился. Комната замерла, все чувствовали его недовольство.

— Глупо оскорблять военный трофей.

Ремн поднял голову и посмотрел Киру прямо в глаза.

— Простите меня, могущественный военачальник, но оскорбление было высказано не из моих уст.

Я сидела, оглушённая этим известием.

Кир поднялся. Присутствующие тоже начали вставать со своих мест, но Кир указал им сесть.

— Не нужно, чувствуйте себя непринуждённо. Я вернусь, как только разберусь с этим делом. — Он перевёл взгляд на меня. — Трофей.

Мы прошли в спальню. Ремн взял котомку у слуги и последовал за нами.

Оказавшись в личных покоях, я отвернулась, не зная как себя вести. Кир сел на край кровати. Не обращая внимания на его присутствие, Ремн раскинул руки и обнял меня. Я

положила голову на плечо друга, и мои глаза наполнились слезами. Ремн пах старинными книгами, пылью и домом.

— Моя дрожащая Лара, — крепко сжимая объятия, прошептал Ремн мне на ухо. — Мы боялись, что ты мертва. Или ещё хуже.

Он отстранился со слезами на глазах.

— Мы лишь знали, что после того, как ты исчезла, в лагере развели костры, стали шуметь и праздновать. Анна испугалась, что тебя принесли в жертву. После того как ты уехала, она и крошки в рот не берет. Клянусь, она похудела за эти дни.

Он нервно рассмеялся и вытер глаза.

— Я слышал, что в последнее время еда в замке на вкус как солома. — Он бросил косой взгляд на задумчивого военачальника. — Озар пришёл ко мне и попросил попытаться выяснить как ты. И вот я здесь.

Я вытерла влажные глаза и улыбнулась.

— Со мной всё хорошо, Ремн. Правда-правда.

Кир со строгим лицом вмешался в наш разговор:

— Что ты имел в виду, сказав, что не можешь произносить её имя?

Ремн вздохнул.

— Король запретил говорить о ней или пытаться узнать о её здоровье или состоянии.

Кир нахмурился.

Я положила ладонь на плечо Ремна.

— Пожалуйста, передай Анне, что всё в порядке и со мной хорошо обращаются. Она не должна волноваться. Накажи ей питаться, как следует, иначе она заболет.

Кир фыркнул, как будто понял комичность ситуации.

Ремн улыбнулся и снова меня обнял.

— Скажу. И вот... книга, которую ты заложила. Я не могу оставить её у себя и продать. — Он открыл сумку и достал моего «старого друга». Обложку почистили, она пахла седельным мылом.

Я рассмеялась от радости и без раздумий повернулась показать книгу Киру. Он странно на неё посмотрел. Повернувшись к сундуку, он открыл его и вытащил маленький мешочек.

— Моя благодарность, торговец книг. Вот деньги, взятые займы, и небольшое вознаграждение за хранение и доставку книги.

Ремн не пошевелился.

— Военачальник, в этом нет необходимости. Я сделал это ради дружбы.

Кир серьёзно на него посмотрел.

— Тогда позволь мне сделать это от имени людей, которым вы помогли.

Ремн поклонился и встал в полный рост. Он изучил лицо Кира со строгим взглядом.

— Вам вручили сокровище, военачальник. Король может не видеть его, но не мои люди. Берегите и лелейте её.

— Ремн, — одёрнула я, заливаясь румянцем.

Кир просто кивнул, как будто не споря.

— Я должен вернуться к своим людям. Трофей, присоединяйся к трапезе, как только освободишься.

С этими словами он покинул комнату.

Ремн сжал мою руку.

— Лара, Озар передаёт тебе сообщение. После церемонии Ксиманд решил личнс

вынести из твоей комнаты последние вещи. Он простоял там не одну минуту и выбежал в неистовой ярости. По пути он говорил... кажется, он как-то убедил себя, что ты предала его. Даже когда он в одиночку переговорил с посланником военачальника, его гнев был сосредоточен только на тебе. Будь осторожна, Лара. Он ненавидит тебя.

— Ремн, я повиновалась Ксиманду. У него нет причины ненавидеть меня. — Я прижала книгу к груди. — Ты можешь остаться?

Ремн покачал головой.

— Я должен вернуться и рассказать всё Анне, прежде чем бедная женщина похудеет ещё на одну унцию.

Он улыбнулся и обнял меня. Я сжала его изо всех сил, пока он не выскользнул из моих объятий с мокрым от слез лицом.

— Береги себя, дитя.

Маркус сопровождал его из комнаты, а я вытерла лицо.

Я положила книгу под свою подушку, сделала несколько глубоких вдохов и вернулась в зал совета.

Кир вёл речь, когда я вошла:

— ...поэтому планы тоже должны измениться. Если мир удержится, мы создадим новое подразделение наших сил. Теперь у меня нет выбора, кроме как вернуться в Сердце Равнин с военным трофеем. Симус, я оставляю тебя охранять мои владения.

— Ах, мои страдания не знают границ, — шутливо ответил Симус. Под дружный хохот я села на своё место. В душе зияла дыра, который там не было прежде. Хотя разумом я понимала, что принадлежу военачальнику, моё сердце отрицало возможность покинуть родимый край. Один разговор с Ремном заставил меня нестерпимо скучать по Анне и кухне. Как я перенесу вечную разлуку с ними?

Кир продолжал говорить.

— Я позвал на церемонию почтения мёртвых и ксиан, и равнинников. Церемония пройдёт в замке, завтра вечером. Сами решайте, кто поедет со мной.

Он встал и оглянулся по сторонам.

— Если ничего больше нет... — По его тону было понятно, что лучше его сейчас ничем не беспокоить.

— Я держу ваш символ, военачальник.

Мои глаза расширились. Гил как-то умудрился войти в палатку и взять символ. Его юный голос дрожал, но он стоял, возвышаясь над толпой, всем своим видом излучая юность и чистоту. На нем была туника без рукавов, и я без проблем рассмотрела татуировки на обеих руках.

Кир сел на место с серьёзным лицом, но в его голосе звучала теплота.

— Какую правду ты выскажешь сенелю, которому ты служишь, но не принадлежишь?

Гил сглотнул, но не отступил.

— Я Гил. Я выскажу одну истину. Я желаю, стать у-че-ни-ком... — он произносил слово медленно и тщательно — ...военного трофея, и оставить путь воина ради целительства.

Перья на символе закачались, и я поняла, что у Гила дрожат руки.

Раздались гневные возгласы, воины вскочили на ноги. Глаза Гила расширились, и его руки ещё сильнее сжали символ, задевая колокольчики. Он не повернулся посмотреть на людей позади себя. Вместо этого он сосредоточил своё внимание на Кире.

Кир вскинул руки, заставляя всех успокоиться.

— Он держит мой символ.

Воины заняли свои места.

— Я отвечу на твою истину.

Кир встал на край помоста и посмотрел вниз на Гила. Паренёк кивнул и положил символ на место, но остался стоять рядом.

— Ты избираешь чужой путь, Гил. Эта правда изменит твою жизнь навсегда, особенно в глазах наших людей. — Гил открыл рот, но Кир поднял руку. — Я рассмотрю твою истину. Такое решение не принимают беспечно, и ты не услышишь ответ на свою истину, пока мы находимся на поле боя. Возвращайся к своим прежним обязанностям.

Плечи Гила резко поникли. Кир внимательно на него посмотрел.

— Какие у тебя дополнительные обязанности, Гил?

За мальчика ответил Йерс:

— Кухонный помощник, военачальник. — Ветеран покачал головой. — С тех пор как он носит еду раненым, он только и говорит, что о палатке исцеления.

— Как я помню, работа на кухне очень желанна, если хочешь поесть втихаря.

Всех рассмешило это замечание. Кир продолжил:

— Гил, твоя истина в том, что ты предпочтёшь чистить ночные горшки работе на кухне?

Гил поднял голову и кивнул. Даже я увидела надежду в его глазах.

Кир поднял глаза и пожал плечами.

— Ну, это твоя истина, парень, какой бы странной она не казалась. Поэтому услышь, что я отвечу на часть твоей правды. Теперь ты будешь выполнять свои дополнительные обязанности в палатке исцеления как помощник. — Гил открыл рот, но Кир снова предупреждающе поднял руку. — Насчёт остальной части твоей правды. Я приму окончательное решение, как только мы вернёмся домой. Ты не освобождаешься от своих военных обязанностей. — Кир посмотрел на присутствующих. — Подозреваю, что несколько месяцев с ночными горшками могут заставить его передумать.

Зал разразился хохотом.

Гил воссиял.

— Моя благодарность, военачальник. — Он повернулся и оставил палатку, избегая глянуть на Маркуса на обратном пути.

— Нет. — Кир смотрел, как юноша уходит. — Моя благодарность за твою правду, воин. Он поднял голову, чтобы посмотреть на собравшихся.

— Если больше нет никаких других истин, то сеньль закрыт.

Все дружно заговорили, некоторые встали и начали расхаживать по комнате. Кир подошёл к Симусу. Темнокожий воин выглядел мрачнее тучи.

— Ифтен что-то планирует, — произнёс он так тихо, что мне пришлось напрячься, чтобы расслышать его слова.

Кир кивнул, смотря вверх своих людей.

— Согласен. Симус, если ты себя достаточно хорошо чувствуешь, я хотел бы кое-что обсудить.

Симус рассмеялся.

— Ни за что не упущу такой возможности, военачальник. Давайте вернёмся в мою палатку, выпьем каваджа и побеседуем. — Он повернул голову. — Жоден! Где ты?

Жоден появился на помосте с четырьмя носильщиками.

— Предлагаю захватить каваджа и мяса для этих мужчин. Все-таки им нести твою толстую тушу обратно в палатку.

— Толстую?! Я не толстый. — Симус попытался выглядеть оскорблённым, но никого не смог одурачить. Молодые воины встали на положенные места со стонами и стенанием под саркастические комментарии Симуса.

— Приходи навестить меня завтра, маленький целитель! — рассмеялся ре. — Я хочу услышать все детали твоей новой авантюры. — Он покачал головой с улыбкой от уха до уха. — Вылечить сломанную ногу. Воины-жрецы проклинаят небеса!

С тяжким вдохом носильщики подняли ложе и пошли, пошатываясь под весом.

— Осторожней! — заворчал Симус и засмеялся. — Дорогу!

Охранники придержали полог палатки, и процессия вышла на улицу.

Кир повернулся и указал мне жестом следовать за ним в спальню. Его рык раздался за моей спиной прежде, чем за мной упал полог.

— Ты не должна использовать символ.

Я развернулась и столкнулась с ним, сжимая дрожащие руки перед собой.

— Была нужда...

— Не было никакой нужды! — прорычал Кир и сжал челюсть. — Это и так тяжело выполнить даже без твоих...

— Я не могу работать без...

— Проклятых поставок! Я говорю о мире, — проревел Кир.

Я недоуменно заморгала.

Кир провёл рукой по волосам.

— Кажется, ты полна решимости поставить мир под угрозу.

— Я!.. — Моя спина напряглась при этих словах. — Я соблюдаю свою часть сделки, военачальник. И Ксиманд тоже.

— Нападения на лошадей...

— Может быть, есть несколько недовольных, но они есть и в твоём лагере. — Я тоже повысила голос и ожесточила взгляд.

Да как он смеет намекать...

— Мои люди держат своё слово, военный трофей. Объясни, почему твой брат так тебя оскорбляет?

Я опустила глаза и отступила на шаг. Как объяснить то, что я сама не понимаю? Понизив голос, я вернулась к своему самому сильному аргументу:

— Он не будет рисковать своими людьми, нарушая этот мир.

— Своей головой, ты хочешь сказать. — Кир стал расхаживать по комнате, словно нуждаясь в пространстве.

Мой гнев вспыхнул с новой силой.

— Хорошо, он не будет рисковать своей головой. У него нет причины подвергнуть опасности свою жизнь и трон.

— Его действия говорят за него, — огрызнулся Кир. — Если он стоит за нападениями на табуны, то ответит за преступление.

Он развернулся на пятках, желая уйти.

Маркус нарисовался перед ним, скрестив руки на груди.

— Вы закончили?

Кир поднял глаза к потолку.

— Что?!

— Вы берете её на завтрашнюю траурную церемонию?

— Да. — Кир обернулся ко мне. — Пусть её увидят в городе. А то по слухам её тут чуть ли не пытаются.

Маркус сжал губы.

— Что ей надеть? Штаны прекрасно подходят для лагеря, но горожанки чаще носят платья. Пока мне удавалось находить ей одежду, но ей нужен гардероб.

Я сжала губы и отвела взгляд.

— Я как-то об этом не подумал, — задумчиво произнёс Кир.

— Завертелись с многочисленными делами, — фыркнул Маркус.

Я посмотрела на этих двоих, и увидела, что Кир выгнул бровь и наклонил голову.

— Значит, найти одежду для одной женщины выше твоих сил, старик? — Он прошёл мимо нас к выходу на улицу. — Кто бы мог подумать?

— Куда вы? — поинтересовался Маркус.

— В палатку Симуса.

— А мне?.. — спросила я.

— Как хочешь, — бросил он через плечо и исчез.

Маркус впился в меня взглядом.

Я ответила ему тем же.

— Я не виновата. Мне не разрешили ничего с собой взять!

Маркус кивнул.

— Этого велит обычай. Военачальник потребовал вас. Теперь вы принимаете вещи только из его рук. — Он нахмурился. — Я что-нибудь придумаю, трофей.

— Лара!

Он фыркнул и пошёл убираться.

Я потопала на улицу, почти желая уйти в замок, домой, даже если придётся проделать весь путь на своих двоих. Как Кир смеет намекать, что Ксиманд или я рискнули расторгнуть соглашение. По общему признанию Ксиманд мотивирован больше из личного интереса, но мотивирован. Однако ненависть в его голосе была так сильна. Идея, что Ксиманд мог взять на себя такой риск, одновременно пробуждала во мне ярость и отвращение. В прошлом уже были прецеденты, когда он принимал меры, которые принесли больше пользы ему, чем стране. Но меня немного успокаивало, что Уоррен и Озар всем сердцем заботятся о государстве. Они остановят моего брата, если узнают, что он творит. Ксиманд обладает лукавством, которое меня всегда настораживало.

Я вышла из палатки, и увидела поджидающих меня Рэйфа и Преста. Мысли о побеге сразу же вылетели из моей головы. Но там и так царил полный сумбур. Да что с моими мыслями? Они словно зелёные юнцы, впервые вышедшие на лёд.

Я повернулась к палатке исцеления, и мои охранники последовали за мной.

Как мнение Кира стало для меня таким важным за столь короткое время? Мои страхи подкатили к самому горлу, и на мгновение у меня перехватило дыхание. Со мной обращались намного лучше, чем я надеялась. Возложенные на меня обязанности... моё лицо покраснело от этой мысли... не неприятные. По правде говоря, они... интересны.

Я задалась вопросом, сколько у Кира военных трофеев. Я знала, что он брал другие города, так что, возможно, у него есть ещё символы триумфа. Или на все королевство берётся один трофей? Где остальные?

Счастливы ли они?

Я с хмурым взглядом рассматривала землю под ногами. По крайней мере, мне разрешали практиковать моё ремесло. Чтобы ни ждало меня в будущем, у меня хотя бы есть мои больные.

Конечно, никто не знает, что произойдёт, когда армия вернётся на родину. Я глубоко вздохнула и снова уставилась под ноги, смотря как делаю шаг за шагом. Я была обещана. Я выполнила обещание, и буду продолжать его выполнять. Я была уверена, что Кир не навредит мне физически.

Но ведь существуют и другие разновидности боли.

* * *

Палатка выздоровления тонула в шуме.

Везде были люди: они вываливались из палатки и кружились рядом точно пчелы, слетевшиеся на мед. Стены шатра были свёрнуты, и огненные собрались со всех сторон. Я ускорила шаг, оставляя Рэйфа и Преста позади и проталкиваясь через толпу.

В центре этого столпотворения лежала Атира в окружении поклонников. На грудь ей положили деревянную дощечку с камнями, сложенным на вершине в некотором подобии рисунка. Атира вытягивала шею, а столпившиеся вокруг её кровати перемещали камни по дощечке. Присутствующие много болтали и смеялись, а лицо Атиры залилось краской.

— Слово летит по ветру, — высказал своё мнение Рэйф. Прест согласно кивнул.

— Что, во имя Богини, здесь происходит! — выкрикнула я, уперев руки в бока.

Все испуганно повернулись, бросили взгляд на моё лицо и пустились наутёк. Некоторые остались, чтобы попробовать всё объяснить, и упомянули что-то о танце, узоре и плане. Атира попыталась укрыть дощечку обеими руками, и я поняла, что она отчаянно пытается не засмеяться.

— Вон из моей палатки! — замахала я на них. — Кьш! Кьш!

Атира проиграла свою битву, как только закалённые воины потрусили под мои крики. Рэйф смеялся, прислонившись к Престу, который просто заливался хохотом.

— Вот дураки, — заворчала я. — Нельзя так обращаться с раненым. — Я указала на поднятые стены палатки. — Помогите мне их опустить.

Мы приступили к работе. Я продолжала ворчать, и Рэйф с Престом с трудом сохраняли серьёзные лица.

— Трофей, мы планировали узор. — Атира вытерла глаза руками. — Они не хотели причинить мне вред.

— Что за узор? — спросила я, подойдя к ней.

— Для танца! — Она торопливо прикрыла дощечку. — Не смотрите, трофей! Это к неудаче.

— Притом к большой, — сказал Жоден, войдя в палатку. Я улыbnулась, увидев его. — Я услышал шум и пришёл узнать, нужна ли тебе помощь.

Он осмотрел палатку.

— Вижу, ты разбила врага в одиночку.

— Атире нужен отдых.

Я начала проверять кожу и ремни.

— Я могу с нею переговорить?

Глаза Атиры округлились. Я посмотрела на Жодена, но его лицо было спокойным и безмятежным.

— Конечно, Жоден. Но не слишком долго. Вас оставить одних?

— Нет, трофей. — Жоден подошёл к койке Атиры. — Воин.

— Певец, — произнесла Атира почтительно и в то же самое время неуверенно.

Жоден покачал головой.

— Нет. Я ещё не певец. Но именно поэтому я пришёл проведать тебя.

— Правда? — спросила Атира, приподнимаясь на локтях.

Жоден кивнул.

— Я работаю над песней. Я спою о твоём ранении.

Прест втянул воздух. Рэйф выпрямился.

Я едва услышала ответ Атиры.

— Чтобы это услышали небеса?

Жоден кивнул.

— Я должен услышать твои мысли и слова. Не могла бы ты всё обдумать и поделиться со мной произошедшим?

— Да, — торжественно произнесла Атира. — Я согласна.

Жоден встал.

— Поговорим об этом завтра.

Он улыбнулся нам и вышел.

Атира упала на кровать и резко выдохнула. Я положила ладонь на её плечо.

— С тобой все хорошо?

Она улыбнулась мне, её глаза лучились радостью.

— Ах, да, трофей.

Я улыбнулась в ответ.

— Хорошо, тогда как насчёт купания?

Она выглядела восхищённой.

— А можно?

Она посмотрела на ногу.

Я улыбнулась и проверила крепление, радуясь, что опухоль совсем небольшая.

— Выйдет неуклюже, но мы сделаем все что сможем. Болит?

Она ответила отрицательно, но я увидела напряжение в её глазах.

— Ну, после купания и всех процедур, будет. Я кое-что тебе дам, и мы начнём. — Я встала. — Мы можем развесить одеяла как занавес...

Она странно на меня посмотрела.

— Трофей, в этом нет нужды.

С купанием мы изрядно намучились. Я помогала как могла, но Атира сделала большую часть работы самостоятельно. Моя же задача состояла в том, чтобы гарантировать, что нога остаётся максимально прямой.

Атира двигалась медленно и осторожно. Казалось, она ничуть не стеснялась мыться при всех. Логично, что женщина-воин не заботиться по поводу таких вещей, но я сочла такое поведение тревожным. Купание заняло много времени, так как Атира не могла свободно двигаться. Я опустила стены палатки, чтобы удержать тепло. Мне совсем не нужно переохладение вдобавок ко всему.

К тому времени, как мы закончили, всё вокруг Атиры покрылось влагой, и камни, что удерживали ногу, пришлось повторно перевязать, но главное, моя пациентка смогла помыться и была благодарна за эту возможность. Я быстро убрала беспорядок и поменяла белье на койке. Как только на место легли сухие простыни и клинки, Атира вздохнула с облегчением.

— Я достану тебе чистую тунику.

— Спасибо, трофей, но не надо. Мне удобнее спать голой. — Она откинулась на подушки и натянула одеяло.

Я посмотрела на неё.

— Я могу дать лекарство и снять боль.

Она сморщила нос.

— Мне бы этого не хотелось, трофей. Я не чувствую боли как таковой, мне просто нездоровится.

Я уже было хотела заспорить, но увидела, что это вопрос гордости. Таким образом, я кивнула. Посмотрев по сторонам, я убедилась, что остальные пациенты заняты своими делами. Я слегка наклонилась к Атире, собирая мыло и тряпки.

— Атира, можно задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Только он может тебя оскорбить.

— Оскорбить, трофей?

Я немного залилась краской.

— Ну, военачальник использует символ... — Атира нахмурила брови, и мой голос затих.

— Вам никто не объяснил?

Я покачала головой.

Атира покачала головой в ответ.

— Символ военачальника или чей-либо другой символ существует для истин и вопросов, которые не все могут захотеть услышать, — спокойно ответила она. — Наши лидеры выбирают символ и его представителя, олицетворяющих их статус. — Она слегка заёрзала, чтобы устроиться удобнее. — Мы воинственный народ, и когда кровь ударяет в голову, у нас всегда оказывается оружие под рукой. Без символов мы боялись бы озвучить истину из-за страха смерти! — Она усмехнулась. — Для таких как я, символом может служить камень, инструмент, даже обувь; главное, что есть под рукой.

— Кинжал? — спросила я, указывая подбородком на её оружие.

Атира сморщила нос.

— Нет, трофей. Можно, конечно, назначить оружие, но это слишком оскорбительно. Лидеры, военачальники и другие важные лица кладут символ на видное место как приглашение его использовать. Можешь задать мне вопрос. — Она нащупала один из камней на дощечки. — Теперь, попроси мой символ.

— Атира, я могу взять твой символ?

Она вручила мне камень.

— Ты держишь мой символ, военный трофей. Какие истины ты выскажешь?

Я сжала камень в потной ладони.

— У меня есть вопрос.

Атира наклонила голову.

— Я отвечаю.

Я указала на татуировки на её руке.

— Что они означают?

Атира рассмеялась.

— Вам не нужен символ для таких вопросов!

— Но как я узнаю?

Должно быть, в моем голосе промелькнуло отчаяние, поскольку улыбка Атиры исчезла.

— Вы может быть и целитель, но вы лошадь в чужом табуне.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Моя тоска по дому лежала в животе как камень.

— Лучше всего, если вы не уверены, использовать символ, — она говорила медленно, словно объясняя ребёнку. — Но вы трофей, и если кто-то посмеет поднять на вас оружие, будет держать ответ перед военачальником. Вам не стоит волноваться. — Она опустила взгляд и завертела нитку на одеяле. — Правда в том, что если бы военачальник узнал, что я схватила вас в тот день, я бы погибла от его руки.

— Он узнал.

Атира побледнела, её глаза расширились от страха. Я покачала головой.

— Он увидел синяки. Я отказалась говорить ему, кто их оставил.

Цвет медленно вернулся на лицо Атиры.

— Вы отказались?

— Ты не хотела причинять вреда, а я разозлилась. — Я залилась краской смущения.

— Кажется, я обязана вам жизнью и здоровьем, трофей.

— Нет, Атира, пожалуйста. Только никаких обязательств.

Она наклонила голову.

— И здесь я говорю: «Я отвечаю на вашу истину». Тогда вы возвращаете мой символ. Или, если боитесь моего гнева, можете держать символ, пока я не отвечаю.

Я вручила ей камень, и Атира улыбнулась ещё шире.

— Так вы спрашиваете, что значит эта татуировка? — Она указала на правую руку. — Эта символизирует моих предков до четвёртого колена.

Татуировка представляла собой две колонки по четыре линий в каждой, чёрные чернила выступали на загорелой коже. Ни один из узоров не повторялся.

— Так вы можете узнать, чья кровь течёт в моих жилах. У каждого племени свой собственный узор. Правая колонка — женщины, левые — мужчины.

Я кивнула, не до конца уверенная, что поняла.

— Это... — Атира вытянула левую руку. — Обязательные дети.

Они представляли собой ряд из пяти линий; каждая имела отдельный узор.

— Я взяла узор племени отцов каждого ребёнка.

Она выглядела довольной.

Мои ягодицы смачно опустились на землю.

— Пять детей?

Атира подняла глаза, озадаченная моей реакцией.

— Да, трофей. Прежде, чем отправиться на военную службу, ты должна сначала родить или воспитать пять детей для тхиэ.

— Само собой, — слабо откликнулась я. В моих ушах стоял гул. У Кира были подобные татуировки. Пять детей? Разные матери?

Атира коснулась моей руки с беспокойством в глазах.

— Трофей?

— Ты воспитала своих детей?

— Слава небесам, нет! — Атира рассмеялась. — Да что я знаю об уходе за детьми? Тхиэ воспитают их в безопасных Равнинах. Три месяца кормёжки для меня более чем достаточно.

— Ты... ты... выходила замуж за отцов? — пришлось использовать слово ксиан.

Атира нахмурилась:

— Выходила замуж?

Я объяснила как смогла, и Атира рассмеялась, качая головой.

— Нет, трофей. Союз я заключу позже, только если встречу правильного человека. Те связи были для племён, ради их процветания. Вы понимаете?

Я была в шоке, но, кажется, кивнула головой.

Атира удовлетворённо легла обратно на кровать.

— Теперь я говорю «благодарю вас за вашу истину», и ритуал окончен.

Она зевнула.

Беспокойство о моем пациенте пересилило замешательство.

— Спи, Атира.

Она кивнула, и я ушла проверить остальных; мои действия были размеренны, а вот мысли нет. Конечно же, у каждого оказались подобные татуировки на руках. Мои пациенты дремали, а я тихонько работала в палатке, стараясь не думать о пяти детях Кира. Или пяти женщинах, которые понесли от него пять детей. Или о факте, что меня могут обязать родить пятерых детей.

К счастью пришёл Гил с обедом и прервал мои размышления. Явился он не один. Мужчина приблизился ко мне с кривой усмешкой.

— Приветствую вас, трофей.

— Вы Йерс. С сенеля.

— Да. Гил находится под моим командованием. — Он покачал головой. — Сшиб меня с коня, лишь бы я рассмотрел его просьбу.

Он понизил голос, так как Гил прошёл рядом с подносом.

— Решил проблему, если быть честным. Гил старается, честно, но он не прирождённый борец.

— Он слишком молод.

Йерс кивнул.

— Моложе, чем большинство. Две тройни, если вы сможете в это поверить.

Я заморгала. «Тройни». Конечно же, мой взгляд быстро заметил шесть татуировок на левой руке Гила.

Йерс заговорил громче:

— Он сослужит вам добрую службу, трофей, но я не позволю ему пренебрегать своими обязанностями. Так что, — он крикнул Гилу. — Договорились?

Гил кивнул.

— Тогда мы уходим. — Йерс подмигнул мне. — Он придёт утром.

Я не была голодна, так что удостоверилась, что у больных есть все необходимое и вернулась к своему маленькому столу, подумать чем конкретным заняться. Различия между нашими народами оказались слишком велики. Я чуть не рассмеялась вслух, подумав о реакции архиепископа. Пять детей без благословения Богини. Но затем я остановилась. Это означало, что огненные свободны возлежать друг с другом в любое время? Тогда зачем им

военный трофей?

Мои размышления прервал кашель. Я повернулась и увидела коренастую женщину с коричневой обветренной кожей и седыми короткими волосами.

— Трофей, военачальник отправил меня узнать, какие именно товары вам необходимы. Я Сэл, ответственная за поставки.

Я встала.

— Сэл, рада видеть вас. Я надеялась уже составить список, но...

Сэл фыркнула и села.

— И какой с него будет толк? Скажите мне, в чем вы нуждаетесь.

— Ну, если вы знаете что использовал прежний целитель, то я могу обойтись без этих вещей.

Сэл положила руки на колени и посмотрела на меня.

— Трофей, воин-жрец не желал говорить со мной, а уж тем более сообщать о своих нуждах.

— Но как он излечил столь многих с таким ограниченным запасом лекарств?

Сэл смерила меня мрачным взглядом.

— А он не лечил. Так что вам нужно?

Я начала рассказывать ей о лекарстве от лихорадки и корне орхидеи и всех остальных вещах, которые понадобятся мне для начала. Сэл не спускала глаз с моего лица, иногда останавливая, только чтобы спросить значение некоторых слов или удостовериться, что она знает какое количество мне нужно. Я нерешительно попросила жаровен и чаш для смешивания лекарств. Сэл заворчала в ответ.

Наконец я исчерпала идеи. Сэл кивнула и устроилась удобнее на своём табурете.

— Хорошо. А теперь убедимся, что я всё правильно запомнила.

Она вздохнула и начала перечислять список.

Я была впечатлена. Она помнила каждое название товара, количество и его описание. Я тщательно слушала её речь, кивая на каждый пункт. Мне не пришлось ни разу её поправлять. Когда Сэл замолкла, я кивнула и улыбнулась. Она немного расслабилась, но на её строгом лице не появилось улыбки.

— Хорошо?

— Прекрасно.

— Прекрасно только небо. — Она встала, потянулась, прошла туда, где Гил оставил кувшин с каваджем, и принесла его вместе с двумя кружками.

— Не самый горячий, но жажду утолит.

Она наполнила кружки и вручила мне одну.

— Теперь, у меня есть к вам вопросы.

Усевшись обратно на табурет, она наклонилась вперёд со странным взглядом на лице.

— Что вы знаете о городских торговцах?

Её глаза горели странным жаром.

— Ну, я знаю многих из них.

Она наклонилась вперёд.

— Вы покупали у них?

— Да.

— Расскажите мне о них.

Она глотнула каваджа с угрюмым видом.

— Мне придётся иметь с ними дело, а городская торговля мне совсем незнакома. Расскажите, как у них все устроено и как они ведут дела.

Я хихикнула, так как теперь узнала этот взгляд. С таким взглядом Ремн торговался по цене книг.

Мы говорили очень долго. Сэл интересовали продавцы домашнего скота, еды, тканей и всего, что могла захотеть армия. Она уже знала все типы монет, используемых в королевстве Кси и их относительную стоимость. Сэл не интересовали мясники и пекари, и я не смогла ответить на её вопросы о продавцах мечей и броне. С удовлетворённым видом она встала и потянулась, смотря на вход в палатку.

— Я задержала вас допоздна, трофей. Благодарю за потраченное на меня время.

С этими словами Сэл ушла из палатки так же быстро, как и пришла.

Я удивлённо посмотрела ей вслед.

— Она всегда такая резкая?

Рэйф и Прест рассмеялись от моего выражения.

— Только когда вы не торгуетесь, трофей, — сказал Рэйф.

— Позвольте мне осмотреть Атиру ещё раз.

Я проверила пострадавшую ногу; Атира закрыла глаза и вяло улыбнулась.

— Трофей.

— Атира, как ты?

— Хорошо, трофей.

Я вздохнула.

— Лара. Меня зовут Лара.

Она зевнула.

— Да, трофей.

Я тяжело вздохнула. Очевидно, что я трачу время впустую.

На обратном пути к шатру военачальника, мы остановились посмотреть на звезды и низко висящую луну. Рэйф объяснял значение того факта, что Жоден захотел поговорить с Атирой.

— Это честь быть воспетой.

Прест кивнул.

— Большая честь.

— Честь за сломанную ногу? — скептически поинтересовалась я.

Рэйф усмехнулся.

— Ну, лучше, если речь идёт о сражении, но стать героем песни — большая редкость. Если вы не особенно храбры или хитры...

— Или мертвы, — добавил Прест.

— Или мертвы, — согласился Рэйф. — Жоден должен также воспеть и тебя, трофей.

— Меня?

Я замерла у входа в палатку.

Рэйф рассмеялся.

— Зачем петь о ране, если ты не поешь об исцелении? — Он хлопнул по спине Преста, и они ушли, оставляя меня стоять с глупым взглядом на лице.

Маркус приветствовал меня, когда я вошла в палатку.

— Вам что-нибудь нужно, трофей?

Я упёрла руки в бока.

— Лара.

Он поднял глаз и осмотрел палатку.

— Может, каваджа? Немного горячей воды?

Я фыркнула, но слишком устала, чтобы бороться.

— Нет, спасибо. Наверное, я пойду спать.

Маркус кивнул.

— Я брошу немного дров в жаровни. Военачальник все ещё у Симуса, и я думаю, что они будут говорить, пока не скроются звезды.

Он засуетился, когда я упала на кровать и, пожелав хорошего отдыха, оставил одну. Я зевнула во весь рот, что чуть не вывихнула челюсть. Сползла под одеяла и меха, и поняла, что мне больше ничего не нужно.

Позже, намного позже, я проснулась и увидела Кира. Он лежал на своей стороне, на спине, и мирно спал. На его голой руке виднелись татуировки. Я полюбовалась им в мягком жаре углей и провалилась в сон.

* * *

Платье было ярко-красным. Ярко-ярко-красным.

Маркус улыбнулся.

— Вот видите. Теперь у вас восхитительное одеяние.

Я попыталась улыбнуться в ответ.

Утро началось достаточно хорошо. Я проснулась и нашла кровать пустой: Кир уже куда-то ушёл. После завтрака и каваджа я отправилась в палатку исцеления.

Гил кормил пациентов и задавал столько вопросов, сколько хватало дыхания. После недолгих уговоров я позволила друзьям Атиры войти и осуществить свои планы. Всякий раз, как я пыталась подойти к ним, они закрывали дощечку и прогоняли меня прочь. Я прерывала их только, чтобы осмотреть ногу. Утро прошло быстро, и обернуться я не успела, как нужно было возвращаться к Маркусу, поесть и переодеться.

Платье оказалось очень удобным: высокий вырез и длинные рукава, расклёшенная юбка с разрезами. Мне особенно понравилась юбка, учитывая ничтожный шанс существования дамского седла в военном лагере. Ткань скользила между ног, словно водная гладь по коже. Я никогда не видела подобной ткани и не испытывала таких ощущений. Каким-то образом Маркусу даже удалось достать подходящие туфли.

Я поправила платье, разглаживая ткань со смешанными эмоциями. Конечно же, сшитый для более пышной груди лиф оказался мне свободен, но юбка идеально легла на мои полные бедра, и ткань струилась к ногам. В обычной ситуации я бы обрадовалась заполучить такое сокровище.

Смущало одно — цвет.

В моем городе красный носили лишь женщины о чей профессии мне знать не полагалось. Время от времени некоторым придворным дамам хватало смелости надеть красный шарф или сделать алую отделку, но целое платье... Хуже всего, что я никогда прежде не видела настолько яркого и интенсивного красного цвета. Это был оттенок свежепролитой крови, более яркий, чем розы шиповника в дворцовом саду. По сравнению с ним, все другие цвета ксиан выглядели серыми и скучными. Столь яркое платье

недвусмысленно кричало о моем положении.

Я склонила голову, скрывая лицо за занавесом волос. Если я скажу слово против, то Маркус может и не понять, а может и не заставить меня надеть это платье. Конечно, если я приду на церемонию в штанах, то вопросительно подымитесь не одна бровь, а вот от этого платья лорды и леди двора лишаться чувств. Я не хотела оскорблять Маркуса, но я не могла это надеть. Мне вспомнился дрожащий голос великой тётки Ксиделлы: «Не молчи, дитя. Я не умею читать мыслей». Конечно, великая тётя Ксиделла надела бы этот наряд и насладилась бы каждой минутой скандала.

Я прикусила губу, а затем открыла рот.

— Маркус...

В палатку вошёл Кир и резко остановился. Его глаза расширились, а лицо засияло.

— Благословение огня, — воскликнул он, смотря на меня с одобрением.

Я проглотила ком в горле.

Кир махнул рукой, и я медленно развернулась, позволяя ему разглядеть себя.

— Маркус, где ты нашёл такое платье?

Маркус выпрямился и выгнул бровь.

— Одеть одну женщину мне по силам, военачальник.

Кир улыбнулся и наградил Маркуса лёгким поклоном.

— Я признаю свою ошибку, старик.

Кир выпрямил спину. Он был одет в сияющие доспехи с чёрным плащом, обрамлённым мехом. Из-за плеч выглядывали рукоятки мечей. Кир с гордым видом подошёл ко мне и протянул браслеты, которые мне пришлось надеть на церемонии капитуляции.

Я застыла и отвела взгляд. Вот они тяжёлые серебряные символы моего статуса, лежащие на открытых ладонях моего невольника. Я не поднимала глаз из опасения, что предам свои чувства. Я просто вытянула запястья и не смела поднять головы, пока Кир фиксировал браслеты. Они были тяжёлыми, как оковы, чем и являлись, и я позволила их весу потянуть мои руки по бокам.

Наступила небольшая пауза, и Кир спросил:

— А плащ?

К счастью, он оказался столь же чёрного цвета, как у Кира. Я взяла его у Маркуса который посмотрел на меня с озадаченным выражением и, накинув накидку на ходу, вышла вслед за Киrom в вечерний воздух.

На солнце платье казалось ещё более ярким. Если это только было возможно.

Наш эскорт поджидал нас. Десять всадников, помимо Преста и Рэйфа, который держал лошадей. Рэйф и Прест также были облачены в свою лучшую броню, она блестела в лучах солнца. Лицо Рэйфа посветлело, стоило ему увидеть меня. Прест повернулся, и по его лицу расплзлась широкая улыбка.

— Трофей, вы выглядите... — начал Рэйф, протягивая мне поводья одной из лошадей.

Кир откашлялся.

Рэйф даже на секунду не смутился.

— Хорошо. Очень хорошо.

Он сел верхом на своего коня, как и Кир с Престом.

Я испытала некоторые затруднения, пытаюсь подобрать юбку, но сумела подняться и сесть в седло. Я собрала поводья, развернулась и увидела, что все смотрят на меня с различной степенью тревоги на лице.

— Что? — озадаченно спросила я.

Прест просто покачал головой. Рэйф втянул воздух.

— Твоя осанка...

Кир серьёзно посмотрел на меня.

— Ты должна была сказать мне, что не умеешь ездить верхом.

Я сдвинула брови.

— Я умею.

Кир, Прест и Рэйф осмотрели меня с головы до пят. Я немного выпрямилась, но все трое покачали головой. Остальные в нашем эскорте, казалось, были очень заняты, поправляя одежду и оружие. Казалось, они стыдятся меня.

Прест нахмурился.

— Может беременная кобыла?

Рэйф посмотрел на город.

— Мы можем повести лошадей...

Кир покачал головой.

— Слишком долго. Она может поехать со мной.

— Это смешно.

Я сжала поводья, цокнула языком и подогнала лошадь.

Ничего не произошло.

Теперь качали головой и охранники у палатки. Прест забрал у меня поводья, как будто боясь, что лошадь убежит вместе со мной. Кир подъехал ко мне, собираясь пересадить меня в своё седло, но я не собиралась ему подчиняться. Может быть, я и военный трофей и выгляжу как шлюха, но будь я проклята, если позволю отвезти себя на церемонию как беспомощного ребёнка.

Рэйф поставил своего коня рядом со мной, и я увидела, что он делал. Он использовал пальцы ног под передними ногами лошади, а не пятки, и, казалось, перемещал свой вес. Я повторила за ним, и лошадь сделала несколько шагов вперёд. Я отмахнулась от Преста и Кира и подогнала животное.

— Это не безопасно. Ты поедешь со мной, — раздался за моей спиной голос Кира.

Я снова поддалась вперёд, и лошадь перешла на рысь.

Позади раздалась крики, но я не собиралась останавливаться. Я могла ехать.

Я проехала через палатки к дороге в город. Вскоре Кир и остальные меня нагнали и окружили. Рэйф все ещё бормотал о моем умении держаться в седле, Прест смотрел хмурым взглядом, но когда Кир проехал мимо, чтобы возглавить процессию, я заметила, что он гордится мною.

В полях трудились рабочие, и поначалу я не обратила на них ни малейшего внимания. Но чем ближе мы подходили к городским стенам, тем больше росло понимание. Они не убирали урожай или подготавливали почву к весне. Они собирали мёртвых. Война кончилась несколько дней назад, и всё же ещё не все были захоронены.

Неужели так много погибло?

Я заставила себя сосредоточиться на дороге, не в силах больше смотреть на крестьян с телегами. Я сжала челюсть. Мир не должен пошатнуться, я должна исполнить свой долг. Иначе телег станет ещё больше, а вместе с ним потраченных впустую жизней. Если это означает, что я никогда больше не услышу своё имя, быть по сему. Это небольшая цена за жизнь.

Наше появление в главных воротах города вызвало суматоху. Церемония начиналась только через несколько часов, и по реакции стражников было件нятно, что нас не ожидали столь скоро. Обычно ворота держали открытыми ради торговли, но их закрыли на время войны и очевидно больше не открывали. Военачальник подъехал к самым воротам и остановился.

Командир стражи вышел вперёд.

— Приветствую вас, военачальник. Вам нужен эскорт или крикун?

— Спасибо, но нет. Трофей знает дорогу.

Стражник посмотрел на меня, и его глаза вылезли из орбит. Я отвела взгляд. На секунду воцарилась гробовая тишина.

— Ворота, — рыкнул Кир.

Стражник вздрогнул, выкрикнул приказ, и опускающая решётка поползла вверх. Как только путь был свободен, мы направились в город. Встретила нас лишь дневная толкотня на рынке. Кир потянул поводья, останавливая лошадь, и обернулся ко мне с неммым вопросом в глазах. Я подъехала прямо к нему.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Сказать? — Я слегка залилась румянцем.

Он сузил глаза и внимательно изучил меня. Наконец он отвернулся.

— У нас есть время посмотреть город? Я видел только главную улицу.

Я кивнула и указала на левую дорогу от нас.

— Она идёт вдоль западной стены к самому дворцу.

Кир одарил меня лукавой улыбкой.

— А где продают ваниль?

— Рядом с телегой ремесленника.

Он кивнул и посмотрел по сторонам.

— Тогда мы отправимся к нему. А кто такой «крикун»?

Я улыбнулась.

— Это человек, который идёт впереди лошади и выкрикивает ваше имя и титул. Обычно ими пользуются люди с высоким самомнением, которые боятся, что их никто не узнает.

Кир выглядел оскорблённым. Он поехал по выбранной дороге, и я пристроилась сзади с нашим эскортом, занявшим место по бокам. Это шло вразрез с дорожным обычаем ехать в шеренгу. Но я сомневалась, что городская стража осмелится оштрафовать нас. Краем глаза я заметила гвардейца, бегущего во дворец. Я подозревала, что весть о нашем появлении в городе распространится очень быстро.

Реакция горожан была почти предсказуема. Сначала их возмущало нарушение дорожного обычая, но затем они узнавали военачальника. Их лица совсем не светились дружелюбием. Затем они замечали меня. Мой плащ был расстегнут, платье выставлено на всеобщее обозрение, и это вызывало настоящее волнение. Слава Богине, что Кир направился к магазинам. Улицы удовольствия находились в другой части города, и я могла только представить, как бы отреагировали жители.

Эскорт не отставал от нас ни на шаг. Рэйф с Престом ехали справа от меня, внимательно рассматривая толпу. Некоторые горожане попытались приблизиться ко мне, но грозный взгляд Кира и присутствие охранников мешали им. Мне оставалось лишь кивать и улыбаться каждому, кого я узнавала. Большинство махало рукой и обращалось ко мне, когда мы проезжали мимо.

Улицы были переполнены рыночными покупателями, несущими корзины и узелки. Кто-то пронёс трех цыплят, которые пронзительно кричали и размахивали крыльями. Моя лошадь слегка шарахнулась в сторону, эскорт бросил на меня полные ужаса взгляды, но я смогла успокоить кобылу. По лицам огневигов я могла судить, что они прежде не бывали в городах или, по крайней мере, в городах подобного размера. Они были настороже, начеку, окидывая взглядом толпу и вплотную стоящие дома, некоторые из которых склонились над самой улицей. Воины старались изо всех сил не показать благоговейного страха, но могу сказать, что они были впечатлены. Время от времени кто-то морщил нос от запаха или вздрагивал от странного шума, но никто ничего не говорил. Мы беспрепятственно ехали вперёд, мимо казарм к большим южным воротам. К тому времени весть о нашем прибытии распространилась по всему городу, и люди вышли на улицы, чтобы поглазеть. По большей части они вели себя тихо и лишь переговаривались между собой, когда мы проезжали мимо. Само собой разумеется, платье получило добрую долю внимания.

Наконец мы достигли рынка. Я указала на магазин Эстовала. Кир слез с коня и жестом указал мне идти следом. Остальные очистили площадь перед магазином от людей и заняли свои позиции. Кир открыл дверь, и я с любопытством вошла в лавку.

К счастью магазин ароматов был пуст от посетителей. Эстовал повернулся приветствовать нас, и у него отвисла челюсть.

Я почувствовала, как жаром вспыхнуло все лицо. Кир уставился на торговца и, сузив глаза, долго меня рассматривал. Он открыл рот и сделал вдох, желая заговорить, поморщился и чихнул. Очень громко.

Это вывело Эстовала из транса.

— Военачальник! Чем могу вам служить?

— Вы продаёте ваниль? — Последнее слово Кир произнёс медленно и тщательно.

— Да, военачальник, во многих формах, хотя это довольно дорогой товар. Вам нужны стручки, плоды, масло?

— Да. — Кир посмотрел на меня. — Несите всё.

Он чихнул и посмотрел на меня с мимолётной усмешкой, от которой у меня перехватило дыхание.

— Не скупись, покупай сколько хочешь. Покупай всё. Сколько бы тебе не было нужно. — С судорожным хрипом он двинулся к двери; его ноздри раздувались на очередной чих. По пути он сунул кошель в мою руку и вынырнул из лавки, оставляя меня, покрасневшую и смущённую.

Как только Кир вышел на улицу, Эстовал немного расслабился, но я заметила, что он продолжал следить за дверью.

— Трофей, это честь для моего магазина.

— Эстовал, пожалуйста. Меня зовут Лара.

Его глаза бросились к двери.

— Больше нет, дочь Кси.

Он указал на свои товары.

— У меня много ванили, есть даже немного душистого мыла. Сейчас никто не сорит деньгами. Но остальные мои запасы скудны. Мастер по поставкам была здесь ранее и долго торговалась. — Он покачал головой. — Долго и подло.

Я подавила улыбку. Эстовал начал собирать все виды ванили, которые были под рукой. Я остановилась и задумалась на мгновение, вспоминая слова Кира. Он сказал...

— Эстовал, мне нужен ученик, чтобы доставить поручение. У тебя есть кто свободный?

— Конечно.

Он позвал паренька.

— А бумага и перо, если можно?

Эстовал наклонил голову. Я написала коротенькую записку, и через секунду передо мной уже стоял ученик.

— Возьми деньги и беги в магазин Ремна. Знаешь его?

— Конечно, леди.

— Скажи Ремну, что я хочу две книги. Подержанных старинных, самых дешёвых. Мне нужна «Эпопея Ксайсона» и учебник по чтению. И ещё передай ему эту записку. Быстро обратишься, и я дам тебе монету.

Парень усмехнулся и убежал в дальний конец магазина. Я повернулась к Эстовалу, и мы продолжали торговлю. Я была очень удовлетворена. У Ремна должны быть обе книги, особенно «Эпопея». Древняя старинная сага героических деяний моих предков. Длинная, полная сражений, поединков и обсуждений достоинств различных стилей оружия и брони. Мучение для всех детей, изучающих письмо в городе Водопадов. Атире книга понравится. Я могу почитать ей вслух или использовать в качестве стимула изучить мой язык.

Ученик был так быстр, насколько я только могла просить. Он вернулся с узелком и двумя книгами. Я дала ему монету и попросила Эстовала воспользоваться дальней комнатой на несколько минут. Войдя в крохотную кладовую, я развязала узелок.

Хорошее нижнее бельё.

Будь благословенна жена Ремна. Она была примерно моей комплекции и положила по два комплекта белья. Я могу доверять её выбору. Богиня простит мне, но я слишком смущена, чтобы обсуждать с Киром или Маркусом подобные вопросы. Я быстро оделась, чувствуя себя намного лучше. Теперь я с большой уверенностью готова столкнуться с тем, что готовит мне будущее. Выйдя в зал, я поблагодарила Эстовала. Он вручил мне маленький пакет, поклонился и проводил до двери. Я отсутствовала некоторое время, но всё-таки странно, что улица была почти абсолютно пуста. Хотя чему тут удивляться. Те, кто не смогут посетить церемонию во дворце, будут наблюдать из дома, во время ужина.

Кир и Прест уже сели на коней. Рэйф стоял, придерживая наших с ним лошадей.

— Ты закончила? — спросил Кир, пытаясь скрыть своё нетерпение и полностью терпя неудачу. — Я отправил остальных вперёд.

— Да.

Я сложила свёртки в седельную сумку и собралась сесть на лошадь. Как только я занесла ногу, кобыла бросилась в сторону и рванула вперёд. Я потеряла равновесие и рухнула на землю... копьё пролетело над моей головой, вместо того чтобы поразить грудь.

— Лара, ВНИЗ!

Я едва успела понять что происходит, как Кир потащил меня и прижал к стене магазина, где я рухнула на колени. Лошади нервно танцевали в замешательстве. Воздух наполнили вопли, крики разочарования и стук копыт по мостовой.

— Сиди тихо, — прошипел Кир, разворачиваясь к врагам и доставая мечи. Я подняла голову и увидела, что лошади убежали, а Кир, Рэйф и Прест используют драгоценные секунды, чтобы встать в полукруг и защитить меня. Нападавшие вышли из тени. Сборище головорезов. Щиты наготове, оружие поднято.

— Смерть!..

Лидер так и не закончил предложение. Кир пробил его защиту и вонзил меч в грудь молниеносным колющим ударом. Я услышала, как клинок выскользнул из плоти, скрежетая о кости. С ожесточённой быстротой Кир атаковал второго врага, и тот едва успел парировать удар.

Прест твёрдой рукой поднял щит, отражая атаки двух мечников. Он терпеливо переждал, и когда противники открылись, сделал выпад и нанёс быстрые удары.

А вот Рэйф едва сдерживал натиск врага. Огромный детина, вооружённый неподъёмной палицей, бил о его щит, нанося тяжёлые, мощные удары. Рэйф держался, но с каждым разом его щит опускался все ниже и ниже. Наконец гигант ударил с такой силой, что щит стукнул Рэйфа по лбу. Заметив это, Кир притворился, что бросается на своего последнего противника, и тот отстранился. Кир развернулся и клинком полоснул горло великана. Детина что-то пробулькал и рухнул на землю. Не теряя ни секунды, Кир перевёл внимание обратно на своего оппонента ещё до того, как труп коснулся земли.

Раздался крик, стук сапог, и ещё один человек вышел из тени, снимая булаву с пояса. Разбойник бросился на Рэйфа.

Я вжалась в стену, старясь сидеть тише воды, ниже травы. Дозор должен был уже придти на помощь, но улица оставалась пустой. Никаких криков стражи. Лишь лязг оружия, учащённое дыхание да скрип сапог при смене позиции.

Понеся первые потери, головорезы переключили своё внимание. У Преста теперь остался один противник. Двое теснили Кира. Рэйф тоже сражался против одного.

Это оказалось ошибкой. Прест вломил щитом, тараня своего врага достаточно сильно, чтобы тот потерял равновесие. Сделав шаг вперёд, Прест провёл меч за край щита и вонзил холодную сталь противнику под ребра. Как только разбойник рухнул, я подумала, что Прест поможет Киру. Но он остался стоять на месте, осматривая улицу и сохраняя свою позицию.

Кир не нуждался в помощи. Казалось, он предугадывал удары врагов и блокировал их без всякого труда. Нападавшие тяжело дышали, сказывалась усталость. Один из них сделал ошибку, отстранившись, когда его напарник переместился вперёд, и Кир не колебался. Через секунду на мостовой истекал кровью ещё один враг, а двое оставшихся отступили.

Они сдались и бросились наутёк.

Рэйф бросился в погоню, но Кир рывкнул на него. Рэйф замер и вернулся на место. Кир чуть повернул голову.

— Ты ранена?

— Нет. — Мой голос звучал столь неуверенно, что меня это смутило. Я попыталась

подняться, опираясь дрожавшей рукой о стену. Дерево под пальцами было тёплым и грубым.

— Оставайся на месте. — Не опуская мечей, Кир продолжал внимательно осматривать улицу и крыши.

Всё произошло так стремительно, что моё сердце все ещё бешено колотилось. Я сконцентрировалась на дыхании, пытаясь замедлить его. Несколько напряжённых минут мы просто стояли, ожидая нового нападения. Прошла целая вечность, прежде чем Кир ослабил бдительность.

— Всё чисто. Кто-нибудь ранен?

Прест и Рэйф ответили отрицательно, и подошли проверить лежавших.

Я отошла от стены.

— Рэйф, у тебя порез.

— Задел край собственного щита. — Рэйф перевернул своего противника. — Этот мёртв.

Я сделала шаг вперёд к другим поверженным мужчинам.

— Нет, — остановил меня Кир.

— Пожалуйста, позволь мне... — Я толкнула его, пытаюсь пройти дальше. С таким же успехом я могла попробовать сдвинуть стену.

— Ты им ничем не поможешь, трофей. Они все мертвы, — сказал Рэйф и опустился на колени у одного из трупов, чтобы вытереть меч. — Странно, что на них не было брони.

— Засада была запланирована в спешке, — с мрачным лицом выговорил Кир, осматривая рыночную площадь, которая оставалась странно безлюдной для этого времени суток. Ни одного признака стражи.

— Трофей, ты узнаешь их? — Кир переместился вместе со мной, когда я подошла посмотреть на лица поверженных.

Мужчины лежали в луже собственной крови, в воздухе витал запах экскрементов и смерти. Рэйф перевернул павших на спины. Ни один из них не выглядел знакомым и не носил эмблемы благородных родов. Я покачала головой. Рэйф вытащил у одного мешочек из-за пояса и высыпал на мостовую блестящие кружки золота. Больше, чем простой солдат смог бы заработать за всю свою жизнь.

— Убийцы. Ксиане, все до единого, — прорычал Кир.

— Не все.

Мы повернулись и увидели, что Прест стоит у стены, сжимая в руках копьё с повреждённым наконечником. На земле под ним валялись чёрные осколки.

— До броска был целым. — Глаза Преста замерцали, когда он продемонстрировал чернильный слой на копьё.

Рэйф с шипением втянул воздух сквозь зубы.

Кир перевёл на него взгляд и сжал губы.

— Приведи лошадей.

Животные далеко не ушли, и Рэйф стал медленно к ним подходить, успокаивая голосом.

Кир повернулся к Престу.

— Заверни копьё и положи в мой колчан. Мы возвращаемся в лагерь.

— Лагерь? — Я отошла от тел, сильнее закутываясь в плащ. — Но церемония... — Я осеклась, поскольку Кир проигнорировал мои слова и вытер клинок об одежду мертвеца. Прест встал рядом со мной, обёртывая копьё в ткань, которую он достал из одной из своих седельных сумок. Разве Атира не говорила о чернильных рисунках? Их узорах?

Пришла моя очередь втягивать воздух.

— Кто изготовил это копьё?

Прест посмотрел на меня и перевёл взгляд на Кира. Рэйф подвёл лошадей, и Кир взял поводья. Кивнув, он разрешил Рэйфу забрать у покойников золото и оружие. Столь же молниеносным жестом он указал мне на седло.

— Поехали, трофей.

— Ты знаешь, кто его сделал.

Секунду Кир буравил меня взглядом, но немного смягчился. Он заговорил, но не ответил на мой вопрос.

— Садись на лошадь. Мы возвращаемся в лагерь.

Я осталась стоять на месте, стараясь собраться с мыслями, не смотря на сумасшедшее биение сердца.

— Церемония...

Кир просверлил меня гневным взглядом.

— Да будь она проклята.

Я подошла к лошади и вцепилась в седло, стараясь вернуть силу ногам. Дрожа всем телом, я все-таки смогла взобраться на лошадь.

— Какой вывод можно сделать из того, что военачальник убежал прятаться в лагерь после того как на него напали шесть разбойников?

— Шесть разбойников, которые оказались не так уж хороши, — вмешался Рэйф.

Прест фыркнул, но не отвёл глаз с улицы.

— И это сказал мужчина, который всю следующую неделю будет отрабатывать владение щитом, — ответил Кир, даже не глядя в сторону Рэйфа.

Рэйф захлопнул рот.

Кир придержал свою лошадь и вскочил в седло.

— Вывод, что военачальник не дурак.

Прест и Рэйф тоже сели на лошадей.

— Мы целы и невредимы, — сглотнула я, подавляя свой страх. — Множество людей собралось на церемонию. Что они скажут, когда военачальник не явится?

Я развернула свою лошадь к замку.

Кир схватил поводья, как только я посмела проехать мимо него, заставляя коня остановиться.

— Тогда я поеду один. Прест и Рэйф проводят тебя в лагерь.

Я покачала головой.

— И ты станешь прекрасной мишенью. Если мы все поедem на церемонию, то на обратном пути у нас будет целый эскорт. — Я поймала взгляд Кира. — Кроме того, мои люди ждут меня. Какие слухи пойдут, если я не появлюсь?

Кир уставился на меня и заиграл желваками. Я видела, как на шее вздулась небольшая вена, но не отвела взгляд. В конце концов, Кир сделал глубокой вдох, очень, очень медленно выдохнул, выпустил поводья и повернул свою лошадь к замку.

— А они?.. — Рэйф указал на трупы.

— Пусть гниют.

Улицы оставались пустыми, пока мы ехали в замок. Здания, которые когда-то казались дружественными и знакомыми, теперь отбрасывали длинные тени, в которых скрывалась опасность. Поводья стали мокрыми от потных рук, а плечи сутулились с каждым шагом.

Страх сжал меня в своих тисках.

Рэйф ехал около меня с луком и стрелой в руке. Его лошадь шла само по себе, поводья лежали связанными в узел перед седлом. Прест ехал таким же образом, но немного позади нас. Оба постоянно осматривали улицы, стараясь уловить малейший намёк на опасность.

Кир ехал впереди; его мечи были вложены в ножны, да и выглядел он внешне расслабленным, но крутил головой во все стороны, внимательно рассматривая дома, мимо которых мы проезжали.

Я откашлялась, чтобы снова спросить о копье, но Кир жестом указал мне молчать, даже не оглянувшись. Я прикусила губу, ощущая непереносимую горечь в горле и борясь с желанием прижаться к седлу.

Лошади чувствовали напряжение и беспокойно ёрзали под нами. Но Кир заставлял нас двигаться в прогулочном темпе. И только когда вдали появились пылающие огнями ворота замка и люди, он пустил своего коня в рысь. Мы промчались за ним заключительное расстояние до главного внутреннего двора.

Люди, ксиане и огневики, сгрудились вокруг нас. Дворцовая стража вышла забрать лошадей. Солнце по-прежнему заливало двор, заставляя мой наряд светиться подобно яркому пламени. Я попыталась выглядеть уверенной и расслабленной, но желудок скрутился в узелок, как только я заметила реакцию ксиан на платье.

Кир, Прест и Рэйф все ещё не теряли бдительности, внимательно следя за толпой. Кир первым опустился на землю и, помогая мне слезть с лошади, посмотрел на меня озадаченным взглядом, как будто он обнаружил нечто неправильное. Рэйф и Прест окружили меня, и мы двинулись в замок.

Перед нами появился Озар.

— Военачальник, — произнёс он с поклоном. Подняв голову, он сразу же с беспокойством посмотрел на меня. Я рискнула немного улыбнуться. Его глаза слегка тронула радость, и он продолжил: — Позвольте проводить вас в зал ожидания.

Он отвёл нас в ту же комнату, где я ожидала церемонию передачи. Она произошла всего несколько дней назад, но, кажется, что в другой жизни. Мы вошли в залу, и я расслабила плечи. Наконец на нас не бросают любопытные взгляды.

Озар остановился в дверном проёме позади и снова поклонился.

— Я сообщу королю о вашем прибытии. Вскоре он к вам присоединится.

Кир схватил сенешаля за руку.

— Мы задержимся на несколько минут. Я пошлю за Ксимандом, когда буду готов.

Кир прошёл в комнату, бросил плащ на один из стульев и стал расхаживать взад-вперёд. Свет от огня и ламп играл на его лице, бросая на голубые глаза тёмный и грозный отблеск.

— Кто они? — спросил он.

— Не наши, — уверенно ответил Прест.

— Откуда ты узнал? — поинтересовалась я.

Прест пожал плечами.

— Все на месте.

— Он прав. — Кир продолжил беспокойно расхаживать. — Если бы копье бросил один из моих людей, он бы не промахнулся.

— Узор Ифтена, — тихо произнёс Рэйф.

— Ифтена? — Я уставилась на Кира.

— С цельным наконечником, — добавил Прест.

— Что это значит? — спросила я, озадаченная загадочными комментариями.

Кир вздохнул:

— Когда копьё бросили, наконечник был цел. Он должен разлетаться, когда копьё поражает цель. У использованных копей не может быть цельного наконечника.

— Возможно, что он не сломался. — Мой аргумент прозвучал неубедительно даже для меня самой.

— Вряд ли, — ответил Прест.

— Лошадей ловили с полными колчанами, — пожал плечами Рэйф. — Но узор точно Ифтена, и насколько я знаю, он не терял лошадь.

Рэйф замолчал и, не глядя ни на кого из нас, добавил:

— И Ифтен был в городе.

Я прижала руку ко рту.

— Ремн сказал, что Ифтен встречался с Ксимандом наедине.

Мог ли?.. Я попыталась вспомнить точные слова Ремна, но не смогла.

Кир прервал мои размышления, и я сосредоточилась на его словах.

— И все же этим подонкам хорошо заплатили. Это указывает на ксиан.

— Мои люди не рискнули бы нарушить мир, — уверенно ответила я. — С такой же лёгкостью их мог нанять ваш человек.

Кир покачал головой.

— Мои люди только узнают о чеканке и деньгах. Скорее всего, это был ксианец. — Он заколебался. — Или король ксиан.

Я с яростью посмотрела на Кира.

— Ксиманд поклялся. Он не будет рисковать своей короной и нарушать обещание.

— Я верю лишь в то, что он не будет рисковать своей головой, — парировал Кир. — Но я не так уверен в данном им слове. — Кир приблизился ко мне. — И не уверен, что он понимает, что, если ты умрёшь, миру придёт конец.

— А если умрёшь ты, военачальник? — тихо спросила я. — Удержится ли мир? На тебя ведь тоже напали и бились с тобой с удвоенной яростью.

Воспоминание промелькнуло перед глазами, и на живот легла невыносимая тяжесть. На несколько мгновений я увидела раненого и умирающего Кира. Дражайшая Богиня. Я закрыла глаза и сглотнула ком в горле.

Тёплая рука на плече подвела меня на один из стульев у камина. Я открыла глаза и увидела, что Кир стоит на коленях передо мной.

— Прости, — прошептала я.

— Не за что. Ты хорошо держалась. — И тут в его глазах загорелся вредный взгляд маленького мальчика. — Для целителя.

Прест и Рэйф фыркнули, скорее даже нервно хихикнули. Я выпрямила спину и постаралась придать себе оскорблённый вид.

— Если ты думаешь, что за покушением стоит Ксиманд, противодействуй ему. Спроси его...

— Нет. — Кир стал очень серьёзным. — Его действия говорят мне больше, чем слова. Никому не рассказывайте о нападении. Пусть наш враг гадает, что произошло.

Прест и Рэйф кивнули. Я тоже кивнула, желая всем сердцем оставить эту тему. Кир встал и указал Рэйфу на дверь.

Дверь в зал ожидания открылась, и в комнату восшел Ксиманд в сопровождении

лорда-маршала Уоррена и членов совета. Я попыталась встать на поклон, но Кир не дал мне подняться. Я озадаченно подняла голову, но Кир смотрел только на Ксиманда.

Ксиманд склонил голову перед Киrom.

— Военачальник.

— Ксиманд, — холодно произнёс Кир.

Больше они не успели ничего сказать, поскольку Озар подошёл к огромной двойной двери.

— Уважаемые лорды, герольд готов начать церемонию. Займите свои места.

Кир подошёл к двери, и все в комнате начали занимать свои места. Я встала со стула, не зная куда деться. Как только я поднялась, мой плащ распахнулся, и по комнате разнеслись судорожные вздохи. Ксиманд, стоявший прямо за Киrom, повернул голову. Его глаза расширились, как только он увидел алый оттенок платья и такой же румянец на моих щёках. И хоть выражение его лица не выказало никаких чувств, его глаза сияли.

Преисполненная решимости сохранить хотя бы крохи достоинства, я нашла глазами Преста и Рэйфа в самом конце процессии и пошла к ним.

— Трофей! — раздался окрик Кира по всему залу.

Я обернулась.

— Военачальник?

Его взгляд скользнул к Ксиманду, стоявшему в одном шаге позади него.

— Твоё место подле меня.

Я в изумлении уставилась на Кира. Остальные в зале притихли, без труда распознавая борьбу за власть. Голубоглазый взгляд остался спокойным и уверенным, мой же метнулся к Ксиманду, который, безусловно, пытался сдержать ярость.

— Сюда, — снова заговорил Кир, указывая на место возле себя.

Я подчинилась.

— Да, военачальник.

Он, внимательно изучая, посмотрел на меня. Я же ощущала взгляд Ксиманда точно два кинжала в спине.

Озар наблюдал за действием, сохраняя беспристрастное лицо. Кир указал ему открыть двойные двери. Сенешаль выполнил приказ и прошёл в тронный зал. Стоявший при полном параде герольд три раза стукнул посохом об пол.

— Лорды и леди, приветствуйте Кира, военачальника Огненной земли...

— Нет, — произнёс Кир громче герольда, тем самым вызывая переполох в тронном зале.

Глаза несчастного глашатая вылезли из орбит.

— Военачальник?

— Это ваше слово, а не наше. Мы с Равнин.

Герольд безумно заморгал на секунду и откашлялся.

— Лорды и леди, приветствуйте Кира, военачальника Равнин и повелителя Кси.

Он посмотрел на Кира, и тот одобрительно кивнул. Казалось, слуга только расслабился, как тут же заметил меня, но годы тренировок не дали его голосу дрогнуть. Он продолжил без малейшего колебания:

— ...и Ксилару, военный трофей.

Кир вошёл в тронный зал, излучая каждым шагом силу и уверенность. Я ступала рядом с ним, отставая на один шаг. Зал был переполнен людьми, занявшими каждый уголок и щель.

Людей Кира было столь же много, как и дворян. Все кланялись, когда мы равнялись с ними, и поднимали головы, когда мы проходили вперёд. По комнате сразу же разнеслись шепотки: все обсуждали военачальника и, то, что его рабыня идёт прямо за ним, как равная. Я же смотрела только вперёд. С правой стороны от трона стояло второе кресло, поменьше. Кир подошёл к трону, повернулся и оглядел зал. Я сделала шаг налево, чтобы встать рядом с ним. Кир бросил на меня быстрый взгляд и указал на второй трон. Мои глаза расширились, но я повиновалась. За спиной я услышала, что герольд объявил Ксиманда.

Чьё место я только что заняла.

Толпа среагировала, как только я повернулась к залу, демонстрируя платье во всем его темно-красном великолепии. Я пропустила мимо ушей все шепотки, потому что, как только Ксиманд пошёл по залу, я увидела в точности до секунды, как брат понял, что произошло. Я опустила глаза, не желая видеть взгляд Ксиманда, который подходил все ближе и ближе. Должно быть, Кир сделал какой-то жест, поскольку брат встал слева от его трона. Я услышала, что герольд объявил о лорде-маршале Уоррене и членах Совета. Они прошли через тронный зал и выстроились с левой стороны от Ксиманда.

Как только все заняли свои места, Кир сел. Я подождала несколько секунд и тоже села. Все остальные остались стоять.

В зал вышел архиепископ Дризен с двумя помощниками, поклонился перед военачальником и начал церемонию. Древние песнопения, мрачные и сладостно-горькие молитвы о мёртвых заполнили моё сознание. Ладан чадил из каминов на длинных ручках, которые медленно раскачивали двое служков. Честно говоря, они могли пройтись голыми и натереться навозом — так много внимания я на них обращала. Все мои мысли были поглощены Ксимандом и тем, как его оскорбил Кир. Ксиманд не идиот, он не подвергнет опасности мир. Я надеюсь. Но поставить рабыню выше короля...

Я рискнула бросить взгляд на военачальника. Он восседал на троне с величием, которого я никогда не лицезрела у брата. Я с трудом отвела взгляд и попыталась сконцентрироваться на священниках. Я не видела Ксиманда со своего места, но могла представить выражение его лица.

Выпить после церемонии он нас точно не пригласит.

Архиепископ завершил молитву и поклонился Киру. Казалось, лорды и леди подумали, что церемония окончена, но Кир дал знак рукой, и из толпы вышел Жоден при лучшей броне и оружии. Его круглое лицо омрачал хмурый взгляд.

Жоден приблизился к трону и поклонился. Кир кивнул ему в ответ.

— Жоден, ты возвеличишь нашу церемонию. — Кир окинул взглядом присутствующих. — Наша традиция требует оплакать мёртвых песней. Жоден согласился выступить для нас.

Жоден воздел правую ладонь к небу и сказал на своём языке:

— Да услышат небеса мою речь. Да запомнят её люди.

Ему ответили все, кто смог понять его слова.

— Мы будем помнить.

Жоден опустил ладонь, глубоко вздохнул и начал петь.

Его речь звучала богаче и намного глубже, чем я ожидала. Песнь заполнила комнату, останавливая все шорохи и шепотки. Каким-то образом его голос объединил нас, позволил поделиться своей болью и на краткую секунду сделал единым целым. Язык не стал барьером. Для тех, кто понимал, в песне говорилось о возлюбленных, которые больше

никогда не увидят небо, не разделят сладость кубка с вином. Или радость смеха. В ней говорилось о пустоте за столом, заброшенном домашнем очаге, о дыре в сердце. Мои глаза наполнились слезами. Я вспомнила отца и того воина, что умер благословив меня на прощание. Я опустила голову, стараясь не дать волю своему горю.

Остальные тоже не остались безучастны. Я бросила взгляд на Кира и увидела крепко сжатый кулак и побелевшие костяшки пальцев.

И тут песня изменилась. Голос Жодена зазвенел в надежде на воссоединение, что любимые снова поскачут на лошадях под бесконечными небесами и испьют ещё неизведанных вин. Я сумела поднять голову и посмотреть на Жодена, пока в воздухе витали финальные строки. Я вытерла глаза, захлюпала носом и заметила, что и остальных тронула эта песня.

Утихли последние ноты, и Жоден снова поднял руку.

— Чтобы помнили.

И раздался ответ:

— Мы будем помнить.

Кир повторил слова и продолжил:

— Благодарю тебя, Жоден. Ты оказал нам честь.

Жоден поклонился и попятился к толпе.

Архиепископ вышел вперёд, готовясь по традиции благословить монарха. Бросив осторожный взгляд в сторону Ксиманда, он встал перед Киром, поклонился и благословил его. В конце Кир уважительно кивнул первому лицу нашей церкви.

Без всяких раздумий архиепископ повернулся ко мне, и я увидела, как расширились его глаза, когда он понял, что натворил. Традиция требовала благословить и королеву, а трофей едва ли подходил на эту роль. Казалось, бедняга совершенно растерялся, но решил кивнуть мне. Я кивнула в ответ. Я сомневаюсь, что он даже осознал, как вздохнул от облегчения, повернувшись благословить народ.

Архиепископ не успел произнести финальных слов, как Кир поднялся с трона. Я решила ждать, но он протянул мне руку, и я встала рядом с ним. Мы прошествовали к залу ожидания в полной тишине.

И ксиане, и огненные заполнили пространство перед дверью, но все разошлись, пропуская нас вперёд. Ксиане не знали, каким правилам этикета нужно последовать: стоит ли им поклониться или сделать реверанс, да и кому. У огненных не было такой проблемы. Они выпрямили спины и вздёрнули подбородки с торжественным взглядом.

Мы подошли к двери, и я увидела множество знакомых лиц, включая лорда Дерста. Нахмурившись, он отступил назад, словно не желая касаться меня; его губы искривились в оскал.

Лорд вытянул голову вперёд и посмотрел мне прямо в глаза.

— Шлюха, — яростно произнёс он.

Его голос прозвучал тихо, но вполне разборчиво. Я покраснела и отвела взгляд в обиду, что почти не почувствовала, как Кир отпустил мою ладонь. Звук доставаемой стали, вспышка движения. Я оглянулась и увидела, как меч Кира глубоко зашёл в грудь Дерста.

Время как будто остановилось. Дерст выпучил глаза и медленно осел на пол. Кир вытащил меч из тела и махнул им, обрызгивая кровью одежду близстоящих. Дерст издал непонятный звук и зажал рану. Люди отстранились, позволяя лорду упасть к их ногам. Раздался крик, и все стали толкаться, желая выйти вперёд и получше разглядеть

происходящее.

— Тишина, — приказал Кир, доставая кусок ткани, чтобы вытереть клинок.

В гробовой тишине зал с ужасом смотрел, как военачальник бросает на пол окровавленную ткань и вкладывает меч в ножны на пояском кольце. Удар металла об металл привлёк внимание больше, чем голос.

— За оскорбление — мстят.

Тишина стала ещё более зловещей. И, к моему ужасу, ксиане положили ладони на свои мечи, следя за огненными вокруг нас.

— Трофей.

Я резко подняла взгляд и увидела, что Кир стоит рядом со мной, протягивая руку. Ту руку, что в одно мгновение убила лорда Дерста. Ту руку, что спасла мою жизнь на рынке.

Все замерли, приковав взгляд к этой руке, и я знала, что мир в тот момент балансировал на краю меча. Оттолкни я её, встань на колени и помоги Дерсту, и найдутся те, кто использует ситуацию в качестве оправдания обнажить меч.

Помня о своём положении, помня о своём долге, помня о мёртвых, которых все ещё хоронили за пределами городских стен, я протянула Киру ладонь и позволила вывести себя из тронного зала.

За нами последовал Ксиманд вместе с лордом Уорреном. Тронный зал взорвался гулом, но его отрезало от нас, как только захлопнулась дверь.

Секунду мы простояли в тишине. Кир прошёл к камину.

— Церемония прошла хорошо, — произнёс он так спокойно, словно ничего не произошло. Словно в тронном зале не умер человек. Словно я не бросила его лежать в луже собственной крови.

Ксиманд не ответил. Уоррен откашлялся.

— Было умно позволить нашим священникам прочитать молитвы. Такой поступок высоко оценят. — Он тоже проигнорировал произошедшее.

Кир наклонил голову.

— Мы чтим мёртвых с обеих сторон. — Он оценивающе посмотрел на Уоррена. — К сожалению, нам не удалось поговорить с вами вне рамок переговоров или официальных бесед. Я бы с радостью обсудил ваши стратегии, особенно на реке.

Губы Уоррена искривились в усмешке.

— Я буду только рад.

— Завтра? В полдень. Приведите своих людей, и мы вместе пообедаем.

Я в оцепенении смотрела, как они болтают ни о чем, словно все хорошо и прекрасно, как будто Кир только что не убил человека за простое оскорбление. Моё сердце кровоточило в груди, а воздух в комнате казался отяжелевшим и сверхтеплым.

Кир поднял плащ со стула, куда бросил его перед церемонией.

— Я хочу осмотреть замок.

— Озар покажет вам дворец, — проскрежетал Ксиманд.

— Нет, — прервал его Кир. — Я хочу увидеть все глазами трофея.

Ксиманд сжал челюсть. Никогда ещё не видела на его лице такой злости и страха. Казалось, у него задёргался правый глаз, а ладони сжались в кулаки. Я задержала дыхание, ожидая какая из эмоций победит.

Руки Ксиманда расслабились. Его голова дёрнулась, как будто в кивке, и он прошёл к двери. Уоррен с покорным взглядом последовал за ним.

— Я должен знать размер его владений. — Голос Кира прозвучал как кошачье урчание.

Ксиманд замер в дверном проёме.

Кир продолжил говорить:

— Я должен назначить нового лорда как можно скорее.

Уоррен встал вполоборота к Киру.

— Военачальник, по нашим традициям сын наследует владения своего отца. Сын Дерста, Дегнан, является его наследником.

— А способный ли человек этот Дегнан?

Уоррен в недоумении пожал плечами. Он повернулся к Ксиманду за поддержкой, но тот никак не отреагировал. Наконец маршал перевёл взгляд на Кира.

— Он наследник, военачальник.

— Я учту это. — Кир поднял бровь. — Вы свободны.

Богиня, он сознательно провоцирует Ксиманда?

Ксиманд ничего не сказал и ушёл. Уоррен последовал за ним.

Я выдохнула. Разве Кир не понимает, разве они не знают, какой ужас произошёл? Убивать человека без предупреждения из-за обидного слова? И так нехорошо задеть гордость Ксиманда, оскорбить его перед всем двором. Военачальник дал чётко понять, что его символ не для меня, и я не могу защититься от последствий своих слов, но чтобы мир продержался и после рассвета кто-то должен озвучить истину.

— Рэйф, я хочу компанию. Попроси Жодена, Йерса, Оксна, Сенбэра и Узания присоединиться к нам. Я видел Эпора и Айсдру в толпе, попроси и их тоже. Остальным прикажи вернуться в лагерь. В группе, без остановок. Скажи всем быть начеку.

— Ваш меч, военачальник? — Рэйф остановился в дверях. — Вы желаете, чтобы я позаботился о нём?

— Всё нормально. Я сам всё сделаю.

Рэйф кивнул и вышел из комнаты.

Кир посмотрел на огонь. Подойдя поближе, я облизала губы и сделала вдох. Кир посмотрел в мою сторону.

— Ты хочешь указать на мою ошибку.

Я прикусила язык. Его голубые глаза блестели в свете огня, и я ожидала вспышки гнева. Вместо этого Кир грустно улыбнулся.

— А я ещё говорил об изменениях, да?

Я не поняла к чему он это и хотела спросить, но стук в дверь прервал нас. В комнату вошёл Рэйф с компанией. Все что-то спокойно обсуждали между собой.

Момент был утерян. Я могла бы рискнуть и озвучить истину наедине, но только не перед остальными. Как только Кир отошёл от меня, я стала искать в толпе дружественное лицо и увидела Жодена.

— У тебя чудесный голос, Жоден.

Он широко улыбнулся. Как же я была рада видеть его искреннюю радость.

— Благодарю вас, трофей.

— Идём, — сказал Кир, указывая на дверь. — Покажи нам свою каменную палатку.

Вначале я отвела их на высочайшую точку в высочайшей башне. Молодой стражник на площадке чуть не выронил копье от страха. Он никак не ожидал увидеть военачальника, когда обычно компанию ему составляли лишь пчелы, чьи улы держали наверху по распоряжению Анны. Солнце клонилась к горизонту, но вечерние сумерки давали нам ещё

достаточно света.

Зубчатые стены очаровали Кира. С такой высоты можно было лицезреть всю долину и даже дальше их лагеря. Кир, Рэйф и остальные прижались к внешней стене, пытаясь рассмотреть всё, что раскинулось внизу, насколько хватало взгляда. Постоянный для такой высоты ветер проносился со свистом, цепляясь за волосы и одежду. А вот Прест прижался к противоположной стене, у двери; его глаза расширились от ужаса, что показались белки, а смуглое лицо стало пепельного цвета. Он казался очень благодарным за то, что я увела их с обзорной, и мы вернулись вниз.

Огненные задавали о дворце вопрос за вопросом, не понимая как я могла постоянно жить в четырёх стенах. Узкие коридоры раздражали их, и я видела, что они поднимали глаза, словно ища небо. На некоторые вопросы я знала ответ, на другие — нет. Огненные восхищались массивными стенами, морщили носы от отхожих мест с их маленькими отверстиями и в шутку толкались на круговых лестницах. Я показала им залы и башни, которые основали древние короли и достроили их потомки. Гостей впечатлил возраст дворца и его укрепления, но я заметила, что Кира не взволновало, сколько времени ушло, чтобы замок поднялся до текущей высоты.

Залы и коридоры были странно тихи, по пути нам не встретились ни слуги, ни дворяне. Эта неловкая тишина тревожила меня, даже когда я повела гостей в дворцовую часовню.

Комнату освещала сотня свечей, а позади алтаря ярко мерцала статуя богини из белого мрамора. Она была прекрасна — в руках корзина с травами и цветами, лицо светится покоем и добротой. Я остановилась в центральном проходе, и на моем лице появилась улыбка.

— Значит, это правда. Вы поклоняетесь людям.

Я удивлённо повернулась и увидела за своей спиной, как Жоден оглядывает церковь в полном изумлении.

— Эта часовня выделена для поклонения Богине, леди луны и звёзд. — Я с трудом подыскала правильные слова. — Она больше, чем «человек».

— Он не хотел никого обидеть, — тихо произнёс Кир, пока остальные скучковались вокруг нас, разевая рты и тараща глаза. В комнате витало общее неодобрение.

— Просто им странно видеть такое. — Кир окинул рукой залу. — Ещё одно различие между нами.

— Большое различие, — пробормотал Йерс, вертя своим кривым носом.

На этой ноте я развернулась и вывела огненных из часовни, пока не появились жрецы. Напряжение хоть ножом режь и безо всяких религиозных споров.

— Ваша Богиня, она — целительница? — спросил Кир, поравнявшись со мной.

— Да.

Я решила показать им свою прежнюю комнату и направилась прямо к ней.

— Она богиня исцеления и милосердия. — Я посмотрела через плечо. — Но не тогда милосердия, что даруется на поле боя.

Кир проворчал что-то под нос.

— В городе стоит храм богу солнца. Он олицетворяет собой чистоту и силу.

— Вы поклоняетесь солнцу, как человеку? — с недоверием спросил Жоден.

— Как ты стала целителем? — так гладко сменил тему Кир, что я даже улыбнулась.

— Я играла с другом в догонялки в дворцовом саду. Мы были очень молоды, и кухарки потеряли нас из вида. Мы бегали и смеялись, и тут неожиданно мой друг упал, споткнувшись об огромного... дикобраза? — Я не была уверена, что огненные знают этого зверя, но

несколько человек вздрогнули в сочувствии.

— Иглокрыса, — объяснил Рэйф, и теперь все поняли.

— Его лицо и руки были сплошь утыканы иглами, и он начал кричать и плакать. Прибежали кухарки, прибежала Анна. Все кричали и плакали, так что я тоже начала кричать и плакать. И тут появился мужчина, высокий мужчина, похожий на серую озёрную птицу, высокую и спокойную. Он успокоил всех парой слов и вытащил иголки. И знаете, мой друг совсем не плакал от боли, он смеялся всю процедуру. Произошло чудо, и мир восстановился. — Это воспоминание было таким хорошим, что я улыбнулась Киру. — Он восстановил мой мир своей тихой речью и нежными руками.

— И ты захотела стать похожей на него.

Я кивнула, открывая дверь в свою прежнюю комнату.

Из неё вынесли практически всю мебель. Кир огляделся и нахмурил брови.

— Это была твоя спальня?

Прест и Рэйф зашли с нами внутрь, остальные остались стоять у двери.

— Не слишком ли маленькая комната для дочери рода Кси? — продолжил он.

Я пожала плечами.

— Мне не нужна просторная комната. Кроме того, у меня были и другие комнаты для личного пользования. Я покажу.

Кир посмотрел на меня и медленно улыбнулся в ответ.

Рэйф подошёл к камину.

— Кажется, теперь здесь жгут мусор.

Я обернулась. В камине лежал пепел от книг и бумаг. Груда выглядела до боли знакомой...

Она и была знакомой.

Я узнала шнурок, которым часто пользовалась раньше. Пламя должно было быть огромным. Удивительно, как дым не пошёл в комнату. Я опустилась на колени и протянула руку, но пепел осыпался при одном касании.

Комок подкатил к горлу.

— Что-то важное? — спросил Кир.

Я поднялась на ноги.

— Нет. Ничего важного. — Я вытерла руки и на негнущихся ногах пошла к двери. — Идёмте. Я вам ещё не все показала.

Я вышла в коридор и увидела Озара. Комок в моем горле уплотнился, когда он заметил мою боль.

— Он сжёт мои книги, — прошептала я.

Озар протянул руку, его глаза сморщились от жалости, но в дверном проёме появился Кир, и рука Озара безжизненно рухнула на место.

— Сенешаль, ваше присутствие не требуется. Трофей нам все сама покажет.

Озар склонил голову.

— Военачальник, простите меня. Мне сказали, что у вас нет во мне нужды, но я служил двум королям в этом замке, как мой отец до меня. Извините старика за его гордость.

Кир остановился.

— Вы «наследовали» своё место?

— Нет, военачальник. Ксиран выбрал меня за мои умения, и Ксиманд решил сохранить за мной пост.

— А ваш сын?

— Моему сыну не интересно служить в этом качестве, военачальник. Он предпочитает путь воина. — Озар улыбнулся. — Я почти за честь, если вы разрешите мне показать укрепления замка.

— Ведите.

Озар повиновался и уже скоро завёл речь о дырах-убийцах и зубчатых стенах. Я плелась позади, совсем не вслушивалась в рассказ. Почему он это сделал? Наверняка, мои тетради и книги сжёг Ксиманд. Я не могла этого представить. Я сделала, как он велел. Почему он так сердит? Что его так разъярило, что он даже не может приветствовать меня или отметить моё присутствие в зале?

Озар привёл нас в комнату над главными воротами замка, и все пришли в восторг от дыр-убийц и лебёдок для опускаемых решёток. Я отошла в сторону, и Озару удалось проскользнуть ко мне.

— Дерст? — прошептала я.

— Он жив, но в тяжёлом состоянии. С ним Эльн. — Облегчение нахлынуло на меня, как только Озар шёпотом продолжил объяснение: — Уоррен очистил замок и внутренний двор от вспыльчивых дураков. На данный момент у него все под контролем. Я запер Дегнана в его покоях и выставил стражу у дверей. Парень не может решить, что его больше разъярило: нападение на отца или потеря наследства.

— Ксиманд? — вздохнула я, боясь ответа.

— В своих покоях и не желает никого видеть. — Озар провёл рукой по влажному лбу и вытер её об штаны. — Боюсь нам не избежать кровопролития, если Дерст умрёт.

Кир и остальные все ещё изучали хитрости защитников замка.

— Озар, есть церемония, ритуал. Ты просишь символ другого человека, — быстро заговорила я. — Он защитит, если ты выскажешь огненному что-то оскорбительное или печальное. Мне не позволено... — Я замолкла, поскольку подошёл Кир.

— Поразительный каменный шатёр, Озар. — Кир окинул помещение взглядом. — Я поражаюсь вашему таланту поддерживать комплекс в целостности и обеспечивать всем необходимым.

Озар улыбнулся.

— Не больше, чем я поражаюсь талантам, требуемым чтобы удержать армию на марше, военачальник. — Он откашлялся. — У меня есть вопрос, военачальник, но я не хотел бы вас оскорбить.

Кир поник и бросил на меня взгляд.

— Спрашивай, сенешаль.

— Не могли бы вы объяснить использование символов вашими людьми? — Вопрос Озара прозвучал рассудительно, но сенешаль напрягся, ожидая реакции Кира.

— Хорошо. — Кир удивил меня, поскольку я услышала стыд в его словах.

— Возможно, за едой и питьём? Моя леди-жена — дворцовая кухарка и с радостью поприветствует вас в своём королевстве. — Озар положил руку на моё плечо. — Она очень любит военный трофей.

— Анна? — спросил Кир.

Озар поклонился, и Кир кивнул ему в ответ.

— Глупо оскорблять повара, — улыбнулся Кир. — Ведите.

Кухня была пуста, за исключением Анны и одного слуги. Одетая в чистое платье и

новый фартук с ключами на поясе, Анна выглядела похудевшей и уставшей. Она увидела меня, и её лицо просияло, как солнце. Или она не заметила платье, или кто-то счёл целесообразным предупредить её относительно его цвета. На секунду мы замерли в неловком молчании: Анна не знала, как меня поприветствовать — и я взяла инициативу в свои руки.

— Военачальник, позвольте мне представить Анну, властительницу кухни и наших сердец.

Анна выдавила нервный смешок, быстро взглянула на военачальника, вышла вперёд и заключила меня в объятия. В комнату вошли остальные, и Анна слегка развернулась и указала на стол, уставленный сладостями и лакомствами.

— Рассаживайтесь и подкрепитесь, мои лорды.

Слуга стал раздавать кружки с элем, и погруженные в разговор Кир и Озар сели за стол. Приобняв за плечи, Анна подвела меня к большому очагу, отчаянно вцепилась в меня и прошептала на ухо:

— С тобой всё хорошо?

— У меня все хорошо и прекрасно, — ответила я, улыбаясь.

Она немного отступила и зло посмотрела на алое платье.

— Нет.

Анна отчаянно затрясла головой.

— С тобой всё хорошо? — с тревогой взглянула она на моё лицо.

Я покраснела и обняла её.

— Да, — прошептала я. — Да, со мной все хорошо.

Анна отстранилась, вытирая глаза. Её лицо было полно сомнений.

— Ремн сказал мне тоже самое, но мог ли он знать наверняка? — Она нахмурилась, скорее чтобы сдержать слезы, чем гнев. — Ты должно быть голодна.

Теперь уже мои глаза наполнились слезами. Еда была ответом Анны на любую проблему или боль. Она протянула мне кружку и сунула в руку одну из своих сладостей.

— Трофей.

Я повернулась и увидела, что Кир мне что-то показывает рукой. Бросив извиняющий взгляд на Анну, я подошла к военачальнику. Кир подвинулся, освобождая место, и стоило мне сесть, как я ощутила его дыхание у своего уха:

— Не ешь и не пей.

Все остальные смеялись и ели, пробуя различные угощения. Я наклонила голову к Киру и прошептала:

— Что, прости?

Кир уставился в свою кружку, все ещё полную пива.

— Прест скажет нам, когда можно будет.

Я уставилась на него, и тут до меня начало медленно доходить, почему он так сказал. Я уже открыла рот, чтобы дать резкий ответ, когда Прест наклонился через стол.

— Военачальник, вы должны это попробовать!

Он держал одно из фирменных лакомств Анны — небольшое медовое пирожное с орехами.

Кир выхватил угощение у Преста и надкусил. Его лицо расплылось в чистейшем удовольствии.

— Анна!

Она обернулась.

— Анна, из чего эта вкусотища?

Она посмотрела на Озара, который успокоил её улыбкой.

— Военачальник, это всего лишь мука, сахар, яйца, ваниль с орехами и мёдом от дворцовых пчёл, — осторожно ответила она.

Кир посмотрел на меня с ребяческой ухмылкой.

— Ваниль. Именно поэтому они мне так нравятся. — Он снова куснул пирожное. — Вы не могли бы научить моего повара как их готовить?

Анна сузила глаза, и я поняла, что ей тяжело разглядеть убийцу с диким взглядом в этом нетерпеливом ребяческом лице.

— Да, военачальник, если только у вашего повара есть хоть какой-то талант.

Казалось, Анна немного расслабилась.

Озар поддался вперёд.

— О символах, военачальник.

Они завели беседу, а Анна засуетилась, удостоверившись, что всем хватает еды и питья. Я осталась сидеть рядом с Киром, выслушивая его объяснения. В целом, Кир сказал то же самое, что и Атира.

— Так, если у меня есть ваш символ, и я использую его, чтобы оскорбить вас, то, что тогда? — спросил Озар.

— Я ответил бы, что высказанная истина ложна и бросил бы вызов, — помрачнел Кир. — Вам останется либо забрать ваши слова обратно, либо сразиться со мной.

— Значит, оскорбить можно только под защитой символа?

— Нет, но когда оскорбление брошено без символа, ожидается, что у вас наготове оружие, поскольку вас сразу же, попытаются убить.

— А! — ответил Озар. — А вот мы высказываем оскорбление и ждём, что нас вызовут на бой, и только потом обнажаем мечи.

— Теперь я это знаю. — Кир поставил кружку на стол. — Мы должны вернуться в лагерь.

Все поднялись со своих мест, и я коснулась руки Кира.

— Позволь мне показать тебе кое-что.

Я подвела его к кладовой.

— Здесь я провела немало часов, готовя лекарства и травы, — произнесла я, распахивая широкую дверь. — Это было моим королевством.

Дверь вела в пустоту.

Я не верила своим глазам. Ни стола, ни фляг — ничего. Только слабый аромат трав точно дымка витал в воздухе, подтверждая, что здесь когда-то находилась кладовая.

К нам подошёл Озар.

— Я должен предупредить тебя, Лара. Король вычистил комнату в ту ночь как ты... — Он сделал едва уловимую паузу. — ...Уехала.

Я набросилась на него:

— Озар, здесь хранились ценные лекарства, не говоря уже о моем... оборудовании. Что он сделал с ними? — Озар уставился в пол. Я схватила сенешаля за руку. — Скажи мне, что он передал вещи в Храм Исцеления.

Озар отвёл взгляд.

— Возможно. Я не знаю.

Большую часть обратного пути я провела погруженная в собственные мысли. Кир не одобрил долгих прощаний. Одно объятие с Анной, и мы сели на лошадей и в спешке ускакали под покровом ночи, с оружием наготове. Кир не позаботился попрощаться с Ксимандом, и я была уверена, что сделал он это специально.

Ночь окутала поля, так что мне не пришлось снова лицезреть могильные холмы. Звезды ярко мерцали в ночном небе, и я слышала, как жители Огненной земли зашептали своего рода молитву. Я тихо вздохнула. Я не должна больше использовать это слово, ведь они называют себя совсем по-иному. На мгновение я задумалась, а почему ксиане называют их «жителями Огненной земли».

Конечно же, я больше не ксианка? Я ведь вообще никто?

Я закрыла глаза и растворилась в своей боли.

Только когда Рэйф откашлялся, я поняла, что он держит мою лошадь за уздцы, и мы стоим перед шатром Кира. Я соскользнула с седла и потёрла лоб, желая облегчить боль. Маркус стоял у самого входа в палатку, освещаемый светом ламп.

— Трофей, что с вами?

Кир подошёл ко мне, как только наших лошадей увели, положил руки на мои плечи и повёл в спальню. Я заковыляла вперёд, ведомая его тёплыми руками. Он усадил меня на кровать.

Я услышала, как Кир зашептался о чем-то с Маркусом.

— Я приготовлю каваджа, — спокойно произнёс Маркус. — Может, немного хлеба.

Я выдавила из себя улыбку. Очевидно, Анна не единственная, кто заедает боль едой.

— Нет, — ответил Кир. Он опустил на колени передо мной и снял ярко-красный туфель нежным прикосновением.

— Нам просто нужно поспать, Маркус. Ты тоже ложись.

Маркус с сомнением посмотрел на Кира, но ушёл. Кир снял второй туфель, и я подняла голову.

— Почему он это сделал? Почему он их сжёт? — промолвила я.

Кир замер и посмотрел на меня.

— Это всего лишь заметки, наблюдения. Просто каракули... — Меня захлестнула невыносимая боль.

Кир фыркнул. Я посмотрела на него в удивлении.

— Тебя пытались убить на рынке, дважды оскорбили, а ты беспокоишься о потере каких-то бумажек, — произнёс он и резко поднялся.

Меня охватил гнев.

— Может быть, это и бумажки, но они были важны для меня.

Кир поднял бровь.

— Именно поэтому их и сожгли.

Я обмякла. Усталость накрыла меня точно приливная волна.

Кир сел рядом со мной на кровать и снял сапоги. Затем принялся за доспехи, медленно удаляя каждую пластину и кладя их на скамейку. Собрав всю силу воли в кулак, я встала и прошла ванную, чтобы снять платье. Я попыталась аккуратно свернуть его, но материал выскользнул из рук, и одеяние каждый раз падало на пол. Усталая, разбитая и

расстроенная, я, наконец, сдалась и оставила наряд лежать на одной из скамеек. Для меня приготовили тунику и штаны, и я облачилась в них для сна. Постирала нательное белье и быстро умылась. Мои волосы спутались после подъёма на башню и поездки, поэтому я взяла гребень и вернулась в спальню, чтобы попытаться хоть как-то разобраться со спутанной массой.

Кир проскользнул в уборную сразу же после моего ухода, и я услышала плеск воды. Я попыталась провести гребёнку по волосам. Было больно, но не так сильно как от мысли, что все мои работы сожжены, а травы и смеси уничтожены. Нет ни малейшего смысла разрушать кладовую. Зачем он это сделал? Как можно было подумать, что Анна попытается меня отравить? Смешно до нелепости. И Ксиманд не нанял бы наёмников, чтобы расторгнуть мир. Голова распухла от всех этих мыслей, и я выдернула клочок волос и стала разбирать путаницу с удвоенной силой.

Кровать провисла, а гребень исчез из моих рук. Кир придвинулся ко мне, обнял и крепко прижал к себе. Я опустила голову, смущаясь, как хорошо бывает, когда тебя обнимают. Странно, что меня держат вот так, обнимают столь сильно. И как же быстро его прикосновения стали привычными и такими желанными. Мы сидели так очень долго, а затем Кир одной рукой рассыпал волосы по моей шее и уткнулся носом в затылок. Его тёплое дыхание защекотало волоски, и я вздрогнула, испытывая неловкость и волнение. Кир провёл руками по плечам и опустил к запястьям.

Он взял мою правую ладонь и стал массировать её, медленно проводя по каждому пальцу и двигая кончиками пальцев по моей ладони. Я ощущала кожей его мозоли от мечей. Кир поднёс губы к моему уху и заговорил:

— Меня учили, что в нашем теле находятся все элементы. В плоти, дыхании, душе и крови, — еле слышно прошептал он, касаясь большого пальца. — Иногда элементы внутри нас теряют гармонию, и нам нужно чужое прикосновение, чтобы придти в норму, вернуть утраченное равновесие.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он продолжил гладить меня, потирая ногти и разминая суставы. Я ощутила тёплое покалывание в центре ладони.

Вздыхнув, я прислонилась к груди Кира, и медленными, выверенными движениями он стал массировать мою левую ладонь.

— Душа сотворена из огня и расположена в левой руке.

Он повторил свои действия, и я наслаждалась его прикосновениями в полной тишине.

— Дыхание сотворено из воздуха и расположено в правой руке, — продолжил Кир, пока не закололо и эту руку.

Я почувствовала, что моё сердце успокоилось, и я дышу в унисон с Киром. Я ощущала его тепло даже через тунику.

— Мир устоит, Лара. — Он взял мои руки и сплёл наши пальцы, образуя кулак. — Вместе, наши народы станут сильнее. Объединённые в одно целое, под единым правлением.

— Твоим правлением, — прошептала я.

Кир аккуратно уложил меня на подушки и передвинулся на край кровати. Он взял мою левую ногу и начал её нежно растирать.

— Кровь сотворена из воды и находится в левой ноге.

Его слова напоминали своего рода ритуал, а прикосновения доставляли одно удовольствие. Я лежала очень тихо, растворившись в тепле и счастье.

— Ксиманд поклялся мне в верности. — Прикосновения Кира все ещё были нежны, но в голосе звучала резкость.

— Он повинуется.

Он согнул мою ногу и потянул все пальцы, стимулируя мышцы.

Из-за неги я не сразу собралась с мыслями.

— Ты намеренно спровоцировал его этим вечером.

— Да. — Кир выпустил мою ногу и занялся второй. — Намеренно. Его действия говорят больше, чем клятвы.

Он помассировал эту ногу, как и первую.

— Плоть сотворена из земли и находится в правой ноге.

Я перевела взгляд на него и улыбнулась, чувствуя себя защищённой от опасности и апатичной. Глаза Кира блестели. Он отпустил мою ногу и забрался на постель, чтобы лечь ко мне. Навис на секунду, посмотрел своим мерцающим взглядом. Я подняла голову в ожидании, надежде...

Кир тихо вздохнул и сел в изножье. Казалось, что я как-то его подвела, но я понятия не имела, что заставило меня так подумать. Я уставилась на его спину. Я должна была хоть как-то нарушить тишину.

— И Дерст?

Кир резко вскинул голову, вздохнул и покачал её, слегка развернувшись, чтобы взглянуть на меня.

— Ошибка. Я знал об этом даже в ту секунду как доставал меч.

Он встал с кровати. Маркус затопил жаровни перед уходом, и они излучали приятный жар. Кир подошёл к ним и бросил гроздь листьев в ближайшую. Пламя вспыхнуло, но быстро успокоилось. В воздухе повис мягкий пряный аромат. Удивительно, насколько шатёр теплее каменного замка.

Кир сел на одну из скамеек и достал бутылки и ткани из маленького сундучка под ней. Его меч стоял рядом. Кир взял его и, посмотрев на клинок с сожалением, начал вытирать мерцающий металл одной из тканей. Я повернулась на бок, понаблюдать, как он вытирает клинок с особым вниманием. Между нами воцарилась долгая тишина.

— Я прошу своих воинов изменить своё поведение, и все же в пылу гнева наношу удар, как велит наш обычай, — заговорил Кир.

У меня не нашлось ответа.

Он откинул в сторону ткань и стал водить по острию камнем, рождая нежный успокаивающий звук. Одна из бутылей была открыта, и я уловила слабый аромат гвоздичного масла. Я зевнула, наблюдая за действиями Кира в слабом свете.

— Спи, трофей. А я посижу немного и подумаю над своими ошибками, и какой урок из них можно извлечь.

Я вытянулась на кровати, не имея сил забраться под одеяла. Даже с помутневшим взглядом я видела тревогу на лице Кира.

— Он не умер.

Рука Кира замерла.

— Он жив?

— Озар сказал, что жив. По крайней мере, до того как мы пошли на кухни.

Я закрыла глаза и погрузилась в дрему.

Успокаивающий звук стал раздаваться в другую сторону.

— Вот как. Завтра все покажет. Я пошлю гонца или съезжу сам. А теперь спи. Я попыталась сопротивляться, но темнота сомкнулась надо мной.

Я закидываю ногу, но лошадь шарахается и кидается в сторону.

Я теряю равновесие и резко падаю на землю.

Копье пролетает над моей головой.

«Смерть!..»

Лидер так и не заканчивает своё предложение. Кир пробивает его защиту и вонзает меч в грудь молниеносным колющим движением. С ожесточённой быстротой Кир атакует второго врага.

Я вжимаюсь в стену, стараясь сидеть тише воды и ниже травы. Раздаётся Лишь лязг оружия, учащённое дыхание да скрип сапог при смене позиции.

«Проснись. Открой глаза».

Четыре оставшихся головореза переключают своё внимание без слов. У Преста теперь один противник. Двое теснят Кира. Рэйф тоже сражается против одного.

Прест ударяет своего врага щитом и таранит его достаточно сильно, чтобы тот потерял равновесие, и всаживает меч под ребра. Я жду, что Прест поможет Киру. Но он остаётся стоять на месте, осматривая улицу, с оружием наготове.

Киру не нужна помощь. Он предугадывает ходы своих противников и без труда блокирует удары. Нападающие тяжело дышат и медленно двигаются. Один из них делает ошибку, отстранившись, когда его напарник перемещается вперёд, и Кир не колеблется. Но соперник ждёт этого выпада, и через секунду Кир падает на мостовую с кровоточащей раной в груди.

«Проснись, трофей».

Я кричу и опускаюсь на колени. Я протягиваю руки, но кровь все льётся и льётся.

«Со мной все хорошо. Все хорошо. Проснись».

Кир поворачивает голову, глаза расширены, взгляд стекленеет. Я кричу, заливаюсь слезами, но никто не приходит на помощь. Везде только скорбь и смерть...

Я проснулась с криком, вся в холодном поту. Сердце бешено колотилось.

Кир прижал меня к себе. Как только зрение прояснилось, я смогла различить палатку и Маркуса, стоящего недалеко от края кровати, с маленькой лампой в руке. Вспыхнуло пламя, слабое и немощное, и по стенам шатра заплясали тени. Я развернулась и нащупала грудь Кира, чтобы проверить рану. Я должна остановить кровотечение. Богиня, пожалуйста, я должна...

Кир не разжал рук, но дал необходимое пространство. Мои руки безумно зашарили по его груди, упругой коже, старым и исцелённым шрамам. Проверив, я подняла взор.

— Была кровь, так много крови. Я не смогла её остановить.

— Это был ночной кошмар. Всего лишь ночной кошмар.

Сильные руки Кира обхватили меня, и я позволила себе это объятие. Я почувствовала, как Кир махнул Маркусу возвращаться в постель, и напряглась, как только свет отступил.

— Маркус, — тихо произнёс Кир. — Оставь лампу.

Свет остался, а Маркус ушёл. Мы сидели, обнявшись, пока не выровнялось дыхание и сердцебиение. Наконец я слегка отодвинулась, отбросила дрожащей рукой волосы с потного лба и хрипло рассмеялась.

— Прости. Глупо с моей стороны.

Кир уложил меня под меха, отказываясь отпустить.

— Совсем не глупо. Ночные кошмары весьма реальны.

Я положила голову на его плечо, ощущая тяжесть и усталость.

— Когда я была маленькой, Анна всегда была рядом, если мне снились страшные сны. Она обнимала меня, целовала в лобик и сидела рядом, пока я не засыпала.

Кир тихо засмеялся.

— Постарайся заснуть.

Он нежно поцеловал меня в лоб.

Успокоившись, я закрыла глаза.

Через какое-то время я проснулась, лёжа в темноте. Света хватало, чтобы увидеть, что Кир лежит рядом со мной на спине — чуть шевельнёшь пальцем и прикоснёшься. Я закрыла глаза и стала слушать его дыхание, упивалась чистейшим успокоением. Кошмар был так реален, так ужасен. Мне хотелось верить, что мои страхи связаны с вопросом мира между нашими народами, но я беспокоилась об одном мужчине.

Кир пробормотал что-то во сне и слегка сместился. Я открыла глаза и стала изучать его лицо, пытаюсь прикинуть возраст. Он не юнец, но остальное сказать сложно. Старше Ксиманда, но моложе Уоррена. Я зевнула, позволяя векам налиться тяжестью. Забота об изувеченных и больных пациентах не учит радости делить тепло под одним одеялом. Пока что это моя единственная обязанность как трофея.

* * *

— ГДЕ ЕГО СИМВОЛ?!

Я подскочила, придерживая одеяла, а Кир наполовину выскочил из кровати с мечом в

руке. С улицы доносилось множество голосов и ворчание, как будто кто-то переносил тяжёлый груз.

— МАРКУС! — раздался рёв. — ГДЕ ЭТОТ ДУРАК ВОЕНАЧАЛЬНИК?

Палатка тряслась до самого основания.

Не отпуская меч, Кир рухнул на кровать с перекошенным лицом.

— Должно быть, Симус узнал вести у Жодена.

— ТИШИНА!

Я снова подпрыгнула, теперь уже от ора Маркуса; его голос ничем не уступал по громогласности басу Симуса.

— Я не спал всю ночь и утро, а тут ты ещё вопишь!

Я покраснела и посмотрела на Кира.

— Сожалею о прошлой ночи.

Он повернул голову и хулигански улыбнулся.

— А я нет, ведь большую часть ночи ты провела в моих объятиях.

Моё лицо лишь сильнее залилось краской.

— Пропусти меня в шатёр и принеси символ, да проклянут его снега, — снова проревел Симус. — Я должен озвучить несколько истин.

Кир встал и крикнул в ответ:

— Ты много лет его не использовал, зачем теперь он тебе понадобился?

Кир схватил тунику и опоясал меч.

— Эй-эй! Осторожней, я раненый воин, а не дохлый олень!

В палатку попятился мужчина, неся на койке Симуса. Он лежал на животе, держась за бока. Его несли четверо мужчин, но казалось, они только мешали друг другу.

— Сюда, — направил Симус. — Опустите меня сюда.

Койка была брошена, и прежде чем Симус успел бы озвучить новую жалобу, носильщиков как ветром сдуло. Симус зарычал, поскольку лежал наполовину внутри, а наполовину снаружи; откинутый полог закрывал его поясницу.

— У тебя прошлым вечером все мозги в меч утекли?! — исподлобья посмотрел он на Кира.

Маркус появился с другого входа и с грохотом водрузил на стол кружки и кувшин с каваджем.

— Как я понимаю теперь ты захочешь поест, после того как распугал табуны своими криками?

— Мне понадобятся силы, чтобы вбить разум в одну голову. — Симус принял вид оскорблённого достоинства. Я вцепилась в одеяло и взъерошила волосы, стараясь истерично не рассмеяться.

Ворча и кудахча как старая курица, Маркус повернулся уйти.

— Тело не сможет получить отдых, если всю ночь будут кричать и плакать, — озвучил он напоследок и вышел из палатки.

Кир налил каваджа и передал кружку Симусу.

— У меня было веское основание...

— Распороть брюхо одному из них? В тронном зале? — Симус закатил глаза. — И дай угадаю, ты ещё оскорбил их слабую пародию на короля?

Я нахмурилась, и Симус впился в меня взглядом.

— Я озвучиваю истины, трофей, и уж извини, что я не боюсь твоего клиночка.

— Как твоя нога, Симус? — многозначительно спросил Кир, вручая мне полную кружку.

Симус пропустил вопрос мимо ушей.

— И что же тебя толкнуло так поступить, о великий военачальник Равнин? За что ты бросался камнями в озабоченных эхатов?

Я нахмурила брови. Что такое «эхат»?

— Мужчина оскорбил военный трофей. Он назвал её шляхой, — ответил Кир, используя в конце слово ксиан.

— Как? — Маркус принёс еду. — Что это такое?

Я сделала большой глоток каваджа, пока Кир объяснял значение слова. Почему у них нет подобного понятия? Что это означает для их людей? Они могут возлежать с кем пожелают? Это казалось таким варварским.

— Они продают своё тело? — Маркусу поплохело, и он отошёл от стола, бормоча, что ему нужно искупаться.

Симус ничего не ответил, просто глотнул каваджа.

Кир вздохнул и сел на ближайший к Симусу угол кровати.

— Я знал, что совершил ошибку даже в ту секунду, когда доставал меч.

Симус хранил молчание.

— Как я могу просить, чтобы мои воины изменили свой образ жизни, когда я сам не смог измениться в тот миг? — Кир провёл рукой по волосам.

— Об изменениях легко говорить, но сложно исполнить. — Голос Симуса затих, взгляд стал серьёзным. — Конечно, ты скажешь правду.

Маркус вошёл с двумя вёдрами и исчез в уборной.

— Ты скажешь, что сожалеешь о его смерти, но все должны извлечь урок из этого инцидента.

— Он не мёртв, — вмешалась я. — По последним известиям он был все ещё жив.

— Он жив? — переспросил Симус, скользя взглядом к Киру. — Теряешь хватку?

Крик возмущения заполнил палатку. Я вцепилась в одеяло, Кир схватил меч, Симус сжал два кинжала, которые появились из ниоткуда. Я покосилась на вход в уборную и увидела, что Маркус стоит в комнате, размахивая моим женским бельём в кулаке и тряся им в воздухе.

— Откуда это?!..

Я вскочила с кровати и потянулась за бельём, но этот коренастый воин в шрамах увернулся.

— Это моё! — Я предприняла ещё одну попытку, бегая вокруг кровати. Симус взорвался хохотом, а Кир отошёл в сторону.

Маркус снова отпрыгнул.

— Военный трофей не смеет ничего принимать, кроме как из рук военачальника! — Его лицо стало ярко-красным, а рубцы страшно побелели.

— Отдай! — Я сделала ещё один выпад и на этот раз исхитрилась вырвать ткань из рук. Раскрасневшись и задыхаясь, я спрятала белье за спиной и столкнулась с Маркусом нос к носу. — Не твоё дело...

— Кроме как из рук военачальника! — закричал Маркус, плюясь слюной.

— Ты брэгнект! Я купила белье на его деньги!

Маркус заморгал. Очевидно, это было самым страшным ругательством в их языке, так

как Маркус просто лишился дара речи. Однако молчал он недолго.

— Ну, стоило попросить Вашество или меня.

Я закатила глаза, просто представляя, какой бы вышел разговор.

— Очевидно, что и о платье она не удосужилась нам сказать.

На этот раз дара речи лишилась уже я. Голос у Кира оставался спокойным, а вот взгляд был колючим. Симус принял нейтралитет: убрал кинжалы и вернулся к кружке с каваджем.

— Скажи нам, трофей. Скажи, о чем умолчала вчера.

Маркус нахмурился, мечась глазами между нами.

— Платье? Что было не так с платьем?

— У нас нет такой ткани как ваша, с такими яркими, интенсивными цветами... — Я нервно запустила свободную руку в волосы, отводя их назад.

Маркус фыркнул.

— Платья горожан тусклые и скучные. Они в них как скучные серые гуси. Ходят вразвалочку, да гогочат...

Кир сел за стол и наполнил тарелку едой.

— Они повели себя так, словно я клеймил тебя, как-то отметил. — Он наклонил голову. — Я прав?

Маркус фыркнул, поворачиваясь к Киру. Я воспользовалась возможностью, чтобы спрятать белье под подушку.

— Это прекрасное платье цвета пламени, подчёркивающее её красоту. В чем проблема?

— Для нас это честь. — Кир пронзил меня взглядом. — А для вас?

Я тяжело вздохнула.

— В городе Водопадов такой цвет носят только шлюхи.

Бровь Маркуса подскочила вверх. Он поглядел на Кира и только потом перевёл взгляд на меня.

— Шлюхи? Это оскорбление?

Я кивнула. Уперев руки в бока, Маркус повернулся к Киру.

— Вы это слышали? Хвала небесам у нас нет подобного слова. — Он воздел руки. — План никогда не сработает. Мы не можем надеяться объединить наши жизни...

Кир хлопнул по столу открытой ладонью, грохоча тарелками. Мы с Маркусом оба подпрыгнули.

— Сработает, — мрачно и решительно выпрямился Кир. — Я сотку новый узор между нашими народами. — Он посмотрел на Симуса. — Свою ошибку использую в качестве примера.

Его глаза сверкнули в сторону Маркуса, который стоял, излучая неодобрение.

— Мы узнаем о наших различиях, зададим вопросы при необходимости. — Теперь он перевёл взгляд на меня. — И высказываться все должны свободно, без страха.

Я покраснела и отвела взгляд.

— Меня все поняли?

Симус и Маркус склонили головы.

— Да, военачальник.

Прикусив губу, я сделала тоже.

Кир сел на место и взял хлеба.

— Симус, прикажу отнести тебя обратно в твою палатку. Маркус, подогрей каваджа.

Маркус ушёл. Кир на меня не смотрел.

— Если хочешь искупаться перед завтраком, то ступай.

Я убежала в уборную.

К тому моменту как я вышла из ванной, Кир и Симус уже ушли. Маркуса тоже не было в столовой, но я слышала, как он грохочет посудой за стенами шатра. Я порылась в седельных сумках и капнула ванильное масло себе на шею. Закрыла глаза и глубоко вздохнула тёплым ароматом. На мгновение я вернулась в детство, на кухню Анны, услышала её смех и звон ключей, ощутила присутствие любимых людей. С плеч упал тяжёлый груз. Я сделала несколько глубоких вдохов и села за стол.

Вошёл Маркус и поставил передо мной дымящуюся тарелку.

— Военачальник ушёл отправить посланника в замок. — После секундного колебания он налил кавадж в мою кружку. — Я не хотел вас обидеть, военный трофей.

Я озадаченно посмотрела на него.

— Платье. Я не хотел вас оскорбить.

Я уставилась в тарелку.

— Я должна была сказать, Маркус. Но ты так гордился, что нашёл такое платье. Я просто не смогла...

Он покачал головой и поморщился.

— Не в первый раз страдает моя гордость и не в последний.

— Маркус... — Я размазала еду на тарелке. — Маркус, ты поддерживаешь Кира в вопросе мира? А армия?

— Мы знаем лишь сражения и набеги. Завоевать и удержать земли, смешать обычаи — новая идея. Мечта Вашества. — Взгляд Маркуса покрылся пеленой, пальцы забарабанили по кувшину. — Все знали о его планах и последовали за ним, прекрасно понимая, но знать и делать — это не одно и, то же.

Он посмотрел на меня и сморщил нос.

— Вашество держит узды, но кто-нибудь всегда будет критиковать дорогу. Ифтен с удовольствием посмотрит, как Вашество упадёт с лошади.

Маркус резко осел на один из пней.

— И тут появились вы.

— Я?

— Да. Трофей должен быть доставлен в Сердце Равнин. Это целый месяц пути с началом снегов. А вы за всю свою жизнь и дня не прожили вне каменных стен. — Маркус покачал головой. — Вашество — хороший лидер, ему можно доверить жизнь, но риски этого пути намного выше, чем в сражении. Я прошёл с ним всю войну, и неужели откажусь следовать дальше?

— Но ты не веришь, что он одержит успех, — выдохнула я с замиранием сердца.

Маркус тут же встал, хмурясь на меня.

— Вам стоит проведать Атиру. Ешьте, скоро явятся Рэйф и Прест, а у вас тарелка ещё полная.

Как я ни старалась, мне не удалось узнать большего.

* * *

С помощью Гила утро пролетело быстро: мы занимались купанием, перевязкой и всем

остальным. Я была поражена, как Гил схватывал все на лету. Он цитировал мои речи слово в слово, но даже с такой памятью требовалась практика. Одно дело рассказать, а другое — прочистить рану. Тут у вас живой пациент, который ёрзает и жалуется на боль. В середине работы я услышала шум на улице — кто-то что-то мастерил. Я оглянулись, но Рэйф и Прест не выказали признаков беспокойства, поэтому я решила не обращать на шум внимания.

Мои пациенты хорошо выздоравливали; фактически остались только двое, включая Атиру. Она тоже уверенно шла на поправку, несмотря на ощутимый дискомфорт, когда я скорректировала оказываемое на ногу давление. Казалось, боль стихла, как только Атира улеглась, а оружие заняло своё надлежащее место. В тайне я признала, что отсутствие одежды на больном экономит время, но эту идею я не стану озвучивать перед своими пациентами ксианами.

Эта мысль сбила меня с рабочего настроения. Я растворилась в успокаивающей рутине заботы о людях, забыв, что никогда больше не буду лечить ксиан. Волна ностальгии настигла меня, и пришлось прикусить губу, чтобы не заплакать. Я чувствовала себя потерянной, одинокой и...

Я вырвала грустные мысли из сердца и сконцентрировалась на работе.

Я отчаянно хотела расспросить Атиру о Сердце Равнин и её жизни там и, что она думала о планах военачальника, но она планировала узор и водила камни по дощечке. Кроме того, мы были здесь не одни. Я боялась, что Маркус прав и планы Кира объединить наши народы и, изучить чужой образ жизни обречены на провал с самого начала. Что будет с Киром, если он потерпит неудачу? Что будет со мной? Я покраснела, чувствуя себя дурочкой. Я спрошу позже, когда Гил уйдёт и все заснут. Я попрошу символ Атиры.

Как только все устроились, я достала «Эпопею Ксайсона». Мне удалось утаить её от Маркуса и незаметно пронести в палатку исцеления.

— У меня для вас сюрприз. — Я с улыбкой открыла фолиант. — Я хотела бы прочитать вам эту книгу. Это история моего предка...

Раздался грохот. Я в испуге подняла голову. Гил уронил кувшин. Все уставились на меня в недоумении. С широко-раскрытыми глазами побледневшая Атира приподнялась на локтях.

— Трофей, вы храните свои песни на бумаге?

Я кивнула и развернула книгу, чтобы все смогли разглядеть письмена.

Гил тщательно их осмотрел. Напряжённо вглядываясь в буквы, подошёл пациент. Даже Рэйф и Прест оставили свои посты.

— Я слышал о таком, но небо мне свидетель, я думал, что это сказки для детей. — Рэйф нахмурился. — Как метки могут содержать ваши песни?

— Послушайте. — Возложив том на колени, я зачитала вслух: — Внемлите легенде о Ксайсоне, короле воинов, и его победе над варварами южных земель. Ксайсон, стройный и сильный как скала, десять лет правил своим народом, как пришли варвары и стали грабить деревни, держать в страхе людей... — Я внезапно осеклась. Только сейчас пришло в голову, что варвары из легенды могли быть людьми Кира.

Прест фыркнул.

— Сколько лет? — спросил он, указывая на книгу.

— Истории почти четыре века. Ксайсон — мой прапрадедушка девять поколений назад.

Прест выглядел впечатленным. Атира опустила на простыни.

— Какая древняя песня. Ты оказала нам честь, трофей.

— Не спешите так. — Я улыбнулась присутствующим, которые расселились вокруг

меня. — Вы ещё не все услышали.

Я читала им около получаса. Моя публика ловила каждое слово, даже если речь шла о численности войск, амуниции или назначении лорда.

И хотя эпопея была скучнее некуда, чтение подтолкнуло меня выучить новые слова при переводе. Рэйф и Прест вернулись на свой пост у входа, но когда я заметила, что они напряглись, силясь расслышать рассказ, стала читать чуть громче. Наконец я остановилась и закрыла книгу. Полная тишина. Атира откашлялась:

— Трофей, я не знаю, что велят ваши традиции, но мы обычно благодарим певца.

— «Спасибо» будет достаточно. — Я встала и от души потянулась. — Я рада поделиться с вами этой историей. Но сейчас я голодна. Обед скоро?

Гил вскочил с места.

— Я мигом. — Он бросился бежать и столкнулся с кем-то у входа. — Извините, военачальник!

— Смотри, куда идёшь, мальчик, — раздался сердитый ответ. Рэйф и Прест выпрямились, поскольку в палатку вошёл Кир. Его лицо не излучало гнев, который он продемонстрировал этим утром.

— Как продвигается... — Кир увидел книгу у меня в руках и встал как вкопанный.

Пришло время сознаваться.

— Я купила её вчера на твои деньги. — Я нервно провела рукой по обложке. — Это старинная история под названием «Эпопея Ксайсона». Я надеялась отвлечь...

— Ты читаешь моим людям? — В его вопросе слышалось неприкрытое удивление.

Я кивнула.

— Я ещё купила букварь. Это учебник по чтению. Так я смогу научить Ги́ла читать мою книгу по травам. — Я рискнула посмотреть Киру в глаза.

Он выглядел очень удовлетворённым.

— Ты согласна учить его? — Он прошёл и посмотрел на Атиру. — А её ты научишь?

— Да, — кивнула я. — Если она пожелает.

Глаза Атиры стали ещё шире.

— Военачальник, по вашему приказанию я буду стараться изо всех сил.

Кир сузил глаза и кивнул.

— Это всё о чем я прошу, воин. Научиться читать не так легко как объехать лошадь, но твоё старание польстит мне.

Она кивнула, принимая напутствие.

Кир выгнул бровь.

— Я объявил о проведении узорных танцев завтра ночью.

Лицо Атиры прояснилось, но лишь на секунду.

— Я пропущу танец, но люди соткут мой узор. — Гордость смешалась с разочарованием.

Кир улыбнулся.

— Если Симуса смогли принести на сенель, то почему тебя не могут?

Я нахмурилась, заметив, что Кир наблюдает за мной, пристально смотря на лицо.

— Объясни ей, воин. Скажи ей, почему это так важно для вас.

— Трофей, создать узор — большая честь. — Мольба сквозила не только в голосе Атиры, но и взгляде. — И не увидеть, как соткут мой первый узор, все равно, что получить удар кинжалом вот сюда. — Она положила руку на сердце.

— Кожа высохла и огрубела. Если мы будем осторожны, и ты поклянешься не двигаться, я разрешу...

— Я клянусь, клянусь, трофей.

Атира была такой серьёзной и пылкой, что я даже улыбнулась.

— Тогда договорились, если здесь все в порядке, я хочу тебе кое-что показать. — Кир потянул меня за рукав к выходу. Прест и Рэйф улыбнулись во все зубы.

Я прищурила глаза.

— Что происходит?

— Ничего, — ответили они в унисон. Видимо, я даже не постаралась скрыть скептицизм, потому что все рассмеялись.

День выдался пасмурным и обещал дождь. Кир положил руки мне на плечи и повернул за угол палатки. Прест и Рэйф шли немного впереди.

Моему взору предстала вторая палатка, поменьше — видимо её установили совсем недавно. Я перевела взгляд на улыбающегося Кира. Прест и Рэйф встали у входа.

— Это для тебя! — крикнул Рэйф, откидывая полог. Кир подтолкнул меня, и я вошла в палатку. Остальные последовали за нами.

Я застыла, поражённая увиденным.

Здесь было все, о чем я просила, в достаточном количестве, всё, о чем можно было мечтать и...

Оборудованная кладовая. Я прошла внутрь, открыв глаза от удивления. На трех столах стояли колбы и чаши, ступки и пестики, небольшие жаровни, банки и склянки. Я повернулась и посмотрела на Кира. Он улыбался, смотря на меня в ответ. Прест и Рэйф рассмеялись.

— Когда ты успел?

Кир усмехнулся.

— Вчера вечером и этим утром. Когда ты рассказала мне о «кладовой» и что в ней должно храниться, я отправил Сэл к твоему другу Ремну. Они собрали все, что я пожелал, и было необходимо. Теперь у тебя есть... «кладовая палатка»? — Он посмотрел по сторонам, и его улыбка потухла. — Я забыл... эти вещи такие хрупкие. Надо будет придумать, как их перевезти. — Он в задумчивости зашагал по крохотному тенту. — Я поговорю с Сэл. Посмотрим, что она сообразит.

Меня перехлестнули противоречивые эмоции. Радость от подарка. Страх перед предстоящим отъездом. Я положила дрожащую руку на ладонь Кира.

— Спасибо.

Он улыбнулся мне.

— Я помог бы, но на обед приехал Уоррен со своими людьми. Он отправил гонца, подтвердить что явится, и передал, что целитель Эльн всё ещё борется за жизнь Дерста.

Я позабыла, что нужно дышать.

— Эльн очень талантлив. Я была его ученицей.

Кир поднял голову.

— Это он вытащил иглы дикобраза?

Я улыбнулась

— Да, и это тоже.

Кир приподнял подбородок.

— Мы поговорим о сражениях, будем бахвалиться нашей храбростью. Присоединишься

к нам? — В его глазах зажглись искорки смеха

Я осмотрелась.

— Здесь так много работы. Ты не возражаешь?

— Нет. — У него дёрнулись губы. — И все же ты пропустишь триумф Симуса, множество еды и питья и рассказы о его мастерстве. — Кир покачал головой. — Прест и Рэйф попросились присутствовать. Я пошлю кого-нибудь им на замену.

Я пожала плечами и улыбнулась.

— Со мной ничего не случится.

Кир нахмурился.

— Нет. Я назначу замену. Еду распорядюсь принести сюда. — Он коснулся рукой моего лица и поцеловал. Его губы словно не желали покидать меня.

— Я буду думать о тебе. — Он заговорил тише: — И об этом утре. — Наклонился вперёд и прошептал мне на ухо: — И о сегодняшнем вечере.

Он выпрямился и улыбнулся, увидев румянец на моем лице.

— Возможно, тебе и сегодня приснятся кошмары? — Он вышел из палатки, тихо посмеиваясь.

Я с головой окунулась в работу, стараясь отвлечься. Прест и Рэйф помогали мне расставить все по столам. Потребовалась время, чтобы все отсортировать и разобрать тяжёлые ящики.

Наконец не осталось ни одного непроверенного ящика, но все-таки Прест нашёл. Крышка не захотела поддаваться. Прест и Рэйф вцепились в неё, но тут снаружи палатки раздались приветственные возгласы — прибыла смена. Последним рывком Прест смог сдвинуть крышку, и ребята вскочили на ноги, стремясь уйти.

Рэйф привёл новых стражников.

— Трофей, это Эпор и Айсдра. Они будут охранять вас в наше отсутствие.

Прест и Рэйф повернулись и ушли. Я поблагодарила их напоследок.

Я улыбнулась пожилому мужчине и женщине — мы с ними уже виделись в замке. Я запомнила ярко-золотые волосы и бороду мужчины, сияющие точно солнце. У него была простая тёплая улыбку и мощное телосложение, как на изображениях бога солнца в храме. По морщинкам в уголках глаз и небольшой седине на висках я поняла, что он старше большинства жителей огненной земли, с которыми мне довелось встретиться. Да и оружие у него отличалось: за его спиной висела продолговатая палица, конец которой торчал точно рукояти клинков Кира.

Эпор улыбнулся в ответ и кивнул.

— Я Эпор, трофей. Это Айсдра. Сообщите нам, нужна ли вам помощь. Мы будем снаружи, если мы вам понадобится... если Айсдра прекратит разевать рот.

У Айсдры (она уступала Эпору в комплекции, но не в росте) была длинная, свисавшая вдоль спины коса седых волос, желтоватый оттенок кожи и странно скошенные глаза. На спине у неё висел щит, а на поясе меч с кинжалом.

Айсдра с любопытством осматривала все вещи в палатке. Она показалась мне немного рассеянной, но услышав фразу Эпора, дёрнула голову, перекидывая косу, и гневно сверкнула на Эпора серыми глазами. Тот же просто рассмеялся и вывел Айсдру за косу из палатки. Я заметила у пары металлическую проволоку, тянущуюся вдоль раковины левого уха. Она заблестела на свету, когда Айсдра повернула голову. Нужно спросить у Атиры, что означает это украшение.

Я понаблюдала, как Эпор и Айсдра занимают места у входа. Мне все ещё казалось непривычным видеть женщин в броне и при оружии, которое они носили не для декоративных целей. Все здешние женщины были так сильны, уверены в своих возможностях и безопасности положения. Я завидовала им в какой-то степени: они свободно владели тем, за что мне пришлось тяжело бороться.

Я вернулась к работе и сняла крышку с последнего ящика.

Я села... резко... и не поверила своим глазам.

Ящик был доверху полон бумагой, чернилами и пустыми журналами.

Через один чудесно-ужасный момент я поняла, что потеряна навсегда. Кир, военачальник, взял меня, потребовал, сделал своим военным трофеем. Но в какой-то момент, каким-то образом, он нашёл путь к моему сердцу.

Как это произошло? Я отдалась на милость варвара, сумасшедшего военачальника-грабителя, ожидая от него лишь надругательство и бесчестие. Но этот человек дал мне, его собственности, только доброту и уважение. Я знала, что это его подарок: я не говорила Сэл о бумаге или чернилах, да она и не поняла бы их важности.

Неужели я ему так дорога, что он обратил внимание на такую крошечную деталь?

Он хотел, чтобы я была счастлива?

Я прижала один из журналов к груди; меня переполняли эмоции. Радость и смятение вступили в схватку. В горле пересохло, и я закрыла глаза. Что произойдёт, когда мы вернёмся к нему на родину? У такого воина как Кир есть другие... завоевания. По крайней мере, пять. Это я знаю наверняка. Я представила, как он обнимает другую, и мне стало дурно. Не в силах справиться с болезненным бессильем, я закрыла глаза.

* * *

Кир проводит пальцами по моим волосам, рассыпая их по меху. Глаза вспыхивают, синим блеском.

«Хочешь узнать главный плюс в положении военачальника?»

Я просто поднимаю взгляд и киваю. Кир усмехается.

«Я всегда получаю то, что хочу».

* * *

Я уронила голову. Боль рвала мою душу на части. Богиня, позволь ему хотеть меня. Позволь ему хотеть меня вечно.

Хватит. Я выпрямилась и смахнула слезы рукавом. Меня ещё ждёт работа.

Я вернулась в палатку исцеления, чтобы проверить своих пациентов. Мужчина выглядел хорошо и дремал после еды. Тем не менее, Атира не спала и махнула рукой подойти, когда заметила меня. Я отослала Гила, так как знала, что его ждёт другая работа, и поспешила подсесть к Атире.

— Трофей! — Атира выглядела очень обеспокоенной. — Трофей, я могу взять ваш символ?

Она выглядела тревожной и взволнованной.

Я достала камень и вручила ей.

— Ты держишь мой символ, Атира. Какие истины ты выскажешь?

Она смотрела на меня, но все равно колебалась.

— По лагерю прошёл один слух о вас, и я захотела узнать правду. И если это действительно правда подтвердите её.

Я задумалась на минуту.

— Слух? Обо мне?

— О ваших людях. — Она кивнула. — И вас.

Она потёрла камень между пальцами.

— Правда ли, что вы нетронуты? И ваши люди не возлегают друг с другом, пока не связаны супружеским долгом?

Я отскочила от неё как ошпаренная. Сознательно или нет, Атира сделала то же самое, продолжая крепко сжимать символ и держа его между нами. Мне потребовалась минута, чтобы собраться с мыслями.

— Атира, кто сказал тебе...

— О Небеса, это правда, — прошептала она, уставившись на меня в неопишемом ужасе. — Вы слепы в молодости и спите только с вашими избранниками?

Мне удалось кивнуть. Лицо опалило таким жаром, что стало дурно.

— Но тогда кто вас учит? Кто наставляет?... — Она замолкла, стоило ей взглянуть в мои глаза. — Никто? Вы сами должны с этим разбираться?

Атира молча, рухнула на койку.

Я закрыла глаза и прижала пальцы к щекам, пытаюсь их охладить.

— Никто мне ничего не говорил, трофей. Я подслушала рассказы ваших людей, слова военачальника о желании следовать вашим обычаям, и высказала предположение. И всё-таки я скажу: это безсловесство. Такое безсловесство, трофей.

Я озадаченно посмотрела на неё.

— Что значит это слово? «Безсловесство»?

— Тупо. Глупо. Невежественно. — Её сердитые глаза с яростью смотрели на меня. — У нас есть инициаторы. Учителя. Как Жоден. Он был бы отличным выбором. Вам стоит попросить его.

В этот момент она была похожа на родителя, рекомендующего ребёнку учителя.

Я пыталась подобрать слова, но слезы и смех сдавили мне горло:

— Атира, мы верим, что пара должна быть связана узами... быть нетронутой... и учиться вместе.

Она покачала головой и подняла символ.

— Военачальник сказал изучать и уважать чужой образ жизни. Но такой обычай варварский и глупый.

С хмурым взглядом она протянула мне символ.

Я взяла камень.

— Я благодарю тебя за твою истину, Атира. Ты права, наши обычаи очень сильно различаются.

— Я прошу обдумать мои слова, трофей. Кир опытен, но он не инициатор. У вас нет тхиэ, чтобы посоветовать в выборе, но хорошенько подумайте и приходите ко мне. Мы всё обсудим. Обещаю, данный разговор останется только между нами.

Я сбежала в кладовую, чтобы окупаться с головой в безумство знакомого.

Как и всегда, я полностью погрузилась в работу. Вскорости у меня на столе кипели и булькали различные горшочки. Двойная порция лекарства от лихорадки охлаждалась во флягах на дальнем столе. В углу вымачивался кувшин с отваром из шиповника. На всех столешницах была разбросана бумага, так как я пыталась восстановить рецепты различных бальзамов и лосьонов, которые делала уже не один год. Я не обладала феноменальной памятью, так что процесс шёл со скрипом. Проще начать смешивать ингредиенты, и мой нос вспомнит нужные запахи. По крайней мере, я надеялась.

Я также надеялась, что не сходящий с моих щёк румянец вызван работой, а не разговором. Дражайшая Богиня, инициаторы? Ко мне могут обратиться с просьбой понести пять детей? И что, если мы с Киrom не сможем зачать стольких детей? Меня заставят уйти в «услужение» другому?

У входа раздался шум, я подняла голову и увидела Маркуса, укутывавшегося в плащ, с большой корзиной в руке. Он уставился на меня своим глазом.

— Вашество так и думал. Уже за полдень, а вы даже обедать и не собирались. — Маркус зацокал, посмотрев на моё лицо. — Да, заработались, как я и ожидал. Хорошо, что хоть у кого-то из нас есть здравый смысл, которые элементарно дарят всем живым существам.

Он осмотрелся.

— Уже? А пространство для еды или питья не выделили?

Я рассмеялась, и мы вытащили несколько ящиков, чтобы сесть. Маркус достал из корзины тарелки и флягу. Ощувив внезапный приступ голода, я накинулась на еду. Маркус же стал расхаживать по палатке и нюхать мои смеси.

— Уоррен все ещё здесь? — спросила я, набив рот едой.

— Да. — Маркус вдохнул лекарство от лихорадки. — Они хлещут кавадж и травят военные байки. — Он закатил глаз. — По звукам можно подумать, что они решили пережить бои заново.

— Маркус?

— Да? — откликнулся он, продолжая расхаживать вокруг.

Я откашлялась.

— Что с тобой произошло?

Он резко развернулся и уставился на меня. Я уж было думала, что оскорбила его, но он только фыркнул одно слово:

— Целители.

И тихонько засмеялся про себя.

— Так и думал, что вы спросите. — Он достал ящик и сел. — Ладно, у меня совершенно простая история. Вы когда-нибудь слышали о воспламеняющемся дёгте?

Он показал мне жестом продолжать есть, так что я просто покачала головой.

— Ясно. — Он вздохнул — Противная вещь. Её бросают в противника. Это вещество загорается при запуске и убивает всё чего касается. — Он уставился на свои ноги. — Я был в подобном сражении, и мне хватило глупости высунуться, когда поблизости пролетала эта штука. Я задел лишь самый краешек, но и этого хватило с лихвой.

Он вздохнул.

— Субстанция покрыла меня и начала гореть. О, как она горела! Я мечтал умереть, но молодой воин, едва молоко на губах обсохло, не внял моим мольбам о милосердии.

Он посмотрел на меня с серьёзным взглядом.

— Вашество не сделал этого. Он не позволил мне умереть. Даже после боли и страха я

последовавшие дни, он не позволил мне умереть.

Маркус поднялся.

— Когда все закончилось, и я был излечен... моим боевым дням пришёл конец. С одним глазом я бы долго не продержался на поле боя.

Он сжал кулаки, затем прижал руки к голове и лицу.

— Горе от потери жжёт меня сильнее, чем тот огонь.

Его руки опустились, и единственный глаз уставился куда-то в отдаление.

— Вашество обругал меня за глупость и сделал своим символоносцем.

Маркус пожал плечами.

— С тех пор я у него на службе.

— Значит, он сделал то же самое, что и Жоден. — Я задумалась на мгновение. — Он был наказан?

Маркус рассмеялся над моими словами.

— Нет, трофей, не в том смысле, которое вы вкладываете в это слово. Я был простым воином, а не заместителем командующего. Конечно, к отказу Кира отнеслись не очень хорошо, и его действия вызвали много толков, но вы видели каков он в бою. Никто не посмел бросить ему вызов. Многие брали его символ и критиковали за нарушение традиции, но каждый раз он отвечал на истины.

Маркус встал и с головой укутался в плащ.

— Нет, с Жоденом всё по-другому. Из-за его отказа предоставить милосердие Симус попал в плен и от этого факта нельзя отмахнуться, трофей. Пока Кир поддерживает его, а Симус благодарен, будут большие проблемы с Советом старейшин. И возможно с Певцами.

— Как поступили целители...

Маркус поморщился.

— Я понятия не имею кто, что и как делал и не имею ни малейшего желания вспоминать детали. Это дела давно минувших дней, трофей. — Он впился в меня взглядом и указал на тарелку. — Ешьте. Я должен вернуться в шатёр и узнать нужно ли что-нибудь Вашеству.

Он ухмыльнулся и поднял бровь.

— Симус травит байки, а эти горожане верят каждому его слову. Я должен вернуться и заделать дыру в ведре, из которого льётся его самомнение.

Я захихикала, а Маркус покинул палатку.

Я поработала даже во время еды, кратко записывая все рецепты, которые только смогла вспомнить. Покончив с записями, я поставила горшки охлаждаться. Осталось время, чтобы дистиллировать лекарство от кашля (рецепт, к счастью вспомнился) если только смогу найти нужные ингредиенты в ящиках. Нужно проверить, не забыла ли я заказать мед. С ним лекарство будет вкуснее.

Внезапно на улице раздались мужские голоса и топот коней. Полог открылся, и в палатку вошла Айсдра.

— Трофей, там раненые.

— Раненые?! — Сняв последний горшок с жаровни, я вскочила с места, завязала волосы в узел и побежала.

В палатке толпились люди. Капитан разведчиков увидел меня и поспешил подойти.

— Трофей, у нас шесть раненых. Хуже всего выглядит воин с ранением в живот, мы положили его в дальней части. Остальные пострадали весьма незначительно, хотя у

некоторых весьма серьёзные ссадины и порезы. — Он глубоко вздохнул. — Я отправил гонца военачальнику.

Я кивнула, быстро подсчитывая. Первым делом нужно позаботиться о ранении в живот. Мы с Гилом собрали воду и ткань, и я отправила паренька справиться с более лёгкими случаями. Атира не спала, но только приподнялась на подушках — сильнее она двигаться не могла. Я отправилась в дальнюю часть палатки, опасаясь увидеть худшее.

Двое воинов стояли перед корчащимся на койке мужчиной. Один выглядел знакомо под шлемом, но моё внимание было устремлено только к раненому. Окровавленными руками мужчина сжимал рукоять кинжала, торчащего в паху. Кровь просачивалась между пальцами. Я проглотила ком в горле. Ох, Богиня, он плох.

Я опустила на колени у койки и поставила около себя воду и ткань.

— Я целитель, позвольте мне помочь вам. — Я потянулась, пытаюсь убрать руку с оружия и хорошенько рассмотреть рану. — Осторожно, осторожно.

Я убрала руки мужчины и стала ощупывать...

Не было никакой раны. Была кровь, но не рана. Проткнув броню, кинжал лёг плашмя. Я в удивлении подняла голову и узнала эти глаза.

— Арнит?!

Я отшатнулась в недоумении. В его глазах читалась не боль, а невиданная мною прежде ярость. Я не успела среагировать, как он кинулся на меня. Одной рукой он сжал моё горло, другой достал кинжал и повалил на землю, плюхаясь мне на живот и выбивая из лёгких воздух. Арнит усилил хватку, не давая мне и шанса сделать вдох.

Его напарники тоже пришли в действие. Краем глаза я заметила, что они достали оружие, закричали и бросились на раненых. Палатка потонула в криках и звуках борьбы.

Арнит поднял руку. В воздухе сверкнуло лезвие кинжала и резко опустилось ко мне. Я вцепилась обеими руками в запястье Арнита. Но он здоровый мужчина полный сил, и кинжал опускался к моему сердцу, медленно, но неотвратно. Арнит снова сжал мне горло, не давая ни вскрикнуть, ни вздохнуть. Его глаза сверкали безумной яростью.

— Умри, вражеская сука.

Собрав все силы, я попыталась отвести клинок. Острие ринулась вниз. Вспышка боли, и меня окутала тьма.

* * *

— Открой глаза, маленький целитель. — Шёпот звучал нежно, но настойчиво. Голос Симуса просачивался сквозь темноту и боль, мягкую и тихую, упрямо требуя ответа.

— Маленький целитель, открой глаза. Очнись ради меня.

Я стала поворачивать голову на звук, но остановилась, как только ощутила боль. Воздух, которым я дышала, был отравлен запахом крови и смерти.

— Хвала небесам. — Голос Симуса стал ещё настойчивее, и он прошептал: — Не двигайся, маленькая. Просто открой глаза и говори. Кир нуждается в тебе.

Кир нуждается во мне? Я подняла веки.

Кир стоял передо мной с мечами в руках. Он был забрызган кровью и стоял в боевой стойке, будто напротив врага.

— Наконец-то! — Голос Симуса, все ещё нежный и тихий, раздавался откуда-то со

стороны. Я медленно повернула голову и увидела его чёрное лицо на земле, под задней стенкой палатки. Черты его лица были напряжены, но он все-таки улыбнулся мне.

— Трофей, Кир бушует. Попытайся достучаться до него.

Я не видела и не могла сказать, что именно происходит. Я облизала губы и задохнулась от боли.

— Кир? — Голос звучал не громче шёпота, горло раздирала агония.

Кир лишь на секунду посмотрел на меня, а затем снова перевёл взгляд на вход в палатку, как будто наблюдая за врагом. Мечи были покрыты кровью.

— Продолжай пробовать, маленькая, — прошептал Симус. — Он не узнает нас и никого не впускает в палатку. Боевая ярость? Ты поняла?

Я слышала об этом. Кажется, в «Эпопее» кто-то страдал от этого недуга? Я заморгала в замешательстве.

В голосе Симуса снова послышалась тревога:

— Останься со мной, маленькая. Только не отключайся.

— Кир. — Я попыталась откашляться и заговорила немного громче: — Позволь им помочь. Они — друзья.

Он перевёл свой осторожный и подозрительный взгляд на меня, а затем отвернулся к стенам палатки. Я немного сместилась, пытаюсь получить лучший обзор, но совершила ошибку. Крик вырвался из моей груди, поскольку меня накрыла волна боли. Я не смогла сдвинуть плечо.

— Трофей? — Взволнованный тон Симуса ворвался в расплывшийся перед глазами серый мир.

Кир зарычал, один мечом указывая на Симуса, другим на вход. Снаружи толпились люди: я слышала их голоса. Стены палатки вибрировали от топота.

Я поборола страх и панику.

— Симус, скажи всем молчать и отойти от палатки.

Лицо Симуса исчезло, и на улице раздался ропот. Кир напрягся, мечи по-прежнему наготове, кровь катится по острию. Я отгородилась от увиденного и попыталась дышать размереннее. Кажется, тишина помогла, и Кир немного сменил позицию.

— Кир. — Я заговорила ещё громче: — Военачальник.

Его взгляд снова встретился с моим, но на сей раз, он казался более озадаченным, чем настороженным. Я слегка улыбнулась.

— Позволь Симусу войти.

Я закрыла глаза и вздохнула, преодолевая боль, боясь, что снова потеряю сознание.

— Симусу?! — грубо произнёс Кир, почти прорычав имя.

— Друзья. Полегче, Кир. Они помогут нам. Симус! — крикнула я. — Убери оружие и войди.

Я услышала шелест и движение снаружи. Симус, а может быть и не он, медленно разрезал заднюю стенку палатки. Кир развернулся, занимая место между мной и расширяющейся щелью.

Симус вполз на четвереньках, волоча за собой раненую ногу. Кир отслеживал каждое его движение кончиком меча. Оставаясь вне пределов его досягаемости, чёрный воин вжался в пол.

— Мой военачальник, враг убит, и все в безопасности. Каковы будут распоряжения?

Несколько секунд Кир не отрываясь, смотрел на Симуса, а затем медленно опустил

мечи.

— Симус? — Его голос звучал грубо и озадаченно.

— Что?..

Симус не поднял головы.

— Боевая ярость, военачальник.

Кир уже озирался, поворачивая во все стороны.

И тут его взгляд упал на меня.

— Небеса!

Сквозь туман я увидела, что он отбросил свои мечи и опустился на колени рядом со мной. Симус протянул руку и подвинул оружие к себе.

— Войдите и помогите ей! — зарычал Кир.

Я рассмеялась бы, но мне было ужасно больно.

Ко мне подбежал Гил. Жоден появился изниоткуда и оттащил от меня Кира.

— Позволь мальчику работать.

— Трофей, вы меня слышите?

Весь мир перед моими глазами окутала какая-то серость, но я смогла различить копну рыжих волос и тревожный взгляд. Гил отвернулся, а затем сунул что-то под нос. Глубокий вздох, и внезапно все стало ярким и резко различимым. Аромат измельчённых листьев, лежащий в руке Гила, очистил мой взор.

— Трофей. — Гил сглотнул и продолжил срывающимся голосом: — Кинжал прошёл через ваше плечо до самой рукояти. Сейчас вы прикованы к полу.

Он подавил всхлип.

— Крови очень много.

Ну это, конечно, объяснило некоторые вещи. Я задрожала на секунду, но не от холода. Перед глазами проплыла картина произошедшего.

— Что с остальными? — выдавила я из себя вопрос, несмотря на боль. — Атира?..

Кир заворчал.

— Ты пострадала сильнее всего, — тут же ответил мне Гил.

Симус кивнул.

— Скажи нам что делать.

— Переверните меня так, чтобы кинжал было хорошо видно. Внимательно очисти его и вытащи из моей руки. — Я сделала ещё один глубокий вздох. Аромат листьев продолжал действовать. — Гил, ты должен очистить и перевязать рану. Используй варёную скунсовую капусту; в палатке есть ещё немного.

По телу прошлась очередная дрожь. Казалось, что я веду занятие по лекарству, а сама нахожусь где-то далеко-далеко.

— Держи меня в тепле и следи за симптомами жара. — Туман вернулся, листья больше не могли отгонять боль. Я смогла лишь различить кивок Гила и его взволнованный взгляд.

— Ты справишься, — прошептала я. — Симус.

— Трофей. — Симус не шевелился вместе с Киром.

— Как только кинжал очистят, я хочу, чтобы ты его вытащил.

Кир начинал возражать, но я не позволила ему продолжить.

— Военачальник.

Я попыталась поднять руку. Кир встал на колени и взял мою обессилившую ладонь.

— Позволь им сделать то, что они должны.

Я посмотрела ему в глаза.

— Со мной всё будет хорошо.

Симус опустился на колени. Взяв все необходимое, Гил встал на колени рядом с ним. Они слегка меня сдвинули, и я задохнулась от боли. Сквозь туман я попыталась сфокусироваться на глазах Кира. Они были такими синими, такими испуганными.

Испуганными?

Удивившись, я открыла рот, чтобы спросить чего он так испугался, но в этот момент Симус вытащил кинжал из моего плеча. Боль нежно разрезала туман, окутывая всё темнотой.

Просьпаться не хотелось, ведь я парила в такой тёплой и успокаивающей темноте. Но уши болели от сердитого голоса, который не давал заснуть. Я распахнула глаза, только чтобы прищуриться от немилосердно яркого света. Кто-то продолжал зло кричать. Я снова опустила веки и прищурилась, пытаюсь привыкнуть к освещению.

Лежала я в постели Кира. Казалось, палатка горела до рези в глазах.

— Ах. Моя девочка. — Шёпот привлёк моё внимание.

— Эльн?

Я медленно повернула голову: шея не желала слушаться из-за боли. Эльн сидел на кровати рядом со мной, держа в руках маленькую чашу. Я озадаченно уставилась на него.

— Это я, дитя. — Он не стал говорить громко. — Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую? — Я не поняла вопроса, но ещё более смутилась гневной тирады, которая ни прекращалась, ни становилась спокойней. Я медленно повернула голову назад и обнаружила, что стена палатки между спальней и залом для заседаний свёрнута, и по освободившемуся пространству взад-вперёд расхаживает Кир. Всё ещё облачённый в чёрную кожу, с блестящими отражающими свет серебряными лентами на запястьях, он двигался по комнате точно кошка. Большая, сердитая кошка. За ним я видела множество макушек, заполнивших зал. Что-то было не так. Я села.

Точнее попыталась. Рука, на которую я захотела опереться не подчинилась, и я задохнулась от боли. И в этот момент вернулось воспоминание, подробности нападения накрыли меня словно водяной поток.

Кир тут же примчался к кровати. Он наполовину взобрался в центр и положил руку мне на грудь, не давая подняться.

— Ты проснулась. Трофей, как ты? — спросил он на моем языке.

Я откинулась на подушки.

— Кажется, рука вот-вот отвалится, — прохрипела я.

Кир втянул воздух сквозь зубы.

— Ничего не отвалится, — решительно ответил Эльн. Он нахмурился на меня и резко дёрнул головой, говоря не в самой вежливой манере, что нужно следить за языком. — Конечно, больно, но рана чистая и хорошо перевязана. На шее синяк, но это пустяки. Ты полностью поправишься.

Гил топтался позади Эльна, не находя себя места от беспокойства.

Эльн продолжил:

— Твой ученик справился, Лара.

Кир зарычал:

— А другие — нет.

Он вскочил на ноги.

— Присмотри за ней, — отрезал он, возобновляя своё шествие. Никто не смел шевельнуться.

Я растянулась на кровати, и Эльн наклонился проверить лоб. Гил стоял рядом, нервно наблюдая за нами.

— Эльн, как...

— Похищен из дома всадниками и брошен в седло, как мешок с провиантом, —

фыркнул Эльн, проверяя сердечный ритм. — Прошло немало времени, прежде чем нашёлся переводчик, который объяснил, что случилось.

— Сколько времени я пролежала без сознания? — прохрипела я. Гил перевёл взгляд с моего лица на Эльна и обратно.

— Не знаю. Ты была без сознания, когда я приехал, а пробыл я здесь лишь четверть часа, — проворчал Эльн.

Я повторила вопрос Гилу на его языке.

— Трофей, вы пролежали без сознания около часа. Я приложил все усилия, но сказал военачальнику послать за настоящим целителем из города, и я знал имя вашего учителя. — Его лицо было бледно под рыжими волосами. — Я сказал ему, что я ваш ученик.

Эльн поднял брови, услышав знакомое слово.

— Твой «ученик» прекрасно справился с перевязкой. Я проверил рану, и, кажется, швы нам не понадобятся. — Эльн наклонил голову к парню. — Можешь ему перевести.

Я так и сделала, и Гил рухнул рядом с кроватью. Казалось, он не выдержал тяжести своих страхов.

— Я так боялся, трофей, что причину вам боль, и военачальник причинит боль мне... — Кир снова принялся кричать. Гил сглотнул. — Видимо, большая часть крови, которую мы увидели на вас, принадлежала нападающим, а не вам.

Эльн поднёс мне отвар.

— Я хочу, чтобы ты выпила это и поспала.

Я унюхала содержимое чаши.

— Лотос? Нет, Эльн. Я хочу сохранить рассудок при себе.

— Тогда выпей ещё воды и лекарства от жара, — не стал возражать Эльн.

Я заглянула в основную часть шатра; головы наклонились ещё ниже, поскольку Кир и не думал останавливаться.

— Что происходит? — спросила я.

Эльн посмотрел через плечо.

— Судя по тону, военачальник начинает выносить приговор.

Я дёрнулась вверх, не обращая внимания на руку. Гил бросился поддержать меня, став на колени за моей спиной.

Голос Кира резал точно бритва.

— Я хочу узнать, как военный трофей была атакована в *моем* лагере, находясь под защитой *моих* воинов. — Он резко повернул голову к стоящим на коленях воинам, и я услышала рык рассвирепевшей кошки в его голосе.

Дражайшая Богиня, он зол. В палатке находились Эпор и Айсдра, капитан патруля и его люди, Симус, Прест и Рэйф. На многих красовались бинты. Генерал Уоррен и его люди тоже стояли на коленях, преклонив головы. Кажется, вдалеке я различила светлую голову Ифтена. Все стояли на коленях за исключением Симуса, который сидел на пеньке подле Кира.

Кир продолжил расхаживать:

— На данный момент мне известно лишь то, что мой патруль столкнулся с шестью стражниками, которые утверждали, что получили ранения в каком-то бою. — Его голос звучал холодно и твёрдо, а взгляд сверлил несчастного капитана патруля. — И мой патруль оказал им помощь, отведя к военному трофею, — произнёс он оскорблено.

— Но именно твой военный трофей просили о помощи, — спокойно и сдержанно произнесла я.

Кир повернул голову ко мне, одарил строгим взглядом и отвернулся.

— Оказавшись в палатке, они атаковали, как только трофей стала уязвима, — продолжил он своё хождение.

— Придя в палатку, я склонилась над тяжелораненым воином. Это мой долг как мастера-целителя.

Кир снова обернулся и прожёл взглядом.

— Не было никакого ранения. Всего лишь уловка, приём убийцы, нацеленного на твою гибель. — Он повернулся к своим людям. — Так называемые раненые атаковали тебя и всех остальных в палатке.

Богиня.

— Кто-нибудь ещё пострадал? — прошептала я Гилу, рассматривая толпу.

Он опустил голову к моему уху.

— Нет, трофей. Мы вовремя ушли с дороги, а патруль и стража разобрались с врагами. — Он сделал паузу, и на его лице отразился благоговейный страх. — Атира убила своего противника, даже не потревожив ногу. — Он был впечатлен её мастерством. — А когда военачальник ворвался в палатку... — Он задрожал, но продолжил спокойным тоном: — Нам теперь никогда не узнать какая голова от какого тела.

Кир продолжал выступать:

— Когда я узнаю, кто за этим стоит, я...

Я наклонилась к Гилу, чувствуя невыносимую усталость.

— Арнит. — Потребовалась почти все силы, чтобы произнести это имя.

Генерал Уоррен поднял голову и уставился на меня.

Я кивнула.

— Это был Арнит, член дворцовой стражи. — Я закрыла глаза. — Кажется, там был и Дегнан. Остальных я не распознала.

— Дегнан? Сын Дерста? — произнёс Кир в полном бешенстве. Я услышала низкий рык и снова открыла глаза. Сжимая меч в руке, Кир возвышался над генералом. Уоррен был достаточно умён, чтобы опустить голову и не поднимать глаз.

— Отвлекающий манёвр, ваше присутствие, стража... — голос Кира звучал низко, остро, смертоносно.

Уоррен не шелохнулся.

— Нет. В тот день, как мой король поклялся вам в верности, вы стали моим сеньором. Я воин и человек чести. Я никогда не позволил бы поднять руку на дочь рода Кси.

Он поднял голову и посмотрел Киру прямо в глаза. Кир замер, и я задержала дыхание, думая, что сейчас произойдёт то же самое, что в тронном зале. Вместо этого Кир вложил меч в ножны.

Уоррен заговорил:

— Позвольте мне вернуться в замок и провести расследование. Я вернусь с новыми сведениями, и если мои люди действительно стоят за покушением, моя жизнь в ваших руках. Я не позволю действиям некоторых уничтожить мир.

— Я верю ему, — прохрипела я.

Кир не ответил, только продолжил шагать. Я видела, как напряжён каждый его мускул. Челюсть сжата, а желваки дрожат от гнева. Мне было неловко лежать растрёпанной на кровати, когда в комнате находились посторонние. Моя рука ныла, пульсировала от боли. Я слегка её переместила и подавила крик, так как боль не заставила себя долго ждать.

Кир тут же подбежал в кровати.

— Ты должна отдохнуть. — Он метнул гневный взгляд в Ги́ла. Тот с должной поспешностью уложил меня на кровать. Кир повернулся к залу.

— Уоррен, заберите мёртвых и вернитесь в замок. Сообщите, что разузнаете. — Он махнул рукой и перешёл на свой язык. — Оставьте нас. Все.

Люди поднялись и быстро ушли. Симусу помогли двое мужчин.

Эльн скривил рот.

— Как я понимаю, нас всех прогнали. — Он встал с кровати. — Я проверю твоих пациентов, прежде чем уеду. С твоим «учеником».

— Целитель. — Кир протянул мешок монет. — За ваши хлопоты.

И бросил деньги Эльну.

Высокий и полный королевского достоинства, Эльн бросил взгляд на мешочек, когда тот со звоном упал к его ногам. Учитель посмотрел прямо в глаза Кира, брови выгнулись в молчаливом гневе.

— Задолго до того, как она стала вашим военным трофеем, она была моей подругой и ученицей. — Он посмотрел на меня, и на его лицо снова вернулась теплота. — Выздоровливай, Лара. Если мне разрешат, я снова тебя навещу.

И вместе с Ги́лом он царственно вышел из шатра.

Эпор и Айсдра остались стоять на коленях, и их присутствие привлекало внимание Кира.

— Уходите.

Эпор поднял голову.

— Военачальник, мы подвели вас.

Айсдра согласно кивнула.

Кир сгрёб мешочек и уставился на него, на мгновение; крохотная мышца на челюсти всё ещё продолжала пульсировать.

Маркус откашлялся:

— Защита человека сильно отличается от обычных обязанностей воина. Кто же знал, что раненые нападут?

Кир впился в Маркуса взглядом, но тот равнодушно посмотрел ему в ответ.

— Военачальник, нам стыдно, Эпору и мне, — заговорила Айсдра. — Мы просим с шансе стереть этот позор.

Я почувствовала необходимость вступиться:

— Они ни в чём не виноваты.

Гнев Кира опалил мою кожу.

— Виноваты. Они должны были защищать тебя.

Он бросил мешочек с монетами в один из сундуков. Я уже открыла рот, чтобы ответить, но Маркус указал мне молчать.

Через несколько долгих минут Кир решил:

— Возвращайтесь к своим обязанностям. Но подобное не должно повториться.

— Никогда, — подтвердил Эпор.

— Наши жизни принадлежат ей, — заверила его Айсдра.

Кир махнул рукой, и пара встала и вышла из палатки. Маркус молча, опустил полог. Кир подошёл к жаровням и добавил углей.

— Кир, — спокойно позвала я. Он не обернулся.

Маркус подошёл поправить меха.

— Немного бульона? Вина, каваджа?

Я кивнула.

— Да, Маркус. Бульона и каваджа.

Он бросил взгляд на спину Кира и ушёл выполнять поручение. Кир стоял, уставившись на мрачные углы.

— Кир, мне нужна твоя помощь.

Он обернулся и посмотрел на меня затравленным взглядом. Я попыталась сесть. Он немедленно бросился помочь.

— В уборную, — сказала я, улыбаясь ему. Он поднял меня и понёс. Без улыбки. Без ответа. Как только я закончила, он отнёс меня обратно, осторожно опустил на кровать и усердно укрыл одеялами. Затем сел рядом, не сводя с меня глаз, глядя волосы.

Я коснулась его лица.

— Кир, что...

В шатёр вошёл Маркус с подносом в руках. Кир встал и продолжил мерить палатку шагами. Маркус помог мне сесть.

— Я подогрел суп на медленном огне, — пробормотал он. — Выпейте.

Он сунул миску в мои ладони и уставился своим единственным глазом. Я покорно стала пить, наслаждаясь теплом. Вкус вышел очень приятный. Богатый, солёный, с небольшим количеством специй, которые я не узнала. Соль прилипла к губам и слегка защипала. Я сделала ещё несколько глотков, смакуя вкус, прежде чем поняла, что находилось на дне.

— Маркус, ты подмешал лекарство!

— Да, — признался Маркус, не чувствуя раскаяния. — Гил и Высокий дали мне его. Будьте пайнкой. Выпейте всё до конца.

Маркус поднял кувшин с вином и налил в чашу.

— А это для вас. — Он поднёс напиток Киру.

— Нет, — отвернулся Кир.

Маркус нахмурился, но обернулся на меня и уставился на миску в моих руках. Я сдалась, зная, что Эльн прав, но не желала принять собственное лекарство. Кроме того, шея и рука продолжали болеть. Я выпила всё до капли и передала посуду Маркусу.

— Оставь нас, — прорычал Кир.

Маркус забрал тарелки, встретился со мной взглядом и кивнул в направлении Кира. Я кивнула в ответ, радуясь, что он доверял мне заботу о Кире. Лицо Маркуса посветлело, и он покинул комнату.

Всё ещё взвинченный, Кир продолжал расхаживать не находя покоя. Я улеглась среди мехов и подушек, уже чувствуя действие лотоса. Кир встал на колени у кровати.

— Ты как?

Я улыбнулась.

— Прекрасно. Маркус прав, сон поможет. — Я зевнула и сместилась, пытаюсь устроиться поудобнее.

Он посмотрел на меня словно в последний раз.

— Тебя могли убить. Если бы я не услышал шум и не пришёл, он бы убил тебя. — В его взгляде словно что-то умерло. — Если бы ты погибла, миру пришёл бы конец.

Встревожившись, я попыталась открыть глаза.

— Мир важнее отдельно взятого человека.

Кир взял несколько подушек и подложил под руку.

— Не борись со сном. Закрой глаза.

Я посмотрела на него сквозь слипающиеся веки, не в силах побороть лекарство. Кир выглядел таким усталым, изнурённым.

— Спи, — нежно поцеловал он меня.

— Только с тобой.

Он покачал головой.

— Нет.

Но он опустил на кровать и обнял меня одной рукой, не разжимая меч в другой.

— Спи.

Усталость неумолимо брала верх, но я решила сопротивляться ещё немного.

— Кир, не делай ничего, что... — я не смогла придумать слово.

— Необдуманного? — нежно спросил Кир.

— Глупого.

Я зевнула и сквозь сон услышала его тихий смех.

* * *

Я проснулась в тёмной палатке под ритмичные звуки шагов. Мне понадобилась минута, чтобы понять где я. Под действием лотоса всё казалось немного нечётким. Меня так и манило отдаться во власть тепла и темноты, но шаги не давали заснуть.

Кир расхаживал вперёд-назад. Я зевнула и стала наблюдать, как он двигается в чёрной коже. Я сразу нахмурила брови, поняв, что он совсем не спал.

— Кир? Что ты делаешь?

— Охраняю. Ты находилась под моей защитой. Тебя ранили. Такое больше никогда не повторится.

Я распахнула глаза от такого известия, и мир обрёл больше очертаний. Опираясь на здоровую руку, мне удалось приподняться и посмотреть на Кира.

— Кир, у тебя же целая армия. Она...

— Недостаточно хороша. — Он остановился и посмотрел на меня. — Сегодня ночью вся армия будет на страже, будут назначены удвоенные патрули.

Я застонала, закрыв глаза, и позволила голове опуститься на подушки. Сегодня никто не уснёт.

Кир подошёл ко мне.

— С тобой всё хорошо? Мне позвать Ги́ла?

Я изучила его лицо, все тревожные морщинки до единой.

— Кир, — твёрдо произнесла я. — Отмени приказ.

Его хмурый взгляд стал ещё мрачнее.

— Ты должна...

— Достаточно, — оборвала я. — Я в безопасности. Я здесь, с тобой.

Я свернулась клубком. Кир заколебался, подошёл к пологу и вышел. Я лежала в своём рода оцепенении, воображая, как целая армия закалённых воинов глухо ворчит, что им приходится защищать трофей военачальника. Да ещё с удвоенными патрулями. Я зевнула, закрыла глаза и задремала.

Через какое-то время вошёл Кир и встал подле меня. Я высунула руку из-под одеял и сжала его ладонь. Такая холодная, и всё же я чувствовала силу в мышцах. Я зевнула и сильно дёрнулась. Кир странно на меня посмотрел, но позволил утащить себя под одеяла. Я отодвинулась, отдавая ему нагретое место. Сквозь туман я почувствовала, что он немного расслабился. Я придвинулась поближе и положила голову ему на грудь. Чёрная кожа медленно нагрелась под моей щекой.

Согревая друг друга, мы пролежали так целую минуту. Я снова зевнула и вывихнула челюсть. Кир рассмеялся и погладил мои волосы.

— Тебе стоит ещё поспать.

Я подняла голову и попыталась сфокусироваться, но проиграла сражение.

Грудь Кира задрожала в смехе.

— Я думал, ты проспишь до завтрашнего вечера, трофей.

Завтрашнего? Я уронила голову.

— Что такое узорный танец?

— А?

Я приподняла свою чугунную головушку.

— Что такое узорный танец?

— Групповой танец. Мужчины и женщины создают узор, который они ткут своими телами. — Я почувствовала, что Кир пожал плечами. — Словами не объяснить. Тут нужно видеть.

— Посмотрим его завтра. — По какой-то причине я почувствовала себя счастливой.

Рука Кира замерла.

— Я отменил танцы.

Я снова попыталась поднять голову, но смогла только сместить её с груди Кира. Я попыталась сосредоточиться на его глазах.

— Меня возненавидят.

Кир повернулся на бок ко мне.

— Тебя ни в чем не будут обвинять.

Я потеряла фокус, и его лицо поплыло перед глазами. От следующего зевка на глазах выступили слезы, а челюсть снова хрустнула. Я что-то сказала, но вышло лишь неразборчивое бормотание. Туман застилал глаза.

Кир вздохнул и сместился, выбираясь из-под одеял. Он укутал меня, не позволяя коснуться холодному воздуху.

— Я всё устрою. Спи.

Я уплыла в сон, задаваясь вопросом, что же я такое сказала.

* * *

Сначала меня разбудил неприятный вкус во рту. Ещё один эффект лотоса. И всё же я могла уловить иронию судьбы в том, чтобы страдать от тех же лекарств, на которые жаловались мои пациенты. Следующий раз буду назначать дозировку осторожнее. Это не значит, что я совсем откажусь от лекарств, но попытаюсь проявлять больше сочувствия.

Кровать опустела. День уже клонился к вечеру. Мой живот напоминал мне, что я пропустила, по крайней мере, два приёма пищи. Я распростёрлась под одеялом, боясь

двинуть рукой. Но больше всего неприятностей доставляла шея: она окостенела и жутко болела. Рука тоже болела, и двигаться совсем не хотелось.

Полог палатки из основной комнаты приподнялся, и в комнату заглянул Кир.

— Ты проснулась.

Я кивнула, смещаясь на край кровати, чувствуя невыносимую усталость и разбитость. Я всё ещё была в штанах, а вот рубашку сняли. Повязка на груди пропиталась кровью, и я скорчила гримасу.

Кир сжал губы, изучая моё горло. Я поморщилась, предполагая, что синяк сейчас предстаёт во всей своей багровой синюшности.

— Я пошлю Маркуса за горячей едой и каваджем. Мы приведём Ги́ла.

— Я хочу помыться.

Кир поднял голову. Я повторила просьбу. Он нахмурился.

— Маркус может принести тёплой...

— Нет. — Я схватила его ладонь здоровой рукой и попыталась подняться. Кир помог мне без раздумий. — Я хочу помыться сейчас же. От меня несёт. Всё равно какая будет вода.

Кир моргнул. Удерживая равновесие, я замерла на мгновение, ожидая головокружение или тошноту. Ещё один эффект лекарства.

Кир нахмурился.

— Гил должен проверить...

— Гил всё проверит после того как я помоюсь.

— Гил сказал...

— Кто здесь целитель? — Я сделала шаг.

Кир невольно усмехнулся.

— Мастер-целитель, если я правильно запомнил.

Я улыбнулась.

— И мастер хочет в ванную.

Он улыбнулся.

— Тогда мастер её получит.

Он обнял меня за талию, и мы вместе пошли к уборной. Слава Богине за такое отношение его людей к чистоте. Я была благодарна, что он не стал дальше подвергать сомнению мою потребность помыться.

Войдя внутрь, Кир поставил деревянный блок на помост для мытья, и я села снять штаны и размотать бинты на груди. Всё перепачкалось, но было цело. Если не спешить, боль казалось глухой. Кир поставил воду поближе ко мне, а затем вручил мыло и ткань. Я уловила запах мыла и поднесла к носу. Пахло ванилью. Я подняла голову на Кира, но его взгляд был невиннее, чем у младенца.

Маркус крикнул из другой комнаты, и Кир ушёл забрать корзину горячих углей для жаровни и ещё воды. Пока я разматывала бинты, комната наполнилась теплом. Я вспенила мыло и начала с лица и шеи, наслаждаясь ароматом дома. Рука не тревожила, пока я не пыталась поднять её или перетруждать. Я стала мурлыкать про себя. Прохладная вода приятно лилась по коже, и я старалась не попасть на рану.

Вернулся Кир и расположился в самом тёмном углу. Я быстро обернулась, но смогла различить лишь мерцавшие в темноте глаза. Я слегка залилась краской и прикусила губу, но продолжила мыться. Мне было неловко, что за мной так наблюдают, но одновременно и приятно оттого, что я стала объектом его интереса. Эти чувства смущали меня, поэтому я

сконцентрировалась на мытье. Дойдя до паха, я почувствовала небольшое шевеление в углу, но быстро опустила к ногам и ступням.

Кир действительно не сидел на месте, принеся мне ещё ведро воды. Оно стояло ближе к жаровне и значит, вода была немного более чем тёплой. Тогда я использовала плоску для споласкивания, боясь замочить рану. Покончив с купанием, я обернулась в полотенца, которые мне протянул Кир. Я не решилась мыть голову. Сказывалась усталость, да и была дрожь от голода. Вместо этого я схватила гребёнку и попыталась встать.

Кир поднял меня и перенёс в спальню, оставив на одном из пней около жаровни.

— Ты же знаешь, что я умею ходить. — Я начала расчёсывать волосы. — Твоя очередь.

Кир сделал отрицательный жест.

Я подняла голову, втянула носом воздух и подняла бровь.

Он понял намёк и вышел. Принёс ещё два ведра воды и снова разогрел жаровню. Затем он вернулся, встал в центре комнаты и посмотрел на меня.

Я посмотрела на него. Кир был великолепен в чёрной коже, которая сидела на нем как влитая, и всё же позволяла двигаться точно кошке. Он поднёс руку к воротнику и стал ослаблять ленты на кожанке.

Я не могла отвести взгляд. Он вытаскивал ленты очень медленно, до самого конца, и лишь затем принимался за следующую. Закончив, он взял концы рубахи и также медленно стянул одеяние через голову.

Я прекратила расчёсываться.

Определённо, он был здоровый мужчина. Я сглотнула ком в горле. Слабый свет жаровни блестел на его мускулах, когда он аккуратно положил свою кожаную безрукавку на скамью. Сел снять сапоги и толстые носки. Замер на секунду и пошевелил пальцами ног. Затем встал и как ни в чем, ни бывало, стал расшнуровывать штаны. Медленно.

Я повернулась к нему спиной. Я ухаживала за многими обнажёнными мужчинами в своё время, но смотреть на тело Кира не могла. Оно возбуждало меня. Пробуждало желания коснуться его — почувствовать, как перекачиваются мышцы под кожей. Испытать ещё больше его прикосновений и возможно несколько поцелуев. От этой мысли бросало в дрожь.

Я почувствовала его весёлый взгляд на моем затылке. Раздался звук, и Кир снял штаны. Я снова прикусила губу, понимая, что воображение может оказаться более смущающим, чем реальность. Мои пальцы продолжали проводить гребёнкой по волосам, но разум был в другом месте. Звуки стихли.

Кир убрал мои волосы на плечо и поцеловал шею.

Я дёрнулась, поскольку тело поразила молния. Покалывания пробежало прямо от шеи до подошв ног. Я быстро повернула голову, но увидела лишь взмах полога, падающего за его спиной. Я сидела целую минуту, ожидая, когда пройдёт это странное ощущение. Моя рука продолжила расчёсывать волосы, но потребовалось не одна минута, чтобы забыть поцелуй.

Пока Кир мылся, Маркус заставил стол едой, а Гил прокрался в шатёр, чтобы сменить повязки.

Отчего-то мне казалось, что в моей руке огромная дыра, но рана была крохотной. Кожа не воспалилась и не опухла. Гил накладывал бинты с дотошной и мучительной медлительностью. Я поздравила его с работой и кротко приняла лекарство от жара. Он принёс немного жидкой мази и растёр шею, всё время, оглядываясь на вход в уборную, как будто в любой момент Кир собирался выпрыгнуть, бушуя и кроша всё вокруг своими мечами.

Наконец-то Гил с довольным видом откинулся на пятки.

— Я проверил Атиру, трофей, и она хороша. А ещё Симус позволил мне осмотреть свою ногу.

— И как она? — спросила я.

К нашему общему удивлению, на вопрос ответил сам Симус:

— Всё хорошо, маленький целитель.

С улыбкой на устах он вошёл в палатку.

— Если я смог добежать до палатки исцеления и проползти по земле, то думаю, с ходьбой как-нибудь справлюсь.

— Симус... — упрекнула я.

Он улыбнулся во весь рот.

— Но потанцевать сегодня я всё-таки не смогу. — Его лицо стало серьёзным. — Как рука?

— Всё хорошо, — улыбнулась я. — Гил меня лечит.

Гил стал собираться.

— Увидимся на танцах, трофей. Мне ещё нужно закончить работу.

Симус сел на кровать рядом со мной.

— Маркус! Каваджа!

Я посмотрела на них обоих.

— Я думала, что танцы отменили.

Гил выпрямился.

— О нет, трофей. Военачальник объявил о них вчера поздно вечером.

Из уборной раздался небольшой шум, и Гил поспешил удалиться.

Маркус принёс каваджа для нас обоих и состроил гримасу Симусу.

— Как я понимаю, вы ещё не ели?

Симус рассмеялся.

Маркус нахмурился.

— У меня едва хватит на них обоих, но не на твоё чрево.

К нам вышел Кир, сухой и одетый.

— Симус, присоединяйся к нам.

Симус широко улыбнулся.

Маркус обиделся и ушёл. Кир, Симус и я заняли наши места и принялись за еду. Несколько минут мы лишь работали челюстями, да передавали тарелки. Мне не раз предлагали тарелку гурта, но я вежливо отказывалась. Первым на спину откинулся Симус.

— Никогда не мог узнать, как Маркусу удаётся раздобыть столько хорошей еды в лагере.

— Годы практики, — ответил Маркус, вернувшись налить нам ещё каваджа. — Скоро танцы.

Кир кивнул.

— Есть вести от Уоррена или Ксиманда?

Симус покачал головой.

— Нет.

Кир нахмурился, но ничего не сказал, и мы поднялись уйти. На выходе он укутал меня в свой плащ и попытался взять на руки.

— Я могу идти. — Я отбилась от него и попыталась поправить душную ткань, стараясь подтянуть её наверх, чтобы не свалиться по дороге.

Симус подавил смешок. Я подняла голову и увидела, что в его глазах танцуют

смешинки.

— Ты похожа на ребёнка, играющего с плащом её тхиэ. — Я рассмеялась, любопытствуя относительно значения слова, но Симус протянул мне руку. — Трофей.

Кир зарычал, взял меня на руки и вышел из палатки. Я оглянулась и увидела, что Симус закатывает глаза и следует позади с Маркусом.

Небо было ясным, когда мы появились и пошли к полю собраний. Казалось, целый лагерь двигался в том же направлении, все при оружии. Не похоже, будто они идут на танцы. Я обернула руки вокруг шеи Кира.

— На танцах все будут?

— Нет. — Кир замедлил шаг, позволяя Симусу догнать нас. — Часовые будут сменяться по очереди. — Он понизил голос: — Полагаю, ты бы назвала это «компромиссом».

Площадь перед деревянным помостом была пуста и окружена кругом незажженных факелов. Мы взобрались на помост и сели близко к краю. Никакого церемониала. Мы заняли свои места, а люди заполнили пространство перед платформой. Симус остался стоять, вглядываясь в толпу. Он рассмеялся и указал пальцем:

— Вот они.

Присмотревшись, я увидела, что кого-то несут, почти как Симуса на сенель. На этот раз на койке лежала Атира, а друзья несли её через толпу. Камни убрали, но нога по-прежнему была зафиксирована.

— Несите её сюда, — приказал Кир, и койка двинулась к помосту.

— Трофей! — крикнула Атира приблизившись. — С вами всё хорошо?

— Очень даже. Как нога? — спросила я, в нетерпении проверить кожу.

— Чешется, — пожаловалась она, когда её койку подняли на помост и поставили рядом со мной, чтобы она смогла хорошенько разглядеть представление. — Приходил Серый посмотреть и остался доволен. Гил тоже обо мне заботится. — Она улыбнулась мне, слегка приподнявшись. — Я так рада видеть, что с вами всё в порядке. Позвольте сказать, что своим падением испугали меня до снежных седин.

Она осмотрелась. Кир стоял на коленях у края помоста, ведя беседу с несколькими воинами. Атира понизила голос и продолжила:

— Я собиралась бросить нож и уже вытащила его, но упала на землю, прежде чем успела что-либо сделать. Ярость военачальника спасла наши шкуры.

— Ты была там, когда он... — я осеклась, не зная как задать вопрос.

— Когда он стоял над вами? — Она закатила глаза. — Да, я наполовину залезла под кровать и боялась дышать. Я слышала рассказы о боевой ярости, но никогда не видела ничего подобного прежде. Я знала лишь, что нужно лежать тихо и неподвижно. Как хорошо, что вы смогли его уговорить, трофей. У нас это не всегда получается. — Она озарила меня улыбкой. — Но не берите в голову, давайте любоваться узорными танцами!

Кир поднялся и встал у самого края.

— Желаете узреть узор?

— ДА! — закричал каждый, и приветствие началось.

Кир поднял в воздух маленький деревянный кубок.

— Ифтен, позови танцоров.

Позади нас, укутавшись по самый нос, стоял Маркус. Он что-то пробормотал, но я не разобрала что, зато Ифтен всё понял. С искажённым от гнева лицом он забрал кубок из рук Кира, но отошёл в центр поля без слов. Ифтен зажал кубок перед собой обеими руками.

— Услышьте меня!

Толпа затихла.

— Хейла! — закричал Ифтен.

— Хейла! — ответила толпа.

— Кто станцует узор для нас?

Из толпы со всех сторон к Ифтену выбежали девять фигур и бросили своего рода символ в кубок. Сделав это, танцоры растворились в толпе. Последний подпрыгнул и бросил символ под вспышку света, награждаясь смехом от толпы. После паузы Ифтен поднял кубок над головой.

— Позвольте небу слышать наши голоса.

Меня поразил грохот грома, но затем я разглядела музыкантов с огромными барабанами у ног. Каждый ударил по разу в барабан, и я оглохла.

— Позвольте земле ощутить наши стопы.

Ифтен сделал четверть оборота к другой части толпы. И снова зазвучали барабаны.

— Позвольте ветру почувствовать нашу силу.

Он сделал паузу, и барабаны застучали в ответ.

— Позвольте пламени увидеть наши узоры, — крикнул он, делая очередной поворот. На сей раз, в дополнение к барабанам, загорелись факелы. Толпа откликнулась на последний призыв барабанов, крича громогласное «хейла!»

Ифтен вытащил символ из чаши.

— Красные, сотките свой узор, — крикнул он и ушёл с поля.

Из толпы выбежали люди в красных повязках на голове. Это была группа из десяти мужчин и женщин. На их туниках и штанах висели красные ленты, которые развивались при беге. Танцоры выбежали в центр поля и встали в круг. Пауза, и барабаны стали отбивать быстрый чёткий ритм.

Плясуны сделали шаг вперёд, взяли за руки и начали танцевать. Вскорости я поняла, что они делают. В детстве меня учили придворным танцам, а ещё я видела, как слуги играют в ручейки и устраивают шумные потехи на празднике урожая. Но такого танца мне видеть не доводилось. Танцоры ткали узор телами, входя и выходя из круга, то двигаясь вокруг друг друга, чтобы снова образовать круг. В тот момент, как я решила, что танец вот-вот кончится, танцоры из ниоткуда достали деревянные палки, напоминающие ручки топоров, и начали выбивать ритм барабанов... на палках партнёров.

Я с удивлением следила за танцем, ожидая, что кто-нибудь ошибётся да и ударит по руке вместо палки. Но, казалось, танцоры никогда не пропускали удар, плетя узор, и колотя друг друга. Толпа кричала, некоторые в знак поддержки, остальные в насмешке. Группа сформировала два взаимосвязанных круга и соткала узоры вместе. Когда каждый доходил до места, где соединялись круги, приходилось выбивать ритм на других палках. Я рассмеялась от радости, увидев, что танцоры перемещаются без ошибок в совершенном рисунке.

— Как они это делают?

Симус рассмеялся. Кир бросил на меня удивлённый взгляд и ответил:

— Практика. Много практики.

Танцоры улыбались, но я видела сосредоточенность на их лицах. Я не знала следить ли мне за ногами или руками, и всё кончилось тем, что я попыталась усмотреть за всем одновременно. Наконец, как раз в тот самый момент, когда я решила, что должна уже сказываться усталость, танцоры одновременно выкрикнули, развернулись на месте, чтобы

ветер взметнул ленточки вокруг их тел, и замерли, равномерно расположившись по кругу, лицами друг к другу.

Поле взорвалось криками «хейла!» и похвалой. Я сама захопала в ладоши, чем заслужила странные взгляды от Атиры и Симуса.

— Это было удивительно!

Атира фыркнула.

— Я видела лучше.

Маркус вручил мне кавадж.

— Они немного сбились, трофей. Но не сильно.

Я нетерпеливо отпила.

— Когда следующие?

Ифтен уже вышел в центр поля и вытащил следующий символ. Он подождал, когда толпа успокоится и выкрикнул «Жёлтые».

На поле выбежала группа побольше, приблизительно двадцать человек, с жёлтыми лентами. Кир склонился ко мне:

— Эта группа берётся за очень большой узор. Не особо замысловатый, но с таким количеством участников более тяжёлый.

Барабаны начали снова, и я попыталась уделить больше внимания каждому танцору в отдельности. Как и следовало ожидать, всего через несколько минут из толпы раздался стон, танцоры бросились врассыпную и убежали с поля.

Увидев моё разочарование, Симус проворчал:

— Они останавливаются, когда узор повреждён, трофей. Танец не может продолжаться, если совершена ошибка.

Следующая группа была коричневой. Их узор отличался сложностью, но начался очень медленно. Барабаны ускорили ритм, и танцоры заплясали и забили палками быстрее. Я смотрела в ожидании, пытаюсь увидеть танцоров глазами Кира, но мне открывалась лишь дивная вспышка движения, ритма и цвета. Когда, казалось, танец достиг своего пика, барабаны начали замедляться вместе с танцорами, пока они не заняли исходное положение. Как только смолк последний барабанный бой, толпа разразилась криками. Танцоры убежали, и толпа заколыхалась.

Кир встал и потянулся.

— Смена караула. — Он посмотрел на меня. — Тебе тепло?

Я кивнула, поскольку Маркус протянул мне тарелку. На ней лежали маленькие булочки, и я взяла одну.

— Что это?

Атира усмехнулась, беря предложенную ей тарелку.

— Трофей, попробуйте.

Я с сомнением посмотрела на неё, но она с удовольствием откусила угощение, так что я сделала то же самое. Рот наполнили специи, и я распахнула глаза. Атира рассмеялась.

Специя оказалось острой, но не обжигающей. К ней примешалась сладость, которая поначалу казалась странной.

— Что это такое?

— Хлебные пироги. — Атира откусила ещё и заговорила с набитым ртом: — Их очень сложно достать в лагере.

Кир и Симус уплетали булочки за обе щеки. Маркус не скрывал гордости, и даже его рот

искривился в усмешке, когда я взяла в рот ещё один кусочек. Мы всё ещё наслаждались угощением, когда к помосту подошёл воин.

— Военачальник, из города прибыл гонец.

— От Уоррена? — спросил Кир.

— От короля, военачальник.

— Приведите его ко мне.

Толпа начала собираться, и Ифтен покосился на Кира, видимо ожидая знака. Кир махнул ему продолжать, и приветственный ритуал был повторён. На сей раз, танцоры вышли с палками и колокольчиками на руках и ногах. Танец начался, и Маркус нахмурился, выражая своё неодобрение. Видимо, колокольчики выбивались из узора, и Маркус не повременил выразить своё мнение. Кир наклонился ко мне и тихо сказал:

— Маркус плёл узоры задолго до своего ранения. Но без глаза он не может видеть левую сторону и больше не танцует.

Я кивнула, но мне понравился перезвон колокольчиков, и я не повременила выкрикнуть «хейла» в конце.

— Военачальник.

Мы развернулись и увидели подле себя воина, а рядом с ним Хита, улыбающегося во все тридцать два зуба.

— Хит! — Я вскочила на ноги, отбрасывая плащ. Холодный ветер ударил меня, покрывая кожу мурашками, но я не обратила на него внимания, подбегая поприветствовать друга.

Хит был напряжён, но расслабился и быстро обнял меня, и лишь затем слегка отодвинул в сторону. Он поднёс руку к моей шее, но затем передумал и сделал шаг назад.

— Военачальник, — поприветствовал он, опустившись на одно колено.

Я развернулась и увидела, что Кир стоит с мрачным видом. Я затаила дыхание, внезапно понимая, что совершила ошибку. Краска залила моё лицо. Кир указал на табурет, и я вернулась на место. Маркус укутал меня в плащ и удостоверился, что нет и щёлочки.

— Твоё сообщение? — холодно спросил Кир. В этот момент Ифтен объявил следующий танец.

— Военачальник, король Ксиманд передаёт сообщение, что лорд Дерст жив. Целитель Эльн полагает, что он поправится. — Хит поднял голову. — Лорд-маршал Уоррен и король продолжают допрашивать и расследовать нападение на военный трофей. Они отправят новое сообщение завтра.

Кир заворчал, но я увидела вспышку облегчения в его глазах.

Хит продолжил:

— Военачальник, я также прошу вашего прощения от своего имени и имени трофея. Мы друзья детства и играли вместе на кухнях. — Он сглотнул ком в горле. — Я услышал, что её ранили и попросил передать слова короля, чтобы лично убедиться и сообщить моей матери.

Кир сузил глаза.

— Твоя мать — повар Анна?

Хит кивнул:

— Она управляет кухнями и избьёт меня ложкой, если я не сообщу ей о состоянии Ла... военного трофея.

Симус усмехнулся:

— Никогда не зли хорошего повара, Кир.

Кир всё ещё выглядел мрачным, но заговорил более вежливо:

— Останься и поговори с трофеем. Посмотришь наши танцы?

Хит улыбнулся, поднялся и сел на помост, прислонившись к койке Атиры. Он посмотрел на её ногу и поморщился.

— Сломана?

Я кивнула. Он улыбнулся Атире, указал на её ногу, а затем на свою.

— Я помню какво это. Вырази ей моё сочувствие.

Я перевела для Атиры, и она кивнула своё спасибо, с любопытством осматривая ногу Хита. Без всякого сомнения, от перелома не осталось и следа.

Кир и Симус заняли свои места, как только объявили следующий танец. Атира немного приподнялась, когда Ифтен назвал цвет.

— Это мои танцоры!

Я быстро объяснила происходящее Хиту, пока танцоры с синими лентами выбегали на поле и формировали квадрат в центре поля. Вместо палок они принесли инструменты больше похожие на камни. Мы посмотрели, как забили барабаны, и танец начался. Какое-то время танцоры плели узор, а затем подняли камни и ударили ими друг о друга. Звук получился совершенно иным, и толпа выкрикнула в удивлении, когда из рук танцоров полетели искры.

Кир и Симус привстали, а Маркус подошёл к краю помоста, чтобы всё рассмотреть. Я же осталась на месте, не желая загородить обзор Атире. Танцоры отбивали узор ногами, барабаны создавали напряжение, и время от времени, когда камни касались друг друга, высекались искры. Толпа затопала в такт барабанов и, казалось, бесконечно пела «хейла» на каждый стук. Звук был заразным, и я захлопала в ритм. Атира усмехалась, а Хит, казалось, был очарован зрелищем.

Наконец танцоры завершили выступление, и толпа одобрительно закричала. Атира рухнула на койку, нервно смеясь во всё горло.

Маркус положил руку ей на плечо.

— Отличная работа, ткач узоров.

Она улыбнулась ему со слезами в глазах.

— Спасибо.

— Это был твой узор? — спросил впечатленный Симус.

— Мой первый, — усмехнулась Атира. Хит выглядел озадаченным, поэтому я перевела для него разговор. К этому времени танцоры подбежали к помосту и сформировали группу перед Киром. Самый высокий вышел вперёд.

— Военачальник, мы можем забрать Атиру? Мы хотим отдать хвалу нашему ткачу перед небесами.

Кир указал на койку, и запыхавшиеся мужчины и женщины взобрались на помост, чтобы поднять её высоко в небо.

— Не забывайте о ноге! — крикнула я.

Один остановился и поклонился мне.

— Мы отнесём её в палатку исцеления, трофей, и там отпразднуем. Мы не будем рисковать, если на кону стоит способность танцевать.

С этими словами они исчезли в толпе.

Хит встал и подошёл ко мне.

— Я должен идти. Анна страсть как желает узнать вести.

Я улыбнулась, но воздержалась от объятий.

— Всё хорошо, Хит.

Он улыбнулся в ответ и снова коснулся моей щеки прежде, чем повернуться и проявить почтение к военачальнику. Кир махнул кому-то проводить его, и Хит тоже исчез в толпе.

Я понимала, что глупо улыбаться во весь рот, но меня это не заботило. Мне очень понравился танец: в королевстве Кси я не видела ничего подобного. Я оглянулась посмотреть, есть ли ещё танцоры, но толпа никак не затихала. Я заметила, что Кир пристально наблюдает за мной с серьёзным выражением лица. Я проигнорировала его, не желая омрачать удовольствие от прошедших трех танцев.

Наконец-то толпа успокоилась, и Ифтен снова вышел в центр поля. Только на этот раз он держал не кубок, а меч и щит.

— Военачальник! — Его крик эхом разнёсся по полю. Кир и Симус напрягались. — Я вызываю тебя на поединок.

Все затихли и замерли.

— Время поединков — весна, Ифтен. — Симус поднялся и подошёл на край помоста. Он немного прихрамывал, и я подозревала, что он перетрудил ногу. Его сильный голос легко разнёсся по полю. — Твой вызов неприемлем.

Ифтен остался стоять на месте.

— Я вызываю тебя на поединок, Кир из рода Кошек, носящий звание военачальника северо-западного предела на этот сезон войны. Я вызываю тебя на поединок, да будут элементарии мне свидетелями, да узрят они нашу битву.

Кир ответил ему:

— Во время кампании на поединки не вызывают, Ифтен. Ты дал клятвы следовать за мной, пока я не освобожу тебя от твоей службы.

— Эта женщина подле тебя не настоящий трофей, а представительница народа, который не гнушается убийства и предательства. Такой жизни ты хочешь нас научить? — Ифтен ударил мечом о щит, и я подскочила, испугавшись полученного звука. — Я клянусь, что убью тебя и эту женщину и поведу нашу армию забрать всё, что принадлежит нам по праву. Выходи и сразись со мной, Кир! Сразись и умри!

Рэйф и Прест тут же встали подле меня, выхватив оружие. Маркус тоже сместился, в сторону Кира. Я сидела, не шелохнувшись, не понимая, как всё могло так внезапно перемениться.

Симус заговорил спокойным тоном, слегка повернувшись в сторону Кира.

— Неужели ты думаешь, что он стоит...

Кир ответил тем же тоном:

— Я не знаю.

Он остался сидеть и лишь повысил голос, в котором даже не скрывалось презрение к стоящему перед ним мужчине.

— Я не скрывал своих намерений, Ифтен. Я объединю земли, сотку новые узоры из наших жизней.

Его голос отчётливо разнёсся по полю. Воины не отрывали от него глаз, лишь некоторые посмели пошевелиться. Только огни факелов по-прежнему плясали и потрескивали на лёгком ветру. Кир продолжал говорить:

— Так мы станем сильнее. Откажись от непожеланного вызова. Ты поклялся перед всеми элементами, что последуешь за мной. Я призываю к твоей присяге.

— Их обычаи грязны и испорчены. Я кричу о проблеме, пока ты не уничтожил нас всех.

Маркус фыркнул.

— Его разум развеяли ветра.

Кир заворчал, но не повернул головы.

— Где певец? — закричал Ифтен. — Где Жоден?

Он вышел из плотной толпы. На широком лице читалось неодобрение.

— Я здесь, Ифтен.

Ифтен поднял меч и щит, словно предлагая их.

— Что скажет наш певец о моем вызове?

Жоден сделал два шага вперёд и остановился, скрестив руки на груди.

— Я не слышал твоих жалоб на сенеле, Ифтен. Я не слышал, чтобы ты озвучивал истину с символом Кира в руках. Я слышу только твой вызов, высказанный в неправильный сезон и нарушающий твои клятвы. Я ещё не Певец. — Последние слова Жоден произнёс звонко и непоколебимо: — Но будь я Певцом певцов и стоя в Сердце Равнин, я бы всё равно назвал тебя клятвoprеступником.

Толпа вторила ему гулом. Мне даже показалось, что Ифтен немного сморщился, услышав ответ Жодена, однако остался стоять в центре поля.

Кир встал. Толпа затихла.

— Новый узор трудно танцевать, и нам всем нужна практика. Совершены ошибки, и я подтверждаю это. И сейчас ты тоже совершаешь ошибку, Ифтен. Откажись от вызова. Такие вопросы можно обсудить на сенеле, и если твои сомнения не исчезнут, весной я освобожу тебя от клятвы. — Кир слегка сместился, принимая более угрожающий вид. — Или повтори свой вызов без моего символа и умри.

Ифтена словно поразила молния, как будто он никак не мог принять решение.

— Ужасный способ разрушить танец, — проворчал Симус достаточно громко, чтобы услышали близстоящие. Его слова разошлись по полю, и все рассмеялись. Напряжение

покинуло нас, как вода, выливающаяся из кубка.

Ифтен простоял ещё с минуту, но он проиграл и знал это.

— Я отказываюсь от вызова.

С угрюмым взглядом он вложил меч в ножны и убрал щит на спину. Тут же к нему подбежал парень и передал деревянный кубок, и Ифтен повторил ритуал, чтобы начать танец. Кир и Симус заняли свои места. Рэйф и Прест отошли к исходным позициям.

Маркус протянул мне кружку каваджа.

— Выпейте, трофей. Вы блее снега.

Я взяла напиток и сделала глоток. Кир повернулся ко мне и взглянул с беспокойством.

— Всё хорошо, трофей?

— Он угрожал убить тебя.

Симус фыркнул, беря кавадж у Маркуса.

— Ифтен всегда говорит, прежде чем думает.

— Тем не менее, — Кир стал любоваться танцем, как будто у него не было никаких проблем. — Он заговорил. Вдруг есть согласные с ним.

Симус согласно пробасил:

— И где он набрался храбрости, интересно?

Кир пожал плечами, и оба перевели внимание на танец.

Я тоже стала наблюдать, хотя не смогла запомнить ни цветов, ни узоров. Я ждала, когда сердце уймёт свой бешеный бег. Все вели себя, как будто ничто не произошло, как будто смертельные вызовы военачальнику бросают каждый день. Я сидела, пытаюсь осознать происходящее, как закончился последний танец и Ифтен выполнил некую церемонию, чтобы завершить ритуал. Кир оказался рядом со мной прежде, чем я успела подняться. Простым жестом он подозвал Рэйфа и Преста.

— Отведите её в мою палатку и хорошо охраняйте, — тихо произнёс он. — Оставайтесь с нею до моего возвращения. Я обойду лагерь. Симус?

Симус встал, и я заметила, что он едва держится на ногах.

— Он не может идти. Он слишком долго опирался на больную ногу. — Я встала и накинула плащ. — Я должна его осмотреть.

Симус сморщил нос, но кивнул.

— Она права.

— Отведите их к палатке Симуса. Как только она закончит осмотр, проводите её в мой шатёр. Маркус может отправить Ги́ла к ней. — Кир впери́л в вои́нов свирепый взгляд. — Не оставляйте её одну ни на мгновение.

— Ты созовёшь сенель? — спросил Симус, когда мы сошли с помоста.

— Мы поговорим, как только я проверю настроение вои́нов.

И Кир растворился в сгущающейся темноте.

* * *

Палатка Симуса приветствовала нас теплом и уютом. Войдя внутрь, Симус опустился на кровать с помощью Маркуса. Как только штаны и бинты были сняты, я убедилась, что рана заживает как надо.

— Ты только слегка её перетрудил, Симус.

— Возможно, маленький целитель. — Он откинулся на спину. — Но как я мог пропустить танец? — Его улыбка стала шире, глаза замерцали. — И какой!

До, вошедшего в палатку, Жодена донёлся обрывок последних слов.

— Да, Ифтен дурак.

Симус рассмеялся.

— Ифтен — хороший воин, но он боится перемен, а Кир вносит разительные перемены. Ты удивлён, что они поссорились?

— Я заберу Ги́ла? — тихонько спросил у меня Маркус.

Я рылась в лекарствах, стоящих у кровати.

— Нет, то есть, он нужен здесь.

Жоден сел на табурет в сторонке.

— Удивительно, что он бросил вызов.

— Он озвучил истину. — Симус уставился в потолок палатки. — Где только смелости набрался?

— Не понимаю, о чем он думал, — произнесла я, не отрываясь от работы. — Он угрожал Киру смертью. Согласно нашим законам его бы объявили преступником.

Симус слегка поморщился от моего прикосновения.

— Мы даём власть лишь тому, кто её заслужил. Вызов — часть определения лидера.

Я удивлённо заморгала.

— Ксиманд властвует по праву крови, так заведено богами.

— А не потому, что он хороший воин, — съязвил Маркус.

— Именно поэтому у него есть солдаты, как Уоррен, — огрызнулась я, больше уязвлённая тем, что критикуют мой народ, а не в защиту единокровного брата. Я посмотрела на Симуса. — Значит, Ксиманд как король должен выиграть в поединках, чтобы сохранить за собой трон.

Жоден тихонько засмеялся.

— Всё не так просто, трофей. Не всякий имеет право на поединок. Ифтен имеет право бросить вызов Киру, но не во время кампании.

Воцарилась глубокая задумчивость. Я сконцентрировалась на повторной перевязке и рассчитала дозу лекарства от повышенной температуры. Также я предложила Симусу лотос для спокойного сна, но он отказался. Как только я закончила, Маркус вытолкнул меня из палатки.

Как только мы оказались на улице, я стала сопротивляться.

— Я хочу осмотреть ногу Атиры.

— Ничего подобного. — Маркус заградил мне путь. — Вашество сказал «в палатку», значит в палатку.

Рэйф откашлялся, чтобы привлечь моё внимание и заговорил, как только я повернула к нему голову.

— Это приказ военачальника.

Я хотела было заспорить, но рука запульсировала от боли. Мы вернулись в шатёр Кира, только чтобы принять участие в жарком споре, как Рэйф и Прест собираются меня охранять. Они интерпретировали инструкции буквально и намеревались сидеть и смотреть, как я сплю. После горячего разговора Рэйф и Прест вышли на улицу, и мы с Маркусом остались одни.

Стараясь не тревожить руку понапрасну, я осторожно свернула плащ и оставила его на

скамье.

— Маркус, а поединки часто происходят?

— Конечно, трофей. Прежде чем собрать армии, нужно провести поединки на определение званий. Но это в начале весны. Никто не выйдет бросить вызов во время кампании.

— Ифтен осмелился.

— Ифтен — дурак. — Маркус тихонько засмеялся. — Вашество позаботился о нем, не поднимая меча.

— Кто-то может бросить вызов Симусу? Когда он ранен?

— Этого бы не произошло, трофей. Другой занял бы его место до полного выздоровления. Фактически, сам Ифтен, так как он третий в иерархии. — Маркус разжёл жаровни. — Хотя немногие выздоравливают после такой раны. — Он мрачно посмотрел на угли, затем повернулся ко мне. — Ложитесь спать. Вашества не будет до поздней ночи, я его знаю.

Я долго пролежала с открытыми глазами, задаваясь вопросом о мире, где воин получает свой ранг и титул за заслуги, а не из-за сословия или обстоятельств рождения. В полудрёме мне представлялось, как Ксиманд сражается с Уорреном за корону, пока я окончательно не провалилась в сон.

Утро встретило меня тёплым объятием, хмурым лицом и голосом Кира у самого уха:

— Сегодня ты не должна вставать с постели.

День не задался с самого начала.

Маркус насупился из-за нехватки сна. Кир стал ещё мнительнее, чем прошлой ночью, если такое только возможно. Я была расстроена, потому что рука разболелась, Маркус раздражителен, а Кир невозможен.

Он приказал мне остаться в постели.

Я отказалась.

Он приказал мне остаться в палатке.

Я отказалась.

Он приказал смириться с эскортом моих охранников, Рэйфом и ещё десятком людей у палаток, сходить к ученику на осмотр и вернуться.

Я отказалась. Я попросила вместе поехать в город, чтобы увидеть Уоррена.

Он отказался.

Во время этой беседы мы успели искупаться, одеться и поесть. И разговор мы вели на пределе наших лёгких.

Наконец к нам вышел Маркус и заревел:

— Хватит!

Мы замолкли и повернулись вперить в него гневный взгляд.

Маркус сверкнул глазами в ответ.

— Вы, — сказал он, указывая на Кира. — Поедите в город с небольшим отрядом и разузнаете, что удалось раскопать Уоррену. — Он повернулся и указал на меня. — Вы. Пойдите в палатки с вашими охранниками. — Он впился взглядом в нас обоих. — Проклятые дураки.

И ушёл к себе.

— И не возвращайтесь, пока я не выплусь! — крикнул он напоследок.

Кир схватил плащ с мечом и ушёл. Я просверлила взглядом стену палатки, допивая кавадж, захватила плащ и ушла. Эпор и Айсдра ждали снаружи и с трепетом последовали следом, когда я прошла мимо них. Они шли в ногу позади меня и были достаточно умны, чтобы хранить молчание всю дорогу.

Я подошла к палатке Симуса, желая проверить его рану, но из шатра вышел Жоден, стоило мне подойти ближе.

— Он спит, трофей. Они с Киром сидели до поздней ночи.

— Пусть спит.

— Я пойду с вами, если можно. Я хочу поговорить с Атирой. — Жоден зашагал рядом со мной. Эпор и Айсдра продолжали, молча идти следом.

— Для твоей песни?

Жоден кивнул.

— Я желаю увидеть, что произошло её глазами.

— Ты будешь петь о том, что произошло вчера вечером? О вызове Ифтена?

Жоден фыркнул.

— Нет, трофей. Песни, которые я теперь создаю, должны быть великими балладами грандиозных событий, историями, которые помогут мне пробрести титул Певца. Я не буду воспевать дураков.

Гил с улыбкой поджидал нас в палатке исцеления, рядом с грудой бинтов и горшком лекарства от лихорадки. Атира, наш единственный оставшийся пациент, лежала на койке; оба нетерпеливо подняли головы, когда мы вошли внутрь. Эпор и Айсдра устроились на пеньках, стоящих у входа. Айсдра перекинула свою длинную косу на спину и вытащила какое-то кожаное изделие. Эпор достал масло и стал втирать его в деревянную ручку своей палицы.

— Вы должны рассказать мне что произошло! — Атира вскинула руками в раздражении. — Меня отнесли в палатку вчера вечером, и я узнала вести только сегодня утром. Это правда? Ифтен бросил вызов?

Жоден фыркнул. Гил отвёл меня на койку, стоящую неподалёку от Атиры, и стал помогать снять тунику. Жоден выдвинул табурет и устроился рядом.

— Он действительно бросил вызов. Ты слушаешь мои слова?

Глаза Атиры расширились.

— Прошу, Жоден.

Жоден начал говорить своим тёплым голосом, пока Гил разворачивал бинты на моей руке. Он рассказывал открыто, без приукрашиваний, но тон голоса не оставил сомнений относительно его мнения. Гил работал, а Жоден говорил, хотя его казалось, смутило, что я не сняла тунику до конца и постаралась прикрыться. Люди Кира может, и не стесняются наготы, но я более чем довольна своими традициями. Я осмотрелась — всё почистили и расставили по местам. Ничего не свидетельствовало о свершившемся здесь нападении, кроме нового выхода с задней стороны палатки, где Симус вырезал себе путь. Теперь вход сделали до конца и плотно закрепили края.

Гил откинулся назад, осмотрев раны. Они выглядели хорошо, но я взглянула на них и нахмурилась. Без сомнения, останется шрам. На плече красовались две сморщившиеся параллельные линии. Гил повторно перевязал руку и закрепил повязку, когда Жоден завершил рассказ.

Атира воскликнула, и я переключила внимание на их беседу.

— Его жизнь спасла лишь полевая дисциплина.

Жоден кивнул.

— Да, иначе он был бы мёртв.

— Полевая дисциплина? — переспросила я, поправляя на себе тунику.

— Всё хорошо? — спросил Жоден, бросив взгляд на мою руку.

— На время кампании мы под иной властью, чем на равнинах, — объяснила Атира. — Военачальник был великодушен. Возможно, чересчур.

— Да рассудят элементали. — Жоден посмотрел на Атиру, и она затихла, но у меня сложилось чёткое впечатление, что у неё есть собственное мнение по данному вопросу. И тут я вспомнила, о чем хотела спросить.

— Маркус сказал мне кое-что вчера вечером. Об оскорблении небес. — Я наклонилась проверить кожу на ноге Атиры, поэтому не сразу сообразила, что ответа не прозвучало. Я изучила озадаченные лица.

— Он оскорбил бы небеса, трофей, показав своё изувеченное лицо, — ответил Жоден. Гил и Атира кивнули.

— Но... — Я внезапно поняла, почему Маркус почти всё время проводит в палатке. — Это же шрамы чести...

Я запнулась, когда Атира покачала головой.

— Нет. Есть разница между шрамом чести и потерей части тела.

— Значит, все кто калечатся или получают серьёзные ранения ходят в плащах?

Лицо Жодена помрачнело.

— Нет. Они просят о милосердии.

Мне не нашлось, что ответит. Я осмотрела ногу Атиры. Опухоль спала, и кожа стала свободной. Всё внимательно проверив, я обследовала крепление, но нога оставалась прямой и неподвижной. Я откинулась на пятки и задумалась.

— Новая кожа, наверное. Нужно затянуть потуже, чтобы камни действовали.

Гил нервно замялся.

— Я хотел бы помочь, трофей, но должен уйти практиковаться с мечом.

— Ступай. — Я встала и укрыла Атиру. — Займёмся им после полудня, когда сможешь вернуться.

— Теперь мы с Жоденом можем поговорить? — спросила Атира.

— Разговор с Певцом обычно происходит наедине, — объяснил Жоден. — Так певец сможет сосредоточиться только на ваших словах, и никто не сможет повлиять на ваши речи.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Я буду работать в соседней палатке.

Эпор и Айсдра поднялись и вышли вместе с нами из палатки.

— Трофей, я был расстроен, когда искал всё необходимое для вашего выздоровления. Кладовая не так чиста, как вы её оставили в последний раз. — Красный цвет щёк Гила не уступал рыжим волосам.

Я сердито посмотрела на ученика.

— Как всё плохо?

Гил проглотил ком в горле.

— Я был бы счастлив, остаться и помочь.

— И пропустить практику, навлекая тем самым неприятности на нас обоих? Думаю, нет. — Я махнула ему уходить.

— Вы будете осторожны с рукой?

Я закатила глаза, и он рассмеялся, убегая на поле для тренировок.

Стоя в центре кладовой, было легко оценить размеры ущерба. В действительности всё оказалось не так уж плохо, просто небольшой беспорядок после того, как Гил отчаянно искал лекарства. Расставляя вещи по собственному желанию, я обдумала, чем бы заняться. Несколько кувшинов с жидкой мазью могут пригодиться. Мне понравилось иметь несколько бутылочек в запасе, с её помощью и синяки на шее быстрее пройдут. У меня также сохранились компоненты для микстуры, которая хорошо помогает при поносе. Стоит только расстроиться животу у одного, как тут же получаешь ещё десять подобных случаев. Я разожгла жаровни и начала готовить компоненты. Эпор и Айсдра были достаточно любезны, чтобы помочь мне перенести всё что нужно, и скоро палатка заполнилась запахами готовящихся эликсиров и вымоченных мазей.

Писала я с удовольствием, наслаждаясь царапаньем ручки по странице. Работа успокаивала. Я ещё раз разложила бумаги и книги, чтобы составить примечания ко всей проделанной работе, чтобы можно было восстановить, что сделано, а что ещё нет. Всё казалось столь знакомым, почти как дома, и я забылась. Пока стена палатки не хлопнула на ветру и вернула меня в реальность. Ещё я сварила чай из коры ивы. Не столь сильное средство как лекарство от горячки, но оно, тем не менее, уняло боль в руке. Я медленно потягивала напиток, не отрываясь от работы.

Чай немного помог, но по правде, завеса перед глазами висела весь день. Всё казалось таким странным и тревожащим. Эти люди так отличались, видели мир другими глазами, имели столь непохожие нормы. И всё же они истекали кровью, чувствовали боль и выздоравливали, точно так же как и мы. Всё же они так жестоки. Оскорблять небеса? Есть ли причина у раненого в бою воина кончать жизнь самоубийством? И всё же шрам чести вызывал восхищение и похвалу.

Кир хотел объединить земли, но я не видела способа. Конечно, Ксиманд не знал о планах Кира. Я задалась вопросом, узнал ли он теперь? Что он и совет должны подумать об этой идее. Конечно, никто не считал дочь Кси данью, и всё же именно ею я и была.

Но кем точно? Кир, казалось, интересовался мной физически, но говорил о почитании наших традиций. Конечно, у меня не было настоящих рабских обязанностей, кроме как спать в одной палатке. Против чего я совершенно не возражала. Кстати, хоть я варю отменные эликсиры, Анна отчаялась когда-либо научить меня готовке. Маркус упомянул, что меня должны увезти в Сердце Равнин, но ничего не объяснил. Мой разум дал волю фантазии, нарисовав множество событий и картин, но, ни одна из них не сулила ничего хорошего.

Я сидела и размешивала микстуру от поноса, уставившись на стену палатки.

Грохот вытянул меня из транса, и я сняла горшок с огня, чтобы выйти наружу. Эпор и Айсдра встали, поскольку к нам подъехала многочисленная группа всадников с Киром во главе. Всадники окружили палатку; Кир спрыгнул с лошади и прошествовал ко мне. Он был облачен в броню, шлем и чёрный плащ, и выглядел страшно впечатляюще, мерцая на солнце на каждом шагу. Я растворилась в его голубых глазах, когда он подошёл ко мне и встал близко-близко.

— Я не мог уехать не... — Он сделал паузу. — Этим утром я...

Он отвёл взгляд, затем оглянулся на меня.

Я кивнула.

— Я чувствую то же самое. День был испорчен, не так ли?

В уголках его глаз образовались морщинки.

— Да. Испорчен.

Он наклонился и нежно меня поцеловал. Лишь слегка коснулся губ.

— Я ищу Жодена.

Тот вышел из палатки исцеления.

— Военачальник?

— Мы собираемся в замок, узнать непосредственно, что известно о нападении. Я хочу взять тебя с собой.

Жоден двинулся к запасной лошади, которую вел Симус. Я нахмурила брови, увидев, что Симус тоже отправляется в дорогу.

— Нога не разболится? — спросила я Симуса, когда Кир сел верхом на лошадь.

Симус пожал плечами.

— Должна, маленький целитель. — На его губах мелькнула улыбка. — Кто-то должен удостовериться, что Кир не разрушит в ярости город, убивая всех на своём пути.

Кир впился в Симуса взглядом, когда остальная часть группы захихикала. Я улыбнулась, хотя и поняла, что в некоторой степени Симус был серьёзен. Кир развернул лошадь, и отряд отправился в путь, из-под копыт лошадей полетела грязь. Я сделала два шага вокруг палатки и стала смотреть на возвышающийся в отдалении город Водопадов и дорогу, которая вела к главным воротам. Эпор стоял за мной, прикрывая спину.

Городские стены и замок мерцали на солнце. Редкая растительность на горе впитывала первые слабые следы желтизны. Скоро придут снега, водопады замёрзнут, и впервые в жизни я этого не увижу. Эта мысль одновременно будоражила и пугала.

Ветер разметал мои волосы, хлеща ими в глаза. Бросив прощальный взгляд, я вернулась к работе.

— Я уж не жду, что вы вспомните об обеде. — Я подняла голову и увидела, что Маркус вошёл в палатку с едой и питьём.

— Прости, Маркус. Я потеряла счёт времени.

— Прости, прости, одним словом сыт не будешь. — Он снял плащ и стал освобождать место для подноса. — И что это за ужасный запах?

— Микстура для... — Я нахмурилась, не зная правильного слова. — Для болезни кишечника.

Он сморщил нос в отвращении.

— Поешьте. Если сможете.

Я набросилась на еду и улыбнулась Маркусу. Его лицо осталось непроницаемым, но глаз заблестел.

— Вы в лучшем настроении, а?

— Вы тоже.

В его взгляде промелькнула насмешка.

— Я хорошо поспал, премного благодарен.

— Кир вернулся?

Маркус покачал головой.

— Скорее всего, Вашество доводит всех до отчаяния, вороша улей и выбивая из людей ответы. Не волнуйтесь за него. — Он направился к выходу из палатки. — И не забудьте вечером вернуться с тарелками.

Я продолжила работать: охлаждать лекарство и расставлять на хранение. Жидкая мазь

потребовала больше действий, чем что-либо ещё, и я наделала множество бутылочек, включая одну для себя. Я натёрла ею горло, чувствуя тепло, когда она впиталась в нежную кожу.

Я довольствовалась небольшими задачами, пока Гил не вернулся. Атира с радостью приняла ванную, и мы устроили настоящий беспорядок, пока мыли и пропаривали кожу. К концу мы с Гилом устали, и я послала его принести немного каваджа из палатки повара. Очередной громopodobный грохот возвестил о возвращении всадников.

— Военачальник вернулся, — сообщил Гил, разнося кружки. — Выглядит ужасно злым.

Кто-то принёс Атире связку кинжалов на заточку, чтобы занять её делом. Она и Гил принялись за работу, а я читала им «Эпопею», стараясь передать при переводе всю полноту текста. Атира и Гил были очарованы как историей, так и причудливым слогом поэмы. Мы читали о планировании экспедиции, и хоть мне до смерти надоело описание числа тюков и вьючных мулов, мои слушатели внимали каждому слову. Я только дошла до части, где Ксайсон изгнал злых тварей из Кси, когда нас прервал топот приближающегося всадника. Кто-то подошёл к палатке и переговорил со стражниками.

Я захлопнула книгу.

— Достаточно на один день.

Атира кивнула.

— Возможно, завтра мы сможем начать читать? — Она использовала слово ксиан.

Я кивнула, встала и потянулась. В палатку заглянул Жоден.

— Трофей, я могу с тобой поговорить?

— Нужно сменить повязку, трофей, — возразил Гил.

Я опустилась на стул.

— Я во власти своего целителя, Жоден. — Он улыбнулся, но лицо осталось непроницаемым. Я указала на один из пней, пока Гил помогал мне с туникой.

Но Жоден покачал головой.

— Я подожду в другой палатке.

Я удивлённо смотрела ему вслед, пока Гил перевязал руку.

— Есть какие-либо известия? — спросила я, войдя в кладовую.

Жоден вздохнул.

— Дерст идёт на поправку. Ксиманд отрицает любую осведомлённость о действиях Арнита. Он утверждает, что в городе образовалась фракция, недовольная миром. Уоррен не нашёл ни намёка на заговор. Кир расспросил множество людей, но мы не смогли найти следа... — он остановился с несчастным видом.

— Ни следа причастности Ксиманда, — спокойно закончила я.

Жоден кивнул, тяжело опустившись на табурет.

— Симус отвёл его на поле для практики, чтобы выпустить пар. — Жоден вскинул руку, чтобы я не смела бежать. — Симус просил передать тебе, что он будет только сидеть в сторонке и выкрикивать оскорбления. — Он вздохнул. — Им обоим пойдёт на пользу.

Я подошла к одному из столов стала перебирать вещи.

— Жоден, насколько я знаю, все хотят мира между нашими народами. — Я пожала плечами. — Возможно, некоторые члены стражи были недовольны таким положением. — Я бросила на него косой взгляд. — Возможно, воины в армии обижены из-за того, что Кир заставляет их быть на страже ни одну ночь, без веской причины.

Жоден озадаченно посмотрел на меня.

— Это не так, трофей. Ты сокровище.

Сокровище. Я сжала пробку на бутылке... и приняла решение. Каким бы ни был ответ, каким бы ни был мой статус, я должна знать.

— Жоден, — Я не спускала глаз с бутылки, вертя её в руках. — Кир когда-нибудь продавал трофей?

Я услышала, как Жоден поперхнулся за спиной, но не смогла набраться храбрости, чтобы обернуться.

— Я хочу сказать, думаю, я смогу научиться делить его с другими трофеями. — Я проглотила ком в горле. — Но никогда не увидеть его вновь.... Не думаю, что смогу пережить разлуку. То есть, я знаю, что я его рабыня, но я ... — Я закрыла рот прежде, чем перешла на несвязный лепет. Тишина позади, казалось, подтвердила все мои страхи. Мои плечи резко поникли, боль легла на них тяжёлым грузом. Богиня.

— Лара?

Я не смела вздохнуть, услышав вот так своё имя. Как будто я была человеком, а не рабыней, вещью или призом военачальника. Жоден произнёс моё имя, как будто я была человеком, которого он очень ценил. Уважал. Я не понимала, как важно мне собственное имя, пока не услышала его вновь, произнесённое с огромной заботой. Слезы застлали мои глаза. Я повернулась и увидела, что Жоден хлопывает по ящику, стоящему рядом с ним. Я споткнулась и села, вытирая глаза. Я не смогла заставить себя посмотреть Жодену в глаза.

— Позволь нам просто побыть Ларой и Жоденом на короткий миг, в одиночестве этой палатки, — сочувственно произнёс он. — Ты использовала слово... «рабыня»... что оно означает?

Я залилась румянцем от смущения. Жоден положил руку на моё плечо.

— Пожалуйста, окажи мне любезность. Скажи, что оно означает.

— Оно означает человека, который является чьей-то собственностью, как можно владеть лошадью или ножом. Раб полностью во власти воли его или её владельца.

Жоден склонился ко мне, и я знала, что он очень внимательно выслушал мои слова.

— Раб не имеет никаких прав? — спросил он. — Никакого статуса?

Я кивнула, тупя взор.

Он расслабился и глубоко вздохнул.

— Никакого голоса в своей жизни?

Я снова кивнула, стараясь унять слезы.

— Лара, ты считаешь себя рабыней Кира, да? Кто тебе это сказал?

И тут я подняла голову. В глазах Жодена читалась только забота и участие.

— Ксиманд. Перед церемонией.

Жоден снова кивнул, немного нахмурившись.

— Я хотел бы поверить, что это неумышленная ошибка, но сомневаюсь. — Он покачал головой. — И я думаю, мы тоже частично виноваты, возможно, потому что нам казалось, что ты так быстро и хорошо выучила наш язык. — Он посмотрел вверх моей головы, как будто обдумывал какое-то решение.

— Лара, пожалуйста, выслушай меня внимательно. И если я использую непонятное тебе слово, попроси, чтобы я его объяснил. Не делай вид, что ты знаешь его значение. Хорошо?

Я кивнула, и он немного откинулся назад, положив руки на колени.

— Среди нашего народа, военачальники — это воины с достаточным боевым опытом,

чтобы вдохновлять следовать за собой. Военачальник не получает армию от своего отца и не передаёт её своему ребёнку. Он заслуживает её собственными деяниями. Военачальник использует своё умение, чтобы бросить вызов за право собрать людей в армию и вместе со своими воинами совершает набеги, и занимается грабежом ради общей выгоды. Так есть сейчас, так было прежде.

Я хотела взять слово, но Жоден вытянул руку.

— Итак, по нашим традициям заведено, что на свете есть иное сокровище, которое военачальнику не заполучить в сражении. Это военный трофей. Трофей нужно найти во время сражения, или на поле битвы или рядом с ним. Трофей должен оказать помощь военачальнику или его людям. — Жоден поднял палец. — И самое важное, трофей должен привлечь военачальника, должен зажечь искру желания. — Он хитро усмехнулся. — Говорят, что притяжение между военачальником и трофеем подобно жару солнца, сияющего в летнем зените.

Я сидела, раскрыв глаза, и слушала.

— Итак, как только военачальник встретит возможного военного трофея, он останавливает сражение и вступает в переговоры с лидерами той земли. Он должен обсудить вопрос, касаемый трофея, сделать лучшее предложение. — Жоден немного откинулся назад и рассмеялся. — Кир не скупился. — Он успокоился и посмотрел на меня. — Услышав предложение, военный трофей должна по собственной воле подчиниться военачальнику перед свидетелями с обеих сторон. Затем трофей предстаёт перед армией военачальника. По возвращению в наши земли перед советом старейшин проводится последняя церемония.

Жоден взял принесённую Маркусом флягу с каваджем и две кружки и разлил напиток.

— Но даже эти церемонии не создают истинного трофея.

Жоден глотнул из кружки.

— Лара, истинный трофей — большая редкость. Мы ценим их, поскольку наши люди знают, что трофей приносит новый образ мыслей, жизни. Открываясь новым путям и идеям, мы становимся лучше, сильнее. Нельзя подделать истинный трофей, ни выбрать, ни захватить. Они появляются, возможно, раз в пять поколений, и мы считаем их благословением самих элементарей, несмотря на перевероты, которые они принесут.

Я замерла, пытаюсь осознать его слова.

— Наши люди произошли от племён, которые поклонялось тотемным животным. Кир из рода Кошек, а мы с Симусом — Ястребы. Было время, когда племена боролись между собой. И тогда, давным-давно, первый трофей внёс перемену, которая объединила племена. — Жоден потёр руку об колени. — Зачем ты подчинилась Киру, если думала, что станешь рабыней?

Мне пришлось сглотнуть прежде, чем я смогла ответить, так как во рту всё пересохло.

— Чтобы спасти свой народ.

Жоден слегка улыбнулся.

— Лара, нет никаких других трофеев. Когда ты покорила Киру, ты согласилась дать ему шанс ухаживать за тобой, шанс показать, что ты значишь для него. — Он снова нахмурился. — И мы объяснили это вашему королю, лично, во время переговоров.

Он наклонил голову, смотря на меня, как будто я была ребёнком на уроке.

— Ты понимаешь? Ты не «рабыня». Ты суженая, консорт. Ты вторая после Кира в этом лагере. Если ты потребуешь свободы и оставишь лагерь, никто, включая Кира, — подчеркнул он, — не пошевелит пальцем, чтобы остановить тебя. Согласно нашим законам и традициям

тебя нельзя удержать. Твоё присутствие в лагере — дар вашим и нашим народам, и мы уважаем этот дар.

Я заморгала.

— Но браслеты...

Жоден улыбнулся.

— Кир изготовил их в надежде. Они не знак твоего... — Он запнулся, — ...рабства. Они символы вашей возможной связи.

Я всё ещё не верила.

— Символ! Кир сказал, что я не могу пользоваться его символом.

Жоден искривил губы.

— А как это будет выглядеть, если женщина, за которой ты ухаживаешь, думает, что нуждается в его защите?

Я просто уставилась на него.

Он спокойно посмотрел мне в глаза.

— Ты не собственность. Если ты пожелаешь уйти, никто тебя не остановит.

Я встала.

Жоден остался сидеть на месте и смотрел, что я выхожу из палатки.

Айсдра подняла голову

— Вам помочь с горшком, трофей?

Я странно посмотрела на неё, впервые восприняв «трофей» как титул, а не ярлык или вещь.

Моё молчание привлекло внимание Эпора. Он поднял свою палицу и встал.

— Трофей?

Лошадь Жодена стояла снаружи, щипля редкую траву. Я подошла к ней и схватила поводья. Эпор двинулся, словно желая последовать за мной.

— Нет. Оставайтесь здесь.

Эпор остановился как вкопанный. Айсдра подбежала к нему.

— Трофей, — поспешно взмолила она. — Нам приказано охранять вас...

— Я хочу покинуть лагерь.

Я сощурила глаза.

Эпор резко вздохнул.

— Если таково ваше желание, мы не можем вас остановить. Но, трофей, пожалуйста, позвольте нам взять лошадей и сопроводить обратно к вашим людям. Позвольте, по крайней мере, обеспечить вашу безопасность.

— Нет.

Эпор сглотнул ком в горле. Лицо Айсдры стало белым как её волосы. Жоден вышел за мной из палатки и стоял, не отрывая от меня глаз. Айсдра обратился к нему:

— Певец, пожалуйста, скажите ей, что это ради её безопасности. Покушение на её жизнь...

Я ждала.

— Она трофей, ведь так? И мы обязаны повиноваться? — спросил Жоден.

Эпор и Айсдра кивнули. Я вскочила в седло.

Жоден не переменялся в лице.

— Ты свободна, Лара. И ограничения ставишь лишь собственным выбором.

Я развернула лошадь, ударила пальцами ног по её животу, и она поскакала к главным

воротам.

Мы мчались через лагерь; лошадиная грива и мои волосы развевались по ветру. Лошадь оказалась с норовом, и я чувствовала, как её мышцы перекачиваются подо мной, а копыта зарываются в землю. Я наклонилась вперёд, желая одновременно смеяться и плакать.

Никто не стал кричать, не попытался остановить меня.

Некоторые замечали меня и махали рукой, но не выказывали, ни удивления, ни испуга. Я летела между палатками, гоня лошадь вперёд, чувствуя эйфорию в груди. Мы проехали через главные ворота на поле. Стража лишь удивилась, немного не одобряя стиля моей езды.

За ворота и на холм, где избитая дорога соединяется с главной, которая ведёт от ворот замка в долину. Я потянула поводья, но лошадь не захотела слушаться, желая бежать. Она гарцевала подо мной, и я вертела её морду, пока кобыла не успокоилась.

Мы остановились. Лошадь раздували ноздри, а моё сердце бешено колотилось в груди.

Никто не пошёл за мной, никто не среагировал. Ни криков «лови её!», ни преследования. Я была свободна. По-настоящему, воистину свободна.

Я смеялась, наслаждаясь свободой, игрой солнца на лице, ветром в волосах. Лошадь гарцевала подо мной, не желая ждать. Я развернула её в сторону города и замка.

Я могла вернуться домой.

Ветер хлестнул волосы мне в лицо, и я убрала их рукой. Я могла вернуться домой, к прежней жизни, как будто ничего не произошло. Прибежать на кухню, к любящим объятьям Анны, усмешке Озара... собрать осколки старой жизни. Восстановить кладовую, заставить Ксиманда озвучить причину и...

Что, если Кир прав? Что, если Ксиманд пытался убить меня?

Если я вернусь в замок, то окажусь в его власти. Анна и Озар могут безмерно любить меня, но они не встанут между нами.

К тому же, если я возвращусь в замок, то вернусь к известному. К рутине, привычному круговороту жизни. И всё же меня вырвали с корнем — горшок разбился — и я не знаю смогу ли его склеить. А уж тем более расти на прежней почве.

Я заколебалась и снова развернула лошадь. Она раздула ноздри и вдавила копытами траву. На сей раз, я смотрела на дорогу, ведущую в долину. У меня есть умения, и найдутся добрые люди, которые мне помогут. Я могу отправиться в завещанные отцом земли, открыть школу и посвятить свою жизнь преподаванию и лекарству. Я могу даже уехать в чужеземное государство. С некоторым количеством припасов и монет я могу пробиться где угодно в этом мире. Оставить Кира и Ксиманда, плести свой узор, убрать нить своей жизни из спутанного клубка, который они обозвали «миром».

Лошадь покачала головой, звякая сбруей, переступила копытами, как будто в неодобрении.

Если я попытаюсь выбрать собственный путь, то нарушу обещание, что моя Кровь дала людям, когда первые Кси заняли престол. Я могу быть свободна от рабства военачальника, но присяга и долг всё ещё связывают меня с народом. Думаю, чтобы у мира возник шанс устоять, я должна оставаться рядом с Киrom.

Я снова развернулась, теперь уже в сторону лагеря. В ушах звучал голос Жодена.

«Ты свободна, Лара. И ограничения ставишь лишь собственным выбором».

Дыхание замерло в груди. Лагерь военачальника, лагерь страшного народа Огненной земли. Народа, которой оставался для меня тайной за семью печатями, поскольку я понятия не имела, на что будет похожа моя жизнь среди них, или, что ждёт меня в Сердце Равнин. Лагерь человека, который рисковал всем ради возможности построить нечто лучшее. Сильное. Яркое. Для обоих наших народов.

Вернуться в лагерь и к Киру рискованно. Полная неизвестность, ведь никто не может сказать доживут ли его планы до рассвета, а уж тем более осуществляться. И нет способа предсказать, что произойдёт со всеми нами, если он потерпит неудачу.

И всё же, если отбросить великие планы и королевства, оставалось ещё кое-что. Я покраснела, подумав об этом. Наверняка, дочь Кси, посвятившая себя долгу и обязательствам, не должна думать о мужском прикосновении в ночи или как простое касание губ к шее может породить столько жара в груди. Нет, верная дочь Кси должна размышлять только о долге и обязательствах, как тогда, когда я преклонила колени в тронном зале, чтобы стать рабыней.

И всё же то, что я приняла за требование, являло собой обольщение.

То, что я приняла за цепи, на самом деле представляло символ.

То, что я спутала с гордостью обладания в паре голубых глаз, было... обещанием всей жизни?

Надежда родилась в моей груди, как восход солнца. Есть лишь один способ узнать. Это единственная уверенность, что у меня есть. Если я выберу иную дорогу, вернусь в замок или в мои владения, то никогда не получу ответы. Или я пойду на самый большой риск и открою своё сердце Киру. Из всех возможностей, всех путей, лишь эта будила мою кровь. Будущее, полное риска и опасностей, возможности и обещания. Ради него. Ради меня. Ради нас.

Я засмеялась и погнала лошадь, и она снова охотно пустила вперёд. Мы стали спускаться с холма, земля летела из-под копыт. Проскакали через ворота, услышав лишь окрик стражников. Я мельком увидела их лица и снова рассмеялась. Уверена, они думают, что из меня никудышная наездница. Я не останавливалась, пока не оказалась у своей кладовой.

Жоден всё ещё стоял на месте и, спрыгнув с седла, я увидела радость в его глазах. Эпор и Айсдра бросились ко мне, на их лицах читалась радость и облегчение.

— Хвала небесам! — воскликнул Эпор, когда я передала поводья Жодену.

— Ещё один вопрос. — Я выпрямилась и посмотрела Жодену прямо в глаза. Он стал серьёзным и кивнул продолжать. — Мне придётся рожать пятерых детей?

Он моргнул от удивления, но тут его облик посветлел. По широкому лицу расплылась улыбка.

— Нет.

— Где он? — властно спросила я.

Всё лицо Жодена озарилось светом, и он указал мимо палаток на тренировочное поле. Я улыбнулась и повернулась уйти.

— Трофей! — Эпор встал передо мной, вытянув руку в мольбе. — Трофей, пожалуйста, позвольте пойти с вами.

— Трофей, мы лишимся жизни, если вы... — подала голос Айсдра.

Я остановилась и развернулась.

— А, если я отвечу «нет»?

Айсдра сглотнула.

— Мы повинемся, трофей. — Посеревший Эпор покорно кивнул. Жоден лишь улыбнулся мне.

— Тогда идёте! — крикнула я, обернувшись, и бросилась бежать. Жоден засмеялся позади, но уже через секунду меня легко нагнали. Добежав до шатра Кира, я задумалась на минуту. Я могла вернуться и искупаться, найти белое платье и ждать его босиком, распустив волосы...

Нет.

Он ждал слишком долго.

Я ждала слишком долго.

Ни минутой больше.

Тренировочное поле оказалось большим полем грязи без дёрна. Кир стоял в боевой стойке напротив двух воинов. Собралась настоящая толпа, включая Симуса, который сидел на скамеечке и кричал оскорбительные комментарии, подгоняя бойцов. Понятия не имею, какой урок здесь проходил: мой взгляд был прикован к одному воину.

К одному высокому, голубоглазому, потному мужчине.

Никто не заметил, как я подошла к краю поля. Я остановилась отдышаться и понаблюдать, как Кир танцует вокруг противников, используя их движения против них. Он был облачен в блестящую кольчугу, чёрный подлатник и койф, из оружия — два деревянных меча. Соперники были вооружены щитами и деревянными мечами. Пыль стояла столбом, когда воины меняли позицию, пытаюсь зайти с флангов, но в результате только спотыкались друг о друга. Лицо Кира стало непроницаемой маской, он полностью сосредоточился на своих противниках. Я могла любоваться им ни один час. Я хотела любоваться им ни один час. Но прямо сейчас меня волновало совершенно иное.

— Кир! — крикнула я.

Он повернул голову, ища глазами моё лицо, в тот самый момент, как один из его врагов сделал выпад деревянным оружием. Меч звучно ударил Кира прямо по заднице. Я вздрогнула от звука. Нападавший в страхе отскочил назад, когда зрители засмеялись, а громче всех Симус. Кир даже ухом не повёл. Он с волнением подошёл ко мне, немного наклонив голову набок и опустив оружие. Моё сердце переполнилось эмоциями, и я стала раскачиваться с пятки на носок.

— Трофей?

Как только он оказался рядом, я обхватила его плечи, встала на цыпочки и поцеловала. Страстно. Кир был пойман врасплох и осторожно поднял руки, чтобы обнять меня, стараясь не задеть оружием. Я засмеялась и слегка прикусила его нижнюю губу.

— Я хочу тебя. — Я откинулась назад, чтобы увидеть его лицо. Кир заморгал в шоке. — Сейчас же, мой военачальник.

Я вырвалась из его объятий, развернулась и зашагала в сторону палатки. Эпор и Айдра последовали за мной, но сохраняя дистанцию.

— Трофей?! — крикнул Кир вслед.

Я обернулась и, усмехнувшись, пошла быстрее.

Симус захохотал во весь голос, а Кир, поругиваясь, последовал за мной. Воины поддержали нас и одобрительно закричали, некоторые даже засвистели. Я рассмеялась и продолжила идти. Я слышала звон кольчуги за спиной, становившийся всё ближе и ближе, и бросила взгляд через плечо, только чтобы видеть, что Кир меня нагоняет.

Я кинулась бежать.

Мне едва удалось первой достичь палатки, стрелой влетев внутрь. Эпор и Айдра остались снаружи. Я подошла к кровати, повернулась и стала ждать. Позади, всё ещё облачённый в кольчугу и кожаный поддоспешник, стоял Кир, едва переводя дух. Он приблизился ко мне, и внезапно я поняла, что не знаю, что делать дальше.

Я не должна волноваться. Он подмял меня и крепко поцеловал, яростно прижав к себе. Мы повалились на кровать: Кир спиной вперёд, а я у него на груди. Он резко выдохнул, и я отступила, испугавшись, что причинила ему боль. Лицо Кира тут же приняло столь изумлённый вид, что я начала смеяться. Он изучил моё лицо, ища причину моих действий.

— Мой, — произнесла я, смотря в его голубые глаза. Я наклонилась, позволяя волосам упасть на его лицо. — Мой военачальник.

Он открыл рот, чтобы заговорить, и я накинулась на него, целуя, смея брать инициативу на себя. Лишь нехватка воздуха вынудила меня отступить, и мы минуту переводили дыхание. Мои волосы образовали занавес, обрамляя его лицо. Он облизнул губы и с удивлением, и капелькой недоверия посмотрел мне в глаза.

— Скажи это, — наклонилась я, облизывая его щеку. На вкус она была как соль смешанная с пылью. Сказочное ощущение. Кир сглотнул ком в горле и откашлялся. Я подняла голову и улыбнулась ему.

— Твой?

Моё сердце прыгнуло в груди, готовое разорваться.

— Мой. Мой военачальник. Мой Кир.

Я наклонилась, и на сей раз поцелуй был нежным, обоюдным, длительным...

И тут мои волосы запутались в кольцах кольчуги.

Ругаясь про себя, я покинула его объятия, пытаюсь освободить волосы. Кир стал хихикать над моими тщетными попытками. Он обнял меня и начал смеяться, пока я сражалась за сохранность своих волос.

— Мой трофей. — Он улыбнулся мне, пока я освобождала волосы. — Мой военный трофей.

Я аккуратно схватила спасённые волосы и убрала их подальше от злых кольчужных колечек.

— Возьми меня, мой военачальник, — прошептала я на ухо, наклонившись.

Улыбку с лица Кира как ветром сдуло.

— Маркус! — завопил он, перекатываясь и аккуратно укладывая меня на кровать. Кир сбросил койф с головы.

— Военачальник? — не скрывая удивления, Маркус без предупреждения вышел из задней комнаты.

Кир бросил койф на пол и принялся за пояс.

— Подойти и помоги всё снять. — Маркус изогнул бровь, а затем повернулся посмотреть на меня, лежащую на своей стороне кровати.

Я улыбнулась Маркусу.

По его лицу расплзлась улыбка.

— Сию же секунду, мой военачальник. — Он помог Киру снять тяжеленное боевое облачение и поддоспешник. Наконец Кир остался стоять в чёрных кожаных штанах и чёрных сапогах. Его глаза пронзили меня. Я бесстрашно встретила этот взгляд.

Маркус собрал разбросанные части брони и одежду. Кир даже не удостоил его взгляда.

— Спасибо, Маркус. Теперь оставь нас.

Маркус удалился с небольшой усмешкой на лице. Кир двинулся в уборную.

— Позволь мне помы...

— Нет. — Я встала на колени на краю кровати. — Иди сюда.

Он подошёл и встал передо мной. Я смотрела на него с минуту, вглядываясь в голубые глаза. Робко положила руки на пояс. Кир затаил дыхание от прикосновения, и я замерла в нерешительности. Он накрыл мою ладонь своей и медленно переместил на живот, а затем и на грудь. Я чуть привстала, обернула руки вокруг его шеи и поцеловала со всей страстью, на которую только была способна. Он вернул её с пылом и нежно опустил меня на кровать.

Я попыталась толкнуть его, подтянуть к себе, но он стал сопротивляться. Он навис надо мной, в ярко голубых глазах засветилось беспокойство.

— В первый раз, Лара, не всегда хорошо, может быть больно. Я могу попросить, чтобы инициатор обучил тебя...

Я втянула воздух во всю глубину своих лёгких:

— Только ты, Кир. Никаких инициаторов, никаких учителей. — Я подняла голову,

проводя губами по его лицу и подбородку. — Пожалуйста.

Его глаза расширились на секунду, но, тем не менее, он остановился и как в прошлый раз положил ладонь мне на грудь.

— Это не твой путь, Ксилара. Традиция твоего народа...

Я прикрыла его рот ладонью.

— Здесь нет ни Кси, ни Равнин. Только ты и я. — И я в испуге убрала руку. — Если ты не хочешь...

Он поцеловал мои пальцы, затем губы, не оставляя место для сомнений. Нежно, он опустился на кровать и притянул меня к себе, чтобы мы легли на бок, лицом к лицу. Его рука скользнула по моему бедру, согревая кожу под одеждой. Его поцелуи были медленными и возбуждающими, и я ответила на них с растущей страстью.

Но пассивная роль меня уже не удовлетворяла. Мне стало любопытно узнать больше, и я положила ладонь на грудь Кира, исследуя кожу и волосы. К моему восхищению я обнаружила, что поглаживание моей руки разожгло в нем огонь, как и его прикосновение ко мне, если я только могла доверять дрожи его тела. Редкие и вьющиеся волосы на ощупь были как шёлк. Изменение в его дыхании, взгляд на лицо намекали на власть, которая могла открыться мне в будущем. Но пока моё прикосновение оставалось неуверенным, и я лишь водила пальцами по очертаниям шрамов и мускулов.

Двигаясь нарочито медленно, Кир запустил руки под мою тунику и снял её через голову. Я покраснела и закрыла глаза, пока его руки двигались по бинтам на груди. Он замер, как только его пальцы остановились на изгибах моей груди.

— Что случилось? — прошептал он.

— Ничего. — Я учащённо задышала, ощущая его прикосновение. — Просто я недостаточно... аппетитная.

Тёплые голубые глаза рассмеялись надо мной, а руки скользнули под одеждой, и жар охватил меня, стоило ему сжать мои груди.

— Они прекрасны, — прошептал он. Я выгнулась, стараясь не забывать дышать, пока он показывал мне, насколько они прекрасны.

Повязка на груди, наша одежда и мир исчезли. Были только мы и тлеющее желание между нами. Каждое прикосновение приносило новые открытия и ощущения, каких я не знала прежде. Как могло дуновение тёплого дыхания по влажной коже вызвать такие ощущения? Почему у меня покалывало всё тело, когда Кир проводил пальцами по моим волосам, чтобы разметать их по подушкам? Как мог малейший поцелуй за ухом породить такую страсть?

Я плавала в море удовольствия и удовлетворения, тая на кровати как золото в огне. Кир поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты уверена, Лара?

— Более чем, — улыбнулась я.

— Хорошо. — Он наклонился и поцеловал меня, даря губами новую и настойчивую ласку. Я ответила, познавая нечто новое в его нежности. Если раньше я была расправленным золотом, то теперь превратилась в бушующий в горах ураган. Я задохнулась, извиваясь от усилий тронуть его ещё больше, почувствовать его больше, знать больше...

Я целитель и знаю всё о плоти. Как она двигается, болеет и даже как умирает. Я знала о любовных утехах, слышала об удовольствиях, которое они приносят, мнила, что я представляю эти ощущения. Ничто не подготовило меня к реальности.

Кир двигался медленно, осторожно, ведя меня, обезумевшую от голода, который он пробудил в моей душе, только чтобы я, дрожащая и слабая, вновь упала в его объятия. Я сжала его и попросила о большем, и он повиновался, его нежный смех звенел между нами, когда он начал сначала.

Тогда, наконец, я сжала его в руках и теле, и мы замерли, смотря друг на друга.

— Лара, ты как? — Его дыхание было рваным, и я почувствовала, что его плечи дрожат под моими пальцами, так как он старается не придавить меня своим весом. — Я сделал тебе больно?

— О, Кир. Мой Кир. — Я расслабилась, согретая его нерешительностью, и слегка двинулась, только чтобы лицезреть, как страсть освещает его лицо. Он поцеловал меня и начал двигаться, и была радость, и удовольствие, и божественный лёгкий взрыв внутри меня и вокруг нас и в самой сущности наших душ, связанных вместе.

Я проснулась и поняла, что лежу под любящей рукой, а моя голова покоится на груди Кира. Не открывая глаз, я глубоко вздохнула и вслушалась в биение сердца. Я чувствовала глубокое умиротворение, чувство принадлежности. Мои веки чуть поднялись. По свету жаровен я поняла, что проспала недолго.

Рука Кира лежала на его груди. Я потянулась и накрыла её своей. Его рука оказалась такой тёплой. Я притянула её к себе. Ногти подстрижены ровно и почти под корень. Я перевернула её. На ладони и пальцах костные мозоли от многолетней практики владения мечом. Я провела пальцами по его ладони легонько и игриво. Пальцы были длинными и сильными. Я улыбнулась и поцеловала ладонь. А затем провела по месту поцелуя языком.

Его пальцы быстро согнулись, а затем расслабились. Я немного отступила и подула на место поцелуя. Я была вознаграждена нежным низким стоном и отважилась на поцелуй в запястье.

Кир засмеялся и погладил мою голову свободной рукой.

— В твоей палатке нашлась микстура, которая превратила пугливого котёнка в дикую кошку? — прошептал он.

Я повернула голову, чтобы изучить его сонные глаза, нежно синие под полуопущенными веками.

— Я, наконец, собралась с духом, и спросила Жодена, продавал ли ты когда-либо военный трофей. Именно тогда он объяснил различие. Объяснил, кто такой трофей и что это означает. Именно тогда он сказал мне, что я свободна. Что ты... — я осеклась. Полуопущенные веки резко поднялись, а в глазах вспыхнуло яркое пламя.

— Что я, что?

Я почувствовала напряжение в его мышцах и увидела, как сжалась челюсть.

— Предлагал мне стать твоей парой, твоим консортом.

Я опустила глаза и отстранилась. Возможно, Жоден ошибся, возможно, я ...

Кир не позволил мне двинуться. Он просто прижал меня к себе, не давая убежать. Я подняла голову. Его глаза стали узкими щёлочками, а лицо мрачным и жёстким. Но его голос остался нежен и тих, когда он произнёс:

— Лара, что Ксиманд сказал тебе перед церемонией?

Я снова опустила голову на его грудь. Он провёл рукой по моим волосам, разделяя пряди и позволяя пальцам свободно скользить между ними. Я сделала нервный вдох и поведала ему, что сказал Ксиманд. Я объяснила значение слова «рабыня», затем повторила

речь Жодена о значимости военного трофея. Я остановилась, отчаянно переводя дух.

Кир продолжил гладить мои волосы. Его голос был всё ещё нежен, когда он заговорил:

— Той ночью ты боялась, не потому что была нетронутой. Ты думала, я собираюсь изнасиловать тебя.

Я подняла голову и увидела суровые глаза, которые тоже пытались скрыть отчаяние. Я поднесла руку к его щеке и коснулась её, смотря Киру прямо в глаза.

— Я думала, ты возьмёшь то, что принадлежит тебе, да. Но ты не взял ничего, что не было свободно предложено. — Его глаза смотрели в мои. — Я боялась, что ты заберёшь моё сердце и ничего не дашь взамен. — Я провела большим пальцем по его губам. — Или ещё хуже, ты заберёшь моё сердце, а затем выбросишь, как изношенный сапог. — Его рука напряглась вокруг меня на мгновение. — Когда я услышала слова Жодена, то поняла, что ты не отнимаешь. А лишь предлагаешь. Предлагаешь мне время. Предлагаешь своё сердце.

Он восхитился мной, поглаживая мою щеку.

— Ты такая храбрая.

Я покраснела и потупила взгляд. Кир приподнял мой подбородок пальцами.

— И почему это так тебя смущает?

Я повернула голову. Кир провёл пальцами по моей щеке и под ухом, лаская шею.

— Я люблю твой румянец. Моя дикая кошка, столь сильная и всё же такая уязвимая. — Он поцеловал мою шею, переместился на ключицу и стал осыпать её крошечными поцелуями. — Когда я начал переговоры, то отвёл твоего дражайшего братца в сторонку и всё ему объяснил. Я хотел, чтобы он знал, что за тобой будут ухаживать с честью и желанием. — Я задрожала от того, как он произнёс последнее слово. Он остановился и изучил мои глаза. — Лара, я представляю, что этот ублюдок наплёл тебе... — Его голос дрогнул. Я успокоила его нежными прикосновениями и поцелуями. — Я ждал, что ты покажешь своё желание. Я не понимаю... — Он осёкся, а затем спокойно произнёс: — У тебя есть моё сердце, Лара.

Его голос у моего уха наполнил меня поразительной лёгкостью бытия этого мужчины. Он уткнулся лбом в мой лоб.

— Мой военачальник, — прошептала я. Тогда он взял мои губы, даря глубокий поцелуй.

Мы отстранились друг от друга, и он засмеялся.

— Лучше помыться, пока ещё есть силы. — Он встал и занялся мелкими делами, расхаживая голым по палатке, точно большая кошка. Хотя я и восхищалась им, сама я не чувствовала себя так раскованно. Я сгребла меха и подвернула их под руки, чтобы прикрыться. Кир вернулся, неся мне одежду и поднос с потеющим кувшином и грушами.

— Подарок от Маркуса. — Мы выпили холодной ключевой воды и в тишине накормили друг друга кусочками груши.

Капельки сока сбежали по моему подбородку и упали на шею и грудь. Я сморщила нос и улыбнулась Киру.

— Нужно будет утром помыться.

Кир наклонился и облизал след сока. Я посмотрела на него в изумлении. Он посмотрел на меня в ответ, в глазах плясали весёлые искорки. Аккуратно сдвигая поднос, он положил его на пол у кровати. Затем он набросился на меня, перевернул на спину и лёг поверх.

Я засмеялась.

— Кир, я вся липкая.

Он зарычал, глаза замерцали на свету.

— Толи ещё будет.

* * *

— Хватит, чтобы бросить ему вызов, — прорычал Симус.

Мой военачальник пригласил Симуса и Жодена к нам на ужин. Маркус ворчал, расставляя различные блюда на столе, но блеск в его глазу заставлял меня краснеть всякий раз, когда он смотрел на меня.

— Нет, не хватит. — Кир отправил в рот кусочекпряного мяса.

— Он не желал мира! — Симус ударил кулаком по столу, так что загрохотали тарелки. — Сказал своим людям, что она должна быть «вещью».

— Дочери Кси рождаются, чтобы вступить в дипломатический брак, Симус. — Я спасла одну из чаш от падения. — Я согласилась по собственной воле, чтобы скрепить мир.

— Чтобы связать партнёров ради выгоды? Кто из нас варвар, трофей? — Жоден пристально на меня посмотрел.

— Он солгал ей и своему народу и отправил людей, дабы убить её. — Симус сжал кружку. — Брось вызов и распотроши его. — Он был убийственно серьёзен.

— У нас нет доказательства... — начала я, но Кир не дал мне договорить.

— Он дал тебе яд.

— Таким же образом как вы предоставляете милосердие своим раненым.

— Нет. — Кир покачал головой. — Он знал правду, Лара. Это не то же самое.

— А как же тогда Ифтен? — Я принялась за хлеб. — То копьё было с цельным наконечником.

— А? — По взглядам стало понятно, что Кир умолчал о рынке. Кир кратко рассказал о произошедшем, и оба затихли, задумавшись о соучастии Ифтена. Симус тяжело вздохнул. — Ну, это меняет некоторые хорошо продуманные планы.

— Какие планы? — спросила я.

— С начала мы надеялись на завоевание. План состоял в том, чтобы захватить город, а затем разделить армию, Кир остался бы здесь. Я вернулся бы в Равнины и привёл больше воинов весной. — Симус поднял кружку. — Теперь Кир должен вернуться в Сердце Равнин.

— И бросить Симуса без прикрытия, — нахмурился Кир. — Я не оставлю его здесь с Ифтенем.

— Я могу остаться, — подал голос Жоден.

Симус яростно покачал головой. Кир поднял бровь.

— А как же стремление получить титул Певца во время снегов? Останешься здесь, и придётся ждать целый год...

— Он едет. — Симус был непреклонен. — Я не желаю смотреть, как ты отказываешься от мечты, Жоден.

Жоден потупил голову.

— Старейшины не могут....

— Ты был наказан. — Тёмные глаза Симуса заблестели при смене темы. — Говоря об этом, ты начал работать над песней?

Жоден кивнул.

— Спой нам хотя бы припев, Жоден. — Симус махнул рукой, чуть не пролив кавадж. —

Или нам придётся ждать официального представления?

— Нет. — Жоден вгрызся в куриную ножку. — Да.

— Нечестно. — Симус повернулся к Киру. — Ты военачальник. Прикажи ему спеть хотя бы кусочек.

Кир фыркнул:

— Приказать певцу?

Симус склонился ко мне с недобрый блеском в тёмных глазах.

— Ты трофей. Ты могла бы... — Он изогнул брови в намёке.

— Если она так поступит, — спокойно отозвался Жоден, — то в тексте будет говориться об одном раненом воине, который располнел и разленился, когда вылечился.

Симус взглянул на третью полную тарелку.

— Мне нужна еда, чтобы пойти на поправку. Ведь так, маленький целитель?

Сохраняя серьёзный вид, я посмотрела на него.

— Симус, вся армия могла бы прожить на том, что ты ешь.

Кир и Жоден залились хохотом. Симус попытался не рассмеяться, возражая на моё заявление.

— Что за гам? — вошёл Маркус, неся ещё каваджа. Кир и Жоден стали объяснять, заглушая протесты Симуса о невиновности.

— Ах, трофей сказала сущую правду. — Маркус разлил для всех напитков. — Твоё брюхо скоро будет висеть над поясом.

— Лара. — Я посмотрела Маркусу прямо в глаз. — Меня зовут Лара.

Кир, Симус и Жоден занялись едой. Маркус пропустил мои слова мимо ушей.

— Маркус. — Я села очень прямо, решив выиграть в данном вопросе. — Я хочу, чтобы меня называли Ларой.

Его единственный глаз сверкнул; Маркус не был счастливым человеком. Он поставил кувшин каваджа на стол, поклонился и повернулся уйти.

— Маркус, остановись. — Он замер на месте, но не обернулся. — Маркус, я приказываю...

Жоден поперхнулся напитком. Симус втянул воздух между зубами, а Кир поднёс руку к глазам. Очевидно, я совершила очень, очень большую глупость.

Маркус развернулся на пятках и выгнул бровь.

— Да?

Полная тишина за столом.

— Маркус, я была бы очень признательна, если бы ты иногда обращался ко мне Лара.

— Я подумаю. — Маркус снова повернулся и ушёл.

Симус вздохнул.

— А ты храбра, маленький целитель.

— Он же меня не побьёт, — возразила я.

— Каша. Холодная каша и водянистый кавадж в течение месяца, — задрожал Кир. — Я научился на горьком опыте, что лучше Маркусу не перечить.

— Полностью согласны, — поддержали Жоден и Симус.

Ребята ушли от нас в позднем часу. Я разделась и забралась под меха, ожидая, когда Кир вернётся с проверки караула. От жаровен исходил жар, и знакомый отблеск осветил палатку.

Кир вернулся, и я посмотрела на него с улыбкой.

Он нахмурился и посмотрел на меня в ответ.

— А сейчас мы будем спать, трофей. Утром и так будет саднить.
Я улыбнулась и потянула Кира на кровать.

* * *

Голос Маркуса разрезал утренний туман:

— Шевелите ленивыми задницами. Утренний сенель. Времени совсем не осталось. — Я услышала, как он торопливо готовит ванную комнату. — Я подогрею ещё воды. Можете быстро обмыться перед сенелем. И я приготовил кувшин каваджа. А теперь подъем.

Я услышала удаляющиеся шаги. Хотелось вновь провалиться в сон. Вчера вечером мы с Киром «обсуждали» важные вопросы до поздней ночи.

Кир погладил мою тёплую щеку. Я подняла голову и сонно заморгала. Кир перевернул меня и поцеловал.

— Когда ты такая сонная и милая, я не могу устоять и не...

— Не теперь. — Маркус вернулся в комнату с большим количеством тёплой воды и скрылся в уборной.

Кир глубоко вздохнул и снова меня поцеловал, но отвёл голову, стоило мне ответить на поцелуй с возрастающей страстью.

— Не теперь, — прошептал он. Я улыбнулась. Он снова вздохнул и поднялся с кровати.

— Я пойду первым. — Он посмотрел на моё лицо и, поняв, какая идея пришла мне в голову, свёл брови. — Один.

Я бросила на него полный недовольства взгляд.

Маркус ушёл, и Кир отправился мыться. Я ещё минуту понежилась в кровати, греясь в остатках тепла. Затем выгнула спину, желая потянуться... и замерла.

О-ой! Как больно.

Должно быть, я вскрикнула, потому что Кир тут же оказался передо мной с обёрнутым вокруг талии полотенцем. Капельки воды стекали с его рук и груди.

— Ты как?

Я моргнула и залюбовалась. Кир посмотрел на меня, медленно улыбнулся и повторил вопрос.

— Всё хорошо. — Я улыбнулась ему. Вошёл Маркус, и я слегка покраснела, чуть приподнимая одеяло. — Просто рука болит, вот и всё.

Кир нахмурился, и тут его глаза осветило озарение.

— Может, тебе лучше остаться сегодня в кровати.

Я наклонила голову и широко улыбнулась.

— Только если ты останешься со мной.

В глазах Кира вспыхнули яркие искры, и мне показалось, что я увидела небольшое движение под полотенцем. Моя улыбка стала ещё ярче.

Он преувеличенно зарычал и пошёл обратно мыться.

— Маркус! Пошли гонца за Гилом. Я хочу, чтобы он осмотрел её руку. — С этими словами его светлость и величественность вошла в уборную и уронила за собой полог.

Маркус с заботой взглянул на меня.

— У вас рука болит?..

Я пригладила вокруг себя меха.

— Нет.

Маркус улыбнулся.

— А-а.

И Маркус вышел, фальшиво посвистывая про себя.

После того, как я искупалась, Маркус стоял над душой, пока Гил менял повязку и поил лекарством от жара. Рана сильно воспалилась, но выглядела хорошо. Маркус забормотал, когда Гил закончил, и выпроводил его из палатки. На этот раз ему не разрешили прислуживать на сенеле.

Я слышала, как в главном зале собираются люди, и попробовала сосредоточиться на причёске: убрать волосы с лица и закрепить их на макушке. Кир подошёл сзади и схватил меня за руки.

— Оставь так. Пожалуйста?

Он провёл пальцами по полусобранному пучку и растрепал волосы. Я вздохнула, когда Кир поднял меня и понёс в зал.

Маркус сыграл роль герольда для нас, неся символ Кира, и присутствующие поднялись, когда мы прошли к нашим местам. Подносы еды были розданы, а кувшины с каваджем быстро разнесли по залу. Я накинулась на еду от голода. Кир завёл беседу, расспрашивая о состоянии людей, снаряжении и провианте.

Я ела и слушала, отмечая, что Кир казался очень удовлетворённым ответами. Симус также задавал вопросы и слушал, и хоть казалось, что они оба увлечены разговором и едой, я знала, что их внимание приковано к Ифтену, сидящему на противоположной стороне зала в обнимку с каваджем. Ифтен даже не старался присоединиться к беседе, но и не привлекал к себе внимания.

Маркус вышел на минуту, чтобы переговорить с охранниками. Вернувшись, он привлёк внимание Кира и произнёс:

— Гонец из замка.

Кир кивнул.

— Я надеялся получить известие от Уоррена. Введите гонца.

Полог открылся, и вошёл мужчина. Из-за солнца за спиной посыльного я не смогла различить его лица, пока он не приблизился. Это был Хит. Моё лицо расплылось в радостной улыбке.

— Хит!

Я встала, подбежала к нему и крепко обняла. Хит тоже с удовольствием обнял меня, а затем отстранился. Как всегда, он приобнял меня за шею и прислонил лоб к моему лбу.

— Лара, с тобой всё в порядке? — Его шёпот был яростным и жёстким, столь противоположно к улыбающемуся лицу.

Я кивнула, не убирая лба.

— Хорошо, очень, очень хорошо.

Я подняла голову и улыбнулась ему.

— Ну же, садись со мной. Поешь.

Он покачал головой и произнёс вполголоса:

— Нет. Я должен передать сообщение и не знаю, как оно будет воспринято. Иди. Возвращайся на место.

Я нахмурилась.

— Что-то не так.

Именно это читалась в его глазах.

Хит отпустил меня и слегка подтолкнул. Я вернулась на своё место, бросая взгляд на встревоженного Кира.

Хит сделал ещё шаг и затем опустился на колено, выказывая уважение перед Киром.

— Добро пожаловать. — Кир показал, что Хит может подняться, но тот не шелохнулся.

Кир продолжил: — Ты принёс весть от лорда Уоррена?

— Военачальник, меня послал король Ксиманд.

Кир жестом показал ему продолжать.

— Военачальник, мне приказали передать сообщение о предательстве. Вернувшись в город, лорд Уоррен напал на Ксиманда. — Хит сделал глубокий вдох, и Кир выпрямился. — Это неистинные слова, но я повторю их, если вы так желаете.

Кир и Симус напряглись. Люди вокруг меня прекратили пустые разговоры и затихли, ощущая новую напряжённость.

Хит продолжил:

— Военачальник, моя истинная миссия состояла в том, чтобы убить... — Его голос дрогнул. — ...Король сказал мне, что при входе в палатку он был уверен, что Лара приблизится ко мне и поприветствует, как она это всегда делает. Как только она приблизится я должен был ударить и убить её.

Кир замер, словно дикий зверь перед броском. Его голос зазвучал глубоко, тихо и угрожающе:

— Как?! Я не вижу оружия.

— Вот так, военачальник. — Хит вытянул руку и крутанул запястьем. Из-под рукава показалось лезвие длиной с детскую ладонь. Острое и смертоносное, оно замерцало на свету.

Реакция последовала тотчас же. Воины вокруг меня подпрыгнули, некоторые встали живым щитом, другие потянулись за оружием и направили его на Хита. Испугавшись за жизнь друга, я встала, но Кир остановил своих людей одним жестом.

— И всё же трофей цела и невредима, а ты стоишь передо мной на коленях.

Хит кивнул, сглатывая ком в горле. Быстрыми движениями ладони он убрал потаённое лезвие и заговорил:

— Ксиманд присягнул вам на верность, военачальник, и моя присяга Ксиманду переходит на вас. Я не буду брать грех на душу. Лара как сестра мне, и я не могу... — Его голос дрогнул от напряжения. Он бросил механизм в ноги Кира и откинулся на пятки, резко сломленный горем. — Ксиманд удерживает моих родителей как гарантию, что я исполню задание. Он убьёт их, если моя миссия потерпит неудачу.

— Анна и Озар. — С щемящим сердцем я посмотрела на Кира.

— Боюсь, его коснулась Богиня, — продолжил Хит. — У меня нет иного объяснения.

— Что это означает? — посмотрел на меня Кир.

— Сумасшествие. Безумие. — Я поднесла руку к губам. — Хит, он не может...

— Лара, он изменился с того дня, как присягнул на верность военачальнику. После твоего отъезда он не один час провёл в бреде. — Хит вытер ладонью пот со лба. — Клянусь, его разум не смог пережить поражения.

— Рассаживаемся. Рассаживаемся, — сказал Симус, указывая всем вернуться на свои места. Кир кивнул, и все сели. Я сделала шаг в сторону Хита, но быстро покосившись на Кира поняла, что это плохая идея. Я заколебалась в нерешительности. Кир сжал челюсть и

сурово посмотрел на Хита. Я встала за спиной моего военачальника и положила руку на его плечо. При моем прикосновении часть напряжения оставила его.

Симус нарушил молчание:

— Значит, змея показала клыки.

Кир кивнул.

— Если его разум забрали ветра, как устоял замок? Городские стены?

— Ксиманд отвёл меня на возвышенность, с которой просматривается ваш лагерь. Два наблюдателя до сих пор стоят там, ожидая. Они вернутся к Ксиманду и передадут, что случилось в лагере. — Хит поднял голову и посмотрел в глаза Кира. — Уверен, как только мой отец и Уоррен будут освобождены...

— Уоррен тоже схвачен? — наклонился спросить Симус.

Хит кивнул.

— Он был брошен в темницу после визита военачальника в замок.

— Что город? — снова спросил Кир, переводя Хита на интересующую его тему.

— Военачальник, если Озар и Уоррен будут освобождены, то уверен, армия и дворцовая стража послушаются их. Ксиманд — законный король, но доказательства его безумия множатся с каждым часом.

Кир кивнул и кратко перевёл произошедшее для тех, кто не говорил на ксианском. Закончив рассказ, он бросил взгляд на коленапреклонную фигуру Хита и снова перешёл на мой язык.

— Встань, Хит. Ты рискнул многим и сберёг трофей. Я этого не забуду. Где держат твоих родителей?

Хит встал.

— Есть подвалы, военачальник, под кухнями. Они заперты там с остальной частью кухонного штата. Ксиманд позаботился, чтобы молва не разнеслась, пока я не прибуду сюда.

Кир кивнул и снова перешёл на свой язык.

— Прест, Рэйф, вы были в замке и на кухне. Выберите людей себе в отряд, чтобы защитить заложников. Сохраняйте группу малочисленной. Жоден, ты остаёшься ответственным за лагерь. Мы притворимся, что военный трофей убит и лагерь в смятении. Но воспользовавшись хаосом, мы седлаем коней и поедем в замок. Ксиманд наплевал на мир своими действиями, и я заполучу его голову.

Я вздрогнула, сжав плечо Кира. Он не решился посмотреть на меня, и вместо этого повернулся к Симусу.

— Симус, прошу, лично позаботится о защите трофей. Назначь любого, но ты должен уберечь её. Как только начнётся волнение, приведи армию в боевую готовность.

Ифтен встал со своего места.

— Военачальник, это мой долг отвечать за лагерь, не Жодена. — Он почти выплюнул имя.

Кир чуть не зарычал:

— Ифтен, даже если твои ноги будут упёрты в землю, объятые пламенем, и ты призовёшь ветер, держа мой символ в руках, и будешь благословен дождём с небес, я всё равно не доверю тебе свой военный трофей.

Маркус засмеялся в числе некоторых. Ифтен стал ярко-красным, но прикусил язык.

Кир посмотрел на Хита и перешёл на ксианский.

— Хит, ты будешь в спасательном отряде. Прест и Рэйф говорят на вашем языке. Не

теряй их. — Кир положил ладонь на мою. — Трофей верит в тебя. Тебе выдадут оружие. Но если предашь, умрёшь. Я ясно выразился?

— Да, военачальник. — Хит склонил голову.

Кир встал.

— Переговорите меж собой, но никому не позволено выходить из шатра, пока мы все не согласуем.

Люди разошлись повинуюсь. Кир повернулся, и одним быстрым движением загородил мне обзор палатки. Кир возвышался надо мной. Я осталась стоять на месте и вернула взгляд. Он поднял руку и приложил палец к моим губам.

— Нет, — выдохнул он. — Мне нужно, чтобы ты оставалась в безопасности, я должен знать, что ты не попала в лапы этого пса-предателя.

— Кир, он мой брат и законный король. Ты не можешь просто убить его без... — я осеклась.

Кир сжал челюсть.

— Он предал свой народ. Нарушил присягу. Пытался убить тебя, свою кровь и семью. Его жизнь — плата за преступления, и я заберу её вот этими руками. Ты всё равно продолжишь защищать его?

— Кир, мы не наказываем безумных за их действия. Ты не можешь...

— Мы придерживаемся той же истины, Лара, пока одурманенный разум не становится опасен.

— Знаю. — Я закрыла глаза и отвела взгляд. — Но в нем течёт моя кровь и кровь кси.

Я изучила его глаза, пытаюсь понять, как объяснить. Ксиманд может быть и жалкий, безумный правитель, но он мой единокровный брат, и отец любил его.

Кир провёл пальцем по моей щеке.

— Я пытаюсь понять, Лара.

— Знаю, — прошептала я. — Я сама пытаюсь понять. Он угрожает Анне и Озару и хрупкому миру между нашими народами. И всё же...

— Ты получишь его невредимым. — Кир поморщился. — Я попробую, Лара. Но не даю обещания.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Кир многозначительно посмотрел на меня.

— Ты останешься здесь, трофей.

— Но...

Кир сжал мои плечи и с силой тряхнул.

— Поклянись, что останешься в этой палатке под защитой. Или до того как взойдёт солнце, клянусь, что прикую тебя цепью к столбу до своего отъезда.

Это говорил страх, именно он оттенял его голубые глаза. Я кивнула.

— Не трать впустую время. Спаси Анну и Озара. Сделай то, что должен. Я буду здесь к твоему возвращению.

Облегчение охватило его, и он поцеловал меня, стребая в свои объятия. Я охотно ответила и вцепилась со всей силой, боясь за него. Боясь за мир. Он держал меня очень долго прежде, чем развернулся к комнате.

— Мы готовы?

Люди начали собираться вокруг него.

Я подошла к Симусу и сжала его руку, чтобы привлечь внимание.

— Симус, ты должен поехать с ним. — Симус озадаченно взглянул на меня. — Симус, он не должен убить Ксиманда. — Я трянула его руку, чтобы подкрепить своё мнение. — Ксиманд — законный король. Должно быть соглашение от лордов, доказательство, что он нарушил присягу.

Симус кивнул.

— Кир знает, маленький целитель. Он...

— Присмотри за ним, Симус.

Симус послушался меня. Его глаза сузились, когда он понял позицию Кира.

— Возможно, ты права. — Он улыбнулся мне. — Доверься мне.

Симус подошёл к Киру и заговорил. Кир покосился на меня, затем повернулся спорить с Симусом.

После нескольких минут пререканий стороны достигли соглашения. Симус и Жоден создадут хаос в лагере. Воспользовавшись моментом, Кир уедет с Престом, Рэйфом и Хитом в замковые кухни вызволить заложников. Симус и Ифтен поведут отряд окружить замок и присоединиться к Киру, чтобы дать отпор Ксиманду. Жоден останется в тылу, взяв командование над часовыми. Я останусь в безопасности, в палатке, под надёжной защитой и связанной клятвой никуда не уходить. Эпора и Айсдру быстро позвали, чтобы те заняли позиции в палатке.

Кивнув, Кир привёл план в действие. Все закричали как будто в ужасе, а Кир громче всех. Воины начали выбегать из палатки и топтаться у входа, крича от гнева. Было слышно, как стража на улице задала вопросы и завопила в ответ на известие. Симус выскочил на улицу, требуя мести и коня.

Прест, Рэйф и Хит остались стоять у входа; Хиту выдали шлем и меч. Все ждали Кира, который стоял около меня, опоясываясь своими клинками. Он кивнул следовать за ним и повернулся ко мне.

Я положила ладонь на грудь Кира, около сердца. Короткая кольчуга на нем холодила пальцы.

— Сбереги себя.

Он посмотрел на меня и нежно обнял, пряча лицо в моих волосах.

— Сберегу. Мне так жаль, Лара. Он твоя кровь и семья. — Он поднял голову, и я увидела гнев в его глазах.

Я кивнула.

— Знаю.

Он тоже кивнул, отпустил меня и с поворотом плаща покинул шатёр. До того как полог упал, я увидела, что Кир заговорил с Маркусом, что задержался на пороге.

Я стояла на месте, боясь больше не за физическую безопасность Кира, а за цену гибели Ксиманда. Виновный или нет, он король, и местные лорды, согласившиеся с условиями мира, могут не признать его смерти от рук военачальника. А ещё Ксиманд мой брат, независимо от его ошибок и неверных суждений. Я не желала видеть, как ему причиняют боль. Вот какие мысли крутились в моей голове в ту минуту.

Маркус повторно вошёл в палатку. Он покачал головой и отвёл меня к моему месту.

— С Вашеством всё будет хорошо, трофей. Не стоит терзать себя. — Через секунду меня уже завернули в толстый плащ и напоили подогретым вином. Маркус наблюдал за мной с тревогой.

— Тяжело ждать, — спокойно произнесла я, изучая кубок.

— Да. По-моему, требуется больше храбрости, чтобы ждать, чем быть в гуще событий. Этот урок я извлёк, когда боевым дням пришёл конец. — Маркус сел у моих ног и поднял кубок для себя. Он снова наполнил наши чаши.

— Вы и крошки не съели. — Он подтолкнул ко мне самые вкусные блюда. — Перекусите, а я угощу вас рассказами. Я лучше певца.

— Правда? — Я потянулась за хлебом.

— Да. Хотите узнать, как я встретил Вашество?

Я кивнула с набитым ртом.

Маркус продолжил:

— Итак-с, это произошло на тренировочном поле. Я учил молодняк боям на мечах, проверил их в деле, как в круг вошла кроха с голубыми глазами и нежными кудрями, таща за собой деревянный меч.

Маркус сделал глоток.

— «Что это такое?» — спрашиваю я. «Хочу драться» — говорит мальчишка.

Маркус усмехнулся.

— Вашество был слишком мал, чтобы овладеть мечом почти с него ростом. «Ты слишком мал» — отвечаю я, становясь на колени перед ним. Эти дерзкие голубые глазки уставились на меня. «Войном-войном», говорит он. «Хосю стать войном».

Маркус покачал головой.

— В конце концов, мне пришлось взять его на руки и вынести из круга, чтобы остальные смогли вернуться к тренировкам.

— Что он сделал? — пробормотала я, окружённая едой.

Маркус рассмеялся.

— Ну, у меня оказался на руках несчастный маленький человечек. Я усадил его рядом с собой на скамье и начал говорить о борьбе, об ошибках, которые совершали ученики и что им нужно сделать, чтобы добиться большего успеха. Он сидел со мной, полностью очарованный рассказом, пока его не нашла тхиэ. — Маркус посмотрел на меня с блеском в глазу. — Вашество пользовался любым шансом, чтобы сбежать от тхиэ и придти посмотреть. С ума их сводил.

Он рассмеялся и налил ещё вина.

— Когда он, наконец, взял меч в руки, он словно понял и извлёк уроки из всего, что услышал от меня. Не бойтесь за безопасность военачальника, трофеей. С ним всё будет хорошо.

Даже когда я поела, Маркус продолжил развлекать меня рассказами о маленьком мальчике. Но время прошло, тени удлинились, и мои страхи усилились. Я стала мерить палатку шагами. Маркус остался подле меня, делая вид, что он убирает и наводит порядок в зале, расхаживая между перевёрнутыми пнями и поднимая разбросанные тарелки. Он даже предложил послать за Гилом, чтобы я дала ему урок, но я только махнула рукой.

Вдруг снаружи послышался шум. Эпор вышел, и раздались приглушённые голоса. Наконец Эпор поднял полог.

— Прибыл посланник, говорит только на ксианском. Я сказал привести его сюда, так как Жоден на объезде.

Маркус кивнул.

— Правильное решение. Думаю, трофеей не может прождать и минуты больше. — Эпор уронил полог, и Маркус проводил измученную меня к обычному месту и помог укутаться в

плащ. — Думаю, ещё немного вина не повредит. Вернём цвет вашим щекам.

Маркус стремительно двинулся взять кувшин с чашей и разлить напиток, когда в палатку вошёл посыльный, закутанный в плащ с ног до головы. За ним проследовал Эпор и занял свой пост подле Айсдры.

Посланник откинул капюшон. Я судорожно сглотнула, так как передо мной предстал единокровный брат.

Ксиманд выглядел ужасно. Глаза запали, лицо осунулось и приобрело болезненно-сероватый оттенок. Это был не старший брат, с которым я вместе выросла, не гордый молодой человек, которого короновали на царствование. Казалось, на меня смотрел незнакомец. Секунду я сидела как истукан, прежде чем смогла взять себя в руки.

— Пожалуйста, присаживайся, брат. Ты выглядишь изнеможённым, — произнесла я на ксианском, надеясь вернуть мир в сердце брата. Я верила, что это путь без кровопролития и боли. Маркус занял место позади меня. В его присутствии я чувствовала себя спокойнее.

Ксиманд едва взглянул на Маркуса.

— Ты хорошо выглядишь, Лара. Рабство пошло тебе на пользу. — Его голос звучал хрипло и резко, словно он много выпил.

Я покраснела, но не опустила глаз.

— Я не рабыня. Я избранница и консорт Кира-военачальника. Твоего повелителя. — Я выпрямила спину и отвела плечи, понимая, что у этого человека больше никогда не будет власти надо мной. — Моё положение — честь, поскольку я военный трофей.

Брат презрительно усмехнулся:

— Иное слово для шлюхи.

Маркус напрягся рядом со мной.

Я смотрела на измученного человека перед собой. Всё же в его глазах я читала глубокую ненависть ко мне и Киру. Мой военачальник даже теперь пытался спасти моих любимых Анну и Озара и сохранить мир, растоптанный Ксимандом. Меня возмутило, что брат манипулировал нами. Может быть, мои привязанности и стояли под вопросом раньше, но теперь я не колебалась. Я нахмурилась, глядя на брата, не сочувствуя тяжёлому состоянию, до которого он себя довёл.

— Я готова выслушать, брат. Но я не потерплю оскорблений.

Он зарычал:

— Твой военачальник в замке. Он вторгся туда со своими людьми, они охотятся за мной. Уоррен восстал против меня. Они выдвинули дикие предположения, что я пытался убить тебя.

Я вздохнула:

— Хит...

Ксиманд злобно уставился на меня:

— Хит — лжец.

Я просто взглянула на брата.

— Ты знал Хита и его родителей с самого детства. Он не лжец.

Глаза Ксиманда озверели. Его ладони судорожно сжимались и разжимались в кулаки. Казалось, он ушёл в себя, смотрел в мир, который мне не достичь.

— Ты всегда была его любимицей. — Он задрал голову к небу, словно проклиная богов. — Я думал, что ты была моей верной младшей сестрой, которая исполнит свой долг и ответит за последствия. — Он сделал шаг ко мне. — Я пошёл убрать твою комнату, как

поступил бы любой почтительный и любящий брат. И что я нахожу в твоём ботинке? — Он взметнул руку. Маркус напрягся позади меня. Но Ксиманд только бросил маленькую вещицу на помост, где она приземлилась на первой ступени, у моих ног.

Маркус подошёл, опустил на колени и протянул вещицу мне.

Это была брошь Симуса. Чёрная, готовящаяся к атаке кошка, переливающаяся на свету. Тёплая на ощупь. Мои пальцы сжали украшение.

Ксиманд продолжил:

— Ты предательница. Ты возжелала трон для себя и предала моим врагам. — Он почти выплюнул эти слова.

Сердце заколотилось в груди, но я постаралась сохранить спокойствие.

— Ксиманд, я не предавала тебя. Я забрала её у раненого воина из страха, что ты предпочтёшь убить его, чем обменять.

Лицо Ксиманда стало ало-красным, на шеи выступили вены.

— Отец обожал тебя. Даже когда ты отказалась быть послушной дочерью Кси. Я знал, что мог превзойти тебя, затмить как наследник и воин, но ты стала целителем, и отец был так горд.

— Он гордился и тобой, — спокойно произнесла я.

Ксиманд плюнул от ярости:

— Будь они все прокляты. Они все смотрели на меня, ожидали моего падения. Шептались за спиной, что я смалодушничал, испугался. Вечно сын своей матери, никогда наследник своего отца. — Его голос сорвался на крик: — Я послал Арнита и его людей, чтобы убить тебя и всех кто будет рядом. Арнит поклялся, что отдаст жизнь за меня, заручился помощью глупого мальчишки Дегнана и нанял подонков. — Ксиманд остановился, чтобы перевести дыхание.

— И они умерли. — В душе мне стало так горько и больно от разочарования. Я бы оплакала погибшие ни за что жизни, но гнев был сильнее. — А на рынке? За тем покушением тоже стоял ты?

— На рынке?.. — Ксиманд выдержал паузу. — Я желал, чтобы ты сдохла в лагере, в лошадином навозе. Арнит подвёл меня. Я завершу его дело. — Одним быстрым движением он достал меч и двинулся на меня.

Я замерла.

Но, всё ещё стоявший на первой ступеньки помоста, Маркус не растерялся. Он прыгнул вперёд и выхватил два кинжала как будто из воздуха. Маркус принял атаку Ксиманда на себя, зажал лезвие между кинжалами и полностью остановил наступление.

Ксиманд выругался. Маркус улыбнулся ему. На секунду они просто стояли на месте, Ксиманд возвышался над худым жилистым стариком. Живописная сцена прервалась, когда они отскочили друг от друга. Спотыкаясь о пни и стол, Ксиманд попытался отступить, и Маркус перешёл в наступление. Вытянув меч перед собой, Ксиманд достал кинжал свободной рукой и пронзил Маркуса диким взглядом.

Эпор и Айсдра прыгнули вперёд с оружием наготове. Они обошли дуэлянтов, чтобы добраться до меня, сопровождаемые охранниками с улицы, что замерли на входе, привлечённые шумом.

— Ксиманд, опусти оружие. — Я вышла вперёд, разозлившись, что он напал на Маркуса.

Маркус выругался и занял позицию между Ксимандом и мной.

— Лара, дура, вернись на место.

Я замерла на месте, но у Эпора были другие планы. Он оттолкнул меня и вместе с Айсдрой встал между мной и угрозой.

Маркус опустил руки по бокам, словно приглашая Ксиманда подойти.

— Калека? — Ксиманд рассмеялся. Он сделал выпад, размахивая мечом по яростной дуге. Маркус увернулся, заблокировал удар и парировал кинжалом. Ксиманд отступил. Маркус отпрыгнул. Ксиманд снова напал, направляя меч в плоть Маркуса. Но Маркус уже двинулся и, заметив, что Ксиманд открылся, сделал выпад и порезал щеку противника.

Ксиманд отпрянул в потрясении. Маркус двинулся, чтобы закрепить своё преимущество, отводя брата подальше от меня.

— Маркус, будь осторожен, — крикнула я, боясь за него. Я, было, двинулась за ним, но Эпор и Айсдра остановили меня. — Ксиманд, во имя Богини, пожалуйста...

— Я убью тебя, сука, — завыл Ксиманд, как сумасшедшая собака.

Маркус рассмеялся и ухмыльнулся вспотевшему Ксиманду с порезанной щекой. Он перестал наступать и отошёл. Маркус ударил кулаком в грудь, ясно бросая вызов Ксиманду, дразня его напасть. О чем он думал? Ксиманд крупнее и сильнее. Почему Эпор не спешил на помощь?

Тяжело дыша и истекая кровью, Ксиманд впился взглядом в Маркуса.

— Я убью твоего слугу и тебя на месте, убогая шлюха.

Лицо Маркуса стало непроницаемым, единственный глаз прищурился — он различил слово «шлюха». Атмосфера в палатке изменилась. Маркус больше не играл, его позиция, и отношение неуловимо изменились. Казалось, Ксиманд тоже это почувствовал. Он сильнее сжал рукоять и присел ниже. Внезапно я поняла, что это Ксиманд в смертельной опасности, а не Маркус.

Снаружи раздался топот коней: множество всадников скакало к палатке. Некоторые охранники у входа вышли, чтобы остановить вновь прибывших.

И всё же я продолжала умолять:

— Ксиманд, прекрати. Какие бы чувства ты ни испытывал ко мне, не забывай о мире. Твоя присяга требует...

Ксиманд зарычал и яростно напал на Маркуса. Лицо брата искривилось, глаза выперли из глазниц, рот перекосило. Он бросился вперёд, направив меч в лицо соперника. Маркус парировал удар со своего рода презрением, поймав лезвие кинжалами, он приблизился к противнику и плюнул в лицо Ксиманда.

Крича от гнева, Ксиманд отскочил назад и инстинктивно поднял предплечье, чтобы прочистить глаза. Маркус увидел свой шанс и воспользовался им, выбив меч из рук Ксиманда. Один кинжал уткнулся в шею брата, кончик другого остановился чуть выше паха.

Ксиманд замер.

Маркус хмыкнул.

— Трофей, скажи этому дураку стать на колени.

Глаза Ксиманда дико прошили по комнате, когда я повторила слова.

— Я не буду становиться на колени перед слугой и шлюхой. — Его глаза встретились с моими. — Я твой король, возведённый на престол и помазанный на царствование. Ты не можешь требовать моей смерти.

Вся внешняя стена палатки упала, представляя Кира, Симуса и его людей. С ними также был лорд Уоррен со своими солдатами. Все остановились и уставились на Ксиманда с

ненавистью в глазах. Раздался холодный и острый голос Кира:

— Я могу.

Усмешка Маркуса стала ещё острее, и лезвие кинжала сдвинулось, чуть сильнее вдавливаясь в горло Ксиманда. Брат медленно опустился на колени. Маркус позволил нижнему кинжалу подняться по камзолу Ксиманда до точки, обозначающей сердце.

— Маркус, — прорычал Кир. — Не убивай его.

Маркус фыркнул.

— Дай мне веское основание, военачальник. Эта свинья не достойна умереть от вашего клинка и, со всем должным уважением, трофеей не сможет убить домашнюю птицу на обед, даже если будет умирать от голода. — Маркус не расслаблялся ни на минуту, прижимая лезвия к горлу и груди.

— Маркус, — дрожащим голосом взмолила я. — Маркус, его народ должен осудить его, признать виновным, должен знать, что он натворил... Маркус, они должны знать... иначе всё, чего Кир хочет достигнуть, будет потеряно. Пожалуйста...

Маркус презрительно улыбнулся и наклонился к Ксиманду.

— Единственное, что спасло тебя сейчас — слова трофея... её чтут, прежде всего. — Ксиманд не мог понять ни слова, но, конечно, уловил их суть. Его глаза сверкнули диким жаром, когда Маркус отстранился. Эпор и Айсдра подошли, готовые охранять заключённого.

Люди заполнили палатку, и я с улыбкой повернулась к Киру. Его напряжённая спина расслабилась, и он пробежал по мне взглядом, убеждаясь, что я в безопасности. Я кинулась вперёд, желая лишь достичь его.

Сама того не осознавая, я встала ближе к Ксиманду. В слепое пятно Маркуса.

Издав звериный рык, Ксиманд вскочил на ноги, схватил кинжал и бросился ко мне. Он сжал моё плечо, и я увидела его гнев, ощутила горячее дыхание на лице, когда лезвие кинжала метнулось к моему животу.

Кир! Одним движением он оттолкнул меня на пол и встал между нами, обхватывая запястье Ксиманда. Лезвие зависло между ними.

Ксиманд сопротивлялся, пытался вырваться из хватки, подняв вторую руку. Его лицо было диким и пугающим, кровь медленно сочилась из щеки, обрызгивая грудь Кира, пока брат пытался вырваться из железного захвата.

— Остановись. Сейчас же.

Ксиманд бушевал, пытаясь всеми силами освободить запястье.

— Нет, Нет! Смерть шлюхе и предательнице.

Кир ничего не сказал, лишь прикрыл глаза. Он медленно отвёл острие кинжала вниз, к животу Ксиманда.

— В последний раз повторяю, остановись сейчас же и спаси свою жизнь, — резко произнёс он.

Ксиманд завопил и бросился на Кира.

Кир пихнул острие кинжала в живот.

Глаза Ксиманда выперли из орбит. Он всё ещё сжимал рукоять. Кир отпустил его и сделал шаг назад, поворачиваясь, чтобы поднять меня и увести. Эпор, Айсдра и Маркус бросились к Ксиманду. За их плечами я видела, что Ксиманд начал заваливаться назад, а затем Кир обнял меня и загородил обзор.

Я стала биться, пытаясь заглянуть за его спину

— Отпусти, позволь увидеть что... — Кир судорожно меня ощупывал, проверяя на

наличие ранений и одновременно удерживая. — Кир, позволь мне попробовать...

— Нет. — Кир снова поймал меня, прижимая мою голову к груди. Он стал меня убаюкивать.

Я услышала кашель за спиной Кира, и Симус спокойно констатировал:

— Он мёртв. Какие будут распоряжения, военачальник?

Кир ничего не сказал. Он отстранился и посмотрел на меня. Я изучила его глаза и попыталась улыбнуться. Он улыбнулся в ответ, но в глазах плескалась лишь печаль.

— Унесите тело. Мы отвезём его в город и расскажем дворянам и простому люду, что произошло. — Он провёл большим пальцем по моим губам. — Лара, я... — Он умолк, как будто от боли. — Не забывай, что моё сердце принадлежит тебе.

— Лара! — Вопль заполнил воздух, и с криками и слезами к нам подбежала Анна. Она прижала меня к своей груди. Кир встал и отошёл, позволяя Анне и Озару приблизиться ко мне. Мы обнялись в радостном воссоединении.

Лорд Уоррен подошёл к Киру.

— Военачальник, кто теперь должен управлять наделом Ксиманда?

Внезапная тишина, и все ксиане посмотрели на Кира.

Кир склонил голову.

— Мы должны обсудить данную проблему. Мы возьмём тело и вернёмся в замок. Будущее этой земли и дочери Кси должно быть решено быстро, чтобы сохранить мир.

Моё сердце остановилось.

Я чувствовала, как напряжение покидает комнату. Уоррен улыбнулся, и дворяне, казалось, расслабились, возвращаясь к лошадям. Анна засуетилась, а Озар и Маркус присмотрелись друг к другу. Страхи моих людей ослабли.

Только мои страхи усилились.

Кир стремительно отдал приказы: все готовились покинуть лагерь. Эпор и Айсдра охраняли тело Ксиманда, а Кир сказал Уоррену отправить гонцов в город, чтобы вытащить лордов и членов совета из постелей и приказать им собраться в замке. Толкотня в палатке представляла собой организованный хаос, так как все спешили выполнить приказ. Некоторые получили инструкции охранять лагерь, другие собирались отправиться в город вместе с нами. К входу в шатёр подвели лошадей. К моему сожалению, до отъезда с Киром нам выпала только одна свободная минутка. Он привлёк меня к себе, и прежде чем я успела задать хотя бы один вопрос, нежно поцеловал и крепко-крепко обнял. На улице, лорд Уоррен уже взобрался на коня, и Кир усадил меня на седло перед ним.

— Вы будете охранять её?

Уоррен успокоил лошадь, которая стала переминаясь под нашим весом.

— Ценой своей жизни.

Кир кивнул и подошёл к собственному коню, приказывая всем отправляться в замок. Уоррен позвал своих людей, и те окружили нас как телохранители. Мы ехали позади группы Кира, и вид бедной Анны, пытающейся удержаться в седле, ослабил мои тревоги.

Я немного заёрзала.

— Что произошло в замке?

Уоррен прошептал мне на ухо:

— Когда я озвучил свои подозрения, Ксиманд пришёл в ярость. Я думал, он разозлился из-за того, что кто-то организовал заговор против вас. Но он бредил, Лара. Как одержимый. — Уоррен вздохнул. — Он не был разумен. Он кричал, что ты предала его, хотя мы знали, что он продал тебя ради мира. Должно быть, меня выдало выражение лица, так как Ксиманд тут же приказал бросить меня в темницу.

— Ксиманд не продавал меня.

Я объяснила, всё что узнала.

Уоррен хмыкнул от удивления.

— Консорт? Это к добру.

Я сильнее укуталась в плащ.

— Он не должен был его убивать.

Я почувствовала, что Уоррен покачал головой.

— Нет, Лара. Кир правильно поступил. Ксиманд обезумел. Я знал, что он был трусом и нерешительным лидером. Но его действия показали, что с ним что-то не так.

— Лорды и совет не могут...

— Военачальник — благородный человек, — твёрдо произнёс Уоррен. — Всё будет хорошо, дочь Кси.

Я не ответила ему. Вместо этого я сосредоточилась на группе всадников перед нами. Мельком я заметила закутанную в плащ фигуру подле Кира. Симус и Жоден тоже ехали рядом — они что-то обсуждали, и это что-то им обоим не нравилось. С потеющими ладонями и комом в горле, мне оставалась лишь смотреть, как мы приближаемся к замку.

Мы спешили в забитом людьми и лошадьми внутреннем дворе. Кир появился вместе с Озаром.

— Уоррен, отведи её в зал ожидания.

Кир повернулся и ушёл прежде, чем я даже успела открыть рот.

Уоррен повёл меня в замок, где мы врезались в Хита. Друг выглядел весьма потрепанно с порезом на лбу.

— Хит!

Хит с улыбкой повернулся ко мне и бросился мимо стражников заключить в объятия.

— Хвала всем богам. Я уж не надеялся, что военачальник успеет. — Хит скорчил гримасу. — Ксиманд заметил меня, когда мы спасали заложников и начал кричать. Он проскользнул мимо нас, воспользовавшись беспорядком. Безумный Король, Лара, я клянусь, он...

— Он пал, — произнёс Уоррен за нашей спиной.

— Пал? — Хит резко вздохнул. — От чьей руки?

Уоррен крепко обхватил мои плечи.

— Иди к родителям, Хит. Они направляются в тронный зал.

И без церемонии он повёл меня по коридору к залу ожидания.

Со странным ощущением дежа вю, я ждала перед камином, беспокоясь по поводу новостей, задаваясь вопросом, что задумал Кир. Уоррен ждал со мной, разместив своих людей у каждой двери. Наконец вошёл Кир, один.

— Люди собраны, и мы готовы. Уоррен, займите своё место в тронном зале.

Уоррен поклонился и ушёл со своими людьми. Кир подошёл ко мне и, крепко обняв, уткнулся головой в мои волосы и прижал к груди.

— Какое решение ты принял? — тихонько спросила я.

— Лучшее. Необходимое. — Он уткнулся носом за моё ухо, и я задрожала от этого прикосновения. Кир сделал глубокий вздох, отстранился и убрал мои волосы назад. В тронном зале прозвучал горн. Я напряглась. Не глядя на меня, Кир отошёл в сторону, сделал ещё один глубокий вздох, двинулся к двойным дверям и распахнул их.

Стоя при полном параде, герольд три раза ударил посохом об пол.

— Лорды и леди, приветствуйте Кира, военачальника Равнин и повелителя Кси, и Ксилару, военный трофей, дочь Кси.

Кир выдержал паузу и протянул мне руку в странно формальном жесте. Я положила руку на его ладонь, и мы вместе вошли в тронный зал. Белый мрамор залы мерцал в свете, расположенных полукругом, факелов. Зал заполнили множество лордов двора и ремесленники из города, как и огромное число людей военачальника. Симус и Жоден стояли близ трона. Рядом кто-то поставил высокую жаровню. В ней ярко горел огонь, языки пламени плясали по дровам.

Не выдерживая официальный темп, Кир быстро провёл меня по залу и усадил на трон с непринуждённым изяществом.

Заняв место, я заметила широко раскрытые, испуганные глаза мужчин и женщин, насильно выгнанных из своих домов и постелей. Ни один из них не расслабился, когда Кир встал взять слово:

— Сегодня ночью имело место быть преступление, нападение на военный трофей, Ксилару, дочь Кси. — Кир продолжил говорить, несмотря на реакцию толпы. — На неё напал Ксиманд, её единокровный брат.

Взмахом руки он вызвал Эпора и Айсдру. Они вышли из зала ожидания, неся закутанное в саван тело, и положили его перед Киrom. Эпор опустился на колени и разрезал ткань, демонстрируя труп.

Край толпы отпрянул, раздались крики возмущения и ужаса. Я сглотнула несколько раз, сопротивляясь приступу тошноты. Кир позволил собранию выразить свои чувства, а затем поднял руки, требуя тишины.

— Вас собрали услышать наши рассказы. Нельзя судить, пока все не выскажутся. Каждый должен выступить и обязательно поклясться в истинности своих слов. — Кир окинул взглядом толпу, и каким-то образом я поняла, что он читал их сердца также легко, как и лица. — По обычаю моего народа присягу дают под открытым небом. Но присяга перед пламенем столь же сильная. — Он указал на пляшущий огонь в жаровне и вернулся к трону. — Я буду говорить первым.

И он не стал тратить время впустую, подытоживая события последних нескольких дней, начиная с нападения в палатке исцеления. Тишина стала ещё пронзительнее, когда он хладнокровно честно признался, что Ксиманд принял смерть от его руки.

Когда Кир закончил, вперёд вышел Уоррен и поведал свою версию событий. Выступил и Озар, приобнимая дрожащую Анну. Хит рассказал о приказах Ксиманда и принятых им мерах. Вышел Симус и описал то, чему стал свидетелем.

Когда вперёд вышел Маркус, моё сердце чуть не разорвалось. Маленький, травмированный человек, настолько смелый и откровенный в палатке Кира, явно чувствовал себя неловко. Но, не сводя взгляда с Кира, он гордо выпрямился перед всеми и заговорил, время от времени прерываемый Симусом. В толпе даже проскользнули нотки истеричной радости, когда Маркус высказал своё объективное мнение о воинских способностях Ксиманда. В конце он дал клятву, как и все остальные перед ним.

Наконец Кир повернулся ко мне.

— Ксилара.

Я посмотрела на него, и из моей головы вылетели все мысли. Глубокий вдох, и я начала рассказ, как и Кир, с нападения Арнита. Я говорила и смотрела на лица перед собой, распознавая странную смесь сочувствия, доверия и подозрительности. Мой голос оставался спокойным, пока я выкладывала факты по порядку, пытаюсь убрать эмоции из голоса и слов. Он дрогнул лишь, когда я достигла части о прибытии Ксиманда и его последних словах ко мне. Мне пришлось опустить голову на этом моменте и сосредоточиться на руках, всеми силами стараясь закончить рассказ. В поле зрения появилась рука Кира и накрыла мою ладонь, придавая сил. Я не подняла головы, с запинкой выдавливая из себя последние слова, включая клятву. В конце воцарилась тишина.

Кир убрал руку и встал.

— Посмеет ли кто-то бросить вызов истинности этих слов?

Все молчали.

— Посмеет ли кто-то бросить вызов моему праву разобраться с Ксимандом, как я счёл целесообразным?

Никто не поднял голос.

— Вопрос исчерпан.

Хоть на лицах в толпе всё ещё читалась смесь сомнений, страхов и недоверия, я немного расслабилась, откинувшись на спинку трона, чувствуя, как напряжение покидает мои плечи. Раз никто не стал возмущаться или спорить, я поверила, что всё будет хорошо.

Кир повернул голову, указывая Эпору и Айсдре:

— Унесите.

И перевёл внимание на архиепископа Дризена.

— Пожалуйста, проследите, чтобы тело захоронили согласно обрядам его веры, но без церемоний.

— Пожалуйста. — Я прочистила горло. — Пожалуйста, похорони его вместе с королевской семьёй, военачальник.

Кир нахмурился.

— Он собирался убить тебя.

— В конце он был не в своём рассудке. Пожалуйста, позволь ему покоиться рядом с матерью.

Кир резко кивнул:

— Проследите.

Архиепископ склонил голову.

В толпе росло беспокойство. Кир махнул герольду, и тот ударил посохом три раза, призывая всех соблюдать тишину. Однако Киру всё равно пришлось повысить голос, чтобы его услышали:

— Не сделает ли совет короля шаг вперёд?

Совет вышел вперёд во главе с архиепископом Дризенем и лордом-маршалом Уорреном.

Кир кивнул каждому.

— Теперь мы должны решить, кто будет управлять королевством Кси.

Я ощутила тугой ком в желудке.

— Правильней всего, чтобы престол заняла Ксилара, дочь рода Кси. — Кир повысил голос, гарантируя, что его услышат. — Тем самым я отказываюсь от своего требования к военному трофею и возвращаю её народу Кси.

Совет в шоке пораскрывал рты, словно выброшенная на берег рыба. Я тоже открыла рот, но Кир не дал никому высказаться. Он встал.

— Через четыре дня отбудет моя армия. Симуса Ястреба я оставляю в качестве своего заместителя. Как только мы достигаем границ ваших земель, я пришлю гонца, отзову Симуса и освобожу королеву Ксилару от её присяги. Организуйте коронацию с должной скоростью.

С этим он кивнул мне и протянул руку. Я встала и машинально взяла её. Пользуясь своим преимуществом, Кир потянул меня вперёд и насильно усадил на главный трон.

Зал потонул в радостных криках. Совет начал хлопать в одобрении. Кир посмотрел на них, кивнул мне и зашагал в зал ожидания. Я поднялась последовать за ним, но совет вышел вперёд, чтобы пожать мне руку, обнять и выразить свою радость.

Разбитая, я потрясённо вернулась к трону. Уоррен пробился ко мне, убеждая людей разойтись и освободить место передо мной. Под радостные крики своего народа я встала и прошествовала за Киrom в зал ожидания.

Когда я вошла, Кир стоял перед камином, повернув голову к двери. Его лицо было мрачно, а глаза пылали огнём.

Как громом поражённая я замерла на пороге.

— Что ты творишь?

— Этим королевством нужно управлять, а ты — наследница крови, логичный выбор на престол. — Он не поднял головы, не посмотрел на меня.

— Ты забрал меня, как военный трофей.

— Я отказываюсь от этого требования.

Я подошла ближе, наблюдая, как свет от камина танцует на его лице. Мышца на

подбородке судорожно дёрнулась, и челюсть плотно сжалась.

— Отказываешься? — Тишина. — Отказываешься от меня? После того, как мы...

Кир просто стоял и смотрел на огонь.

— Это твой дом. Эти люди будут охранять тебя, обезопасят от нападений, ран, боли. — Он посмотрел на меня сверкающими глазами. Я не могла рассудить, отражался ли в них свет от камина или что-то ещё. — Быть военным трофеем не безопасно.

Он снова уставился на огонь.

— Особенно после того, как я отдала всё военачальнику, мне бросили мою жертву обратно в лицо!

Богиня, я знаю, что это неправда, но в ту минут мне было так больно, что слова сами сорвались с языка. Кир подарил мне надежду и радость яркую до боли, а теперь тушит пламя. Я скрестила руки на груди, внезапно объятая таким холодом, который не смог бы растопить жар огня.

Кир не ответил на мои слова.

Я выпрямилась во весь рост и протянула дрожащую руку.

— Кир, не надо...

Я сделала шаг к нему. Он дёрнулся, избегая моего прикосновения. Я замерла, убитая горем, и он, казалось, смягчился. Он привлёк меня к себе и нежно обнял, как будто я была настоящим сокровищем. Я прильнула к нему, чувствуя кожу под щекой и тепло его тела. Он сделал глубокий вздох, задержал дыхание и медленно выдохнул.

Так же осторожно, как обнял, он медленно отпустил меня и сделал большой шаг назад. Я посмотрела на него сквозь слезы и улыбнулась. Но его лицо оставалась мрачно, и, к моему ужасу, он отвернулся и вышел через дверь в коридор. Я кинулась за ним, только чтобы столкнуться с Симусом, Жоденом, Уорреном и Озаром. Анна тоже стояла рядом, держа поднос с чаем и конфетами. Маркус держался в отдалении, уже укатавшись в плащ.

Кир откашлялся.

— Симус, ты останешься здесь как мой представитель. Жоден, вернёшься со мной в лагерь. — Он развернулся на пятках, чтобы посмотреть на меня. — Уоррен, поручаю вам сохранность королевы Ксилары. Ради её собственной безопасности я запрещаю ей появляться в моем лагере. Пока я не отбуду, она должна оставаться в городе.

Все разинули рты от такого заявления. Кир развернулся и ушёл; Жоден и Маркус поспешили его нагнать. Охваченная внезапной яростью, я схватила кружку с подноса Анны и швырнула в голову Кира. Конечно же, я промахнулась, и кружка влетела в стену, раскалываясь на тысячу осколков и разбрызгивая чай во все стороны.

Кир вздрогнул, но продолжил идти.

Словно расколотый вдребезги горшок, я развернулась на пятках и в слезах побежала в свою прежнюю спальню.

Час спустя дверь открылась, и двое слуг внесли один из ящиков из моей палатки-кладовой. Я подняла заплаканное лицо, когда они опустили ношу и с поклоном удалились из комнаты. У меня не заняло много времени открыть грубую крышку. Внутри лежали моя книга по травничеству, записи, нижнее белье, белое платье, ванильное мыло и масла. Ни письма, ни записки, ни строчки. Я рухнула на пол рядом с ящиком и зарыдала.

Следующим утром, с катящимися по щекам слезами я смотрела из окна, как армия сворачивает лагерь и готовится двинуться в путь. Я просидела у окна весь день, пока тени не удлинились, а в темноте зажглись факелы. Как он мог так поступить? Разве он не хотел

меня? Конечно, бывало, я подслушивала истории, как служанки на кухне рыдали Анне о мужчинах, которые похитили их честь и бросили в слезах. Я одна из них?

Меня переполнило столько боли. Разрывало голову, сердце... Горе казалось бесконечным и безграничным. События прошлой недели стояли перед глазами. Я прислонила щеку к грубому камню и признала своё отчаяние.

Анна приносила еду через равные промежутки времени. Уверена, она умоляла меня поесть.

Приходил Уоррен передать отчёты и документы, которые нуждались в моем внимании. Уверена, некоторые из них были очень важны.

Приходил Ремн поговорить о книгах и переоборудовании кладовой. Уверена, он что-то говорил прежде, чем уйти.

Приходил Озар обсудить долг и обязательства. Он говорил какое-то время, пока, наконец, я не повернулась и не уставилась на него. Он посмотрел в мои глаза, вздохнул и ушёл.

Приходил Хит и немного постоял. Он подошёл ко мне и положил руку на плечо. Я подняла голову, и он улыбнулся.

— Следуй за своим сердцем, сестра.

Он развернулся и покинул комнату.

Итак, я сидела, погрязшая в грусти и печали, до самого рассвета.

Вошёл Эльн. Нежными, успокаивающими руками он оттащил меня от окна и усадил на кровать. Он проверил меня спокойно, без лишних слов. Я закрыла опухшие глаза и сидела в тишине с жуткой головной болью. Наконец, положив палец под мой подбородок, Эльн поднял мою голову. Я открыла глаза и увидела его обеспокоенное лицо, прежде чем странный взгляд осветил его черты.

Эльн вlepил мне пощёчину.

От удара голову откинуло назад, и я увидела звезды. Я подпрыгнула, прижав руку к лицу от удивления и чувствуя жар на щеке. Эльн пронзил меня взглядом с явным презрением на лице.

— Та ли это девочка, что требовала стать моей ученицей? Кто излечил врага, не страшась братского гнева? Кто пожертвовал жизнью за свой народ? — Его рот скривился, словно он попробовал дурное вино.

— Эльн, я...

— Никаких оправданий. Если хочешь что-то получить, то работай, а не дуйся в своей комнате, плача как испорченный ребёнок. Во имя чести, или найди баланс между нуждами народа и своими желаниями, или прими свой долг. — Он выпрямился во весь рост. — Мне стыдно называть тебя своей ученицей, когда ты ведёшь себя как избалованная девица.

Жар, заливший моё лицо, не имел никакого отношения к пощёчине. Я склонила голову.

— Простите, мастер.

— Тогда сделай что-нибудь. — Эльн отправился к двери. — Для начала было бы неплохо искупаться.

Он оставил меня смотреть на заплаканную тунику с ощущением полной дуры. Мой старый мастер прав. На кону большее, чем моё сердце, а я веду себя как капризный ребёнок. Пристыжённая, я вытерла лицо, собрала чистую одежду и открыла дверь в коридор. У дверного проёма стояли два стражника, а у дальней стены сидела служанка. Она подскочила, стоило мне открыть дверь.

— Ваше Величество.

Девочка присела в неуклюжем реверансе.

Я скорчила гримасу.

— В настоящей момент особой величественности во мне нет.

Она уставилась на меня, как испуганная лань.

— Я хочу спуститься в купальни. Можешь попросить Анну приготовить мне немного еды? Я поем на кухне.

— Я могу принести воду наверх, Ваше Величество, если хотите.

— Нет, спасибо. Просто, пожалуйста, передай мою просьбу Анне.

— О да, Ваше Величество. Она будет так счастлива. — Девочка подобрала юбки и бросилась выполнять распоряжение.

— Постой! — крикнула я вслед. Она повернулась, всё ещё двигаясь назад. — Пожалуйста, попроси Озара присоединиться ко мне?

— О, да, я передам ему, что вы желаете его видеть, — крикнула она через плечо. — Да!

— Только не забудь добавить «пожалуйста»!

Услышав её слабое «да», я повернулась к своим охранникам и посмотрела на них. Младший неловко поёжился. Старший одарил страдальческим взглядом.

— Ваше Величество, лорд-маршал Уоррен распорядился защищать вас. Приказ маршала и военачальника. — Он тяжело вздохнул, прекрасно зная, что спорить бесполезно. Я кивнула стражникам и пошла по коридору.

Помывшись и переодевшись в свежее, я заняла место за огромным столом около очага в кухне. Мне подали горячий суп и хлеб. Суп был густой, с кусками мяса и картофеля, хлеб тёплым, а Анна щедро намазывала ножом масло.

— Вот, дитя, поешь.

Мои два охранника стояли у кухонной двери, достаточно далеко для невмешательства в частную жизнь. Озар сидел напротив меня с кружкой пива.

— Почему бы и нет, Лара. Она не отдохнёт, пока ты не поешь.

Я притянула тарелку к себе, надеясь, что тёплая еда ослабит боль в голове. Мне хотелось каваджа, но я понимала, что зря только буду просить. Кроме того, кавадж не то же самое без...

Я отодвинула эту мысль в сторону и принялась за еду.

— Могу ещё добавить мед.

Анна двинулась к полкам.

— Нет, Анна, пожалуйста, не вставай.

Я убрала влажную прядь за ухо и продолжила есть.

Наконец Анна уселась на табурет рядом со мной и так широко улыбнулась, что подбородков стало ещё больше.

— Ты вернулась к нам живой и невредимой, и теперь столько всего нужно распланировать. Пир после коронации, церемонии...

Хлеб на вкус был замечательным, и я опустила кусочек в суп. Анна обсуждала с полдюжины вещей, включая подготовку старых комнат отца для меня. Озар ничего не говорил, только смотрел на пиво, поднимал голову на моё лицо и снова переводил взгляд на пиво. В конце концов, Анна исчерпала слова и затихла, метая взгляд между мной и Озаром. Ни один из нас не был готов заговорить первым. Наконец Анна потеряла терпение:

— Что такое, дитя?

— Она не желает корону, — прогрохотал Озар.

— Что?!

— Озар, — взмолила я. — Ты столько лет служил сенешалем при моем отце. Можешь честно сказать, на благо ли королевству моё правление?

Озар нахмурился.

— Ты дочь Кси. Твой долг требует править королевством и править хорошо, Ксилара. Именно этого ждал от тебя отец. Независимо от твоих личных желаний.

— Озар, я никогда не хотела становиться королевой. У меня нет необходимых навыков. Моя мечта — школа врачей, а не...

— События прошлого месяца напугали людей. Они нуждаются в стабильности, заверении, что всё будет хорошо. — Глаза Озара пронзили меня. — Твоё присутствие на троне успокоит их. Ты научишься необходимым навыкам, это лишь вопрос времени. Меньшее — предательство твоего отца и отца твоего отца. — Озар вскочил, отодвигая табурет. — Не желаю больше ничего об этом слышать, моя королева.

Он вышел из кухни.

Анна коснулась меня дрожащей рукой.

— Дитя, ты дома, в безопасности. Где ещё ты хочешь быть?

Я вздохнула и принялась за суп.

* * *

Я оставила Анну одну и вышла в огороды, к дорожке, что вела к зарослям шиповника. Охранники следовали за мной точно тени.

Я очень не хотела признавать, даже самой себе, но Озар прав. Отец всегда говорил, что ответственность — цена привилегии. Так оно или нет, но я наследница трона Кси. Меня связывает долг, от которого не сбежать, отмахнуться или передать кому-то ещё.

Аромат роз стал сильнее, когда я подошла к шиповнику. Очевидно, Анна ещё не всё собрала. Я сорвала один цветок и поднесла к носу, наслаждаясь ароматом, пробуждая воспоминания об отце. Но только не последние дни в постели. Я представляла его на троне, на совете, как он принимал решения, управлял мудро и хорошо. Я зашагала дальше, погрузившись в нерадостные размышления.

Я мало знала о политике, дипломатии и тысячи других вещей, необходимых для правления. Возможно, люди Кира выбрали лучший путь, решив, что положение в обществе зависит от доказанных способностей, а не от рождения. Одно было бесспорно, по крайней мере, для меня. Я — неподходящий правитель. И если я действительно взойду на престол, то маловероятно, что смогу когда-нибудь снова ухаживать за больными. Как военному трофею мне разрешат, даже с радостью, лечить и, возможно, преподавать.

Я резко остановилась и перестала дышать. Здесь, в полумраке сада, где тени скрывали меня от любопытных глаз, я столкнулась с правдой.

Я хотела Кира.

Сильнее, чем лечить пациентов или передавать свои навыки другим. Больше, чем сидеть на троне Кси и защищать свой народ. Я желала его силу, прикосновение, лукавый юмор, честь и страсть.

Я провела цветком по тёплой щеке, чувствуя бархат лепестков. Дни? Всего лишь дни?

Но сердце считает дни или часы?

Я подошла к каменной скамье и рухнула. Будто я героиня одной из ужасных старинных баллад, спетых менестрелями для томящихся от любви придворных дев с пустыми головами. Часть меня стыдилась столкнуться с этой правдой. Истинная дочь Кси должна отказаться от личных желаний и служить народу.

С Киrom, дни наполнены радостью и смыслом.

Без него напоминают холодное и безрадостное бремя.

Если я думала, что мой выбор ограничен при живом Ксиманде, то после его смерти он казался ещё скуднее. Быть военным трофеем может быть и рискованно, но даёт возможности, о которых я никогда не мечтала.

Кир принял такое решение по причинам, которые я не полностью понимала. Очевидно, Анна и Озар не станут мне помогать. Казалось, они думали, что всё можно вернуть на круги своя: склеить сломанный заварной чайник и поставить на полку, как будто ничего не произошло. Однако я не хотела возвращаться на полку и не верила, что отец желал бы мне несчастья.

Должен быть выход.

* * *

Анна разместила Симуса в покоях для иностранных послов. Огромные и просторные, с большим количеством комнат, которые могли пристроить и Симуса, и охрану. Остальной части его людей отвели место в одном из барачков. Ожидая в передней гостиной, я рассмотрела лица охранников, но не заметила никого знакомого.

— Маленький целитель! — глухо пророкотал Симус. Я повернулась, и он предстал передо мной, уперев руки в бедра. Улыбка тут же озарила моё лицо, с губ сорвался смех. В белой рубашке свободного кроя, чёрных штанах, поясе красного цвета и ярко-синем жилете, Симус являл собой ещё то зрелище. Я никогда не видела его в гражданском. Левое ухо было проколото пятью золотыми обручами различных размеров, и они переливались на свету каждый раз, стоило Симусу повернуть голову. Он усмехнулся и широко раскинул руки.

— Я хотел, чтобы твои люди позеленели от зависти при виде моего великолепия. Я преуспел?

— Превзошёл самые смелые ожидания, — хихикнула я. — Их глаза вылезут из орбит точно шарики.

Симус гордо выпрямил спину и отвесил галантный поклон.

— Добро пожаловать в мои покои, Ваше Величество, — чётко и медленно произнёс он на ксианском. — Чем я могу вам помочь?

— Симус, я хочу спросить твоего совета.

Он внимательно на меня посмотрел, стал серьёзным и вернулся на язык своего народа.

— Я не могу обещать вам помощь, Ваше Величество. Военачальник озвучил свои пожелания, и я обязан повиноваться.

Я вытерла потные ладони о платье, пытаюсь сохранить спокойствие духа.

— Симус, я не понимаю. Почему он так поступил?

Симус пожал плечами.

— Что тут понимать? Разве можно понять ветер или гадать по пламени? — Он указал

мне на стул. — Есть вещи неизвестные тебе, маленький целитель. Положение военного трофея несёт свои опасности. Воины-жрецы и старейшины будут бороться с Киром изо всех сил, а ты окажешься в центре этой борьбы.

— Они так сильно его ненавидят?

Лицо Симуса стало серьёзным.

— Ах, эта ненависть обоюдна, и кто может рассудить, чья больше? Но не в этом дело. Кир — военачальник, и его желание связывает меня. Ты останешься в своей стране и будешь коронована её монархом. Как только это случится, я вернусь на равнины, и всё будет хорошо.

— Симус...

Он покачал головой, блестя серёжками на свету.

— Нет. Я не буду это обсуждать. — Он указал на два стула перед незажжённым камином. — Присаживайся. Отведаем Анниных яств, угостимся напитком под названием «эль», и ты поведаешь о своих церемониях. Расскажешь, что такое «коронация», и какие задачи ты обязана выполнять. — Он предупредительно поднял палец. — Но на другие темы я разговоров слушать не буду. Поняла?

Его взгляд был добр, но непреклонен.

— Поняла.

* * *

Эльн открыл чёрный вход своей клиники и окинул Хита, меня и моих четырёх телохранителей бесстрастным взглядом. После непродолжительной паузы он отошёл в сторону. Хит и я проскользнули мимо него в кладовую в сопровождении двух охранников. Комната представляла собой яркое, радостное место с потрескивающим огнём в очаге и булькающими в котлах лекарствами. На душе тут же стало спокойно, стоило мне вдохнуть знакомые ароматы лекарств и тоников. Здесь я изучала своё ремесло, и это место стало мне домом.

— Что это так воняет? — спросил Хит, морща лицо.

— Лекарство. — Эльн ушёл к столу помешать горшок. Учитель вопросительно посмотрел на меня. — Что принесло Ваше Величество в мою скромную клинику?

— Моё величество должно поговорить с вами. С человеком, которому я могу доверять. — Я села на табурет. Хит стал ходить по комнате, рассматривая различные бутылки и флаги. Двое охранников остались стоять у двери.

— Доверять? — Эльн сосредоточился на мне, но тут же хлопнул Хита по руке, чтобы тот не смел трогать флаги.

— Доверять, что у тебя нет предвзятого мнения о том, что лучше для королевства и меня.

Эльн мрачно глянул на меня прежде, чем повернуться к Хиту.

— Бездельник, займись делом. На заднем дворе лежит партия новой древесины. Наколи для меня дров. И этих двух увальней заberi с собой.

Хит посмотрел на него с удивлением.

— Мы защищаем Лару.

Эльн фыркнул.

— Она много лет работала в этой клинике без всякого страха. Твои мышцы зря

простаивают, когда могут принести пользу. Ступай. Иначе заставлю вас толочь травы и помешивать котлы.

Хит усмехнулся.

— По крайней мере, больше не придётся терпеть эту вонь. — Он рассмеялся в ответ на хмурый вид Эльна. Охранники тоже рассмеялись и направились на выход.

— Итак? — Эльн осмотрел меня с головы до пят. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Эльн, я знаю, чего хочу. Все в замке уверены, что я лучший выбор для королевства, но я не верю, что это правда.

— И?

Я сжала зубы. Вот умел он вспомнить о нравоучительном тоне, что очень раздражало.

— Симус не хочет говорить со мной. Озар и Уоррен уже решили, что лучше всего для королевства. А я не знаю что делать.

Эльн отвлёкся помешать котёл.

— Если бы королевство заболело, что бы ты сделала?

— Что?..

Он бросил на меня взгляд.

— Если бы слабое и больное королевство каким-то образом занесло в клинику, что бы ты сделала первым делом?

— Я стала бы задавать вопросы, попыталась бы выяснить, что болит.

— А именно?

Потеряв терпение, я сердито посмотрела на учителя.

— Что болит? Как ваше самочувствие? Вы сегодня ходили по нужде? Вас рвало? Как живот?

Эльн хранил молчание и продолжал помешивать.

— Одно из правил, которому ты научил — прежде, чем начать лечение, нужно сначала выявить болезнь.

Он кивнул, взял щепотку душицы и добавил в горшок. Я затихла на мгновение, пытаюсь применить свои целебные навыки на проблеме.

— Я должна узнать, какие затруднения решает моя коронация, и понять, есть ли альтернатива.

Он пожал плечами.

— Ты должна начать думать.

Я потёрла щеку.

— Ты уже это говорил.

— Кстати, боюсь, ты придумала мне наказание. — Он улыбнулся с сожалением. — Кажется, моя новая пациентка желает, чтобы я ежедневно читал ей «Эпопею Ксайсона». Судьба хуже смерти.

Я выпрямилась от удивления.

— Атира здесь?

— Именно. Военачальник прислал её мне с мешочком золота. Попросил позаботиться, так как её целитель больше не доступен. — Он возмущённо вскинул руку. — Его слова, не мои.

— Где?

— Я разместил её в угловой комнате. Если пойдёшь навестить её, захвати это. — Эльн вручил мне две кружки чая. — Она просила каваджа, но придётся пока обойтись чаем.

Я взяла кружки и направилась в угловую комнату. Это было одно из самых просторных помещений клиники, с огромным камином. Позади я услышала, как Эльн крикнул одному из охранников принести воды, а остальным продолжать колотить дрова. Не сдерживая улыбки, я завернула в угловую комнату.

Атира лежала на кровати, нога подвешена на одном из устройств Эльна, что не давало согнуть конечность.

Секунду Атира не могла поверить в мой визит, но широко улыбнулась.

— Трофей! — Она изо всех сил пыталась сесть. — Нет, нет, это не правильно. — Она сосредоточенно сощурила глаза. — Поздравляю, Ваше Величество, — произнесла она на ксианском. — Я всё правильно сказала?

Я поставила кружки и помогла ей сесть.

— Да.

Как только она устроилась, я протянула ей одну из кружек.

Она сделала глоток и сморщила нос.

— Будь у меня лишнее время, то попросила бы каваджа прежде, чем меня сюда отнесли. Но военачальник прямо выпихнул меня из лагеря.

— Возможно, Симус поделится своими запасами.

Она закатила глаза.

— Нет, он сэкономит свои и будет использовать гуцу дважды, даже если бы я мучилась смертельной головной болью. Не то, чтобы я его обвиняю. — Она посмотрела на меня поверх края кружки. — До меня дошли лишь слухи о произошедшем в замке. Военачальник сказал, что обо мне здесь позаботятся, пока нога не заживёт, а затем я присоединюсь к нему на Равнинах. — Её глаза блестели от любопытства.

Я поняла намёк и кратко рассказала о произошедшем. Атира выслушала меня очень внимательно и покачала голова, когда я закончила рассказ.

Вошёл Хит с дровами в руках.

— Эльн никогда не меняется, Лара. Вечно подкинет задачку. — Он подошёл к деревянному коробу и свалил свой груз. Выпрямившись, он улыбнулся Атире. — Как нога?

Она нахмурилась и медленно ответила на ксианском:

— Всё хорошо. Спасибо.

Хит рассмеялся.

— Не завидую я тебе, застряла здесь с Эльном на несколько недель.

Атира улыбнулась.

— У меня есть это. — Она гордо подняла, купленные мною, «Эпопею Ксайсона» и учебник по чтению.

Хит закатил глаза.

— Эту седую древность? Есть книги намного лучше.

Атира не поверила своим ушам.

— Есть ещё книги?

Она посмотрела на меня, ища подтверждения.

Хит рассмеялся.

— Я принесу тебе что-нибудь получше из замка. — Из кладовой донёсся голос Эльна, и Хит скорчил гримасу. — Нужно возвращаться к работе. — Он послал умоляющий взгляд, неохотно возвращаясь к двери. — Пожалуйста, не задерживайся.

Я посмеялась над ним и повернулась к Атире, снова переходя на её язык:

— Киру навредит, если он не привезёт военный трофей?

— Да, — кивнула Атира. — Военачальник отправил сообщение, когда потребовал вас. Если он не сможет привезти вас, люди скажут, что военный трофей отказалась от него. — Она задумалась на мгновение, поглаживая обложку «Эпопеи». — Военачальник собрал эту армию по кусочкам, объясняя, что мы не получим привычную долю награбленного. Вместо этого он договорился заплатить воинам деньгами или землёй. Если он не сможет вознаградить армию, то будет пристыжён. Или ещё хуже.

— Я не понимаю его. — Я отложила кружку и провела пальцами по волосам. — Почему он так поступает?

Она пожала плечами.

— Атира, Симус сказал, что воины-жрецы и старейшины ненавидят Кира так же, как он их. Почему?

— Я не знаю всех подробностей. Кир всегда кричал, что воины-жрецы отказывают в своём волшебстве тем, кто нуждается в них больше всего.

— Волшебстве? Они используют магию? — Мой голос дрогнул. — Магии не существует, Атира.

— И всё же они утверждают обратное. — Атира нахмурилась. — Я не посвящена в разговоры военачальников или их совета. Я даже не знала, что военачальник может отказаться от военного трофея. — Она пожала плечами. — Но я не певец, чтобы знать все законы и традиции.

Я моргнула.

— А Жоден знает?

— Конечно.

Кир забрал Жодена в лагерь и запретил мне там появляться. Я стала жевать губу, задумавшись на мгновение.

— А... — Атира пристально на меня посмотрела. — Вы можете ответить на вопрос для меня. Я тут думала о «Эпопее» и различиях наших народах. В книге говорится, что сын «наследует» у своего отца. Это означает, что сын может «унаследовать» вещь? К примеру, лошадь?

Я кивнула.

— Да.

— Сын может «унаследовать» власть? Статус?

— И даже трон. Ксиманд получил трон после смерти нашего отца.

Атира нахмурилась, задумавшись.

— Значит, человек без реального умения может получить власть, не заслужив её? Очень странно. — Она глотнула свой чай, затем посмотрела на меня. — И со смертью Ксиманда трон переходит вам. — Она сделала паузу. — А кто станет следующим правителем, если вы умрёте, не оставив детей?

Мои глаза расширились. А, правда, кто?

Я выбежала из клиники, чтобы найти Хита и стражников за колкой дров.

— Хит!

— Лара? — Хит удивлённо развернулся, а охранники потянулись за оружием. — Что случилось?

— Мне нужны карты окружающих нас земель и встреча с Ремном, Эстовалом и Калисой, если смогу найти её. — Я схватила поводья и прыгнула в седло. Стражники

подбежали к своим лошадям.

— Сырницей? — Хит остался стоять на месте. С топором в руке вид у него был преглупый.

— Да, сырницей. — Я направила лошадь к воротам. Хит уронил топор и поспешил к своей кобыле. — И Уоррен. Прямо сейчас я должна переговорить с ними всеми.

Хит вскочил в седло.

— Что за спешка, Лара?

— Через два дня уезжает армия военачальника!

* * *

Мои руки вспотели, под ложечкой сосало, голова ходила кругом, а корона королевства Кси была готова слететь с головы в любой момент. Я отправила сообщения, как только вернулась в замок и назначила заседание совета на закате. До этого времени я заперлась в комнате с картами региона и обдумала все варианты.

Зал совета был переполнен: явились Озар, Симус, Уоррен и члены совета. Все уставились на меня, когда я заняла стол отца. Я выпрямила спину и положила руки на колени. Так легче скрыть дрожь. Откашлялась, и комната затихла.

— Я созвала это собрание, чтобы обсудить благосостояние королевства Кси. — Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы. — Симус Ястреб явился как представитель военачальника Кира. Военачальник подтвердил, что откажется от своих требований на королевство Кси, как только я буду коронована.

Симус наклонил голову в знак признания. Его присутствие было важно, но ещё важнее, что он не понимал, что я делаю, пока не станет слишком поздно.

Я улыбнулась членам совета.

— Спасибо, что так быстро откликнулись на сообщения. Я хочу принести извинения за то, что не готова огласить состав совета, так как я собираюсь уменьшить его численность. Я сожалею о задержке, но прошу прощения за возникший хаос, и предлагаю продолжить вашу службу на временной основе, пока я не обдумаю и не выберу постоянных советников.

Вот я и пустила лису в курятник. Уверена, некоторые даже не задумывались о моем праве созвать новый или малый совет. Хорошо. Пусть понервничают и хорошенько обдумают, что принесёт им моя коронация.

— Первым делом, я чувствую необходимость исправить ложь, которую Ксиманд огласил нам и народу. Позвольте мне объяснить значение слова «военный трофей».

Я не торопилась, подчёркивая честь, что даровал титул, и его значение для людей Равнин. Симус подтвердил мои слова, но я видела лишь ограниченное понимание в глазах. Для меня не имело значения, приняли ли они мои слова за правду или попытку восстановить уязвлённую гордость. Главное, чтобы они верили. Закрыв неприятный вопрос, я перешла к важным проблемам.

— Раз королевство вернулось к дому Кси, мы должны обдумать потребности нашей страны и её народа. Хоть военачальник даёт гарантии, что совершение набегов не будет возобновлено, пока он жив, лорд Уоррен и я обсудили вопросы нашей безопасности. Скоро всем станет известно, что на трон сядет женщина, и могут найтись те, кто решит бросить вызов нашему престолу и границам. Наша армия должна быть достаточно сильна, чтобы

разобраться с этими проблемами, а значит нужно повысить налоги на её содержание.

Я откашлялась и сделала глоток воды. Головная боль так и не отступила, яростно пульсирую в висках.

— И это ведёт нас к следующей важной теме. Мы должны рассмотреть любые потенциальные брачные предложения и гарантировать, что королевский род не пресечётся.

Архиепископ Дризен нахмурился. Хотелось надеяться, что он начинал думать, к чему приведёт появление супруга королевы. При дворе появится неизвестный им человек и, без труда воспользовавшись моей нехваткой навыков, заберёт власть. Пусть эта мысль полностью дойдёт до их понимания.

— Также мы должны подготовиться к возможности моей смерти при родах или без наследников. Народ нужно уверить, что королевство перейдёт в безопасные и сильные руки. — Я прикусила губу, как будто в раздумье. — Есть несколько дальних родственников, но их нужно рассмотреть как потенциальных наследников.

Теперь уже появились озабоченные взгляды. Они все знали моих родственников.

— И было бы неплохо обсудить возможность установления торговых отношений с военачальником до его отъезда. — Я осторожно повернула голову. — Симус, ваши люди открыты для подобных переговоров?

Симус покачал головой.

— Ваше Величество, наши люди берут то, что хотят. Идея торговли чужда им. Боюсь, это невозможно. — Он пожал плечами. — Подобное понятие может внести племенам лишь военный трофей.

— Какая жалость. Мне понравились цвета. — Я улыбнулась. — Особенно фиолетовый, который на вас сегодня.

Симус выгнул брови и улыбнулся, чуть выпрямившись в кресле. Я подавила улыбку, поскольку Симус не в униформе это то ещё зрелище. Казалось, он специально предпочёл кричащие цвета и блистал, как павлин среди серых голубей. Он стал прихорашиваться, а лорды и леди совета откровенно глазели на него. Жаль, он не видел алчного блеска в глазах главной ткачихи, Мерисы. Похоже, она пойдёт на что угодно, лишь бы выведать тайну их красок.

Именно на это я и рассчитывала.

Я поднялась, и все встали вместе со мной.

— В ближайшие дни нам придётся принять много трудных решений. Мы встретимся завтра, спустя три часа после рассвета, и приступим к большой работе. Да благословляет нас всех Богиня.

Симус протянул руку, и я приняла приглашение. Люди зашептались ещё до того как мы успели переступить порог коридора. Как только захлопнулись двери, я сняла корону с тяжёлым вздохом.

— Симус, у тебя же есть кавадж?

Симус рассмеялся.

— Естественно.

Анна назначила слуг Симусу, те принесли горячий кавадж, и мы устроились на стульях перед камином. Несмотря на рёв огня, в комнате было холодно. Я взяла предлагаемую кружку и осторожно потянула горькую жидкость. Слуги поклонились и вышли из покоев. Симус взял свою порцию и устроился на стуле напротив меня.

— Клянусь небесами, моя палатка теплее, чем этот ваш каменный замок, — заворчал он на своём языке.

Я кивнула и провела рукой по волосам, радуясь избавлению от веса короны. Она лежала на столе рядом, мерцая в свете камина. Вкус каваджа горчил язык, но всё же успокаивал нервы. С каждым глотком головная боль становилась всё слабее и слабее.

— Ты справилась, маленький целитель. — Симус откинулся на спинку, вытянул длинные ноги и сжал чашку обеими руками. — Ты продемонстрировала знание и силу.

Я уставилась на тёмную жидкость в кружке. Время пришло.

— Симус, как королева Кси я должна повиноваться тебе на правах представителя моего сеньора, правильно? — Я говорила на его языке, помня, что нас могут подслушать.

Симус кивнул.

— Да, Я говорю за военачальника, пока он не отдаст иной приказ. Ты поклялась ему в верности.

— Но, на самом деле, я не клялась?

Я бросила взгляд украдкой. Симус был озадачен, но ответил на мой вопрос.

— Ваши законы позволяют присягам переходить от наследника к наследнику, разве я не прав?

Я медленно кивнула.

— Да, но присяга должна быть утверждена.

Симус пожал плечами.

Я продолжила, как ни в чем не бывало:

— А как военный трофей, Симус?

— А?

— Как трофей я должна тебе повиноваться?

Симус напрягся. Слабое, машинальное движение, но я заметила, хотя он быстро исправил оплошность:

— Вы больше не трофей, Ваше Величество.

— Но если бы им была?

— Как трофей вы выше меня по рангу. — Он пристально посмотрел на меня, но глаза его не предали. — Но вы больше не требуетесь как военный трофей.

Я наклонила голову и улыбнулась из-за края кружки.

— Это странно.

— Странно?

— Я точно помню, как Жоден сказал мне, что если требование озвучено, то только старейшины могут подтвердить или опровергнуть мой статус трофея.

Симус уставился на меня широко раскрытыми глазами.

Я с силой опустила кружку на стол, так что подпрыгнула корона.

— Ты скажешь мне правду, Симус, и поклянёшься в этом на огне.

Симус бросил кружку, застонал и уронил голову на руки.

— Кто тебе сказал? Кир был уверен...

Я в ярости вскочила на ноги.

— Никто не говорил мне всей правды. Всё пришлось додумывать самой. — Я сделала вдох, стараясь смирить гнев и сдержать радость. — Совет старейшин должен признать меня военным трофеем, да?

Симус кивнул, так и не поднимая головы.

— Я остаюсь военным трофеем, пока старейшины не подтвердят или не откажутся от меня, да? — Я надавила на него и была вознаграждена приглушённым «да». Я продолжила: — Кир не может изменить мой статус?

— Да.

— Как военный трофей я держу ответ только перед избранным военачальником, и формально я ещё не выбрала военачальника? Именно поэтому он запретил мне появляться в лагере, чтобы я не смогла переговорить с Маркусом или Жоденом?

Симус застонал.

— Смотри на меня. — Он не двинулся. — Смотри на меня, Симус.

Роняя руки, он откинулся на стул и посмотрел на меня.

— Лара, пожалуйста...

Я выпрямилась во весь рост.

— Как военный трофей...

Симус умоляюще вытянул руку.

— Ты выше меня по рангу, маленький целитель. — Он уронил ладонь и немного наклонился вперёд. — Кир пытается дать лучшее тебе и этой земле. Твоё королевство нуждается в тебе, а с тем, с чем ты столкнёшься как военный трофей, препятствия ...

— Он никогда, не спрашивал, есть ли варианты! — Я пришла в ярость и фактически плевалась. — Никогда не интересовался моим мнением!

— Лара...

— Достаточно, Симус. — Я вздёрнула подбородок. — Теперь услышь желание военного трофея.

Он опустил на стул.

— Я слушаю и повинуюсь, военный трофей. — Он страдальчески поднял глаза, и всё же в них вспыхнул озорной огонёк. — Но можем мы, по крайней мере, выпить ещё по кружечке каваджа, прежде чем ты прикажешь мне помешать планам Кира?

Я улыбнулась и села на место, чувствуя себя странно захмелевшей. Головная боль, прошла. Я справлюсь, найду способ уравновесить интересы моего королевства и сердца.

Кир прав. Главный плюс в положении королевы и военного трофея получать то, что захочешь.

* * *

И вновь я сидела перед советом за отцовским столом. Руки вспотели, под ложечкой сосало, а корона королевства Кси была готова слететь с моей головы в любой момент. Я положила ладони на разбросанные по столу карты и попыталась оставаться спокойной, поскольку этому дню суждено стать днём рождения или смерти моих надежд.

— Советники, благодарю, что вы присоединились ко мне этим утром. Я хочу кое-что объявить прежде, чем мы начнём наше обсуждение.

Никакой группы сонных лордов, ремесленников и духовенства, наполовину проснувшись после того как их насильно вытащили из кроватей. Нет, эти мужчины и женщины были готовы и бдительны, у каждого своя повестка дня, которую обязательно нужно рассмотреть. Прибыли все, за исключением лорда Дерста. Он всё ещё лежит в постели, выздоравливая после ранения. Я попыталась усыпить их бдительность, предложив чая и сладких печений, но простой едой успехов не достичь.

Озар сидел в конце ряда: формально он не часть совета, но как сенешаль был приглашён на совет моим отцом. Ксиманд лишил его привилегии, но вчера я вернула ему это право. Уоррен сидел рядом с Симусом, облачённым в золотистые тунику и штаны. Он выглядел расслабленным и роскошным, на воротнике блестела ониксовая брошь в форме кошки.

Я отвела взгляд от броши и откашлялась, чтобы продолжить:

— Думаю, королевству пойдёт на благо, если я уеду с военачальником как военный трофей.

Я ошеломила их и, пользуясь этим в полной мере, продолжила:

— Наша радость при моем возвращении должна быстро уступить тяжёлой реальности, ситуации этого королевства.

Я подняла руки, когда Озар и архиепископ попытались меня прервать.

— Я изложу свои доводы, а затем дам ответ на ваши замечания и вопросы. — Я набрала полную грудь воздуха. — Нет ни одного потенциального брачного союза, приемлемого для совета или меня. Одна из причин, по которой Ксиманд не заключил мой брак.

Никого нет. Я изучала проклятую карту часами, проверяя положения соседних монархов. Единственный, кто мог бы стать потенциальным союзником, пяти лет от роду и контролировался регентом.

— В королевстве нет подходящего мне в пары аристократа, который смог бы стать королевским консортом.

Это уловка, так как парочка всё-таки есть. Но я была уверена, что политическая борьба не позволит никому стать привлекательной фигурой в глазах всего совета.

— Если я уйду к Богине, не оставив живого наследника, трон перейдёт к моим кузенам. — Я откашлялась. Нет никакой нужды говорить дальше, так как о них все знают. — Сочетание отсутствия наследника и потенциального супруга — фатальна.

Они сосредоточились на мне. Единственная поддержка читалась в глазах Симуса. Я укрепились в своей решимости, надеясь, что корона с головы не спадёт, и продолжила:

— Наша армия ослаблена, и на границы попытаются напасть, особенно с неопытной женщиной на троне. — Я посмотрела на Уоррена, но выражение его лица ни о чем не говорило. — Усиление армии потребует времени, дополнительных людских ресурсов и увеличения налогов и десятин. Это особенно тяжело, так как с самой войны у нас малый товарооборот с другими королевствами, а новых торговых путей не открывали со времён отца.

Ремн, Эстовал и Калиса подтвердили сей факт для меня.

— Союз между военачальником и мной даёт ответы на эти проблемы. У нас будет союз, связанный браком. — Архиепископ откашлялся, но я его полностью проигнорировала. — Связанный браком. Я уверена, что наш союз будет плодотворен, и Симус Ястреб подтвердил, что мой первенец может быть воспитан как сын Кси и объявлен наследником престола.

Заняв место военного трофея, я смогу развить торговлю между народами, открыть потенциальные рынки и ввезти новые товары. Заняв место военного трофея, я гарантирую, что военачальник предоставит людей для охраны наших границ. Когда наши более враждебные соседи услышат об этом союзе, то не будут спешить бросать вызов военачальнику. Это уменьшит необходимость в увеличении налогов и десятин.

Я не собиралась позволить им полностью избежать этого вопроса. Королевство нуждалось в деньгах.

— Я выслушаю ваши доводы и отвечу на замечания. Если у кого-либо есть лучшая идея удовлетворить потребности королевства, то пусть выскажется. Я должна подчеркнуть, что время ограничено. Если военачальник вернётся к своим людям без военного трофея, то возможность будет потеряна. И он отбывает весьма скоро.

Все тут же вскочили на ноги, крича на пределе своих лёгких. Озар сжал губы в тонкую линию. Уоррен задумался. Архиепископ Дризен, казалось, был на грани сердечного приступа.

Я позволила всем мариноваться некоторое время, не слушая никого конкретно, но пытаясь уловить общий тон. Я диагностировала своего пациента, а теперь должна убедить его, что лечение подействует независимо от вкуса лекарства.

Отведя плечи, я призвала совет к порядку и обратилась к лорду Уоррену с просьбой взять слово первым. По всем правилам лучше начать медленно, убедительно и тактично, переговорив со всеми членами совета лично. Но у меня нет времени. Если этому суждено произойти, то быстро.

Шаг за шагом я купила их ходом своего рассуждения. Мы изучили карты близлежащих королевств и тщательно рассмотрели потенциальные браки в мучительных подробностях. Из шести потенциальных правителей, три уже были женаты и имеют наследников. Одна женщина. Ещё мальчик лет пяти и безумец, к тому же заболевание передаётся по мужской линии. К моему удивлению нашлись защитники этого союза, пока их не заткнули лорды.

Брак с кем-нибудь из местных дворян поднял много шума. Было несколько вторых сыновей, которые, возможно, обладали подходящими качествами, за исключением того, что многие лорды ненавидели друг друга. Я откинулась на спинку стула и позволила совету вцепиться друг другу в плотки. Симус замечательно проводил время, хоть и не знал ксианский достаточно хорошо, чтобы уследить за всеми проклятиями и ругательствами. В какой-то момент я поймала на себе взгляд Озара. Я попыталась посмотреть ему в глаза, но он отвернул голову. В конце концов, пришлось встать и остановить спор. Разговор ушёл в никуда, и мы теряем время.

Дискуссия о потенциальных наследниках была очень коротка. Все знали моих кузенов, и никто не хотел видеть их на троне Кси.

Только во время обсуждения налогов и десятин я получила первый признак, что у меня есть поддержка. Лорд Уоррен встал и поднял руку.

— Полагаю, что Ксилара права. Если она примет титул военного трофея, это принесёт больше пользы, чем вреда. — Уоррен осмотрел зал и остановил взгляд на Озаре. — Я лично знаю военачальника и убедился, что он человек, на которого можно положиться. Считаю, что мы должны поддержать дочь Кси в её решении.

Он сел, а члены совета зашептались между собой.

Неожиданно взяла слово главная ткачиха Мерис.

— Торговцы также поддерживают это решение.

И она села на место. Хвала Богине за торговые инстинкты. Нам не нужно обсуждать выгоду расширенной торговли. Судя по тому, как Мерис продолжает сверлить Симуса взглядом, я не сомневалась, что она поддержит моё решение.

— А я — против. — Архиепископ тяжело встал со стула. — Мы говорим о союзе дочери Кси с немногим больше, чем варваром, да к тому же язычником. Богиня запрещает.

Ожидая этот аргумент, я поднялась со своего места.

— Возможно, настал момент для частных бесед и закуски.

Слуги внесли свежие напитки, предложили чашку супа и тёплого хлеба. Я обошла комнату, перебросившись парой слов с каждым советником, улыбаясь каждому и удостоверяясь, что в конце подойду к архиепископу. Около него стоял дьякон Броудус.

— Ваше Высокопреосвященство. — Я села рядом. — Я могу поговорить с вами лично?

— Конечно, дочь Кси. — Архиепископ занял стул рядом со мной, поправляя складочки на своём одеянии. Дьякон Броудус занял свою обычную позицию, чуть позади архиепископа, и зло нахмурил брови.

— Ваше Высокопреосвященство, прежде чем мы продолжим заседание совета, я чувствую, что должна обратить ваше внимание на то, где я спала в лагере военачальника.

— Спали? — Дризен перешёл на шёпот. — И где же?

Я подождала, пока он пригубит чай.

— В постели военачальника, Ваше Высокопреосвященство.

Он поперхнулся чаем, забрызгивая напитком одежду. С широко раскрытыми глазами архиепископ отказался от помощи дьякона и сам вытер платком пятна.

— Дитя, о чем вы говорите?

— Я говорю, что в лагере военачальника, спала в постели военачальника, Ваше Высокопреосвященство.

— О, моё бедное дитя.

Его лицо покраснело.

— Ваше Высокопреосвященство, я хотела обсудить с вами данный вопрос, так как он меня очень беспокоит.

— Дитя, я... — Архиепископ Дризен заёрзал на стуле, лицо стало пунцовым. — Нет никакой необходимости описывать подробности...

— Благодарю за вашу готовность пощадить меня, Ваше Высокопреосвященство, но я чувствую, что вы должны знать правду.

— П-правду? — На его лбу выступили бисеринки пота. Он отложил в сторону чай и стрельнул по залу глазами в поисках спасения.

— Я больше не девственница, Ваше Высокопреосвященство.

Я сделала глоток чая, чтобы дать ему время переварить информацию.

— Правда? — пропищал он. Лицо дьякона Броудуса вытянулось в трубочку, а глаза вылезли из орбит.

— Да, Ваше Высокопреосвященство. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — У иностранного принца могут возникнуть проблемы с признанием этого факта.

Бедный человек покраснел ещё сильнее.

— Мы уверены, что будущий жених войдёт в ваше положение, дочь Кси.

— Увы, Ваше Высокопреосвященство, не все так всепрощающи как вы.

На последней проповеди он обсуждал этот момент в подробностях, и я была уверена, что моё известие он сочтёт как затруднение.

— Это может представлять проблему, дитя. — Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. — Я зря поверил, что военачальник уважает наши традиции.

Я наклонила голову.

— За всё короткое время, проведённое с его людьми, мне показалось, что они терпимы к нашим верованиям. — Я поднялась со стула. — Благодарю, Ваше Высокопреосвященство. Ваши слова принесли мне утешение.

Он выглядел успокоившимся и смущённым в то же время.

— Вы всегда можете доверять мне, Ксилара.

Я подошла к окну, стремясь проверить, что Кир всё ещё здесь. Симус уверил меня, что он не уедет раньше установленного срока, но моё сердце всё равно боялось. Быстрый взгляд в окно и я убедилась, что равнинники готовятся к уходу, но пока ещё не ушли.

С кружкой в руке ко мне подошёл Озар. Воцарилось тягостное молчание.

— Озар...

— Лара...

Мы оба рассмеялись, но Озар покачал головой, когда я попыталась заговорить.

— Нет. Сначала я. — Он убрал выбившийся из моей причёски локон. — Для Анны и меня ты как дочь, Лара. Не вини нас в том, что мы желали защитить тебя.

Слезы наполнили мои глаза.

— Я не хочу причинять вам боль, — прошептала я.

Озар повернулся выглянуть из окна.

— Я хорошо подумал, Лара. Должен признать, я молился, что всё будет хорошо. Пытался представить, что сказал бы твой отец. Когда ты сняла ту брошь с плаща Симуса, ты пыталась спасти чужую жизнь. Достойная цель. Но короли и королевы думают не об интересах отдельной личности, а служат на пользу своего народа и страны в целом. — Он повернулся ко мне. — Ты научишься быть великой королевой, Лара, но будешь несчастна и потеряешь часть души в процессе. Наступит день, когда ты примешь правильное решение, но его цена будет преследовать тебя всю жизнь. Ты будешь оплакивать людей, которыми пожертвовала, вместо того, чтобы радоваться жизням, которые спасла. Ты — Кровь, но я не могу желать тебе такой судьбы. Ещё тяжелее признавать, что наш птенец отрастил крылья. — Он рассмотрел моё лицо с кривой усмешкой. — В твоих доводах есть здравый смысл, Лара. — Он вздохнул и выглянул в окно. — Этого ты хочешь? — Он посмотрел на меня искоса. — Или точнее, его ты хочешь?

Я кивнула и подняла руку удостовериться, что корона осталась на месте.

— И кто будет управлять твоей землёй, дочь Кси? — Никакого осуждения в глазах, только искреннее беспокойство. — Ты уже думала об этом?

Я улыбнулась ему, на душе стало немного легче.

— Ты читал «Эпопею Ксайсона»?

Он проворчал:

— Да, но надеялся, что ты о ней не вспомнишь. — Его усталые глаза заискрились старым озорным огоньком. — Очень хорошо. У тебя есть моя поддержка, военный трофей. — Он кивнул на группу позади нас. — И у тебя будет их поддержка, как только они успокоятся. Придумай оправдание покинуть комнату на некоторое время и позволь Уоррену и мне с ними переговорить.

Тут к нам, чуть прихрамывая, подошёл Симус с кружкой в одной руке и тарелкой пирожных Анны в другой.

— Попробуйте.

Мы с Озаром приняли угощение. Один укус, и я поняла, где самая горькая часть моего плана. Я изучила тёмные глаза Симуса с сожалением.

— Видимо, я разгневала повара.

Симус кивнул.

— Очевидно, слухи дошли до кухни. — Озар уронил пирожное на тарелку. — Сходи, поговори с нею.

— Она твоя жена.

Озар выгнул бровь.

— Ты дочь Кси и военный трофей. От этой обязанности ты не сможешь отмахнуться.

С этим я не могла поспорить.

* * *

Как всегда, в замковой кухне стояла жара, толпился народ и царил настоящий хаос. Слуги, казалось, были в особом бешенстве. Ещё не войдя в комнату, я услышала, как Анна ругает девицу за то, что та разбила тарелку. Анна ругала всех, стоя в центре кухни в переднике покрытым пятнами от еды и размахивая деревянной ложкой. Я замерла в двери и просто немного понаблюдала за нею. Она была расстроена и срывала злость на всех, кто находился в поле зрения.

Один из слуг заметил меня и сказал что-то Анне. Она приняла высокомерный вид и повернула голову, покачивая подбородками. Я ответила на палящий взгляд, вскинув голову. Анна нахмурилась.

— Еда пришлась вам не по вкусу, госпожа?

— Анна...

— Эй, не смей останавливаться! — Анна закричала на мальчика, который следил за мясом на вертеле. Она повернулась ко мне с непроницаемым лицом.

— Говорят, ты хочешь уехать с тем варваром.

— Анна...

Её лицо тут же изменилось — «маска» разбилась на моих глазах.

— Почему? Скажи мне? Он отпустил тебя, отдал нам. Почему ты хочешь уехать?

Она рухнула на один из табуретов, и тот жалобно скрипнул. Комната затихла, все смотрели на нас.

Я махнула слугам убираться из комнаты, и те вышли друг за другом, сняв различные вида мяса и рагу с огня. Как только комната опустела, я подошла к рыдающей Анне и обняла, прислонила щеку к её макушке и позволила выплакаться.

Вошёл Озар. Он опустился на пол перед нею и накрыл колени своими большими руками.

— Анна.

Она шмыгнула носом, её лицо покраснелось, оставляя дорожки слез. Озар достал из кармана белый носовой платок. Она взяла его и высморкалась.

— Мы только-только вернули её живой и невредимой. Почему она не может остаться? — зарыдала Анна, тряся подбородками. — Нет причин уезжать.

Я подняла голову и вздохнула, но Озар сжал ладонь Анны и, приобняв меня, заставил

стать на колени рядом с ним.

— Анна, любовь моя, посмотри на неё.

Анна подняла на меня красные, заплаканные глаза.

— Анна, орлиное гнездо открылось, и наш птенец улетел. На самом деле, она хочет уехать.

— Правда? — Анна искоса посмотрела на меня и нахмурилась. И тут её глаза расширились — Ты отдала своё сердце тому варвару?

На глаза навернулись слезы, и я попыталась одновременно улыбнуться и кивнуть.

— Помимо этого, — нежно заговорил Озар, — она убедила меня и весь совет, что её отъезд пойдёт на благо королевства.

— Хорошо. — Анна высвободила руки и вытерла глаза передником. — Но ты знаешь, что кто бы ни сел на трон, он не достоин и кусочка еды с моей кухни.

Озар грустно вздохнул.

— Тяжело умереть от голода от рук собственной женой.

— Ась?

— Анна, я собираюсь объявить Озара наместником королевства Кси. Он будет управлять страной, пока я с военачальником.

— Пожалуйста, скажи, что накормишь меня, моя леди.

Озар встал и обнял Анну, когда она вновь разрыдалась.

* * *

Наступил яркий и ясный рассвет дня отъезда. Стоило солнцу осветить горизонт, как авангард отправился в путь, разведывая дорогу для армии. Завёрнутые в плащи, мы с Симусом наблюдали за ними со стены.

— Знаешь, он убьёт меня, — мрачно произнёс Симус.

Я посмотрела на него из-под капюшона.

— Нет, Симус. Вина ляжет на меня. Кир не сочтёт тебя ответственным.

Симус фыркнул.

— Я волнуюсь не по поводу Кира, трофей, а Жодена. Он придёт в ярость от того, что всё пропустит. По крайней мере, позволь мне отправить гонца...

— Нет. Я не буду рисковать. Кир не должен прослышать, что я намереваюсь сделать. Если ты волнуешься по поводу Жодена, то отправь ему письмо с подробным описанием. Но подожди хотя бы немного. Иначе план не сработает.

— Письмо? — Симус закатил глаза. — Трофей, я не умею...

— Продиктуешь кому-нибудь слова, и он всё запишет за тебя.

— А! — Симус выглядел довольным.

Я продолжила наблюдать за долиной.

— Сколько ещё?

— Кир обычно посылает разведчиков за два часа до основного отхода. — Я повернулась и улыбнулась Симусу, который просто покачал головой, золотая серёжка закачалась в ухе. — Трофей, это будут воспевать ещё тысячу лет.

Я просто улыбнулась и спустилась с зубчатых стен. Стражники поклонились мне, когда я быстро вернулась в замок и направилась в тронный зал.

Это была одна из самых быстрых коронаций в истории королевства Кси, обошедшаяся без торжеств и церемоний. Мы собрали дворян, торговцев и весь придворный штат в качестве свидетелей. Как только я официально стала королевой Кси, вышел Симус, и я встала на колени перед ним и повторила все клятвы, которые принёс Ксиманд ради мира. Затем я вызвала Озара и, повторив церемонию из «Эпопеи Ксайсона», назначила его наместником Кси на время моего отсутствия.

Публичное объявление о моем решении прошло тяжелее, поскольку люди занервничали относительно его мудрости. Забавно, куда же делась их прежняя уверенность, когда меня загоняли в рабство. Теперь, когда я боролась за желаемое, они вдруг начали сомневаться. Но я удостоверилась, что обсуждения в зале совета станут открытым для народа, и никто не посмеет помешать моим планам.

Я попрощалась с Озаром, Анной и Уорреном вне пределов двойных дверей; Симус стоял рядом, держа уздцы наших лошадей.

Уоррен нахмурил брови.

— Лара, что, если военачальник не примет тебя назад? Что тогда?

Я глубоко вздохнула и села на лошадь, радуясь, что никто больше не спросил подобное. Признать, меня саму очень сильно мучил данный вопрос.

— Будем решать проблемы по мере их поступления, Уоррен. Не раньше.

Мы развернули лошадей к воротам и покинули замок.

Итак, мы с Симусом добрались до холма, с которого просматривалась дорога, как армия Кира пришла в движение. Дорога тянулась на многие мили по долине до самых равнин. Проторённый путь и очень грязный.

День выдался ясным и свежим, с небольшим ветром. Но когда солнце скроется за горами, будет холодно.

Раздались отдалённые крики, и армия начала проходить перед нами с лидерами во главе. Я различила Ифтена и Жодена, но мой взгляд не покидал Кира. Верхом на коне, облачённый в чёрные доспехи и алый плащ, его трудно было не заметить. Он ехал впереди всех, смотря в сторону горизонта. Очевидно, Жоден заметил нас и вырвался вперёд переговорить с Киром. Но Кир проехал мимо, не поворачивая головы и не оглядываясь.

Симус рассмеялся

— Он хвастается.

— Как?

— Перешёл на рысь. Обычно армия двигается шагом.

— Чтобы пожалеть лошадей.

Симус рассмеялся.

— Нет, чтобы уберечь наши задницы. Знаешь, как отбивается зад при рыси. Он пытается произвести впечатление. Они замедлятся, как только скроются из вида.

Прошло немало времени, чтобы вся армия проехала мимо, но наконец, поток солдат и обозов закончился. Хотя они и скрылись за горизонтом, Симус уверил меня, что ещё не проехала тыловая охрана. Они будут ждать около часа, затем рассредоточатся, следя за наличием преследования и постоянно докладывая Киру. Я рассчитывала на этот отряд.

Когда последний человек проехал распустье, я слезла с лошади и сняла плащ с обувью.

— Это опасно, Лара. — Симус нахмурился. — Ты будешь одна на дороге, без защиты. По крайней мере, позволь мне следовать за тобой на расстоянии.

— Нет, Симус, я запрещаю. — Я задрожала, как осино́вый лист, но затолкала плащ с

обувью в седельные сумки. — Твои люди любят великие жесты, и это, конечно, им понравится. — Я передала Симусу поводья. — Военачальник потребовал меня. Я не приму ничего, кроме как из его рук. Жаль, что я только не знаю, как он это всё воспримет.

В конце концов, он сам сказал, что у меня его сердце.

— Я мог бы тебя успокоить, но наверняка знаю лишь, что он придёт в ярость. — Симус вздохнул, но усмехнулся. — Как и Жоден. Скажи ему, что я пошлю свои слова. Береги себя, военный трофей.

— Береги себя, Симус.

Я повернулась и пошла вниз по дороге, за армией.

Нас всё ещё можно было различить с городских стен, и до меня донёсся слабый одобрителный окрик. Разнеслась молва о моих намерениях, и вдоль стен выстроилась толпа зевак. Озар, Уоррен и Симус проявят хорошую заботу о королевстве, в этом я не сомневалась. Оставалось лишь теряться в догадках, как воспримут мой великий жест.

Я видела, как армия движется далеко впереди, оставляя за собой облако пыли. Дорога утопала в грязи и морозила ноги. Я шла осторожно, стараясь не наступать на самые острые камни и сохранять темп размеренным, неторопливым. Меня ждал долгий путь и на него понадобятся все силы. Поднявшийся ветер раздул моё белое платье и закружил волосы вокруг головы. Я убрала их с лица, намеренно стараясь выглядеть как в тот вечер.

Я старалась не давать волю мыслям, но достигла мало успеха. С каждым шагом я представляла гнев Кира, когда он поймёт, что я сделала. Перед глазами предстала картинка, как меня хлестают кнутом у столба или просто растаптывают под копытами лошади. Я прикусила губу, так как ногу порезал случайный камень. Лучше смотреть, куда я иду, вместо того, чтобы гадать о будущем. Я старалась оставаться на чистых кусках дороги, избегая лошадиного навоза. Возможно, прогулка босиком была не самым мудрым решением.

Небо стало ярко-оранжевым, когда я, наконец, услышала гром копыт позади. Я не остановилась, только продолжила идти в устойчивом темпе. На какой-то момент я испугалась, что Симус или Озар послали за мной войско. Но вместо этого, как предсказал Симус, мимо меня в галопе проехал первый из арьергарда; их лошади шарахались в сторону от меня. Один оглянулся и удивлённо вскрикнул. Парень с такой силой натянул поводья, что лошадь резко затормозила, разведя ноги в попытке остановиться. Другой разведчик, заслышав шум, достал меч и свернул с дороги, окружая меня с тыла.

Я проигнорировала их и продолжила идти.

Ко мне подъехал первый разведчик.

— Трофей? — испуганно спросил он. Я подняла голову и увидела Танта, воина, которого избивали за то, что он заснул на часах.

Подъехал второй разведчик, внимательно осматривая местность на наличие опасности. Он поглядел на своего товарища.

— Это военный трофей?

Тант спрыгнул с коня и подошёл ко мне.

— Трофей, что вы здесь делаете? Где ваш эскорт?

Я прошла мимо него.

— Я возвращаюсь к военачальнику.

Я продолжила идти. Они последовали за мной, Тант вел лошадь за уздцы, другой остался в седле.

— Трофей, пожалуйста, сядьте на лошадь, и мы отвезём вас к военачальнику, —

раздался голос Танта за моим плечом. — Нет нужды идти пешком.

— Она босая, — заметил второй.

Я продолжила идти, упрямо смотря вперёд.

— Мой военачальник потребовал меня. Я не приму ничего, кроме как из его рук.

Тант догнал меня и сглотнул.

— Трофей, армия не остановится, по крайней мере, ещё две отметки. Вам ещё долго идти до него, а я не могу позволить... — Я впилась в него взглядом, и он не закончил предложение. Воин встал как вкопанный, и я услышала проклятия позади. Однако я просто продолжала идти, полная решимости продолжать. А тем временем за спиной разгорелся спор.

— Езжай вперёд и доложи военачальнику.

— Нет, я останусь с нею, а ты езжай и доложи.

Спор затянулся, и тут раздался рык:

— Тогда вырвем волосок. У кого короче, тот и едет.

Через миг раздался довольный возглас, и второй разведчик поскакал нагонять войско.

Тант догнал меня и взмолил:

— Трофей, пожалуйста, возьмите мои ботинки и плащ. Вам холодно, и у вас все ноги в крови.

На самом деле они горели как огонь.

— Нет.

Я продолжала идти.

Тант шёл поодаль, что-то бормоча и возводя руки к небу. Не знаю, была ли это молитва или проклятие, но я отчётливо расслышала: «Почему я?». Я устала, ноги болели, и мне совсем не хотелось терпеть его скулёж вдобавок.

— Возвращайся к своим обязанностям.

— Со всем должным уважением, трофей, я не могу. — Тант снова начал меня нагонять, его лошадь недовольно фыркнула за то, что её резко дёрнули вперёд. — Если вы не примете мою помощь, то, по крайней мере, я буду охранять вас.

— Ты не повинешься военному трофею? — посмотрела на него я.

— Да, если есть выбор. — Он скрутил поводья в кулаках. — Военачальник будет топтать как сумасшедший эхат, огрызаться и кричать на каждого, кто окажется под рукой. Я не буду вам повиноваться. Лучше наказание от ваших рук, чем смерть от рук военачальника.

Я кивнула, повернулась и продолжила идти. На сердце стало легче. Огрызаться и рычать? Топтать как эхат, а?

Конечно, я до сих пор не узнала кто такой эхат.

Казалось, прошли часы, как вдалеке раздался шум. Облако пыли предвещал скорое появление всадников. Мой самоназванный охранник отошёл назад, когда словно молния на горизонте мелькнул силуэт Кира. Он бешено гнал коня, а его алый плащ развевался на ветру. За ним ехало ещё несколько человек. Я стала ждать.

Кир остановился коня. Животное возвысилось надо мной, я услышала его тяжёлый всхрап, но не посмела поднять глаз с дороги.

— Что во имя всех элементарей ты творишь? — зарычал Кир.

— Следую за своим военачальником, — спокойно произнесла я.

— Ты поклялась мне, что будешь управлять этими землями.

Он начал кружить рядом. Я почувствовала жар его пристального взгляда на шею и

задрожала от ледящего холода его слов.

— Королева, возможно, и поклялась, но не военный трофей. — Я подняла глаза, когда его лошадь проехала передо мной. Лицо Кира исказилось от гнева. Я сглотнула, но продолжила: — Военный трофей следует за военачальником.

Лошадь снова закружила.

— Я отвезу тебя в замок.

— Это лишь означает, что мне придётся снова проделать весь путь.

Кир проделал круг и остановился передо мной.

— Нет, если я прикую тебя цепью к трону, — прорычал он.

Жоден кашлянул в стороне от дороги, где он сидел на своём коне. Маркус тоже ждал рядом, закутавшись в знакомый плащ. Кир резко обернулся.

— Что?!

Жоден пожал плечами.

— Ну, мне пришло в голову, насколько далеко вперёд уйдёт армия, пока мы здесь говорим.

Маркус заговорил высоким тоном:

— И когда Ваше высочество и могущество закончат кричать, я мог бы заметить, что она истекает кровью.

Кир обернулся, раздул ноздри и внимательно изучил меня взглядом. Я постаралась не сжаться в комочек. Кир заматерился.

— Езжай с Маркусом. Мы вылечим твои ноги и вернём в замок.

Кир повернул лошадь.

— Нет.

— Что?!

Кир развернул морду лошади, и животное недовольно фыркнуло.

Я подняла глаза.

— Мой Военачальник поклялся заботиться обо мне. Я не приму ничего кроме как из его рук.

Жоден начал смеяться.

— О, какая выйдет песня!

Кир снова выругался, слез с лошади и подошёл ко мне. Я с силой сжала руки, когда он остановился в моем пространстве, встав так близко как можно, не касаясь меня. Я закрыла глаза и задрожала, желая его теплоты и прикосновения. Он стоял мгновение, лишь дыша.

Вдыхая аромат ванили, которую я втёрла в волосы и кожу.

Если это не сработает, то не возникнет необходимости в цепях. Я была уверена, что если мы снова расстанемся, то часть меня просто умрёт. Я открыла глаза и смерила его взглядом. Его гнев бушевал, не ослабевая. Надежда умерла в моей груди. Не сработало.

Я проглотила ком в горле и опустилась на колени.

Точнее попыталась. При первом намёке того, что я собиралась сделать, он снял плащ и накинул его мне на плечи. Взял меня на руки, укачал на руках и двинулся к своей лошади.

— Жоден, — рявкнул он.

Жоден спрыгнул с седла и передал поводья Маркусу. Кир вручил меня ему и повернулся к своему коню. Жоден улыбнулся мне, его круглое лицо чуть не расплылось в широкой улыбке.

— О, Лара, какую песню я сочиню! — прошептал он, так как Кир подвёл коня. Я

прикусила губу, боясь, что Жоден заговорил слишком рано.

Жоден передал меня Киру, и тот нежно взял меня на руки.

— Я возвращаю ваш военный трофей, военачальник! — громко и чётко произнёс Жоден.

Кир бросил на него сердитый взгляд, но ничего не сказал. Он повернул лошадь в направлении армии, и мы отправились в путь. Я заметила, что Тант растворился в воздухе. Его нигде не было видно.

По пути я освободила руку и коснулась щеки Кира. Его челюсть сжалась при моем прикосновении.

— Совет Кси согласился, что я лучше послужу королевству в качестве военного трофея.

Мышцы перекатились под моими пальцами, но Кир ничего не сказал.

— Я назначила Озара наместником. Он проявит хорошую заботу о моих людях и королевстве.

Кир смотрел прямо вперёд и остановил лошадь, когда нагнали войско. Плащ упал на мои плечи, и я услышала, как отреагировали воины, заметив мои волосы, развевающиеся на ветру.

Я продолжала нежно шептать:

— Этого я хочу, Кир.

Он не смотрел на меня.

— Маркус! Найди Ги́ла и выясни, куда дели лекарства. Прикажи ему позаботиться о ней. И отыщи ей какую-нибудь одежду и обувь.

— Да, военачальник.

Маркус ушёл выполнять распоряжение, но Кир всё ещё не смотрел на меня.

Я попробовала ещё раз.

— Просто услышь стук моего сердца и пойми, что каждый удар ради тебя.

Он не ответил. Я сглотнула.

— Ради нас.

Никакого ответа.

Ничего.

Я закрыла глаза и задержала руку, боясь, что проиграла.

Палец под моим подбородком поднял мою голову, я открыла глаза и увидела пристальный взгляд. Пара голубых глаз подозрительно сверкнули смешинками.

Кир наклонил голову и прошептал у моих губ:

— Навсегда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

4 фута = 122 см — Здесь и далее прим. переводчика

Это отсылка к реальной (загадочной) болезни «английский пот» или «потливая горячка» с очень высоким уровнем смертности, несколько раз посещавшей Европу (прежде всего тюдоровскую Англию) между 1485 и 1551 годами. Происхождение болезни так и не было выяснено.